

Западная Двина

ЛИТЕРАТУРНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
2(11), НОЯБРЬ 2007

Журнал основан в феврале 2004 года.

Выходит 1 раз в полугодие.

Перерегистрирован Министерством информации Республики Беларусь.

Свидетельство о регистрации № 1987.

Учредитель – общественное объединение

«Белорусский литературный союз «Полоцкая ветвь»».

Издатель – Учреждение «Литература и рынок»,
генеральный директор С.Н.Скрипка.

Главный редактор

А.М.Раткевич

Редакционная коллегия

А.А.Гугнин (Новополоцк)

Е.А.Зачевский (Санкт-Петербург)

О.Н.Зайцев (Минск)

А.В.Курейчик (Минск)

А.Г.Слесарев (Москва)

О.И.Равченко (Гомель)

Э.И.Медведский (Могилёв)

Д.П.Рысаков (Москва)

И.О.Тумаш (Минск)

Компьютерная вёрстка – А.А.Никифоров

Адрес редакции: 220026, Минск, ул. Народная, 43-10. Тел.: (017) 295-23-61

Адрес для корреспонденции: 211400, Полоцк, Витебская обл., ул. Гоголя, 15

Телефоны: (0214)43-77-21, +37529-613-77-21. E-mail: polotsk_vetv@tut.by

Оригинал-макет подготовлен в редакции.

Подписано в печать 13.11.2007г. Формат 70x100 1/16

Отпечатано в типографии ООО «Поликрафт»

г. Минск, ул. Кнорина, 50, корп. 4, к. 401а

Уч.-изд. л. 11.13. Тираж 300.

Заказ № _____. Цена свободная.

Лицензия ЛП №02330/0131696 от 06.12.2006г.

Рукописи, поступающие в редакцию, не возвращаются.

Ответственность за достоверность фактов несут авторы статей.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

При перепечатке материалов ссылка на журнал «Западная Двина» обязательна.

© «Западная Двина», 2007

СОДЕРЖАНИЕ

	ПОЭЗИЯ	
3	ВЛАДИМИР МАНТУШ	Акации белый цвет
6	АЛЕКСАНДР КОЛЯДА	Пенье птичьего хора
9	ЛЕВ МИХЕЕВ	Стрелы неба
105	ТАТЬЯНА ШИЛЕНOK ТАМАРА	И колышется слеза
108	КЕЙТА-СТАНКЕВИЧ	За и против любви
111	НИНА РЕЗНИК	Бабочка
	ПРОЗА	
12	ИГОРЬ ТОМАШ	Венера с косой <i>роман</i> (начало)
114	АЛЕКСЕЙ СЛЕСАРЕВ	Э зухе нах, Остров Кеиичи <i>рассказы</i>
	ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ	
137	АЛЕКСАНДР НИКИФОРОВ	Дерек Уолкотт, Шеймус Хини, Иосиф Бродский: жизнь в двух культурах
140	ИССЛЕДОВАНИЕ АНАТОЛИЙ ТРОФИМОВ	Предки А.С.Пушкина и полоцкие Рюриковичи
	ПУБЛИЦИСТИКА	
150	АЛЕКСАНДР РАТКЕВИЧ	Есенин и Дункан
170	ОЛЕГ БОРОДАЧ	Обретение пристанища <i>продолжение</i>
	С ЮМОРОМ И БЕЗ	
189	ЮРИЙ ПАЛЕВИЧ	Есть аппарат <i>стихи-юморески</i>
192	АВТОРЫ НОМЕРА	

ВЛАДИМИР МАНТУШ

АКАЦИИ БЕЛЫЙ ЦВЕТ

* * *

Если воет метель за окном и пытит самовар в избе,
если сердце неистово бьётся, но годы своё берут,
если наша разлука надолго, но тянет – к тебе, к тебе, –
я живу ожиданием встречи, а это – нелёгкий труд.

Западня – не ловушка! Геройство – не подвиг! – Скажи: кому,
благородный паломник неволи согласен могилу рыть,
Чтобы, вдруг, ненавидя себя, и не вдруг, ненавидя тьму,
Всё хорошее, лучшее даже, кому-то взамен дарить.

Ты и я: тишина и стихи! Ты и я: красота и бред!
«Ты и я» превращается в «мы» – и любя, и страдая, и...
Мы расстались. И – что? Мы расстались – и нам – приговором лет –
мне, мужчине, наверное, – память, а женщине – слёз ручьи...

Я листаю судьбы календарь, закрывая глаза на всё:
на январскую стужу, на импортный чай, на свою тоску...
Мне известно одно: я – Овен, а живу, как большой осёл, –
потому и пою очевидное горлом небритых скул.

* * *

Н.

Обещанье любви упрочь.
Приголубь и приделай мне крылья.
Распахнись же! И опорочь
наслаждениями избылья.

Ангел мой, берегись, лечу!
(Беспонтовые так не летают).
Симпатичная птичка, чу! –
птицы порозно не обитают.

Злись, кусайся и тараторь,
и стыди, но прелестям тела –
обещанье любви ускорь
у-а-о-хая окаменело.

Наслаждения ублажим!
Но – шаги! И скрипят половицы.
Кокаин!.. И бежим, бежим...

Там, вдали, окружали нас птицы.

* * *

Акации белый цвет
роняет свою листву.
Роняет свою листву
акации белый цвет.
Приветливая моя,
давай упадём в траву,
Тебе, как жене и как
любовнице, — равных нет.

Давай упадём в траву,
глаза устремив в глаза,
и каждого ощутим
и выскажем, и поймём.
Я щедро тебе воздам
скитание рук: «Ты — за!»?
И брошу к твоим ногам
агонию нег. — «Начнём?..»

А через неделю-две
мы вступим в законный брак.
Наведем Божий храм
и клятву дадим попу.
«До гроба!» — ответим мы.
(А там — как придётся, как
понравится и т.д.,
возможно, что и в гробу).

Глаза устремив в глаза —
тебя я не проглядел,
хотя и не знаю сам,
чего я нашёл в тебе...
Участвуй, судьба моя,
в решении важных дел!
...Акации белый цвет,
участвуй в моей судьбе.

* * *

Зимую я нынче сносно.
Недоумевалы, чу!
Смеркается. И морозно.
Нахлынуло. И мычу.

Какие у парня леты! —
и палочка! и пенсне!
Алёна, трюфель, газеты, —
ничто не мешает мне.

...Дурёха, кончай ломаться!
Не девочка, уж, поди.
Дай вникнуть и оклиматься,
дай кончить — и уходи!

Распутная. И нагая.
И злая. И мы одне.
Бесславно изнемогая,
свидание дарит мне
поэзия...

ДОЛЯ

Нашарьте нищему монету —
тому невмочь.

Нашарьте нищему, а нету —
подите прочь!

Рабы утех и шоколада,
и сытых рож, —
Бедняге лишнего не надо,
нашарьте грош!

Бедняге надобно немного:
лишь тот да те...

Не экономьте, ради бога,
на доброте!

О снисходительности трубим,
беду губя...

И улыбаемся. И любим
себя, себя...

* * *

Размести на ночлег —
я тебе заплачу, заплачу.
Свищет ветер. И снег.
Я туда не хочу, не хочу!

Ночь темна. Ночь темна.
Ну,пусти же меня,пусти.
Дай с дороги вина
и печениями угости.

Сколько я обошёл.
Сколько нравился — просто беда.
Я пришёл. Я пришёл!
Я вернулся к тебе навсегда?!

Поэзия

Посидим у огня.
Поубавим свои голоса.
Не сердись на меня
и, пожалуйста, вытри глаза.
Где-то в сердце храня,
Огорчил, огорчился — чем?
Не сердись на меня
и поплачь у меня на плече.

ПИШУЩЕЙ БРАТИИ

Молчите, молчите, молчите, —
мыслитель в унынье.
Якшаться меня не учите,
бездарные свиньи.
Изгоем чужого позора
румянец пылает.
Очнулась свирепая свора
и лает, и лает...
Меж улочек тёмных петляю
(Нет Родины в мире!)
Один — и теперь щеголяю
на все, на четыре.
Мне даже не снилось такое —
и голод, и вьюга.
Ищу на чужбине покоя
и верного друга.
Обманывать горе не вправе
рождённым в неволе.
Богатый мечтает о славе,
а нищий — о доле.
Иначе, иначе, иначе
мы с вами похожи.
До встречи! Желаю удачи,
вульгарные рожи.

ЧУЖОЕ ЗЛО

Невзрачно, но неумолимо, —
ступала прочь, ступала мимо.
Но прежде шавка, то и дело,
привлечь внимание хотела.
Смеялись с уличной уроды:
— И голодна, и без породы.
И, находя беднягу жалкой,
кидали кость и... били палкой.
И, удивлённая нимало,
четвероногая хромала.
И дол, сторонкой, оглашая,
брела поникшая, чужая...
Невзрачно, но неумолимо, —
ступала прочь, ступала мимо.
Я наблюдал, и мне казалось,
ей ничего не оставалось.

ОРХИДЕЯ

Она стоит худая, бледная.
Стоит — и молнии метает.
Она стоит и, неприметная,
назагляденье увядает.
Недолго преданное служит.
Но жизнь сюрприз преподнесёт —
её садовник обнаружит
и обязательно спасёт.

АЛЕКСАНДР КОЛЯДА

ПЕНЬЕ ПТИЧЬЕГО ХОРА

* * *

Сторожил штaketник день у палисада
И рассвет весенний был совсем неплох.
В птичью я попал немислимо засаду
И от пенья хора временно оглох.

Ветер тучи рьяно, как белье, полощет,
По воздушным тропам гонит в никуда.
В небо руки тянет липовая роща.
И уйдет не скоро вешняя вода:

Затопила плесы, словно лета ливни,
На просторы рухнув, как состав в откос.
Журавлей неспешно проплывали клинья.
И купались ивы, не жалея кос.

За резным забором – палисада тени.
От засады птичьей растворился след.
Тайной манят двери в голубые сени.
Между створок ставен притаился свет.

ЛЕТНЯЯ СКАЗКА

В теплом мареве солнце, как свечка,
Пахнет медом и мятою сладко –
Это лето идет через речку
Осторожно по узенькой кладке.

На опушке – венки из ромашек,
Пало наземь фиалками небо –
Не похожи они на монашек
И природе живут на потребу:

Ошарашен случайный прохожий,
Пчелам надо общаться с цветами,

Друг на друга фатально похожи,
Неизменны под небом веками.

Светят радуги яркие краски –
Небо землю серьюгою продело.
Соловьиного голоса связки
От жары напряглись до предела.

Дно у берега кажется вязким
И трава у воды поредела.

Лето строит анютины глазки
Загорелому, стройному телу.

Тени ночью похожи на маски.
Искры жара без ветра уснули.
Пляшет дивная летняя сказка
У костра посредине июля.

* * *

Тихо, как в храме. Ни зги не видать,
Воздухом тянет болотным и зыбким,
Где-то звезда начинает мерцать,
Робко сверчок свою трогает скрипку.

Время размеренно в колокол бьет –
Небо пружинит натянутым сводом.
Снится птенцам бесшабашный полет,
Чистые русла – захламленным водам.

Зверь по-цыгански гуляет всю ночь,
Плачут вовсю забубенные скрипки.
В поздний полуночный час я не прочь
В сказку поверить о старце и рыбке.

Поэзия

ПОКАЯННОЕ СЛОВО

Окаянное слово острее иглы
И страшнее, чем смерти вороный прилет:
Вот в замочные скважины смотрят углы,
Как в прицелы, замолкли на ветках щелгы,
Побледнеть от испуга толпою смогли
И сирена в душе онемело ревет.

Окаянное слово страшнее тюрьмы
И острее, чем бритвы холеный резец.
Бьются в поисках истин издревле умы,
Все январское небо – в разводах сурьмы.
Недалече до нищенской, ветхой сумы –
Страшной жизни пробился слепой образец.

Покаянное слово – нагая струна –
И пронзает, как Господа, крестная боль:
Показался просвет золотого руна
И уходит во тьму искупиться вина,
С затуманенных глаз чтоб ушла пелена...
Поднимается занавес – Гамлета роль.

Покаянное слово пришлось ко строке,
Поднимает ее до небесных красот,
Может честно оно погадать по руке
И поплыть невозвратно по Лете-реке
На несущемся вниз, подо льдом, топляке,
Чтоб достичь небывалых доселе высот.

РОГАЧЕВСКАЯ ЗИМА

Откружились листья, гуси улетели,
Занесло снегами Днепр и сосняки:
Завертелись в танце пышные метели
И гуляют всюду пьяно сквозняки.

За стеною белой ничего не видно,
Силуэт деревьев еле различим.
Подстрекает ветер к драке всех ехидно,
Но для этой драки – никаких причин.

Расплескались тучи в голубой тарелке,
Перемазан мелом зимний небосвод.
Стало в речке бурной нестерпимо мелко:
На цепи, как пудель, белый теплоход.

Захмелело в стельку от мороза дышло:
Поверни хоть в пекло – путь ведет домой.
В санаторном рае, что задумал, вышло:
В Рогачев влюбился снежною зимой.

* * *

Время катится литерным поездом.
С каждым днем становлюсь все мудрей.
В небе радуга – вышитым поясом.
Бьется лец полоненный в ведре.

Облака не размытыми тенями
Бурлаками неспешно бредут.
Избы смотрят глазами вспотелыми,
Разговор полуночный ведут.

В тьме хоронятся суток регалии –
Невозможно обратно вернуть.
Вот крадется луна по прогалине,
Освещая загадочный путь.

Небо синее начисто вытерто:
Свежий ветер старался не зря.
Катит время без устали в литерном,
Семафором открытым – заря.

Версты всюду столбами утыканы
От начала пути до конца.
Солнце кажется вызревшей тыквою,
Что лежит на перилах крыльца.

ПРИМЕТЫ ОСЕНИ

К ветровому стеклу в одночасье
Лист прижался железом каленым –
Это ветер кондуктором с клена
Оторвал мне билетик на счастье.

Старый пес – родовитая псина –
У забора разлегея поленом,
Он выходит из сна, как из плена.
Разноцветной цыганкой – осина.

Дуб вальяжен и строг, словно барин.
Обнимает лениво истома
После каждого вздоха и стога.
День, как веник из бани, пропарен.

Позавидовать мог бы Есенин
Голубому полесскому краю:
Пестрой осени краски играют –
Ими путь к горизонту усеян.

Новый лист приложился, как мета,
Золотым офицерским погоном.
Тучи овцами медленно гонит –
Это заметей близких примета.

ВИРУС НЕНАЙДЕННЫХ СТРОЧЕК

Судьбы неразгаданной скрытый папирус,
Наверно, с дровами отправился в печь
Иль, может, разъела нечаянно сырость,
А новый, как Феникс из пепла, не вырос?
Во мне поселился искателя вирус
И душу поклялся от скверны сберечь.

Искали священный без устали свиток
И велся о нем разговор без конца,
Моток не один Ариадниных ниток
Изведен был в поисках, ноги избиты...
Раскрытие тайны – себе не в убыток:
Не видно за далями предков лица.

Но он оказался простою тетрадкой,
Исписанной мелко поэта рукой,
Все записи были шифрованы, кратки,
Как будто играли с читателем в прятки.
Скатилась слеза всепрощенья украдкой
И с нею ушел безоглядно покой.

Придуманный вирус ненайденных строчек
Нашел у меня понимание, кров:
Порой неразборчив размашистый почерк,
Ударить стремительной молнией хочет,
Но мысль не зависнет от множества точек
И сколько бы в топку не клали мы дров.

НОЧНАЯ ГРОЗА

Мелкой дробью швыряется дождь без конца,
Как сапожник, натер всю округу до блеска.
Словно зверь, что бежит, ошалев, на ловца,
Ветер прыгает в разные стороны резко:

Мокрой сеткой пылит на крутых виражах,
Под стрехою – шлепки и бравурные всплески.
Иногда загремит, как в ночи сторожа
Гонят вора взашей от себя перелеском.

Шпаги молний пронзают нещадно теней,
Будто в цирке, глотает их горло земное.
Стала тише гроза. Наблюдая за ней,
Выплыл месяц – ковчег легендарного Ноя.

ЛЕВ МИХЕЕВ

СТРЕЛЫ НЕБА

МГНОВЕННОСТЬ

Время приносит шанс,
Жизни нить теребя,
Наметая секунд пасьянс,
Который раскроет заря.

Они протекли не зря,
С неба звёзды стерев,
Унеся частицу меня,
Где-то на век заперев.

Солнца поток пронзив,
Жгучей каплей стекая,
Та, силой которой я жив,
Спелостью застывает.

Тонкострунный шелест страниц
Чистотой украсить могу
Соли из глаз ваших лиц
Горячих, как кровь на снегу!
31.01.07

ЗАГАДОЧНОСТЬ

В.Пузыревскому

Так отдалённо мне близкий...

В игре познавая себя,
Горизонт высоких наитий
Волею в сердце храня,
Ты ждущих новых открытий
Пленяешь, к себе уводя.

Струною натянутых нервов
Голос ломкий твой прозвучит,
Кто уходит – увы, он не первый,
А придя, пускай промолчит

Упоеньем тобой, и, наверно,
Утешаясь в холодной ночи.

Быть мне, смеясь, полупьяным,
Отпив твоих глаз синевы,
Надеяться вновь не устану
Стоять на гребне волны,
Взирая в пропасть обмана,
Держаться за ветку судьбы.
29.03.07

ОКРЫЛЕННОСТЬ

Кто ищет Ангела внутри –
Возможность оторваться,
Оставив ветхость позади,
Лишь взяв талант влюбляться.

Вновь обрести и потерять
Все эти милые оковы,
Или на счастье их принять,
Как талисман первоосновы.

И всё останется с тобой,
Что пережил, кому поверил:
Хранитель милый и родной,
И путь, который сам отмерил.

Где вечно зелена трава
И голосов счастливых трели,
Вдруг с мягким шелестом крыла
Он снова ждёт тебя у двери.
29.05.07

ОТРАЖЁННОСТЬ

М.Хотимовскому.

В твоей улыбке я живу
И вижу то, что будет дальше,
Как босиком шагну по льду,
И не узнаю холод фальши.

В изгибе каждом вижу вдруг
Намёк я тайны, мне отданный –
Фигуры, что мелькнёт вокруг
Бегущих мыслей несказанных...

В ответственность дома моего,
Прибежища тепла и знаний,
Где не хватает одного:
Зеркальной прямоты слияний.

31.05.07

Контрастность

Спящий разум страху внемлет,
Сея ненависть и боль;
Чёрный с белым лишь приемлет,
Умножая мир на ноль!

15.05.06

Предсказанность

Взгляд леденеет,
Белея стеклом,
Рука холодеет
Жеста копьём,
Который успеет
Мысль завершить,
Путь удлиняя,
Задачу решить,
Стену ломая,
Осколки смягчить,
Кровь согревает,
Каплей стекая,
Миг убывает,
Ритм отбивая...

Прочь улетает...

13.10.05

ОСЕНЬ

Прилив восторга эту порою,
Который вновь окутает меня,
Ярко-прохладною красою
В даль позовёт, собой пленя.

Взгляд солнца чистотой окрашен
Прозрачной синевы небес,
Как днём по-своему прекрасен
Своей примолкшей негой лес.

И с книгой севши помечтать,
В ковровой мягкости листвы,
Всегда романтику под стать
Надежд любовных жечь костры.

1990-04.08.07

ПОГРУЖЕНИЕ

Как синюю птицу за хвост ухватить,
Нелепо и грустно – кем стать, что открыть,
Чтоб ключик удачи в карман положить.

В себя углубляясь, чуть обождать,
И развернув события вспять,
Мантрам святым ты вторишь опять.

В хаосе дней, вплоть до икоты,
Решая проблемы, рождаешь заботы, –
Тебя поглощает наркотик работы.

Космос пронзая, так рвёмся мы к цели,
А звёзды все эти давно догорели,
Миллиардами глаз на мир наш глядели.

В свободном полёте найти можно сласть,
И как над собой одержавшему власть,
В любом уголке тебе не пропасть...

11.10.95-29.08.07

ПРЫЖОК

Кто сказал, что жизнь хороша,
Пусть хоть подскажет – чем?
Хоть вера пока ещё горяча,
Развенчаться боюсь совсем.

Нет любви идеальной
В мечтах вечных снов,
И полосы нет нейтральной
Без рвущих на дно оков.

Поэзия

У кого попросить отсрочки.
Не мой ещё час умирать.
Разве я докатился до точки?
И где найти силы восстать?

Миг тишины – его не хватает,
Очнулся – и страхам конец!
Иллюзия силы наши питает –
Ты снова счастья творец.

Иначе реально бывает –
Когда себе крылья пришьёшь.
В льдистые воды ныряя,
Скорее своё обретёшь.

декабрь 1995-29.08.07

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Закат догорал маком алым,
Рябью подёрнута озера гладь,
Уснуло лето под листом палым,
Птицы притихли – пора улетать.

Что же ушло, и вдруг стало мало
Сладкой истомы вернуться опять?
Я не надеюсь, и раньше бывало –
Хочется прыгнуть времени вспять.

В начале полёта меня замечая,
Вода отраженье успеет заснять,
И памяти крылья так тихо качая,
Поможет за солнцем и звёзды объять.

11.10.02-29.08.07.

ВЛЮБЛЕННОСТЬ

И.Гошко

Валентина День, конечно,
Белым облаком пушистым,
Зимним танцем быстротечным,
Ароматом сплошь душистым
Плода, что давал беспечным
Двум сердцам не быть разбитым, –
Промелькнёт, но станет вечным.

14.02.04.

ЗАПЕЧАТЛЕННОСТЬ

*А.Звягинцев,
фильм «Возвращение»*

Память людская как киноплёнка,
Мутными склейками вырванных лиц –
Эти картины глазами ребёнка
Реальностью стали вне всяких границ
Стыда и надежды любить слишком тонко,
В миллионах глаз отраженье зарниц,
И навсегда голос вырван так звонко
Светом луча вместо мёртвых глазниц.

25.04.04

СТРЕЛЫ НЕБА

Свободой на полную дышим
С небом, которое пьём...
И кто из нас не услышит
Мелодии, спетой дождём?

Он острыми стрелами пишет
Ту ясность, в которой живём.

Стремясь всё дальше и выше,
За круг, очерченный днём,
Мы ищем уютную крышу
И свой потерянный дом.

Фантазией небо украшу,
И все поместятся в нём,
Лишь там, в небесах, нашу
Мозаики общность поймём.

И в предназначённой нише,
Где таинство красок живём,
Всех слов и дыхания тише,
Узором застынем вдвоём.

20.07.07

ИГОРЬ ТОМАШ

ВЕНЕРА С КОСОЙ

роман

Словно козявка перед грозой чувствовал себя в тот вечер Сергей Фалько. От смутного внутреннего страха все трепетало, дрожало. Ну, бывает же такое: иногда человек чувствует себя орлом, иногда, хоть плачь, козявкой. Случился как раз козявочный вариант. Мысли то хаотично прыгали, то заедали и повторялись, копируясь. Самые несущественные. Самые неуместные.

Иногда повторялись даже не мысли, мыслишки те сумбурные, а выхваченные из них куски. Или образы, банальные и примитивные, причиняющие повторами боль. Еще лезли в голову какие-то мотивчики. Фалько выкидывал, но мотивчики возвращались и опять – лезли, лезли... Напитки покрепче, слова покороче. Фу, гадость какая... Вон! Опять: напитки покрепче, слова покороче...

В наших отношениях должно что-то произойти, неожиданно отчетливо и ясно подумал Фалько. Наверно, это событие достаточно вызрело, буквально зависло надо мной и душит...

Ухватился за гадальные карты. Получалась какая-то муть: жезловая митусня, встреча с приятелем... А-а-а-а, чушь собачья! Разрыв окончательный и бесповоротный! Вот что вызрело.

А как же Феля? Какое она имеет право разрывать со мной? Ведь сама три года давила-давила: давай поженимся! Родила Фелю только ради того, чтобы привязать. Так привязала же! Он любит ее, дуру! Любит! В этом не может быть ошибки!

Ощущение страстной влюбленности было Сергею хорошо знакомо. Это когда хочется лезть на стенку, но не знаешь как. Когда теряешь чувство реальности и времени, готов среди ночи сорваться и куда-то бежать, дабы что-то делать ради достижения любовной цели... но не знаешь что.

Наверно, было уже за полночь. Сжав виски ладонями, Фалько сидел в темной комнате у стены. «Так тебе и надо, страпер! – со злостью сказал себе как бы от третьего лица Фалько. – Ведь Белка моложе на двадцать два года!.. Кстати, опять цифра двадцать два! Черт бы ее побрал!»

Двадцать второго августа девяностого года, в 15 часов 30 минут, умерла его бабушка по матери Татьяна Тимофеевна. Следуем дальше.

Двадцать второго августа этого года, в 16 часов 10 минут, умер Юлин дедушка Григорий Иванович.

Проза

Наконец, двадцать второго августа родился их сын Фелечка, – через десять минут после смерти дедушки. Странные совпадения, не правда ли?

Фелечка был весь такой багрово-синий, и его пуп был связан с Юлиным нутром толстенным, упругим с виду, похожим на плотную кишку жгутом.

«Режь!» – сказал Сергею акушер, протягивая никелевые хирургические ножницы. «Может, вы сами?» – промямлил Фалько, измочаленный не хуже роженицы, мокрый от холодного пота. «Режь! – настаивал Константин Петрович. – Если пуповину перережет сам отец, то связь с сыном у него на всю жизнь установится!» – «Ну, если так...»

Ножницы в руке прыгали. Пуповина ускользала. Стараясь не смотреть на вывернутое наизнанку нутро бедной Юли, он наконец перерезал жгут. Было 16 часов 20 минут.

«Все, вот теперь человек родился, – сказал Константин Петрович. – Пока можете быть свободны. Юлю мы немного подошьем, разберемся с «материнским местом». Ждите ее в палате минут через двадцать. Ребенок до утра в детском отделении пробудет, – чтобы роженица отдохнула, выспалась... Хороший мальчик получился. Качественный».

Фалько с недоверием посмотрел на повизгивающего человечка с перекошенным черепом.

«А... это... с головой у него что?.. Нормальная голова хоть?» – думая, будто акушер выдает желаемое за действительное, со страхом где-то в загрудине спросил Сергей. «Нормальная, нормальная, – улыбнулся Константин Петрович. – И у вас, и у меня такая же была. Выправится».

С того дня прошел год... Не включая света, Фалько нащупал телефонный аппарат.

Юля схватила трубку после первого же гудка. Ну конечно, она тоже не спала, однако совсем по другой причине: ждала звонка от Владика из Америки. Ведь когда в Арканзасе шесть часов вечера, в Беларуси глубокая ночь. Владик к этому времени уже отработал в своем диагностическом центре, приехал домой, сожрал килограммовый бифштекс и вот-вот, удобно устроившись на диване и поковыряв в зубах, начнет набирать Минск.

Интересно, неужели даже не задумывается о том, что опять сорвет Белке сон? Ведь Фея разбудит ее рано утром и больше не даст покоя ни на минуту до самого вечера... Владик звонит уже несколько ночей подряд.

– Я люблю тебя, – прошептали губы Фалько. – Люблю так, как любила меня ты эти три года. – В микрофон стало слышно, что на другом конце города тихо полились слезы, Белка шмыгнула носом. – Ты плачешь? Не плачь, я знаю, как нам теперь жить, чтобы не ссориться. В разных квартирах.

– Ну зачем меня сбиваешь? Зачем? – Слезы в Серебрянке потекли уже сплошным потоком. – Знаешь, если бы ты сказал это еще несколько месяцев назад. Во всяком случае, до Бердянска... А сейчас ты мне совершенно безразличен. Как отрезало. Понимаешь?

– Понимаю, – бодро ответил Фалько. – Это страсть у тебя отрезало, что все равно было неизбежно. Любовь у нас впереди.

– Извини, – возразила Белка. – Но после того как ты поднял на меня руку, впереди ничего не будет. Думаешь, когда-нибудь смогу забыть Бердянск?

– Ай, да ничего ты в жизни не понимаешь. Молодая потому что. Драка между любящими людьми – это вполне нормальное, естественное явление.

– Ты находишь?

– Ну конечно, – продолжал горячо убеждать он. – Например, с Жанной мы

раза три капитально подрались. Однажды она даже метнула в меня утюг.

– Утюг?! Как мило! Куда попала?

– Никуда. Размечталась.

– Я тебе Бердянска все равно никогда не забуду, понимаешь? Вот скажи, зачем взял дочку с собой?.. Это меня нужно было к морю на отдых везти! Знаешь, как мне этот год из-за Фели дался!

– Лере ведь тоже море нужно.

– Лера могла бы прекрасно посидеть летом на даче с бабушкой. Это же Лера все испортила: все время лезла и лезла между нами. Я начала ставить ее на место, ты – злиться. В конце концов твоя злость и выплеснулась.

– Как понимать твою «лезла»? Лера – ребенок, как ты могла приревновать ее ко мне! – разозлился Фалько. – Почему на Лерину ревность ответила своей? Это же бред какой-то! Нашла соперницу! К отцу приревновала дочь!

– Знаешь, после этого года с Фелей мои нервы... Совсем их не стало. Ведь ребенок все время на мне был.

– Правильно. Ты закатывала мне истерики, я уходил жить домой. Ты же с нуля заводилась! «Не так посмотрел! Не так подумал!» Телепатка, да? Откуда могла знать, что я думал?

– Ну зачем теперь выяснять отношения? – устало сказала Белка. – Уже все равно тебя не люблю.

– И не надо, – обиженно запыхтел Фалько. – Но у нас, между прочим, есть общее движимое имущество.

– Это какое еще имущество? – не поняла Белка.

– Феликс. И мы должны использовать все возможности, чтобы найти общий язык и быть вместе. Ведь мальчику отец нужен. И никакой Владик, будь тот хоть трижды гражданином США, отца ребенку не заменит. Уж я-то знаю, о чем говорю. Три отчима было, и все относились ко мне как собаки к блохам.

– Ну, может, Феле повезет больше.

– Фиг там, – с полной уверенностью искренне ответил Фалько. – Сейчас мужикам и собственным-то дети не особо нужны. А чужие...

– Но бывают же исключения, – не хотела сдаваться Белка.

– Боюсь, что твой случай таким исключением не станет. Вот скажи, почему ему наплевать, что ты не выступишь? Уж не признак ли это самого крайнего пупизма?

– Между прочим, ты тоже среди ночи позвонил, – вздохнула она. – Вы друг друга стоите.

– Знаешь, крыша едет, – признался Фалько. – Вот сижу на полу и буквально пытаюсь удержать ее руками.

– У меня так на протяжении трех лет каждый день было. Теперь понимаешь, что это такое? Дышать не могла!

– Ага.

– В голове словно тумблер какой-то переключается. И все – свет потух, называется. Интересно, что в тебе-то переключило?

– Появление на горизонте кандидата всех наук Владика, – не задумываясь, ответил Фалько.

– Надо же, – удивилась Белка, – ведь за три года до этого только один раз приревновал меня. К Милащенко. И не подозревала, что ревнивый такой.

– Слушай, на фиг тебе этот Владик сдался, а? Все равно не женится. На тебе вообще никто, кроме меня, никогда не женится. Владик разберется, что ты психопатка!

Проза

– Тогда буду одна растить Феликса.

Фалько задумался: что-то новенькое. Прежде к перспективе одиночества Белка относилась с ужасом.

– Ладно, – не стал вникать Фалько. – Я тебя с Фелей назад приму. Хоть и после Владика.

– Это похоже на предложение без ограничения срока годности, – пошутила Белка.

– Да, можешь считать это официальным предложением, – подтвердил Фалько. – Ну что, пожелать спокойной ночи? Или сейчас все равно Владик позвонит?

– Сегодня, может, и не позвонит. И так четыре ночи подряд звонил. Любопытно будет посмотреть на выражение его лица, когда счет за телефон придет.

– И я бы тоже с удовольствием посмотрел, – мелко позлорадствовал Фалько. – Ну все, да?

– Ага, – согласилась она. – Спокойной ночи.

– Чмок, – это Фалько как бы поцеловал Белку, чмокнув микрофон. Это был ее жест, она так раньше в трубку после каждого разговора чмокала. По-дурачки, конечно, это выглядело. Но уж больно пылкой была девицей. В жизни, впрочем, многое по-дурачки выглядит.

– Что???! – Белка захохотала.

– Чмок, чмок, чмок, – повторил Фалько дурацкую Юлину коронку. – Ну! – потребовал ответного чмока.

– Чмок, – несмело тихо чмокнула свой микрофон Белка. – Еще! – прошептал Фалько. – Чмок, чмок, чмок, – наконец получил он и со спокойной душой положил трубку.

Все! Обруч, стискивающий мозги Сергея, отпустил. Появилась гипотетическая возможность заснуть. Однако – нервы на пределе. Ведь не каждый день приходится в любви объясняться. Какой сейчас сон?!

Тем не менее, чтобы выдержать хлопотный завтрашний день, ему необходимо было хоть немного отдохнуть. Как? Для этого случая у Фалько имелся феназепам. Нужно только принять побольше. Заложил за щеку сразу три таблетки. Спокойной ночи, малыши!

Утром едва продрал глаза. Голова была подушкой, тело – бревном. Холодный душ, кофе только помогли создать иллюзию собранности. На самом деле голова оставалась от него отдельной, руки отдельными, ноги, туловище – тоже вполне самостоятельными. Фалько стоял на остановке и мучительно соображал: повезет ли его, куда нужно, сорок шестой троллейбус? Вроде уже вез... Или он вообще никогда не ездил на сорок шестом? Решил рискнуть и все же сел.

Сгодится, через остановку с облегчением констатировал он.

На душе было тупое, ватное спокойствие. Конечно же, еще одно следствие действия феназепама. «Умрет? – спросил подсознание Сергей, но не получил никакого ответа. – Значит, не сегодня, – тем не менее решил он. – Можно оторваться от Минска и съездить по делам в Молодечно. К вечеру вернусь».

Дело в том, что при смерти была Света, тетка Сергея. Доедал рак поджелудочной железы, и была Света уж совсем плоха. По три раза на день приезжала «скорая» колоть морфин. Но этого не хватало – Олег, муж, дополнительно колот что-то среди ночи.

Тяжело уходила тетя, потому что пятьдесят один всего. А также потому, что жить хотела. Очень. Хотя бы для того, чтобы лично, как говорится, дочь на орбиту вывести.

Рита училась на платном отделении БГУ. Работая вдвоем с мужем и бешено экономя каждого «зайца», им удавалось кое-как оплачивать учебу и сводить концы с концами. Но для этого Олегу приходилось ходить в рваных носках и сидеть на одной перловке с картошкой, Свете – донашивать одежду матери Фалько и вообще: изворачиваться, изворачиваться, изворачиваться. Это было унижительно, отбивало всякий вкус к жизни, но Света упорно держалась выбранного курса: любой ценой дать дочери образование! Ведь сейчас, говорила она, женщина без образования может зарабатывать только на базаре, других вариантов нет.

По мнению Сергея, Рите самой стоило бы самой напрячься и поступить на бесплатное. Девочка ведь вполне способная. Или выбрать факультет более дешовый. Но – это ведь наш обычай: надрывать себя ради детей, которые спят на ходу и проснутся лишь годам к тридцати. Чтобы в свою очередь надрываться уже ради собственных детей.

Света понимала: если из упряжки выбудет, то Олег один не вытянет, Рите из университета придется уходить. Поэтому, рак не рак, нужно выкарабкиваться и – на работу! Таким образом, хотя рак уже выел ее изнутри всю, не умирала никак. «Я буду, буду жить! С каждым днем мне все лучше и лучше!» – как заклинание повторяла Света и продолжала жить уже практически без печени, без желудка – черные мертвые ткани вышли со рвотой еще несколько месяцев назад, теперь Свету рвало черной кровью. Метастазы разрослись до такой степени, что Олегу приходилось силой проталкивать между ними трубку катетера прямо в мочевой пузырь.

От лечения Светы отказались даже подвязавшиеся на раке шарлатаны. Есть такой профсоюз – раковых шарлатанов. Ведь это очень прибыльно и практически безопасно. Шарлатаны с энтузиазмом берутся лечить любой рак в любой степени. Поют умирающих какими-то сомнительными травами и шпарят по Евангелию. Призывают, стеная: всей душой, всем сердцем люби человека, люби Господа нашего единого! Трясут перед заострившимися носами несчастных крестами да иконами.

Религиозная атрибутика служит чем-то вроде щита от мести одураченных родственников. Несмотря на усиленно проповедываемую беззаветную любовь к человеку, доллары шарлатаны стараются брать вперед и долго проверяют банкноты: все ли в порядке с номерами и на месте ли водяные знаки?..

По отношению к бедной Свете, чудненько вела себя и медицина официальная. Врала до последнего. Ведь и оперировали вроде как по другому поводу. Слово «рак» случайно всплыло только на восьмом месяце Светиной болезни, когда она и ходить-то уже практически не могла.

Так дело было. Заехал к разведенной чете Фалько Жаннин отец Станислав Янович, хирург с тридцатипятилетним стажем. Сергей пригласил Олега со Светой.

Янович, как и заведено в нашей медицине, как и сам практиковал в бытность свою хирургическую, рассказал Свете еще одну сказочку. Но Сергею признался прямо: четвертая стадия у Светланы, безо всяких анализов видно. Ничего не поможет. Через мои руки тысяча таких прошло.

Сергей рассказал о заключении Яновича матери, та поделилась со Светиным братом Санькой, который после многих лет безалаберной жизни стал шибко верующим и корил сестру за курение.

«У тебя рак! Бог за курение наказал!» – мрачно и даже, возможно, с неким торжеством заявил Санька по телефону. Света, как рассказывала потом Рита, стала белее вафельного полотенца.

Проза

«Нет у меня никакого рака, Янович ошибся! – твердо сказала она. – А курю я последнее время мало совсем: пачки на неделю хватает».

Олег произвел собственное расследование Светиной истории болезни. Поехал к оперировавшему хирургу.

«Да, это рак. Я вскрыл полость и увидел, что поджелудочную тот уже пророс и пустил метастазы дальше. Мне не осталось ничего другого, как зашить полость и объявить больной, что операция по удалению желчного пузыря прошла успешно». – «А мне-то, мужу, почему ничего не сказали?» – «Да потому что рак поджелудочной железы считается неизлечимым даже на ранней стадии обнаружения. Человек может жить без селезенки, без одной из почек, без трех четвертей желудка и большей части кишечника, но без поджелудочной железы или ее части... Зачем нужно было напрягать вас раньше времени?»

Начались поиски раковых шарлатанов. И те, конечно, не замедлили появиться. «Ты должна поверить в возможность чуда исцеления всей своей душой, каждой клеточкой! – зарядил словомешалку шарлатан Александр Иванович, «профессор нетрадиционной медицины и космического естествознания». – И тогда Космос тебя исцелит. Для Космоса нет ничего невозможного». — «Да я и так не сомневаюсь, – ответила Света. – Только насчет клеточной веры не совсем понятно: что я должна при этом чувствовать?» – «Вот когда ты действительно поверишь каждой клеточкой, тогда сама сможешь определить».

Далее он надул Свету энергией, снял боли – экая невидаль. И запросил за визит и лекцию двадцать долларов.

«Как же так?! – возмутился Олег. – Вы же сами сказали, что лечите не вы, а Бог, Космос и безграничная вера больного в собственные силы». – «Богу – богово, кесарю – кесарево!» – дерзко объявил Александр Иванович о своей принадлежности к кесарям.

С тех пор повадился приезжать к Свете каждый день. Ей и на самом деле становилось лучше, разве жалко ради этого денег? Платили. Но Александр Иванович был битым волком и отчетливо видел перспективы: как свою, так и Светину. Понимал, зарываться в этом деле крайне опасно. Особенно если дело имеешь с простыми людьми. Вытянул пару сотен – пора и честь знать, а то можно ведь и напороться.

«Все. Сделал, что мог, – объявил он. – Остальное в руках Космоса. Будет тому угодно – Света выздоровеет».

Сел в свою «вольво» и укатил к следующей жертве. Олег кинулся в церковь: что делать?

«Дай его телефон! – потребовал батюшка от Олега. – Я ему, шарлатану... Жалко, что набить морду сан не позволяет».

В серьезности намерений батюшки сомневаться не приходилось. Тот был молодым здоровым бугайной, в свободное от службы время занимался в качалке и, как поговаривали, гонял на байкерском мотоцикле.

«Может, лучше соборуйте Свету», – смущенно проблеял Олег. – «Обязательно соборую. Но телефон этого «профессора» все же дай!»

Не известно, что сказал шарлатану батюшка. Но благославление Александр Иванович от него не получил, точно.

Батюшка соборовал Свету целых два часа. Ладаном пропах не только дом, но и вся улица Восточная, состоящая из семнадцати домов частного сектора. Вероятно из принципа, батюшка отказался от платы вообще.

После соборования Свете стало гораздо лучше, Олег и Рита благоговейно переглядывались: может, Бог решил-таки не забирать от них жену и мать.

Но подъема хватило только на неделю. И опять к Свете вернулись дикие боли. В доме поселилось сумасшествие.

И тут к Рите из Германии приехала подруга детства Наташка, – выбрала же время! Они вместе росли в Бишкеке, когда тот назывался еще Фрунзе и был симпатичным ярким южным городом со смешными ценами на фрукты, безумно вкусными шестнадцатикопеечными шашлыками и прочими восточными вкусностями. Подруги по очереди жили друг у друга, вместе ели, спали. А когда у Наташки умерла мать, то она переселилась к Рите на несколько месяцев. Через год ее отец опять женился, а старшая сестра вышла замуж за западного немца и забрала Наташку в Германию.

Вскоре Киргизская Советская Социалистическая Республика стала Республикой Кыргызстан, Фрунзе – Бишкеком, и славяне побежали из него в разные стороны. Потому что шашлыки в городе вдруг стали всем не по карману, предприятия позакрывались и так далее. Таким-то вот образом Мишины и оказались в Колодищах, в доме, где прежде жили Сергей Фалько с матерью и Алексей Николаевич, ее последний муж.

Радость от встречи подруг оказалась для них такой, какой может быть только в юности, когда кажется, что дружба – это все, свод небесный. Подруги опять сутками напролет наслаждались общением. Благодаря приезду Наташи Рите удалось проскочить самый трудный период болезни матери – период постепенного отключения «второстепенных» жизненных функций – без мучительного сопереживания.

Мысль о том, что Наташин приезд может быть также и информацией, что ее мать вот-вот умрет, ни разу не появилась в Ритиной голове. А ведь и Наташина мать умерла в самый пик их детского сближения. А такие совпадения бывают лишь в плохом кино и в жизни. Да, как ни странно это прозвучит, но мексиканские кинематографисты иногда копируют жизненные ситуации. Между тем Света к началу августа уже языком еле ворочала.

Однажды Рита привезла Наташку к Сергею – это было частью задуманной ею культурной программы – «к брату литератору»! Однако тот отчетливо осознавал, что в первую очередь интересен им подвигами не на литературном, а на демографическом поприще. Ведь Белка была всего на пару лет старше их, зато Сергея-то они видели глубоким старцем. В восемнадцать Сергею тоже казалось, что глубокая старость наступает после сорока.

Подруги ухарски распили бутылку сухого вина, как бы очень опьянели, расхорохорились и начали топить Фалько воспоминаниями из совместного бишкекского детства. А тот сидел, смотрел на них и думал: как же из-за него оторвалась от ровесников Белка. Ведь они уже начинали общаться на одном языке – добродушно-циничном языке зрелости. Поэтому попытки молодых парней познакомиться с нею вызывали у Юли приступы издевательского хохота. Она стала видеть мир глазами Сергея, однако судила тот все еще с категоричностью и горячностью юности.

...С самого утра небо хмурилось-хмурилось и к обеду разразилось дождем. Теплые капли сбегали по лицу и освежали чувства: несмотря на душевный гнет, мир стал казаться почти терпимым. Ближе к обеду все дела в Молодечно Сергей закончил, и ему не терпелось оказаться в Минске: а вдруг все же произошло то, что должно было вот-вот произойти?

Когда электричка прибыла к перрону станции Минск-Пассажирский, Сергей поспешил к входу метро. Тормознулся у ряда телефонных автоматов, но не обнаружил в карманах карточки. Новую покупать не хотелось. Ладно, позвоню в

Проза

Колодищи из квартиры, решил Фалько.

Оказавшись в квартире, Сергей, боясь звонить, съел тарелку холодного супа и только после этого с замирающим сердцем набрал номер.

– Приезжай, – истерично закричала Рита на другом конце провода. – Тут такое творится!

– Что творится? – предпринял Фалько нелепую попытку спрятаться от вестей. Но Рита уже бросила трубку.

Опять набрал колодищинский номер. Взял Санька:

– Света умерла.

– Когда? – только и нашелся спросить Фалько.

– Часа два назад.

Было восемнадцать ноль пять. Значит, и Света умерла около шестнадцати часов! Как и дедушка Юли, Григорий Иванович, как и Татьяна Тимофеевна, его бабушка по матери!

А какое сегодня число? Тринадцатое. То есть за девять суток до узлового двадцать второго августа! Почему? По кочану! Какая связь? Никакой связи! Какая логика? И Лазарев, по карме который, свихнется, никакой логики потому что, за девять и все! Посидев минут пять возле телефонного аппарата в недоумении человека, получившего удар по голове, Фалько поднялся, переоделся, собрал какие были в наличии деньги и вышел ловить такси.

«Хм, а ведь неправду сказал Белке. Люблю ее, конечно. Однако ничего в голове этой ночью не переключалось. Это я приближение смерти кровного родственника почувствовал», – подумал Фалько, уже сидя в такси.

Самое для Фалько страшное в смерти Светы – увидеть ее мертвой. Не ощущение потери, не боль душевная, а именно, если позволительно так выразиться, первичное лицемерие факта. За сорок мужику, а реакции совершенно девичьи.

Света долго и мучительно болела, пришлось смириться с неизбежностью ее ухода задолго до того, когда тот стал реальностью. То есть на логическом уровне она умерла для него после разговора со Станиславом Яновичем. Зато на эмоциональном... Внутри у Фалько все сжималось.

Калитка, входные двери Светино дома – настезь. Фалько рассчитался с таксистом и пугливо втолкнул себя внутрь. Тошнотворный запах разложившейся органической ткани и сгнившей крови, который не распространялся прежде за пределы Светиной комнаты, теперь захватил весь дом и смешался с испарениями еще живых, свежесрезанных цветов. Фалько встретил пьяный плачущий Олег.

Это был двухметровый здоровенный мужик с женской эмоциональной природой и нежным сердцем. Света была для него Госпланом и Думой, Старшей Строгой Сестрой и Мамой. Меньше всего женой. Он обнял Фалько и прижал горячую мокрую колючую щеку к его – холодеющей и цепенеющей. Фалько отстранился и на деревянных ногах прошествовал в зал.

На двух сдвинутых, застеленных купальными простынями журнальных столиках лежала сухонькая, как дощечка от фруктового ящика, старушка, у которой не было с его тетушкой Светой практически ничего общего. Тем не менее свой удар по нервам Фалько получил сполна, едва устоял. Выскочил в коридор, и слезы как-то сами по себе двумя горячими ручейками хлынули из глаз.

Это сколько ж лет не давал им воли? Пять, десять? Уже и не вспомнить. Мужчины этой роскоши лишены. (Зато, хм, и от критических дней застрахованы.)

– Может, валерьянки? – Это возле Фалько оказалась Рита.

– Не стоит! – как настоящий джигит отказался он и вернулся в зал к покойнице.

Что же рак с людьми-то делает, а?! До какой степени вымучивает! За год болезни Света состарилась на все тридцать! Какие грехи она совершила, что финал жизни оказался столь страшным?

Впереди у Фалько были две ночи бдения возле гроба и два дня для организации похорон. Это время очень располагало к тому, чтобы перебрать не только все воспоминания, связанные с покойной, но и вообще всю свою жизнь перелопатить, особенно пристрастно три последних сумасшедших года, связанных с любовницей по прозвищу Белка и рождением сына. Как лет самых в его жизни странных своими повседневными соприкосновениями с мистикой и заполненных психопатической страстью, эти-то явления и вызвавшей.

Отцом Фалько стал человек, психически искалеченный деспотичной матерью. Мальвина Адамовна, потеряв в оккупации старшего сына, основательно помрачилась в рассудке и сломала личность младшего. Наверно, из психопатологического стремления расширить границы личного хаоса до масштабов Вселенной. Заодно отравила жизнь мужа, добрейшего дедушку Сергея Михаила Михайловича, но это уже к теме не относится.

Олег Михайлович пристрастился к выпивке еще со студенческих времен, и Мила Фалько, забрав сына, сбежала от него к тетке во Фрунзе. К Светиной маме.

Приехали в середине ноября. В Белоруссии уже клоками лежал снег, было сумрачно и беспросветно, а в Киргизии осень буйствовала всей палитрой красок. Солнце было золотым, воздух – пломбирным, то есть с холодной и сладким.

Близ дома на Арзамасской, где жила Татьяна Тимофеевна с семейством, располагался парк имени Фучика – любимое место игр детей всего Кызыласскера. Парк был засажен кленами, причем одно из деревьев посадил лично автор «Репортажа с петлей на шее». Опавшие кленовые листья укрыли землю плотным пестрым ковром. Арыки вокруг парка за ночь затягивались узорчатым ледком, который днем звонко рассыпался под подошвами детских башмаков. Свете было тринадцать, Саньке – девять, Сергею – шесть лет. Жизнь казалась им слаще пеструшки из жженого сахара и интересней самой популярной среди тогдашней детворы книжки «Урфин Джюс и его деревянные солдаты».

«Скажи чего-нибудь по-белорусски», – приставал Санька после битвы со льдами парковых арыков. «Вожик», – отвечал Сергей, Санька покатывался со смеху.

До знакомства с родственником он, оказывается, и не догадывался, что в мире существуют еще какие-нибудь языки, кроме русского и киргизского. Телевидения-то еще практически не было, газет Санька не читал, а по радио целыми днями треникали ансамбли комузистов. Откуда было черпать знания?

«Арбуз буш?» – спрашивал Санька, удовлетворив потребность в ознакомлении с белорусской мовой. – «Конечно», – не задумываясь, отвечал Сергей.

И они возвращались домой, к стоящей в саманном сарайчике бочке с солеными арбузами.

В России вечера упоительны, это даже глухонемые знают, а вот соленые арбузы в Киргизии шестидесятых были омерзительны. Их солили только ради того... Нет, вообще не понятно, ради чего нужно было солить арбузы. Воля б Фалько... ел бы в августе, свежими, зачем такое добро портить?

Зажав носы, Сергей и Санька разрезали арбуз на две половинки, упражняя чувство юмора, несли дворовому псу Барсику «на дегустацию», а затем перебрасывали во двор к соседям Плохутиным. Половинки, если траектория придалась достаточно грамотно, красиво вчмокивались в выложенный битым кирпичем пятачок перед плохутинским крыльцом. Завороженный Санька через минуту

Проза

опять с надеждой спрашивал Сергея: «Арбуз буш?»

Вечером, вооружившись до зубов рогатками, Сергей и Санька шли на войну. Дом на дом, улица на улицу, команда на команду. Основная мальчишеская игра тех лет. И звенели разбиваемые попутно окна, и гремели вслед воинам маты.

Света была уже барышней и посматривала на них снисходительно. Однако держаться на приличествующей дистанции удавалась не всегда.

«Санька, какие у вас резинки на рогатках?» – «Венгерки», из авиаконструктора», – отвечал тот. – «Ерунда ваши «венгерки». У нас в школе на физических опытах «американки» используются. Толстые. Если стрелять проволочными пулями – на пять километров полетят». – «Светка, стырь нам «американки», – загорался Санька.

Склонившаяся над остывшей Светой двухметровая фигура пьяного Олега в неизменных синих спортивных штанах делала смерть еще более реалистичной, чем была та на самом деле. Настоящий сюр.

– Вот с этой девочкой, – размазывая слезы по лицу и указывая на труп сидящим на табуретках вдоль стены нахохлившимся соседям, – я познакомился двадцать пять лет назад, и мы ночи напролет целовались в парке. Безо всяких, этих, интимностей. Представляете?

«Все в том же кызыласкерском парке», – тут же подумал Фалько. А Олег, вероятно предельно ярко оживив в памяти свидания, принялся целовать Свету – в спичинки ног, серый воск рук, в скукоженное равнодушное личико деревенской тряпичной куклы-самоделки времен голода коллективизации – да так исступленно, что чуть не опрокинул на пол. Рите и Сергею пришлось оттягивать его, медведя такого, от трупа. Пьяного, в сползающих на копчик синих спортивных штанах и пестрой базарной турецкой рубашке.

– Папа, может, поспишь, а?

Олег махнул рукой – мол, какой теперь сон! – и вышел. Сейчас, наверно, добавит еще. Горе отличный повод.

За окнами лениво темнело, и соседи стали по одному расходиться. Около полуночи Сергей и Санька остались в зале с покойницей вдвоем.

– Надо по очереди читать Псалтырь. Весь, от корки до корки. А потом еще и еще, вплоть до отпевания. Это важно, – сказал Санька. – Ведь Светина душа сейчас готовится к встрече с Небом.

– Надо так надо, – не очень охотно согласился Фалько.

Читать начал Санька.

А Фалько смотрел на покойную и вспоминал Бишкек... Затем Якутию, куда Света поехала вслед за его матерью... Бегство оттуда. Казахстан. Затем мысли Фалько волей-неволей свернули к истории с Белкой. Насильно возвращал мысли обратно, в подобающее случаю место, просил у Светы прощения, но ничего поделать с собой не мог. В конце концов перестал противиться.

До официального развода оставалось еще года два, но отношения Сергея с Жанной были уже не супружескими. Дегенерировали в соседские... Таким образом, их просторная квартира превратилась в коммунальную. С неизбежной общей кухней. Однако разъехаться не могли, так как оба претендовали на ребенка, а Лера пребывала в недееспособном семилетнем возрасте.

За свое «супружеское счастье» Фалько расплатился таким равнодушием к жизни, что будто превратился в дальтоника и видел ее только в серых тонах. Слово какое-нибудь насекомое.

Нужно было как-то выходить из этого состояния, и он не придумал ничего лучшего, кроме как заняться поисками молоденькой любовницы, которая могла бы расшевелить его прелестью своего тела. Ну не вдохновил семейный облом на иное общение с женщинами, что тут поделаешь? Благо вообще в импотента-женоненавистника не превратился.

Начал просматривать газетные объявления в рубрике «Знакомства» и выделил с десятков барышень, обещавших то, чего он хотел. Дословно Юлино объявление не запомнил, но из общего ряда оно не выделялось. Что-то вроде: «Симпатичная, 19 лет, познакомится с состоятельным мужчиной, способным проявить чуткость, заботу и внимание». – «На ловца и зверь бежит», – подумал Фалько.

В ответ на письмо барышня позвонила через неделю и назначила «смотрины». Фалько должен был подойти к ней на пункт фотосервиса в подземном переходе станции метро «Академия наук». Таких, вроде Фалько, раскатавших на нее губу кобелей в городе нашлось около шестидесяти, так что конкурс предстояло пройти самый серьезный.

Фалько был не очень-то уже молод, с нарастанным от равнодушия к жизни брюшком. Главное, не таким и «состоятельным». «Пожалуй, я переоценил свои возможности», – подумалось Фалько. Но решил все же заагглюнуть. Во-первых, из любопытства. Во-вторых, ему это не стоило даже потери времени: Фалько проезжал станцию «Академия наук» по два раза на день. В-третьих, ему понравился Юлин голос. Девушку с таким голосом можно было нанимать секретарем в какой-нибудь МММ – отвечать на звонки разъяренных вкладчиков.

Фалько навсегда запомнит этот день – 5 сентября: безобидно тихий, обманчиво теплый и с мягкими ностальгическими нотками. Он спустился в подземный переход и отыскал глазами павильон фотосервиса. Внутри толпились посетители, смешавшись с ними, Сергей получил возможность рассмотреть Юлю со стороны.

Красивое, великолепной породы лицо, но с плохой прыщавой кожей. И тонкокостная фигура азиатской девушки-подростка с кривенькими довольно ножками. В целом, вроде бы ничего особенного. Но с задатками. Гадкий, плохонько одетый утенок, который при определенных условиях – долларовом вливании папиков-спонсоров – мог бы превратиться в модельного лебедя, – кремы, шампуни какие-нибудь на рынок проталкивать. Уступив рекламу нижнего белья другим, более дорогим девушкам.

В принципе, Фалько мог бы развернуться и уйти. Ведь ему нужно было только тело, а Юлино не показалось особенно аппетитным. К тому же тело в ней вообще являлось как бы второстепенным. Юлина суть была в лице, глазах, как ни плоско бы это прозвучало... Однако с Фалько хватило глаз жены. И вообще, женские глаза... Если разобраться, это всего навсего объект труда визажистов и косметологов. Товар почти рыночный.

Тем не менее ноги Сергея словно приросли к полу. Утенок – лебедь? Нет, Юля скорее была похожа на какого-то симпатичного зверька.

«Это вы Сергей?» – каким-то образом выделила его Юля, улыбнувшись. И улыбка у нее оказалась под стать голосу. И зубы один к одному – красивый строй. Фалько понял, кого она напоминала. Белку. То есть красота Юлина была как бы беличья: тонкая и совершенная, природы мягкой и легкой. Имя Юля ей совершенно не подходило. Почему нет женского имени Белка? А еще... еще Юля довольно определенно напоминала мать, принадлежала к одному с ней женскому типу. Если бы не разделяющая их пропасть в сорок с лишним лет, то это можно было заметить сразу. Ведь, в принципе, и мать Фалько была женщиной из семейства беличьих. В этом можно было убедиться, листая старые семейные фотоальбомы.

Проза

Время снисходительно к мужчинам. Ведь при желании те могут не только растягивать свою молодость до зрелости, но и сделать молодой саму зрелость. И убивает их время сразу – чтобы не мучились. На войнах, войнушках, в куражных пустых разборках, а также автомоавиа и прочими катастрофами. В худшем случае инфарктами или инсультами. Однако по отношению к женщинам время не в пример жестоко. Оно дает женщинам только одну пору – цветение. После которой, по большому счету, те пользуются у мужчин таким же спросом, как и подвявшие розы. У женщин, осетрины и роз степень свежести может быть только одна – первая. И это, наверно, правильно: им же предстоит стать для детей и мужей чем-то вроде хлеба.

«Я Сергей». – «Вы ничего о себе не написали. Чем занимаетесь?»

«Ага, платежеспособность проверяет», – подумал Фалько. В принципе, это был самый неприятный для него вопрос. Ведь по нынешним понятиям Фалько вообще ничем не занимался. Смерти подобно было бы со стороны Сергея признаться девушке, желающей стать содержанкой, что его тошнит от слова «предпринимательство» и он нахально считает себя писателем. Уже сорок, имя никому не известно, а всех полученных им гонораров хватило бы разве что на покупку козы...

«Директор одного маленького коммерческого предприятия», – сказал Фалько после некоторой паузы.

И формально – правду. Какие-то малознакомые люди однажды предложили ему стать фиктивным директором. За несколько сотен долларов. Фалько не тешил себя иллюзией, будто предприятие будет заниматься хозяйственной деятельностью. Ни о чем не спрашивал, было ясно и так: обналичиванием чьих-то грязных денег, получением безвозвратных ссуд, кредитов... Под его, так сказать, честное имя.

Ай, как хотят, решил он. Авось обойдется. Или успею удрать в Кыргызстан. Сидеть в тюрьге все равно не стану. Лучше сделаю себе кердык. Мгновения дискомфорта – и полная гарантия безопасности.

«Да?! А что за предприятие? – уважительно спросила Белка. – Может, слышала?» Фалько напряг память: как же называется собственное предприятие? Черт подери, ну и память стала! «МП «Даларио», – таки вспомнил он. «От слова «доллар»?.. И чем этот «Даларио» занимается?» – вся прямо заискрилась, заиграла смехом Белка. – «Не знаю, от какого слова. Насколько мне известно, пакет учредительных документов «Даларио» был за триста долларов куплен у одной юридической конторы, которая пекла их как блины. Отсюда и название такое дурацкое. Ведь у юристов слабо с воображением. Вероятно, сляпали также и «Еврик», «Фунтик»... Чем наш «Даларио» занимается?.. – Фалько немного задумался. – Досками и шкурами КРС, то есть крупного рогатого скота, которые скупаем для экспорта в Польшу. Так вот, мда... Ты лучше о себе расскажи». – «А чего рассказывать? У меня и биографии-то никакой нету. Два года назад школу закончила. Родители заставили поступать в институт. Если, мол, не поступишь, значит, дура. Ну и поступила, чтобы обратное доказать. А учиться не стала. Зачем?»

Фалько пожал плечами. В принципе, учиться, конечно, нужно. Вопрос, как и где? Что, например, толку в том, что он учился на заочном в журфаке?.. Разве заочно можно чему-нибудь научиться? Это были убитые годы. Правда, с развеселыми сессиями, которые заочники, согласно суровым обычаям последних советских лет, бурно обмывали. (Некоторые однокурсники Фалько не протрезвели до сих пор. А недавно он узнал, что зеленый змий насмерть поразил одного из них, Игоря Матвеева. Мир его проспиритованному праху.)

«Вот и познакомились, – констатировал Фалько, решив закругляться, так как было еще какое-то дело. – Считаю, понравилась. Разбирайся с остальными претендентами и, если решишь остановить выбор на мне, звони».

На прощание Фалько сунул Белке небольшую взятку – две бутылки чешского пива. По привычке, приобретенной во время жизни на Востоке.

Фалько не очень-то любил свое отражение в зеркале, поэтому был уверен, что Белка выберет кого-нибудь другого. И это его скорее устраивало.

Во Фрунзе у тети Тани прожили недолго. Месяца два. За это время мать нашла работу преподавателя химии в республиканском интернате для детей, больных костным туберкулезом. В горном селе, километрах в двадцати от столицы.

Населяли Воронцовку в основном украинцы, которым тут еще при царе выделили земли. Переселенцы бесконечно долго добирались от Белой Церкви до Бишкека (так Фрунзе назывался и до революции) на воловьих упряжках. Конечно, часть дороги можно было проделать поездом, но так как переселенцы хозяйственны были до анекдотичности, то норовили забрать из дома абсолютно все, вплоть до булыжников, которые клались поверх крышек кадушек с квашеной капустой для гнета. В центральной-то, черноземной Малороссии, булыжники под ногами не валяются. А вдруг и там, в Туркестане, камней нету?.. Поэтому предпочли волов. Три года тянулся обоз до отрогов Тянь-Шаня.

Мать честная, подивились малороссы, прибыв к месту назначения. Да тут же земли никакой, одни каменья сплошные!

И стали хохлы упертые каменюки эти из земли выбирать. День за днем, год за годом. Но только камни, словно плесень какая, все равно откуда-то опять появлялись. Вырастали, верно, из песчинок и совсем мелких камушков.

Лет пятьдесят неустанно боролись переселенцы с каменной болезнью воронцовской земли – сначала в индивидуальном порядке, затем в колхозной фаланге, – пока наконец не победили. И тогда Воронцовка превратилась в цветущий оазис, в некое подобие Эдема, место сытое и неправдоподобно красивое: пышнозеленое, с бурной, протекающей через все село хрустальной речушкой и воздухом горной, пятизвездочной чистоты.

А теперь несколько слов о маме Фалько, оказавшейся в этом малороссийском анклав в лучшие его годы. В представлениях самого Фалько.

Основным, локомотивным качеством характера Милы Фалько было то, что ей в самой высшей степени хотелось любить, хотелось зависеть. Не мать-родину, к сожалению, любить, не от воли Создателя зависеть.

Запросы-то, в принципе, самые минимальные (люби, жалко что ли), а отдача с ее стороны могла оказаться просто несоизмеримой. Ведь Мила Фалько была человеком-мотором, человеком-печью, который всегда с готовностью взваливал на плечи основную нагрузку и пер, не жалея себя.

Как и Дэвид Копперфильд, она обладала способностью проходить сквозь стены. Только техничный американец в действительности-то лишь создавал иллюзию проникновения, а Мила Фалько ломала стены без фокуса. Своей способностью к безрассудному самопожертвованию в сочетании с огромной сердечной силой.

Если бы она имела хоть немного честолюбия, то могла бы совершить блестящую карьеру. Но ее интересовала только любовь, которая и являлась для «мотора» Милы Фалько единственным топливом. Когда любви в жизни не было, впадала в депрессию и жила только по инерции. Поэтому Милу Фалько можно сравнить с миллионом, в котором сама по себе была она нулями, а случайно оказавшееся рядом существо в штанах – совершающей с ними чудо единичкой.

Но такие периоды были краткосрочны, хотя мужики-то возле нее так и роились. И кому первому удавалось до нее дотянуться, тот и получал Милино сердце. Внешностью ее Бог не обидел, но и красоты особой не дал. Однако, где бы

Проза

ни появлялась, все взоры, словно к светящемуся в ночи фонарю, всегда устремлялись к ней.

Понятно, что самыми шустрыми, как правило, оказывались проходимцы. Но мгновенно вспыхивающая в сердце Милы Фалько любовь в то же мгновение ее и ослепляла. К слову сказать, отец Сергея не был даже проходимцем. Никчемным выпивохой без лица и личности. Ему просто случилось быть ее однокурсником.

В некоторой степени эту главную черту характера Милы Фалько сформировало то обстоятельство, что тогдашнее общественное мнение (хотя послевоенный кризис, когда один мужчина приходился на десятерых женщин, в шестидесятых годах был уже пройден) не признавало одиноких женщин. Благодаря остаточной патриархальности.

В общем, буквально через месяц после переезда в Воронцовку она уже вторично вышла замуж – за сына своей домохозяйки бабы Сони Беспалько. Точно с таким же успехом и скоропалительностью могла бы выйти и за сына любой другой воронцовской пенсионерки: будь то баба Фрося Ерьсько или тетя Клава Каира. И полюбить также глубоко и сильно, как и Родиона Беспалько.

Кстати говоря, Мила Фалько не была в этом плане каким-то особенным исключением. У советских женщин, которых почему-то представляем мы не иначе как в телогрейках да с лопатами, сердца были благородные, собачьи. Может, нынешние монетарные гирлы и краше, но ближе они по сути своей к кошкам. Про мужчин нынешних уже и распространяться не стоит. Но мы не виноваты, так получается. Все мы жертвы и заложники истории нашей цивилизации, которая катится, нас о пути следования не спрашивая.

И Света, в принципе, была такой же пылкой. Но к мужикам тем не менее относилась довольно сдержанно. Подругам зато предана была безмерно и всю жизнь фанатично любила только двух человек: двоюродную сестру Милу, то есть мать Фалько, и свою дочь Риту. «Милочка у нас самая умная, самая красивая, самая благородная, короче, самая, самая, самая», – без устали по сто раз на день повторяла Света с чисто восточным самоуничижением.

Она вообще была очень восточным человеком. Восток вошел в ее кровь и мозг, стал ее частью, и она стала частью Востока. Вот какие метаморфозы происходят с родившимися на Востоке толерантными белорусами. (Русские обычно везде остаются верными себе, будь то Туркмения или Америка.)

Через несколько лет, чтобы для пущей надежности связать себя с мамой Фалько двойными родственными узами, Света предприняла попытку охомутать младшего брата Родиона Шурку – романтического, драчливого и одновременно доброго парня, красивого рубленой мужской красотой солдата Иностранного легиона: украинская кровь, достаточный харч и киргизское солнце творили из воронцовских парней таких красавцев, что Голливуд мог бы отдыхать.

Это было время взлета «Битлз», Шурка с приятелями на паях купили громоздкий магнитофон «Тембр», где-то доставали записи и крутили сутками напролет. Его друг по кличке Вест первым из воронцовских парубков отпустил длинные волосы. Деревенские бабули звали Веста Фейсом (от слова «пейсы») и считали за сумасшедшего.

Света клятвенно пообещала Шурке достать какие-то битловские реликвии. Но при условии, что тот женится.

«Мамо, благословите (в тогдашней Воронцовке, как и на прежней Украине, было принято называть родителей на «вы»), – торжественно попросил Шурка бабу Соню и театрально встал перед нею на колени. – «Сначала хоть в армии отслужи», – отмахнулась баба Соня и в благословении, таким образом, отказала.

И забрали Шурочку в армию неженатым.

Родион и оба Фалько полетели искать счастья в Якутию, где жила родная сестра бабы Сони Мария. Света поступила в Карабалтинский пищевой техникум. Как любой восточный, южный человек, она с особым пиететом относилась к «продуктовому» поприщу. Ее жизненный путь почти на год разошелся с Милиным.

– Ты уже третий раз одну и ту же строчку перечитываешь, – заметил Санька и забрал Псалтырь, – и язык заплетается. Пойди, может, чаю попей.

Была глухая ночь. Наполненная для Сергея шемлением сердца и мистикой смерти, которая приблизилась к его существованию вплотную и стала буквально осязаема. А еще одиночеством. Одиночеством потому, что был в разрыве с женщиной, родившей ему сына, что все кругом люди, кроме него и Саньки, спали. А Света была мертвой.

Однако одиночество не было болезненным. Стало частью физиологического состояния Сергея.

Что же касается мистики, то она выражалась тем, что Сергей и Санька чувствовали незримое присутствие рядом Светиной души. Явственно, отчетливо. Присутствие души умершего человека ощущается так же, как и наличие человека живого. Но за стеной.

Душа стеснялась проявлять себя до тех пор, пока на табуретках вдоль стены сидели соседи. А потом дружески объяла души брата и племянника. И стала мягко, ненавязчиво куда-то увлекать их. Куда? Туда, естественно. Где всегда свет и нет боли.

Это ощущение было для Сергея завораживающим. Нечто подобное он испытывал тогда, когда в юности сильно порезал косой ногу, а рядом никого не было. Он лежал на траве, истекал кровью и смотрел на небо, которое расчерчивали ласточки и стрижи... Фалько навсегда запомнил ощущение блаженного ускользания реальности и, одновременного, осознания красоты ее.

Однако на этом поток мистических ощущений для Фалько не исчерпывался. Ведь вдобавок он чувствовал еще и токи от Белки, посылал ответные. Его закрытое на семь замков жизнью в собачнике неудачной семейной жизни сердце этой ночью взяло да раскрылось. Подобно шапке одуванчика при первых лучах солнца.

Белка позвонила вечером, сразу после дневных «смотринов».

«Успела с остальными кандидатами разобраться?» – спросил Сергей. – «Решила на тебе остановиться. Самоотвод брать не станешь?» – «Но ты еще не знаешь о моем главном недостатке – нет машины. Все как-то лень было этим вопросом заниматься. Не будешь же со мной на общественном транспорте кататься?» – «Да какая разница? – даже как-то удивилась Белка. – Мне все равно». – «В таком случае зайду за тобой к закрытию павильона».

К такому повороту событий Фалько готов не был. Как вести себя с Белкой? Сразу оговаривать условия содержания? Или, для затравки, немного роз, лирики, мимоз? Фалько никогда не любил жену, но ни разу не изменял ей... Нет, с ним все было в порядке, непорядок был разве что в голове и в сердце. Ведь если бы не любил только Жанну, но Фалько вообще никого и ничего не любил. (Кроме матери и дочери.) Главное, Фалько не любил жизнь. И та отвечала взаимностью.

Например, Фалько несколько лет долбил роман, жертвуя всем, в том числе и потенциальными изменами нелюбимой жене, которые могли бы существенно разнообразить жизнь: однава живем, чего уж там. Но ведь измены могли отнять у долбежки столько времени! (Ха-ха, роман, ценность, понимаешь, большая. Кило селедки за пятьсот страниц.) А когда Фалько роман наконец дописал, то обнаружил, что никому тот не нужен: ни издателям, ни читателям. Не разобрался в конъюнктуре.

Проза

Обычная графоманская история, но зацепила как следует. Однако вместо того чтобы выявить причинно-следственную связь и холодно разобраться в причинах провала, еще глубже провалился в какую-то яму.

К счастью, к алкоголизму у Фалько был иммунитет. Наверно, благодаря уже умершему к тому времени от этой болезни отцу. Фалько иногда выпивал ради общения, но ни в коем случае не ради самой выпивки. (Ага, Веничка Ерофеев тоже так говорил.)

И вместо того чтобы раз и навсегда порвать с литературой да заняться каким-нибудь более надежным занятием, затеял... написание еще целой серии романов такого же плана. Наверно, Андрея Макаревича наслушался. Ну, что «не стоит прогибаться под изменчивый мир, пусть лучше он прогнется под вас». Нужны ли какие-нибудь комментарии?

В общем, никакой практики обольщения, а также покупки молоденьких девиц у Фалько не было. И его изошренная разве что на порче бумаге мысль изрядно напряглась над вопросом, куда ее пригласить: в театр, в ресторан или сразу в постель с выплатой какого-то аванса?

Фалько оделся на встречу как обычно: черные джинсы, ботинки «полицай» на толстой подошве, богемная солдатская куртка и берет. В сочетании с недельной щетиной и моржовыми усами был он, конечно, мало похож на директора процветающего предприятия. Ничего, пусть видит, что не все директора одинаковы, подумал Фалько. Некоторые к художникам, к бомжам с виду ближе.

Так как Юлю все еще одевала мама, руководствуясь представлениями старины глубокой и не прислушиваясь к мнению дочери, то выглядела та и вовсе несуразно. На ней была короткая куртка-трапеция, из-под которой безжалостно торчали кривенькие спичинки-ножки в совершенно неуместных для этого случая лаковых туфлях на высоких каблуках.

И Сергей, и Юля были напряженны, молчаливы. Но по разным причинам.

Фалько боялся того, что подумают о них встречные: вот, мол, кобель старый, девчонка ему в дочки годится! Белка, как оказалось, боялась начинать разговор об условиях содержания, язык не поворачивался.

Они вынырнули из подземного перехода и направились вверх по проспекту без определенной цели. С трудом подыскивая пустые, ничего не значащие слова. Фалько по-отечески подумал, что она совершенно замерзла в своей куртке без подкладки, и на пионерском от Юли расстоянии почувствовал холод ее кожи.

«Мне нужна квартира, – наконец выдавила Белка, когда они прошли уже километра два, то есть до площади Якуба Коласа. – Понимаешь, с мамой не могу больше жить. С папой, пожалуйста, хоть всю жизнь, но с мамой...» – «Ну и жила бы с папой... Разведены что ли?» – «Давно. Но все равно живут вместе. Зато разделили нас с сестрой. Словно мебель. Верка досталась маме, я – папе. Наверно, если бы папа не разъезжал по командировкам, а мама не сидела дома... Только не думай, будто я такая... ну, материальная совсем. Ты нужен мне еще и для того, чтобы отвлечь от мыслей о Саше, моем бывшем парне, с которым неделю назад поссорилась. Чтобы по пословице: клин клином». – «Ясно. Не вопрос. Буду клином. Сниму квартиру, – сказал Фалько небрежным тоном. Разве, мол, для него, генерального директора «Даларио», дополнительный расход в полторы сотни баксов деньги? Три молекулы! – Давай посидим в каком-нибудь кафе. А то ведь замерзла, наверно». – «Может, лучше по домам?» – заартачилась Белка, которой не хотелось обойтись дороже цены, которую себе определила.

Было видно, что для нее, как и для Фалько, подобная сделка первая.

Фалько осторожно взял ее пугливую ладонь в свою. Она явно не ожидала

от «спонсора» такого жеста; тот и сам себе удивился. Над проспектом Франциска Скорины, который тогда не был еще переименован, плыл скрадывающий расстояния и звуки липкий туман.

«Кто ты по гороскопу? – вдруг по какому-то наитию спросил Фалько. – Уж не Дева ли?» – «Дева». – «Гм, очень интересно. И когда родилась?» – «Двадцать девятого августа». – «Какого? – удивленно переспросил Фалько. – Двадцать девятого августа?» – «Ну да, а что в этом особенного?»

Теперь Фалько стала понятна причина некой схожести Юли с матерью. В один день сподобились. Хотя и с разницей в полвека почти!

Это был первый мистический знак того, что знакомство предопределенно.

Второй мистический знак ждать себя не заставил. Ведь они незаметно прошли по проспекту от Академии наук до Октябрьской площади, то есть километров пять, а может и семь. И миновали десятка два ресторанов, кафе и забегаловок. Зачем? Чтобы зайти именно в пиццерию Дворца профсоюзов? Там что, готовилась какая-то особая пицца? Нет, самая обыкновенная минская пицца, приготовленная в электрической духовке, безвкусная и дорогая. Они приперлись туда только затем, чтобы показаться Мишелю, робкому красивому мальчику-французу, который пытался трогательно за Юлей ухаживать, имел на нее серьезные виды и пользовался взаимным расположением.

В общем, Мишель проводил тот вечер с друзьями в той же пиццерии. Поглядывая на них искоса, француз то краснел, то бледнел, но так и не решился подойти к Белке, чтобы спасти свою начинающуюся любовь выслушиванием женского вранья. Та тоже сидела, будто на иголках и озиралась по сторонам. Возможно ждала, пока Мишель выйдет в фойе покурить, чтобы выскочить за ним следом и объяснить.

Но француз недаром был европейцем – не курил, поэтому выходить не испытывал никакой надобности. Должно быть, он также обиделся и просто не желал слышать какие-то объяснения. За год жизни в Минске Мишель открыл для себя удивительную вещь: местные девушки, вероятно, путали его с Бельмандо. Ведь стоило только свиснуть... Однако Юле он не свистел. Приходил в павильончик, отдавал записки, краснел и убежал.

Фалько, наблюдая за муками мальчишки и смущением Юли, сидел себе в уголке и тихонько злорадствовал.

Из Фрунзе, где февраль 1966 года выдался на редкость сухим и теплым, Сергей и мать с новым мужем вылетели в Красноярск. И попали в морозную зиму да с такими сугробами, что Родион Беспалько, близоруко шурясь, принял их в темноте за ангары. За стенами аэровокзала подвывал ветер, сибиряки из-за меховых одежд были похожими на медведей. Мать кутала Сергея в какие-то платки, но тот все равно никак не мог согреться. Зачем забираться на Север еще дальше?

Из-за свирепствующего мороза якутский аэропорт не принимал несколько суток. Все это время, боясь высунуть носы на улицу, они прожили в здании аэровокзала. Спали в фанерных креслах, которые ныне можно увидеть разве что в сельских домах культуры, ели холодных аэрофлотовских кур и очень боялись лететь дальше.

В шестидесятых годах из-за крайне низких температур зимнего периода авиакатастрофы на северных маршрутах происходили довольно часто. Пассажирские самолеты ведь были тогда винтовыми – «Ил-18», «Ил-14», «Ли-12», «Ан-24», – то есть оснащенные двигателями намного более сложными и, следовательно, уязвимыми. Благо вместимости несопоставимой с нынешними аэробусами.

Проза

«Ил-14», на котором Фалько энд Беспалько должны были лететь дальше, был рассчитан, кажется, всего человек на тридцать. Сергею запомнился тот неуклюжий, короткотелый, с квадратными, словно окна, иллюминаторами, в общем, сородичем не птицы, но самовара. Моторы долго прогревали – с неописуемым ревом, от которого у Фалько в первую же минуту заложило уши.

«Товарищи пассажиры, не забудьте пристегнуться ремнями», – объявила стюардесса в свитере под форменным кителем, как две капли воды похожая на Федосееву-Шукшину.

«Ай, все равно ни хрена не помогут!» – махнул рукой Родион Беспалько, вынимая откуда-то бутылку коньяка.

За трое суток ожидания вылета он наслушался столько историй об авиакатастрофах... Фалько по малолетству больше, чем смерти, боялся, что ему не хватит мятных конфет «Летные», которые разносила по салону дородная стюардесса.

«Ил-18» из Фрунзе в Красноярск, с дозаправкой где-то на Урале, летел более восемнадцати часов; «Ил-14» из Красноярска в Якутск чуточку меньше – двенадцать. В повадках обеих «винтокрылых птиц» было что-то лошадиное: по воздуху передвигались скачками: вверх – вниз, вверх – вниз. Пока долетели до столицы Якутской АССР, Сергей использовал все «блеводные» темные пакеты из плотной бумаги с гербом «Аэрофлота».

Если посмотреть на карту, то будет видно, что Красноярск настолько же севернее Фрунзе, насколько и Якутск – Красноярска. Только путь из Фрунзе в Красноярск пролегал злосчастным курсом «норд-ост», но зато уж из Красноярска в Якутск – решительно по прямой: «норд-норд». Поэтому если Красноярск поразили путешественников северным контрастом, то и Якутск после Красноярска – тем же. (Хорошо, что не было прямого рейса Фрунзе – Якутск. Контраст оказался бы и вовсе убийственным.)

В Красноярске-то в феврале полно солнца. Днем, пробиваясь сквозь морозную дымку, над большим деревянным городом разгорался огромный оранжевый апельсин.

А вот в Якутске дни были еще серыми и короткими. Зато ночи – словно бездна Марианская. Зимний Якутск – город абсолютной ирреальной тишины, угольно-черных ночей и ошеломляющих арктических морозов. Ночей неестественно ясных, трехмерных, голографических. Дым из труб идеально ровными пушистыми хвостами тек в равнодушное бездонное небо, сообщающееся напрямую с открытым космосом.

Из аэропорта в портовый ленский поселок Жатай выехали на такси.

Снега по обеим сторонам трассы было столько, что создавалось полное впечатление, будто заиндевевшая «Победа» с шашечками на борту движется в тоннеле. Свет фар на поворотах вырывал отдельные фрагменты стен, насмешливо вспыхивавших ледяными радугами. После Средней-то Азии...

Осторожно продвигаясь по скользкому насту, «Победа» как-то по касательной, бочком-бочком прибилась к двухэтажному бревенчатому барaku. Поеживаясь, путешественники по-змеиному выползли из теплого салона. К пункту назначения прибыли...

Будь Фалько старше, то засвидетельствовал бы: ощущение оторванности от цивилизации и даже мира, в котором живет все остальное, кроме якутов, человечество, в зимнем Жатае – стопроцентное. Может, и нет вообще никакого человечества?.. Гости из Средней Азии не сильно бы удивились.

Слава Богу, хоть в бараке какие-то микрокосмы этого самого человечества все же наличествовали. Об этом свидетельствовали слабые желтые огоньки,

с трудом процеживающиеся сквозь толстые наросты льда на мелких оконцах. Метрах в десяти от подъезда с тонкостью ананаса в шампанском благоухал ледяной куб помоев.

Позже Фалько довелось вплотную ознакомиться с этой северной мусоросборочной технологией. Во дворе у барака выставлялся дощатый короб три на три и высотой метра в полтора. Жильцы выносили ведра с кухонными помоями и фекалиями (ни воды, ни канализации в бараке, естественно, не было, а дощатыми уборными зимой могли пользоваться только самые отчаянные мужчины) и выливали в короб. На морозе все это добро не успевало даже растечься, тут же схватывалось. Когда короб наполнялся, его разбирали и монтировали рядом. Освобожденный ледяной куб цепляли тросом и трактором оттаскивали в овраг на окраине поселка.

Тетя Маша, дядя Петя и их младший сын Юрка, расслышав внизу отчетливое в морозной вакуумной тиши рокотание мотора, выскочили встречать. Сергея здесь видели впервые, но целовали бесчисленно самым сердечным образом, тискали и вдобавок, словно космонавта, подбрасывали. С тех пор Фалько и познал, что нет на свете людей более открытых, отзывчивых и сердечных, чем северяне, – все равно, будь то якуты, украинцы или русские. Ведь без чувства локтя в тех экстремальных условиях выжить невозможно: ни физически, ни психически.

Выяснилось, что к приезду гостей готовились не только родственники Родиона Петровича, но и вообще весь барак – какие еще на Севере праздники. На общей кухне был накрыт стол, который перекосялся под тяжестью рыбных и мясных блюд, квашеной капусты, черемши, грибов, морошки... Ожидая старта, у раскаленной плиты стоял мятый алюминиевый таз со смерзшимися белесыми камешками пельменей. Под столом ползали дети, прятались, надеясь высидеть до пиршества, собаки.

«Почему у них хвостов нету, – спросил Фалько у какого-то мальчишки, – якутские породы такие?» – «Не все без хвостов, – ответил шкет. – У сибирских лаек хвосты есть – потому что пушистые и теплые, – они ими, когда на снегу спят, носы укрывают. А у остальных, материковых собак, в первую же зиму отмерзают».

И покатило-полилось якутское пиршество: с обильными возлияниями, под лаконичные, но достаточно теплые тосты. А также с родственными и не родственными лобызаниями, с музыкой по интересам: то есть аккордеоном для «стариков» и проигрывателем для молодежи.

Фрунзенский мээн Родион с очень сложным выражением фэйса вынул из чемодана завернутую в папиросную бумагу священную реликвию – пачку рентгеновских снимков с нарезанными ведьмическими кругами звукозаписи и какими-то черепами да мослами в качестве фона.

«Битлз?» – спросил кто-то с робкой надеждой. – «Есть и битлы, – небрежно ответил Беспалько. – Но сначала – твист!» – «Твист?!» – «Ага, счас ломанем. Умеет кто-нибудь?.. Понятно, понятно. Пока от нас до Жатая, через Аляску и Чукотку, чего-нибудь дойдет... Ну, тогда освободите площадку».

Молодежь бросилась выполнять команду, и для сольного танца фрунзенского мэна очистили целую комнату. Рентгеновский снимок с чьей-то челюстью без двух передних зубов долго выбрыкивался, выпендривался, скрипел, но наконец хрипло завел:

«А бэби-бэби бала-бала, а бэби-бэби бала-бала, а бэби-бэби бала-бала, у-у-у – шарлала».

Родион Беспалько, нацепив на нос стилияжки черные очки, вопиюще нелепые для зимнего ночного Жатая, полусогнув колени, стал раскачивать ими в разные стороны. Ладонями же совершать некие ритмичные движения, будто держал щетки с пастой гойя, а его живот являлся одновременно боком медного самовара.

Проза

«А бэби-бэби бала-бала, а бэби-бэби бала-бала, а бэби-бэби бала-бала, у-у-у – шарлала», – выдали беззубые челюсти второй куплет, как две капли воды похожий на первый.

Родион же Петрович все чистил и чистил самовар, знай себе наяривал, пытаясь вдобавок откинуться на полумостик.

«Милка, страхуй!» – крикнул он супруге, и та стала поддерживать благоверного за поясницу.

«А бэби-бэби бала-бала, а бэби-бэби бала-бала, а бэби-бэби бала-бала, у-у-у – шарлала», – выдали беззубые и третий. Такой же шедевральный.

Под аплодисменты аудитории, с помощью Серегиной мамы, Родион встал-таки на мостик, выставив засиявший от пасты как солнце медный живот на всеобщее обозрение. Наступила арктическая тишина, такая, что стало слышно музицирование за перегородкой.

«Вышел в степь донецкую парень молодой», – душевно выводили за досками «старики».

Собравшиеся на твистовое представление дети и бесхвостые собаки потянулись на их половину. Таз-то хоть и медным был да пустым оказался, а стариковский алюминиевый, мятый стоял себе тихонько, скромно – с пельменями. Гордый своей продвинутостью Родион Беспалько отер пот и завел разговор про охоту. А як же.

«А что, в округе-то зверья много?» – «Да сколько хошь. Даже в тайгу ездить не нужно. Ведь почему собаки в дом щемятся, из-за мороза? Не-е, потому что медведи-шатуны ночью из тайги приходят – на помойках кормиться».

Действительно, знающий человек мог бы разглядеть в глазах собак затаившийся страх. Мороза так бояться не могли. Да и чего бы им теперь, бесхвостым, мороз-бабай сделал?

Собака... собачки... Зачем их было столько? Ведь и ночью Сереже Фалько приснилась желтая-прежелтая собака. В стае желтых-прежелтых собак... Собака была такой ласковой, улыбающейся. То есть улыбалась совершенно по-человечески. Только не очень радостно, будто больная совсем. И виноватая.

Утром мама переполошилась:

«Что-то Сергей желтый какой-то». Тетя Маша, потрогав его лоб, добавила: «И огнем горит! Нужно вызвать «скорую».

Была желтуха. Фалько забрали в детскую инфекционную больницу, в которой пролежал до конца марта, который ничем от февраля не отличался. Ни маму, ни его новых родственников дальше застекленной двери приемного покоя не пускали. Они обменивались приветственными знаками, и им хватало. Но однажды мама жестом показала, чтобы Сергей приник к стеклу ухом.

«К нам Света приезжает!» – «Как? – удивился Сергей. – Ведь она в пищевом учится». – «В здешнем речном теперь будет».

Неспешный августовский рассвет за клубился за окнами комнаты, в которой на двух сдвинутых журнальных столиках лежал труп, ни на грамм не похожий на ту семнадцатилетнюю девчонку, полетевшую на край света вслед за своим кумиром – мамой Сергея Фалько.

Прилетела в июне, когда солнце над Жатаем почти не заходило. Между прочим, как над Британской империей. Сергей вызвался показать Свете поселок, который сам толком не знал, и повел юную чувиху-тетушку вдоль берега Лены.

Солнечные блики скакали по зелено-серым волнам, упругий теплый ветер раздувал одежды. Обходя вытесненные майским ледоходом на берег останки гигантских льдин, они ступали по скользкому ковру из жирных одуванчиков.

Выплавив из льдин все «лишнее», солнце превратило глыбы в дворцы: тончайший хрустальный пол, хрустальный свод, а между ними миллион тончайших хрустальных колонок.

Фалько держал на плече черенок лопаты и посвистывал, новенькие резиновые сапоги повизгивали. Было так хорошо и радостно, что он уверился, будто это естественное, каждодневное человеческое состояние. Иногда Сергей одним ударом черенка перешибал все до одной колонки, и в мгновение ледяной дворец рассыпался – с бокальным, жалобным перезвоном. Словно никогда дворца и не было... Точно так же хрупка жизнь. И тяжела своей физиологией и материальностью быта и смерти.

...В тысячный, наверно, раз посмотрел Фалько на обтянутое истончившейся мертвой кожей упокоенное Светино лицо и почувствовал, что его сердце стало вдруг большим-пребольшим. А в голове зашумела кровь. Выскочил на кухню, чтобы залпом осушить очередной стакан вина.

– Может, лучше валерьянки? – осторожно спросил неизвестно как оказавшийся за спиной Санька.

– Нет уж, сам валерьянку пей, – не слишком любезно буркнул Фалько, затем примирительно добавил: – Нервы все. Ночь бессонная. Ведь и в прошлую всего часа три спал.

– Да и я не больше. Чувствовал смерть Светину. Несколько раз набирал тебя, номер все время занят был.

– С Юлей болтал, – коротко ответил Фалько.

– Так и подумал. И у нее занято было... Слушай, может, куснем чего?

– Не могу, кусок в горло не лезет. – Фалько немного удивлялся людям, которые в подобной ситуации не теряли аппетита. – А ты – рубай, по времени уже и завтракать можно. Я с тобой посижу, только в зал загляну.

Псалтырь читал Олег, так и не сменивший повседневных спортивных штанов. Наверно, и спал в них... Ай, какая, если разобраться, разница, махнул рукой Фалько! Может, у него и брюк-то приличных нету.

Санька, которому предстояло садиться за руль, налег на макароны, Фалько выпил еще вина. Жизнь легче не показалась, но грудь как-то отпустило. Было уже шесть.

– Может, начнем уже?

– Закрывается еще все.

– А мы объезд с круглосуточного начнем, продуктами на поминки затоваримся. Потом в церковь: что, если батюшка с самого утра там?

Санька пожал плечами:

– Поехали.

«Не забыть бы про рис и изюм для кутьи, – думал по дороге Фалько. – И сколько брать водки? С одной стороны, если найдет народу, нужно чтобы обязательно хватило. Ведь тремя стопками сейчас отнюдь не все ограничиваются. С другой стороны, если много останется – Олег уйдет в запой до тех пор, пока не перепьет всю... Бутылка о двух концах, так сказать. Для женщин вино нужно... Для салатов майонез, горошек... А ведь закупка продуктов – самое простое из того, что предстоит сделать!» – вздохнул Фалько.

До Светы Сергей вообще хоронил только дедушку и бабушку по отцовской линии. Точнее сказать, просто участвовал в траурных церемониях. Хлопоты, ответственность за это специфичное дело брали на себя другие. Дальние родственники, которые могли бы и не напрягаться.

От похорон отца Фалько увильнул. С его стороны было это, мягко говоря, не совсем правильно.

Он и мать уже обосновались в Колодищах. (Это после Якутии с отчимом Родионом Петровичем, Казахстана – с отчимом Анатолием Фатеевичем, после жизни в Иссык-Кульской области.) Фалько поступил в университет и стал таким важным-преважным. Журналист, не абы что!

Отец, отсидев два года в лечебно-трудовом профилактории (ладно хоть не санаториями эти колонии для алкашей назывались), вернулся в Борисов и лихо-радочно наверстывал упущенное. Было за что. После смерти родителей по завещанию досталась ему довольно крупная сумма, что-то около пяти тысяч рублей. Даже если бы каждый день выпивал две бутылки сухого болгарского вина по два сорок, то хватило б на две тысячи восемьдесят два дня. Или на шесть лет. Пусть бы пару лет, подрабатывая сторожем на кильку и макароны, из этой веселой череды проел, несколько месяцев потратил на одежду. Все равно – коммунизм.

Но... где там Маркс, почему не все предусмотрел? Прожил попса лето, наслаждаясь бормотухой, ненапряжным бытием и образцовым социалистическим порядком родной страны в родном городе. На носу осень, зима... Холода, словом, которые были чреваты хлопотами по топке печек. Пепел, мусор – фи, какая гадость! А как же созерцание?.. Не стало порядку!

И вот Олег Михайлович (что интересно, и первого мужа мамы Сергея, и единственного Светинога звали одинаково. И здесь без некой чертовщинки не обошлось!) решил сойтись с каким-нибудь бабцом. В первую очередь, конечно, не плотски. Духовно, для хозяйственных, так сказать, нужд. На отопительный сезон.

И связался с соседкой Фенькой. Бабой та была глупой, хитрой и корыстной одновременно. На улице Пролетарской появилась еще в пятидесятых – из деревни, аграрных то есть краев. Восемнадцатилетней девахой: кровь с молоком и мясо со сметаной. И вышла замуж за одноногого шестидесятилетнего еврея-сапожника. Возможно, по большой любви – всяко бывает. Однако не исключено, что из-за денег, ведь Фельдман был единственным в городе обладателем частного ремесленного патента, выданного ему как личности документально героической. То есть участнику и инвалиду войны.

Пока Фельдман не умер, Фенька успела родить сына и прочно утвердиться в его халупке. (Разговоры о несметных богатствах сапожника-индивидуала базировались на якобы скупаемом им зубопротезном золоте.) С тех пор сменилось у нее еще пять или шесть мужей, но лиц славянской национальности, сплошь пропойц или тюремщиков, которые, умирая или возвращаясь в тюрьму, кроме лишнего доказательства женской гипотезы, что все мужики сво... не оставляли ей уже ничего. Так как кроме Эдьки Фельдмана от пропойц родилось у нее еще двое хлопчиков, то Фенька частенько задумывалась о необходимости расширения жизненного пространства и поглядывала на дом Фалько. Як той Хітлер на глѐбус.

Поэтому, когда Олег Михайлович обеспокоился перспективой грядущих холодов, Фенька принялась его охмурять. А много ли не избалованному женским вниманием алкоголику нужно? Одна никелезубая улыбка да вовремя поднесенная поутру флакуша огуречного лосьона, и его сердце, а также больную уже печеньку можно было брать голыми руками. (Как бы можно! Ведь Олег Михайлович был не так прост, достаточно себе на уме.)

Словом, они сошлись, лед и пламень, активная корысть и ленивая винная плесень, то есть «мамочка» Фенечка и папа Олег. В конце сентября папочка переехал к Феньке.

По опыту борисовская Клеопатра знала, что мужики народ ненадежный. В любую минуту могут либо в тюрьму свинтить, либо ласты склеить. В отличие от жилого фонда, в котором иногда беззаботно и безнадзорно проживают. А посему, хочешь похмелиться – изволь, гад вилючий, обещать насчет загса. «Да у меня и пиджака-то нету», – увиливал Фалько-старший. «Ну ладно, в ноябре пойдем, когда уже холодно станет. Пальто ведь у тебя ничего еще, не сильно блестит», – мягко, чтобы не сломать невзначай, но упорно гнула свою линию Фенька.

Фалько-старший продержался и ноябрь, и декабрь. Продержался бы на халяве, не утруждаясь топкой печек, и до весны. Но Фенька придумала хитрость – выгнала Олега Михайловича в канун крещенских морозов. А чтобы тот промерз надежно – перебила в его доме все окна. Когда, мол, до костей проберет – назад запросится. А я только через загс пушу.

Однако Олег Михайлович не сдался. Стекла, понятно, вставлять не стал: ведь очень сложно все это. В магазин какой-то специализированный ехать, на стеклорез тратиться. Проще подселиться к другу. Тоже, конечно, алкоголику. Но зато живущему в квартире с централизованным отоплением.

Разумеется, что друг принял Олега Михайловича с нескрываемой радостью, ведь тот еще при деньгах был. И стали они в тепле пить-попивать да над Фенькиной глупостью посмеиваться.

Между тем дом, конечно, портился: на полу лежал снег, какие-то бомжи изрядно его протуалетили.

Но когда в Борисов пришла весна и каштаны на проспекте Революции зацвели россыпями восковых колокольчиков, Олег Михайлович вернулся домой и взял на постой рукастого мужичка. Чтобы тот окна вставил, дерьмо с пола убрал. Тоже, естественно, не пропагандиста общества «Трезвость». С нормальными-то ему как-то скучно было. Мещане, мол, подкаблучники.

Мужик навел в хате должный порядок, посадил в огороде какие-то овощи и даже цветы в палисаднике. Словом, создал для Олега Михайловича образцовые бытовые условия. Чем не жизнь? Ведь и деньги еще оставались, и в окна не дуло, и лето только-только забрезжило.

Но не дремала мстительная Фенька. Не могла забыть она Фалько-старшему, что тот опозорил честное ее имя: жить с нею жил, а замуж не взял!

Между тем времена в стране для гультаев наступили самые суровые. Ведь у нас всегда так: время плевать в потолок и время белить их. Вот почему мы живем хуже американцев? Да потому что вкалывать, как они, не умеем! Сказал главный человек КПСС Андропов, искренне так считавший. (В отличие, скажем, от нашего современника А.П. Паршева, автора исследования «Почему Россия не Америка», все очень ловко свалившего на гадость российского климата, словно человек не божье создание, а какая-то, извините-с, георгина. Мол, тепло цветочку – расцветает он; холодно – пестики-то, на фиг, все и отваливаются.)

Первыми ласточками наведения строгого, истинно американского порядка стали облавы на прогуливающих лекции студентов. Во время дневных сеансов кинотеатры оцеплялись конной милицией, блокировались все входы и выходы.

«Первый закон Ома? – орал схвативший за шкирку какого-нибудь очкарика дюжий старшина. – Отвечай, не то вклеим червонец без права на переписку». – «Чем больше спишь – тем больше дома», – отвечал дрожавший от страха студент. – «Гм, правильно, есть еще в башке что-то. Ладно, дуй отсюда, пока цел... Типченко, тащи следующего!»

Но особо жесткую расправу Андропов подготовил для тунеядцев. Если гражданин не работал более четырех месяцев подряд без уважительной причины, тому грозил тюремный срок.

Проза

Стараниями Феньки Олег Михайлович и угодил в тюрьму. Все правильно, если бы попса не тунеядствовал, а работал на благо общества, то тогда бы СССР точно перегнал Штаты. По количеству прогулов и нарушений трудовой дисциплины.

Фалько-старший не отбыл и половины годового срока. Ведь у него было подорванное спиртосодержащими товарами народного хозяйства здоровье. В октябре сел, а 22 декабря (опять это число, ладно, хоть не в августе!) его не стало.

Мать и сын Фалько отказались забирать тело.

В день смерти Сергей посмел сходить в кино, на совершенно дурацкую комедию «Фантоцци против всех». А чтобы обмануть совесть, попытался к похоронам примазаться. Узнав, что отец находится в морге судебной медицины и увозить его оттуда на кладбище планируется на двенадцать дня, к назначенному сроку поехал в больницу на Кижеватова.

«Сколько ему было-то?» – спросил санитар в заляпанном сукровицей халате, закуривая дешевую сигарету. – «Сорок восемь». – «Хм, молодой еще. Прощаться будешь?» Но Сергей опять смалодушничал: «На кладбище попрощаюсь», – промямлил он.

Санитар пожал плечами и скрылся за оцинкованной дверью.

К моргу подкатила тюремная машина. Это был грузовичок с фургоном, в котором привезли простой, не обитый материей гроб и могильную тумбочку с номером на жестяной пластинке. Для сопровождения Олега Михайловича в последний путь под надзором двух солдат с автоматами и черной настороженной овчарки прибыло двое ухмылявшихся неизвестно чему, отнюдь не скорбящих зеков в черных хэбэшных спецовках и матерчатых ушанках. Еще один солдат сидел в кабине за водителя. В качестве командира похоронной команды был молоденький лейтенант с красивым бледным лицом. Ровесник Сергея.

«Сын? – пристально глядя ему в глаза, спросил лейтенант. Фалько виновато кивнул и сунул приготовленный пакет с одеждой: купленный в комиссионке за девятнадцать рублей сильно поношенный костюм, белье, носки, свою нелюбимую, пару раз надеванную сорочку, какие-то дурацкие кожаные тапочки. – А почему не забрал отца?» – «Да мы и не жили с ним. Родители давно в разводе». – «Знаю, Фалько в моем отряде был. Алкаш. Но все равно – родной ведь, – и мальчишка-лейтенант вздохнул тяжело, словно нес на себе все наше «зло окаянное». – А одежду назад заberi. Забили уже крышку». – «Так что, он теперь голым в гробу останется?» – «Да какая разница, – опустошенно ответил лейтенант. – Белье, впрочем, можешь оставить. Заключенным за работу отдам». – «На кладбище с вами можно?» – «А куда тебя посажу? В кабине места нет, в фургон посторонним нельзя». – «Хорошо, я тогда следом на такси поеду». – «Не положено! – по-военному категорично отрезал лейтенант. – Кроме нас, никто больше в церемонии участвовать не должен. – И добавил отстранено: – Раньше нужно было думать».

Зеки задвинули в кузов желтеющий свежими сосновыми досками гроб, и грузовичок, оставив растерянного Сергея на морозе у морга, уехал.

Долго так простоял, без единой мысли в голове, но с ощущением тяжести и собственной вины на душе. Пока не замерз. Раздраженно бросил пакет с костюмом в урну и отправился домой.

Весь вечер перебирал в памяти эпизоды общения с отцом, но так и не вспомнил ни одного, который наполнил бы теплом и благодарностью. Ну не было таких, не было. Олег Михайлович безобразно относился к матери, пропивал все до копейки в доме деньги. Ну какое еще могло быть к нему отношение? Это что, извините, отец?

Поэтому мать и сын Фалько даже не отметили его девять дней. Только сорок. И еще семнадцать лет не были у него на могиле.

Тем не менее на участке спецзахоронений Северного кладбища тумбочка с табличкой сохранилась. Весь участок зарос лесом, соседние могилы обезличились. А на отцовской каким-то чудом выстояла. Словно была уверена, что понадобится. Сгнила совсем и держалась, что называется, на честном слове. Сергей вырубил вокруг могилы деревья и заказал наконец-таки памятник. Стал каждый год на Радуницу заезжать к бедовому Михалычу, посадил цветы...

Все, вроде бы исправил сын ошибку. Однако там, наверху, его пренебрежение к сыновним обязанностям все равно припомнили. Наверно, по инерции. Еще через несколько лет после налаживания отношений Сергея с покойным отцом.

Летом 2001 года он полетел с дочкой на Кипр, остров скучный и необычайно жаркий. Интерес к Кипру был у него инициирован единственно тем, что представлялась возможность безвизовой поездки в Израиль.

Киприоты – народ, который усиленно прикидывается англичанами. Даже дорожное движение там, как и в Англии, шиворот-навыворот, рулевое с правой стороны. Но лукавство-то киприотское восточное куда спрячешь? Никакими фэйф-о-клоками не прикрыть. Взять хотя бы утверждение всех туристических справочников, будто средняя температура воздуха на острове в июле не превышает двадцати шести градусов... Ага, двадцати шести... Сергей как-то оставил на балконе пластиковые сланцы, а вечером обнаружил, что от кипрских «двадцати шести» те размякли словно пластилин! Узнать истинную температуру воздуха на Кипре невозможно. Это государственная тайна. На этом азиатском острове нет ни одного установленного в публичном месте термометра!

Киприоты очень любят новых русских за то, что они сделали остров огромной прачечной по отмыванию уведенных ими из российской экономики капиталов. Не меньше любят, впрочем, и «старых» русских, позволяющих считать себя туристами второго сорта.

Их обожают отправлять в паломнические туры в Израиль. Сомнительные с той точки зрения, что отнюдь не каждый паломник получал возможность ступить на Святую Землю. Ведь добрую часть из них израильские пограничники просто не пропускали на берег по поводам, о наличии которых русских туристов кипрские туроператоры сознательно не предупреждали.

Например, не пускали одиноких девушек. А кто мог поручиться, что они тут же, прямо на причале, не займутся проституцией? Не пускали одиноких мужчин. А что, если уголовники? Не пускали семьи в полном составе. Где гарантия, что вся семейка не решила остаться в Израиле в качестве нелегальных эмигрантов?

Разумеется, это было их право: пускать или не пускать. Но израильская пограничная служба была обязана официально поставить в известность кипрские туристические компании о повышенных к русским требованиям. Кипрские туроператоры, в свою очередь, должны были довести эту информацию до туристов. Разумеется, русские бы тогда в этот тур не поехали. Все. Зачем рисковать? Но тогда пострадал бы бизнес туристических кипрских и израильских компаний. На одних западниках этот круиз вряд ли был бы рентабелен. Поэтому: милости просим, Ваня, записывайся. Ты, правда, варвар и отношение к тебе будет соответствующее, но доллары-то у тебя настоящие!

Сергея с дочкой по всем признакам должны были пустить. Ведь его развод с Жанной оформленным еще не был, в списках группы ее не значилось. Таким образом, в глазах израильских пограничников вариант нелегальной семейной эмиграции для отца с дочерью был маловероятен.

Тем не менее на берег Фалько не пустили. Без какой бы то мотивировки! Объявили об отказе и молча вернули паспорта. Сергей, конечно, рвал, метал...

Проза

На судне таких осталось пятнадцать человек, все эсэнгэшные. Англичан, французов и даже немцев пустили всех до одного. «Непущенцы» купались в бассейне и пили холодное пиво, со злости фотографировали стоящую на рейде подводную лодку. До земли обетованной было всего с десяток метров, но она по-прежнему оставалась для них такой же далекой, какой была в Москве, Екатеринбурге или Минске...

Между тем Хайфа притягивала как магнитом. Гибрид Владивостока и какого-нибудь Сиэтла, город наторканных в холмы ультрасовременных небоскребов и живописных, выстроившихся на узкой прибрежной полосе вилл. А еще Хайфа напоминала Сергею Ташкент. Своим довлеющим над всем и вся ядовитым, сумасшедшим солнцем... Море за бортом казалось масляно-жирным. В пронзительно синей неподвижной толще колыхались огромные медузы и нагло скользили толстые рыбыны.

Укрывшись от палящих лучей под хлопающим незакрепленными краями тентом, Сергей с двумя товарищами по несчастью затеяли игру в карты. Познакомились. «Непущенца» по левую руку звали Олегом Михайловичем. Как и отца. По правую – Юрием Григорьевичем. Был тот из Дзержинска Горьковской области и жил, как Сергею удалось вспомнить, на той же, что и Марина Бычкова, улице... Марина, Марина...

С этой девушкой у него был роман. Фалько немножко, как говорится, помятросил ее и бросил. Дело, впрочем, давнее. Но не забылась вот, обида Маринина, не стерлась.

Сразу он ситуацию эту, конечно, не просчитал. Подумаешь, Олег Михайлович, подумаешь, мужик из родного города писателя Лимонова. Однако обстоятельства, которые свели их вместе на одной точке верхней палубы пассажирского лайнера «Сирена», явно предполагали то, что будут осмыслены. Шутка ли, приехать на Святую Землю и возвратиться восвояси, даже не ступив на нее. Это было наказанием за два греха, никак не связанных друг с другом.

Итак, чтобы стать Юлиным любовником, Фалько должен был снять квартиру. Желательно где-нибудь поблизости. Ей-то ведь, если разобраться, все равно; а для графомана самое ценное в его химерической жизни – время.

Внимание, а теперь еще одна деталь со следами действия потусторонних сил.

В августе и самом начале осени в Минске, как, наверно, и в любом другом городе со множеством вузов, дефицит сдаваемого в аренду жилья. На одну дешевую однокомнатную квартиру с мебелью приходится до двадцати претендентов. Само собой, напрямую квартиры не сдаются, исключительно через агентства. Для арендодателя такой вариант сотрудничества выгоден, ведь все его хлопоты – только сообщить агентству условия. Агентство за свой счет публикует объявления, отвечает на телефонные звонки и отцеживает клиентов. И все бесплатно, услуги оплачиваются из кармана арендатора.

Дефицит подтолкнул агентства к идее лохотрона. Стали драть деньги вперед со всех, кто за услугой обращался, а уж обязательства выполняли, как получалось. Предположим, в день рынок аренды мог предложить пять квартир. Каким-то образом контактные телефоны этих пятерых квартиросдатчиков становились известными абсолютно во всех минских агентствах, которые с видом благодетелей давали номера клиентам. В результате тем приходилось устраивать гонки: кто быстрее. Удобный район, неудобный – мели все подряд. Наибольший шанс имели те, у кого был телефон с автодозвоном и машина под окном: первыми дозванивались, первыми встречались. Контрольное время выброса информации у всех агентств было одинаковым – 17.30. Сговорились, понятное дело. Само собой разумеется, в 17.40 эти квартиры были уже занятыми, сотни аутсайдеров материли агентства и начинали отсчитывать часы до следующего старта.

Этих особенностей минского квартиросъема Фалько не знал. Часов в семь вечера взял газету с объявлениями и позвонил в первое попавшееся агентство: «Есть однокомнатные в Уручье?» – «Бывают, приезжайте».

Когда нашел офис агентства, лохотронщики уже собирались по домам. И печать в сейфе запереть успели, и шапки нахлобучили.

«Мы заключаем договоры на информационное обслуживание и бронирование понравившейся вам квартиры со сроком действия до вашего заселения. Такая услуга стоит двадцать у.е.» – «Не буду перебирать, не нужно ничего бронировать. Дайте какой-нибудь уручский адрес, не стану вас больше задерживать».

Фалько и не подозревал, до какой степени наивно выглядит.

Агентам некогда было раскручивать его по полной программе, и они просто сунули ему адрес, который еще два часа назад предлагали участникам гонки все минские агентства.

«Ну, коль не настаиваете на бронировании... В случае чего – завтра с девяти работаем. Приезжайте». – «Сколько я должен?» – «А-а, ничего не должны», – не стали мелочиться в агентстве, будучи уверенными на все сто, что лицезрят его завтра.

Указанный агентством дом находился как раз напротив дома Фалько. Он поднялся на третий этаж и нажал кнопку звонка. Сергею открыла бабулька, которая сама только пришла с улицы и еще не успела снять плащ.

«У вас сдается квартира?» – «Проходите».

В прихожей разрывался телефон. Вероятно, разрывался так с 17.30.

«Перезвоните позже», – не стала отвлекаться от процесса сдачи квартиры бабулька.

Сергею захотелось оценить вид из окон... Окна квартиры, снять которую оказалось проще, чем шляпу с гвоздя, находились как раз напротив его окон! И это в двухмиллионном городе!

Квартирный вопрос вновь всплывет, только решаться будет как бы «против течения». Выехать Белке из Уручья, чтобы дистанцироваться от Сергея, окажется во сто крат сложнее. Поиск квартиры в Серебрянке вытянет кучу денег и затянется на полтора месяца, ее лоханут три агентства. Но об этом позже.

Первым после переезда культурно-массовым мероприятием Белки и Сергея станет посещение службы в церкви деревни Заболотье Смолевичского района. Тамошний батюшка был знаменит тем, что проводил обряды экзорцизма.

«А как обряд будет выглядеть?» – заинтересовалась Белка. «Чтобы выгнать из человека дьявола, нужно создать для того невыносимую атмосферу. Вроде той, которая образуется с помощью антибиотиков в человеческом организме. Микробов убивает концентрированная химия, а дьявола – концентрация божественного духа. Для создания достаточной концентрации отцу Леониду приходится истово молиться несколько часов. Между прочим, по канону православной церкви этот обряд может проводить монах, у которого за плечами не менее двадцати лет послушничества. По-видимому, отец Леонид в своем деле очень способный. К тому же изнуряет себя постами и молитвами: запавшие щеки, горящий внутренней силой взгляд, ну... и все такое. Наверно, у отца Леонида даже открылось ясновидение. По крайней мере, на месте так называемого «третьего глаза» у него – шишка. В общем, он истово молится до тех пор, пока дьявол не выдает свое присутствие в прихожанах, и уже над выявленными одержимыми читает специальные молитвы, предназначенные только для этого случая. Дьявол начинает ругаться матом, хрюкать, гавкать и тому подобное. Чтобы сбить батюшку и тем самым сорвать обряд».

– «Что, так прямо и хрюкает?» – удивилась и одновременно испугалась Белка.

ПРОЗА

«Если бы... Может и буяннить, броситься на батюшку с кулаками, плеваться на иконы. Через одержимых людей, разумеется. Ведь у самого дьявола нет голоса, тем более рук... Для поддержания порядка на службах присутствует команда крепких ребят». – «Ой, что-то страшно мне. Вдруг и я захрюкаю!» – «Ну, этого просто быть не может! Чтобы ты, ребенок...»

И в ближайшее воскресенье они таки поехали. Фалько был очень доволен тем, что удалось уговорить Юлю. Лично для него в свое время поездки в Заболотье стали откровением, толчком к новым поискам Бога, к увлечению эзотерикой.

Остывающими угольками польхало бабье лето. Почти холодно, почти жарко. Электричка была переполнена бесполоыми пожилыми дачниками в штормовках, и появившаяся в вагоне Белка в длинном, широком, пышном летнем платье походила на случайно залетевшую в чулан яркую бабочку. В тот день она была просто сказочно, невероятно красива. Принцесса!

В маленькую старую деревенскую церквушку набилось столько народа, что невозможно было повернуться. В Заболотье ради служб отца Леонида съезжались со всей республики.

Отец Леонид молился так, будто это была первая или последняя молитва в его жизни, выкладывался, словно молиться предстояло не несколько часов, а считанные минуты. Отчетливо выговаривая каждое слово, приумножал их силу участием души и сердца. Это была фантастическая работа, чтобы выдержать которую в нужном градусе и на нужной ноте, наверно действительно необходима двадцатилетняя монастырская закалка духа.

И постепенное сгущение божественного духа в храме стало ощутимым. Душа просветлела, тихонько, про себя, запела, теснота замечаться перестала. Извечно сопутствующая многочасовому стоянию на православных службах боль в ногах и спине куда-то ушла.

«Мяса, мяса хочу! – вдруг завопил дьявол из какой-то женщины. – Что ты меня, бородатый, сосисками кормишь?! В них же мяса совсем нету!» А парень впереди вдруг повернулся к Фалько, скорчил глумливую рожу и сомнамбулически пробормотал: «Не умеет поп службу вести. Все молитвы перепутал. Знаешь, как он шишку на лбу набил? Ночью в сельпо залез – ящик водки украсть – так на грабли в темноте наступил». «У-у-у-у-у-у-у-у-у-у-у!» – утробным басом вдруг завывала какая-то девушка. Одержимый парень опять повернулся, скорчил точь-в-точь такую же гримасу и повторил, как заведенный: «Не умеет поп...»

Отец Леонид освятил воду в большой бочке. Дьякон, зачерпнув полное ведро, носил его за батюшкой, а Леонид щедро разбрызгивал святую воду по сторонам. Несколько раз дьякон наполнял ведро, народ в церкви вымок с головы до ног.

После массового причащения дьявол проявил свое присутствие еще во многих. Вот тут-то и полезли из одержимых крайние дьявольские проявления: матерщина, хрюканье и тому подобное. Отец Леонид подходил к беснующимся, читал молитву и полковничьим голосом приказывал: «Дьявол – изыйди!»

Тактика «князя хаоса» большим разнообразием не отличалась. Тянул время. «Сейчас, сейчас, – ворчал. – Ну чего ты, бородатый, нетерпеливый такой? Сказал же, выйду. Значит, выйду». – «Дьявол – изыйди!» – не давал рогатому спуску отец Леонид, пока тот не покидал жертву. Тело одержимого обмякало, и он падал, будто подкошенный.

После службы Сергей и Белка долго не могли прийти в себя. «Давай прогуляемся по лесу!» – предложил Сергей.

Им хотелось растянуть этот день до бесконечности. Взявшись за руки, они побрели по старому березовому лесу вдоль железной дороги, и пересохшая опавшая

листва с шуршащим треском рассыпалась под ногами. Белка искоса поглядывала на Сергея, словно хотела что-то сказать, но не осмеливалась произносить вслух, поэтому ограничилась телепатическими сигналами. А он в свою очередь как бы не осмеливался их принять. Так и не поцеловал...

В Жатае маме Фалько предложили стать заведующей учкомбината пароходства, Родион Петрович устроился грузчиком в Якутском аэропорту.

Прожив до лета у тети Маши, они перебрались в помещение комбината. В принципе, это был типичный одноэтажный барак с «удобствами» во дворе, коробом-помойкой, десятком учебных классов и несколькими комнатами для преподавателей, в которых поначалу тоже были классы: напротив раскладушки Сергея, закрывая старую грифельную доску, висели плакаты по судоремонту.

Начало занятий приурочивалось к концу навигации, то есть к октябрю, когда Лена затягивалась в ледяной панцирь. А пока мать и сын Фалько, а также приехавшая Света наслаждались северной экзотикой.

Лето в средней Якутии достаточно теплое, солнце в июне заходит ближе к полуночи, и дни иногда бывают даже откровенно жаркие. Но беда в том, что все это баловство длится недолго. Начало июня еще здорово отдает снежком, а конец августа уже омрачается холодными дождями.

Начинается долгожданное каждый раз бурно и неожиданно. Лето прямо обрушивается на северян, которые уже начинают терять веру в его существование. В мрачных ельниках, злобно истекая влагой, все еще лежит ноздреватый и льдистый черный снег, но в считанные часы вдруг распускаются листья, из земли выпирает муравушка, в воздух поднимаются мириады комариных эскадрилий – ведь Якутия это еще и край не считанных озер.

Есть в республике озера, словно моря, – бескрайние, именитые, удостоенные отображения на картах и атласах, но абсолютное большинство малы и совсем мелки, поэтому их тянет назвать лужами. Однако ведь жизнь обычной лужи пуста и скоротечна, а лужи якутские кишат жизнью личинок, и они вечные. Зародившись однажды во время паводка в какой-нибудь низинке или выемке, остаются уже навсегда. Вечная мерзлота не дает воде уйти, летом подпитывает; зимой мороз озерца-лужи как бы консервирует.

Не счесть было таких озерешек и прямо в поселке. Фалько часами наблюдал за жизнью личинок, отлавливал банкой образцы. Некоторые личинки были похожи на морских или шахматных коньков и передвигались как бы стоя на хвосте, горделиво запрокинув головки, некоторые – на маленькие красноватые ромбики или на безголовых рыбок. Встречались и совершенно фантастические существа, состоящие только из глаз и неких, словно у осьминогов, щупалец. Иногда, линейно выдерживая курс, быстро и энергично отталкиваясь тонкими ножками, гладь озерца разрезали задастые жуки-плавунцы, чертили зигзаги реактивные водомеры, похожие на комаров с ногами цапель.

Итак, воды Якутии принадлежали личинкам, воздух – комарам, земля не аграриям, а скорее червям, чахлые цветники и огороды, безусловно, бабочкам. А вот на дровах жили черные жестяные жуки с длинными, лихо закрученными вверх гвардейскими усами. На каждом полене сидело штуки по три. Сергею кто-то сказал, будто жуков используют для приготовления очень-очень ценного лекарства. Поэтому усачей якобы закупает аптека. Рассчитывая наесться вдоволь двенадцатикопеечным гематогеном, Сергей собрал «гвардейцев» штук двести, принес в банке домой – жуки расползлись по всему учкомбинату.

Проза

Учитывая короткий срок лета, власти спешили в него уложиться. Население Якутии утраивалось за счет прилетавших с обжитых краев бригад шабашников, которые лихорадочно возводили отбывающим в отпуска северянам новые бараки и административные корпуса. Практически круглые сутки в Жатае визжали пилы и стучали молотки. Словно получив изрядную порцию дрожжей, якутские городки и поселки буквально на глазах разрастались. По Лене и многочисленным притокам ползли караваны судов. Чем не повод рассказать о «якутском Ниле?»

Редкий дельтапланерист сумел бы долететь до середины Лены. Это потому, что в районе Якутска за противоположный берег ее можно принять какой-нибудь срединный остров. В общем – ширь необъятна, воды упруги и чисты, плещутся рыбы, балдеют бомжи...

Вместе с мамой и Светой Сергей часто бывал на великой реке. Бурлаков, правда, не видели, но удовольствие все равно получали. Пока Сергей на дутой до ладности автомобильной камере барахтался в теплых заводях, женщины рыбачили. Рыбы в Лене было столько, что заядлыми рыбаками становились все. Даже вегетарианцы, которые, словив рыбешку, вероятно, тут же со слезами отпускали обратно... Ни мама Сергея, ни Света удочек в руки никогда прежде не брали. Тем не менее таскали окуней одного за другим. Ловили на хлеб, червей, мух, стрекоз, гусениц. Словом, на все, что попадалось под руку.

Однако жатайцы чувствовали себя не только рыбаками-потребителями, но и водниками-государственниками: даже продавщицы в магазинах райпотребсоюза, поддевавшие под халаты тельняшки, даже Родион Петрович, грузчик аэропорта, также отдававший полосатеньким должное. Что уж говорить про мальчишек, которые из-за многочисленных, пришпандоренных рядами эмблем якорей, «капусты» и «крабов» становились похожими на бронзовые памятники. А как гордились принадлежностью к касте речников учащиеся жатайского речного ПТУ! И хотя летом распускались они на каникулы, но ведь форму все равно не снимали.

Впрочем, это была их особая, «представительская» форма, в которой к занятиям все равно бы не допустили. То есть с клешами полуметровой ширины, какими-то неуставными кителями, военно-морскими фуражками...

Еще одним чудом средней Якутии была тайга. Нетронутая, первозданная. И однажды, уже перед самой школой, когда Сергею предстояло сменить мечи на орала и пойти в первый класс, преподаватели учкомбината в организованном порядке выехали в тайгу за грибами. На грузовике, с ночевкой.

Тайга – это тот же лес, но только без кострищ, жестянок, использованных презервативов, обрывков газет и линий высоковольтных передач. Словом, вообще без следов жизнедеятельности человека. Это такой лес, каким он был во времена восстания Спартака или хотя бы Ивана Грозного – до убийства им сына. Поэтому сбор грибов действительно оказался сбором, а не поиском с многокилометровым хождением.

На практике тихая охота выглядела так. Занимавший место рядом с водителем жатайский сторожил, зиркая по сторонам, оценивал виды, и когда достаточно впечатлялся – давал знак. Петлявший по едва заметной кочковатой дороге грузовик останавливался, грибники перепрыгивали через борта и обнаруживали перед собой целые грибные колонии на сотни, тысячи грибных особей.

Отбирались только самые молоденькие боровички и подосиновики. Грибные гиганты, чьи фотографии могли бы украсить страницы центральных газет и журналов, так и оставались нетронутыми. Между прочим, как и туши бизонов, которых ради языков отстреливали прямо из окон вагонов пассажиры первой панамериканской железнодорожной магистрали.

Серыми мячиками в папоротнике и на ветках сосен, кедров и лиственниц мелькали бесчисленные бурундуки: острые чуткие носики, черные бусинки глаз и хвосты, служившие им вместо рулей и тормозных парашютов. Зверьки игристые и любопытные, подпускавшие к себе на расстояние вытянутой руки. За что один из них и поплатился: Родион Петрович изловчился и набросил на шустрика свитер. Сунул руку, надеясь ухватить зверька за загривок, но схватил за хвост. Но бурундук не корова, животное свободолюбивое: рванулся – да и оставил хвост в кулаке грузчика якутского аэропорта. Будто ящерица.

Грибов каждый набрал столько, сколько приготовил мешков, рюкзаков, кадушек и ведер.

Первого сентября, в канун годовщины начала Второй мировой войны, беззаботная жизнь Сергея оборвалась. К школе ему купили черный траурный бостонный костюмчик и фундаментальный кирзовый портфель. Вставили в потный от волнения кулачок букет цветов и повели на первую линейку. Поселок, задумавшуюся, мутную Лену поливал нескончаемый холодный дождь.

В школе Сергею пришлось туго. В первую очередь потому, что к учебе не готовили. Он не то чтобы читать, закорючки не мог вывести, разве что до десяти считал. Поэтому каждый день занятий ему надо было засчитывать за три, прибавлять к трудовому стажу и выдавать шоколад за вредность.

Он возвращался домой в угнетенном состоянии духа и с фиолетовыми от чернил ладонями. Ведь не всегда школьники писали поддельными паркерами, в шестидесятых годах свои каракули страдальцы выводили деревянными ручками со стальными брызгающимися перьями «уточка» или «звездочка». Но если б в чернилах были у Сергея только ладони, ведь фиолетовыми также оказывались его голова и плечи костюма. И вот почему.

Несмываемые чернила мамы школьников варили из сердцевин химических карандашей и заливали в «непроливашки», чернила из которых, если не бить ими по голове, действительно не проливались. Но колотить друг друга чернильницами стало для первоклашек жизненной необходимостью. Ведь помимо ежедневно получаемой порции стресса, этой диковатой потребности также способствовало и то обстоятельство, что чернильницы носили в маленьких мешочках на длинных завязках, взявшись за которые так удобно размахиваться, что не треснуть брата по несчастью был бы просто нонсенс.

Не успел Сергей запомнить первые буквы алфавита, как Жатай завалило снегом.

Зима установилась в октябре, сильные, до сорока градусов, морозы в канун праздника Великой Октябрьской революции, сорок девятого годика народной власти.

Света оказалась на своем радионавигационном отделении чуть ли не единственной девушкой и купалась в лучах мужского внимания. Так как Светина внешность была далека от эталонов женской красоты, то обстоятельство для нее немаловажное. Ведь в пищевом техникуме ситуация была обратной: один парень, да и тот Хазанов, приходился на десять девчонок.

Женская форма на складе отсутствовала, и Сережиной тетушке выдали мужскую, то есть с фуражкой, черными клешами и ботинками. С одной стороны, училище как бы выполнил свои обязательства, с другой – лишь отписалось галочкой. Света заказала в ателье несколько черных юбок, ушила шинель и купила аккуратные черные бурочки.

По вечерам тетушка бегала в клуб на танцы. Естественно, с голыми коленками. Мила Фалько сильно ее за это ругала. Света кивала на своих кавалеров, среди

Проза

которых даже надевать шинели считалось зазорным. Согласно их представлениям, в любой мороз в клуб нужно было являться в одной форменке с выглядывающим треугольником тельняшечки. Разве не преступление скрывать такую красоту за сукном скучной черной шинели, которая от железнодорожной отличалась разве что якорями на пуговицах?

Закупив продукты в круглосуточном магазине, Сергей и Санька поехали на заправку.

Светин брат стал гражданином Республики Беларусь совсем недавно. Родившись и прожив до сорока пяти лет в Бишкеке, рассчитывал там уже до конца, до упора и оставаться, – детей-то у него не было, ради кого тогда срывать с обжитых восьми соток бишкекской земли и оставлять дом, в котором родной каждый сучок пола? Однако качество жизни в Кыргызстане ухудшалось не по годам, а по месяцам. Когда его инвалидская пенсия снизилась до восьми долларов, решил уезжать. И еще успел удачно продать дом в центре города. На вырученные деньги купил дом в Узде и десятилетний малолитражный «рено». Теперь получал пенсию в сто пятьдесят долларов и был вполне доволен, школу экономии прошел великолепную и поэтому укладывался, не хватало разве что на бензин. Санька и на похороны-то родной сестры приехал, заняв у соседа десять литров. «Зажрались тут, – ворчал он, – ноете все, ноете... Идеалисты хреновы. Я бы самых нытиков в Кыргызстан пожить отправил: электричество через день, газ по карману только баям. Люди на кострах готовят, – если, конечно, есть из чего. А по ночам – резня, разбой...»

Так как конторы ритуальных услуг были еще закрыты, вернулись в Колодищи и подъехали к спрятавшейся в лесопарке душевной поселковой церквушке. Есть кто?

Вход на замке: будний день. На прилегающей к парку улице остановили какого-то старика.

– Батюшки сегодня не будет. Связаться можно по телефону – в городе живет. Да не помню номер. Узнать проще всего через дьякона Михаила, тот в военном лесничестве работает.

В лесничестве, однако, сказали, что со вчерашнего дня Михаил в отпуске, однако должен заглянуть перед обедом – получить отпускные. Затем, скорее всего, пойдет в церковь, потому что затеял там какой-то ремонт.

– Ладно, заедем после двух. А сейчас давай смотается в поликлинику за справкой, – сказал Санька.

За прошедшие сутки в поселке умерло пять человек, и ребятам даже пришлось посидеть в очереди. Интересно, сколько за это же время родилось? Вполне возможно, что ни одного. Еще лет десять назад в Колодищах начали строить вторую школу, но на нулевом цикле заморозили. Первоклашек с каждым годом становилось все меньше, и в районо поняли, что необходимость в новой школе скоро отпадет вовсе.

После поликлиники вернулись в город – заказывать катафалк, покупать венки и цветы – Света больше всего любила розы. Потом в Королев Стан на кладбище – определиться с могилой.

Вопрос, так сказать, на засыпку. Как официально называется профессия людей, которые роют могилы? Однажды в провинциальной газете Фалько довелось прочитать благодарность от семьи усопшего всем тем, кто выразил соболезнования, присутствовал на похоронах, а также «копачам».

– Похороны во сколько? – спросил директор кладбища.

– В одиннадцать.

Директор немного удивился:

– До двенадцати вообще-то хоронить не принято.

– Рак. Тело разлагаться начало. Поэтому заказали катафалк на самое раннее время, которое только можно было.

– Хм, тогда придется с шести утра начинать копать.

– А вы с вечера приступайте, – дал «ценный» совет Фалько.

– Могиле нельзя на ночь пустой оставаться, – тоном человека знающего сказал Санька. Ему пришлось перехоронить в Бишкеке добрую половину друзей и одноклассников. Люди в столице солнечного демократического Кыргызстана мрут рано, как в каменном веке, во цвете лет и в зените сил. Не съев последнюю манту, не докурив косячок анашички. Зато никакого тоталитаризма, читая нынешнюю Конституцию Кыргызстана, не сдержал бы умилительную слезу даже суровейший Авраам Линкольн.

– Если копать загодя, то покойник сразу, на глазах буквально, чернеть начнет, – вполне серьезно ответил директор. – Как бы обижаясь на то, что не пытаются задержать в доме подольше, а, наоборот, стараются быстрее избавиться.

– Кладбищенский фольклор? – не поверил Фалько. – Действительно были такие случаи?

– Были, – просто ответил директор. – И не раз. Двадцать лет здесь работаю, всякого нагляделся. Да и не слишком редкое это явление, многие наслышаны. Бывало и такое, что покойник сам по себе чернеть начинал. Так родственники приезжали проверить: не копаем ли.

Фалько поежился. Впрочем, почему бы покойнику и не почернеть со злости, если заметит к себе отношение как к гниющему куску мяса? Вполне логично.

Так когда же произошел пресловутый щелчок в Белкиной голове, который переключил ее сознание на режим сумасшедшей, неистовой, для нашего циничного хламидийного времени неестественной, даже как бы комичной, словно скопированной из сериала для домохозяек, продолжавшейся три года страсти, в результате которой появился Феликс, а фон их отношений чуть ли не каждодневно разнообразился причудливыми событиями с мистической подоплекой? По ее словам, во время той самой лесной прогулки после церковной службы с выполнением обряда экзорцизма – то ли была в тот день какая-нибудь магнитная буря, то ли обряд каким-то образом подействовал.

Белка была человеком холерического склада, бочкой пороха, к которой всегда было достаточно только поднести спичку. Белкина кипучая энергия искала какое-то применение, а если учесть ее полный романтических грез возраст, сердечную природу души, то вполне естественно, что русло эта энергия выбрала любовное.

Их роман был предопределен изначально запрограммированным переплетением судеб. Можно верить в подобные вещи, можно отрицать с пеной у рта. Надежнее всего придерживаться золотой середины: допускать в качестве гипотезы. Ведь чего только стоят уже упомянутые совпадения дат: ее дня рождения и дня рождения матери Фалько, рождения их сына и смертей ее дедушки, его бабушки и тети. Только отец Сергея выбился из этого ряда, умер в декабре, но ведь опять-таки двадцать второго числа.

Точно так же была предопределена и мучительная сложность их отношений: из небытия разве прорастают отношения легкие и радостные.

Проза

Белка была из странной семьи с очень ненормальным психологическим климатом. Отец с матерью развелись, но продолжали жить под одной крышей. При разводе первым делом разделили дочерей, которые тут же стали злейшими врагами и непрерывно воевали. Кроме того, доставшаяся отцу Белка без конца грызлась с матерью. Что из этого могло получиться? Ничего хорошего – стала профессиональным солдатом, который умеет только одно – воевать, хочет только одного – войны, хотя, как и все нормальные люди, боится смерти. И мечтает о вечном мире.

Если еще учесть, что Юлино образование ограничилось десятилеткой, ее эстетические идеалы были сформированы перестроечным ящиком, что за пределы родного пролетарского района она никогда не выезжала... Откровенно говоря, это был довольно ограниченный человек с неуравновешенной психикой и примитивными вкусами.

И в то же время Белка женщиной и даже человеком была самого высшего порядка, то есть способной на полную самоотдачу, любовь 999 пробы, преданность и благородство... Если б не упомянутые недостатки – прям клад, а не девка ...

Красивые люди – а Белка была безусловно красивой – обладают высокой энергетикой. Люди с сильным или хотя бы достаточно выраженным характером – энергетикой сильной. Белкина способность творить чудеса объяснялась тем, что ее сильная и высокая энергетика сочеталась с крайней эмоциональностью и психической неуравновешенностью. В случаях наложения эмоций на «бзики» психической неуравновешенности эмоции превращались в гиперэмоции и масштабность ее чудотворчества глобализировалась.

Однако Белка даже не знала о даре и, варясь в бытовых склоках своей веселой семейки, к девятнадцати годам успела основательно покалечиться. Динамитными отрицательными разрядами, которыми в первую очередь разряжала саму в себя. У нее было изношенное, словно у ветерана войны, сердце, хронический пиелонефрит с гидронефрозом, который уже полностью съел одну почку и подбирался ко второй, больной желудок и что-то там еще и еще. (Недоверчивому Фалько как-то удалось заставить ее пройти полное медобследование. Глазам не поверил: не заключение, а справочник терапевта!)

Разумеется, Белке также ничего не стоило наставить себе тысячу и один комплекс. Некоторые из них были свойственны разве что подросткам. Перерастаемые со временем, но в Белке зацементировавшиеся. Например, что никогда не сможет покупать в магазине мясо. И не покупала.

Размеры одежды Белка носила детские, тем не менее считала, будто у нее очень толстая часть тела, находящаяся ниже талии. Чтобы непременно прикрыть ее, носила пиджаки, пошитые на манер фраков, то есть с длинными фалдами. Выработала особую манеру ходьбы, при которой становилась похожей на символ доллара: шею вытягивала вперед, плечи откидывала назад, живот и ту самую часть тела также подавала вперед.

Фалько очень хорошо почувствовал ее в первые же дни общения. Потому что была почти полной копией его матери и куда естественней выглядела ее дочерью, чем он сыном. И его мать обладала точно такой же бешеной энергией и эмоциональностью. Была диковатой, неуклюжей самосожженной. И слава Богу, до сих пор себя не спалившей, несмотря на тысячу и одну болезнь, несомненно заполученных тем же способом.

Весьма сомнительным партнером для образования счастливой пары был и сам Фалько. Хотя бы с точки зрения какого-нибудь сумасшедшего психоаналитика. Ведь его мать побывала замужем три раза, бабушка по матери тоже три...

Таким образом, он уже родился одиночкой. Даже без необходимости собственных проб и ошибок, так как в подсознании оказались зафиксированы неудачные пробы мамы и бабушки, как бы исчерпавших весь их родовой лимит на ошибки. На его долю остались только фантазии и дерганья.

Стоило личной жизни Сергея наладиться, как он тут же начинал чувствовать, будто от партнерши начинает его отталкивать какая-то сила. И партнерша уже виделась ему гораздо менее привлекательной, чем была на самом деле. К тому же раздражала, если не бесила. Даже непонятно – чем? В результате Сергей загорался мечтой о свободе либо вертел головой в поисках другой партнерши. И только тогда, когда отторжение происходило надежно и бесповоротно, становился способным объективно оценивать разорванную уже связь. Но если бы программа на одиночество была единственным сорняком в его голове. Нет же, в ней имелся еще один ступор, и какой.

С детства Сергей рос заикой: когда ему было четыре года, соседская девочка легко и изящно опустила на его голову лопату. И хотя голова Фалько выдержала, но удара все равно оказалось достаточно, чтобы отделить его от всех остальных людей, незаик. И увеличить счет графоманов еще на одну пылающую чернилами единицу. Ведь это действительно самый лучший способ сделать из нормального, обычного гражданина – человека пишушего: поднять и опустить что-нибудь ему на голову.

Сергей, конечно, мог бы отнестись к своему заиканию и менее пристрастно. Во времена его детства большинство из тогдашних заик по этому поводу не комплексовали. (Наверно, и слова такого не знали: решили бы, что к потреблению особо актуальных тогда комплексных обедов относится.) Был даже поэт один эстрадный, который сильно заикался. Роберт Рождественский. Тем не менее самым активным образом выступал по телевидению и ездил по стране в составе концертных писательских бригад.

Так что школа казалась ему тюрьмой еще и потому, что для Фалько было очень унижительно, отвечая у доски, каждый раз дергаться и приплясывать с перекошенным от напряжения лицом. Непонятно, так уж нужно ли было вообще его вызывать. Ставили бы тройбаны да переводили из класса в класс. Жалко, да? Ведь не был же раздолбаем и Макаренке ясно.

В школе все проблемы Сергея в общении с противоположным полом и начались. Ведь и девочки оказались от него по ту сторону жизни – среди незаик. И даже когда первыми делали шаги навстречу, боясь нечаянных удач, Сергей шарахался. Так создается комплекс неудачника, который потом коверкает жизнь... Он исключил для себя возможность личного ее устройства. А заодно, чего уж там мелочиться, и удачи как таковой вообще. По причине выдуманной инвалидности. Чтобы понагляднее...

Вот, например, влюбится в него Валентина Терешкова. До безумия, чего уж там. Предложит руку, сердце, квартиру в Звездном городке, белый «Москвич» эксклюзивной сборки... ну, и все такое. У любого другого, нормального мальчика, от такого предложения на спине сразу б крылья выросли. Порх, порх – и аккурат бы в окошко ее кабинета влетел. Ручку первой женщине-космонавтке в знак признательности облобызал, ключи от «Москвича» под расписку принял. И в загс, загс царицу повел... Стреляя в проходящих пигалиц глазками.

А что бы сделал Фалько? Первым делом, понятно, возликовал малость. Такая знаменитость – и в его, школяра! Но потом задумался: не слишком ли та для него старая (молодая, худая, толстая)? И зачем ему квартира в Звездном? Лучше где-нибудь в Одессе, к морю поближе. Короче, нет, не станет на Терешковой жениться!

Проза

И так бы сразу на душе легко стало, будто гора с плеч!.. Но не надолго. Потом бы опечалился, конечно.

Любовное предложение Терешковой – необходимая для проявки гипербола на грани фола, на практике все выглядело гораздо более грустно.

В юности Фалько мечтал о платонической любви. Реальной. (Не о сексе, заметьте, о котором грезило большинство его ровесников, а он, из-за комплекса и первого не слишком вдохновляющего опыта, отказался.) Только о любви. Но о такой, чтобы, знаете, сразу за руки – и... к звездам!

И что же стал делать для достижения благородной цели? Присоединился к ватаге ребят со своей улицы, чтобы вместе ходить в парк на танцы. Они затоваривались крепким плодовым вином и распивали оное близ музверанды в тени парковых сосен. Так как Фалько считал себя чуть ли не инвалидом, то и смелости, дабы пригласить на танец приглянувшуюся девушку, требовалось ему гораздо больше. Поэтому лично Фалько выпивал не литр, как приятели, а полтора. И все равно трусил так, что поджилки тряслись, а хмель не брал его почти.

Фалько забивался в самый темный угол площадки и глазел оттуда по сторонам: где ты, моя Изольда? Ку-ку! Пьяный Тристан уже прибыл и стоит в тени волшебного дуба!

Если же кого-то отцеживал, то все равно не приглашал, в глубине души надеясь, что его опередят. И тогда со спокойной совестью говорил себе: занята! Ну что, брат, поделаешь, коль Изольда будет плясать с другим рыцарем?

Разумеется, что особые надежды Фалько возлагал на белый танец. Но за несколько лет регулярных посещений танцулек приглашали его считанные разы. Однако совсем не те девушки, от которых ждал этого. И большей частью не ради его, а дабы насолить своим кавалерам.

Тем не менее он таки пользовался определенным спросом. (Хотя одевался лишь бы как, по улицам ходил робко, этак все бочком, бочком – чтобы места поменьше занимать.) Поэтому несколько интересных, вполне перспективных романов у него все же намечалось. С теми девушками, которым вовсе не нравились раскрепощенные охальники с шаловливыми ручками и проспиртованные хулиганы. То есть с домашними, тихими, симпатичными.

Чего, казалось, проще – иди, бери такое сокровище за руку и – конец истории. Ко всеобщему удовольствию. Но уж нет, прямые дорожки не для Фалько проложены. Эти девушки начинали казаться ему безнадежно серыми мышками, и он всеми четырьмя конечностями от них отбрыкивался.

Особенно извращенно поступил он с упомянутой Мариной из города Дзержинска. Их знакомство как раз и завязалось тем редчайшим для него способом: приглашением на белый танец. В нормальных условиях она б, наверно, вовремя почувствовала в нем психопата и ее взор благополучно проскользнул бы мимо. Но завязка случилась на танцплощадке сочинского санатория, и ее – на белый-то танец – с разных сторон атаковало сразу десяток незнакомых с рефлексией жгучих брюнетов. Вероятно, чтобы случайно не обидеть ни одного из представителей милейшей армянской диаспоры, она и указала им на Фалько: «А я уже обещала этому молодому человеку!»

Знакомство с Мариной закончилось для Сергея первой взаимной любовью, которой поначалу даже не смогли помешать тараканы в его голове. Море прусаков просолило, сочинское солнце подвялило, и впервые в жизни тараканы оставили его в покое. Марина и Сергей наслаждались пляжным отдыхом и общением друг друга. Все бы ладно, но Фалько вдруг почувствовал, что ему не хватало главного – физического обладания.

Но не получилось тогда, обстоятельства не сложились. На молодежном тогдашнем сленге – «хата сорвалась». Фалько жил в частном секторе, кроме него в комнату запахнули еще пятерых человек. Дедов, которых ни в кино отправить, ни выйти подышать ночной прохладой на часок уговорить Фалько так и не удалось. А сказать в те времена девушке: «Пошли спать к тебе», – было никак нельзя. Кстати, большинство тогдашних девушек в сексе до замужества чаще всего и не нуждались. Не успевали распробовать. Это сейчас они взяли моду «тендеры» утсраивать.

Зато про СПИД никто еще не слышал, «сифон» был такой экзотикой, что в расчет не принимался. Презервативы производства Бакинского завода резинотехнических изделий продавались только в аптеках и использовались не по назначению. Чаще всего в домашнем виноделии: натягивали на горловины бутылей с вином, чтобы следить за процессом брожения. Если раздувается презик – процесс идет, опал – вино готово к употреблению.

Так Фалько и улетел домой, унося с собой лишь воспоминания о погоде, о природе...

А в Минске была уже осень (как и Питер, это вообще город осени, – октябрьского терпимого ее ракурса – осень в Минске круглый год; в Париже, для сравнения, вечная весна, в Москве – вторая, солнечная, половина зимы: грязноватая, пьяноватая, но веселая, в Одессе – всегда – лето). Короче, Минск поливали дожди, облака смотрелись в лужи и бездомные собаки потеряли былую уверенность в завтрашнем дне. Прошедший отпуск начал видеться Сергею издалека.

В родных землях ожили и Сергеевы тараканы. «Слушай, – сказал главный из них, – а уверен ли ты, что Марина как раз тот человек, который тебе нужен? Полностью ли она соответствует твоему идеалу?» И Фалько несколько дней напряженно размышлял над этим вопросом. «А фиг его знает, товарищ майор», – честно признался он таракану. И забурлила в его сознании реакция на отторжение.

Однако любовная переписка продолжала развиваться по своим собственным законам. Каждое письмо от него, теряя температуру внутреннюю, тем не менее с лихвой возмещалось наружным жаром. «А прилетай-ка ты на выходные в гости! – однажды совсем уж растрепался Фалько. – Больно по тебе соскучился!»

Треп трепом, но мысль была такая: не поймет ли, в конце то концов, героиню курортного романа?

Фалько не очень рассчитывал на успех мероприятия. А Марина взяла да и прилетела. Что называется, за тридевять земель киселя хлебать. С определенной надеждой на предложение. Зачем же еще зовут в даль такую?

...Обиделась, в конечном итоге, сочла Фалько полным ничтожеством. Но можно ли назвать проявлением одного симптома психического расстройства?

Чтобы уберечь от Фалько других достойных представительниц прекрасного пола, провидение и подобрало для него Жанну. У которой тараканов в голове было еще больше, – по сравнению с ней Сергей казался человеком предельно рационалистичным, собранным и трезвомыслящим! Ко всему Жанна была девушкой совсем не его типа. Достаточно сказать, что выше Фалько на целых полголовы. И это для Фалько с его комплексами! Правда, когда где-то там, на верхах, было принято такое решение, Жанночка еще училась в младших классах школы. Ведь была она младше Сергея на целых десять лет. Поэтому, дожидаясь, пока суженая достигнет дееспособного возраста, ему пришлось проходить бобылем до тридцати.

Итак, брак с Родионом Беспалько стал для мамы Фалько вторым. По изложенным уже причинам она всегда сначала выходила замуж, а затем думала: стоит ли. Холерический темперамент не позволял Миле Фалько затягивать решения

Проза

до ощущения их спелости. К тому же ей так хотелось любви, что она была готова полюбить пень. Лишь бы не гнал ее прочь, лишь бы водку не пил!

Мама Серезжи Фалько не была какой-то утонченной интеллигенткой – обыкновенной совслужащей, но вот зато Родион Беспалько являлся настоящим пролетарским люмпеном. Ибо социальные требования к трудовому процессу имел следующие:

1. Не перерабатываться! Чтобы была возможность как можно чаще перекуривать и ходить в туалет.

2. Чтобы при этом как можно больше зарабатывать денег за счет какой-нибудь формальной «вредности», принадлежности к «горячей» либо «холодной» сетке.

3. Дабы было что красть. Это святое.

Устроившись грузчиком в Якутском аэропорту, он постепенно подстроил свое трудовое место под данные требования. Аэропортовские грузчики действительно не перерабатывались. Этому способствовали, во-первых, высокая степень механизации – всякие транспортеры, эскалаторы; во-вторых, длинные перерывы между посадками транспортных самолетов, особенно в ночные смены. Короче, можно было курить – по пять пачек сигарет за смену, в туалете разлужбном – «Войну и мир» прочитать.

Числился Родион Беспалько хотя и на окладе, но зато с северным («холодным» то есть) коэффициентом. Чем не жизнь? Как говорится, живи и радуйся! И Родион Беспалько стал ярым патриотом Севера. Заказал себе настоящие унты с оленьим верхом и собачьим низом, какую-то особенную меховую шапку с длинными-предлинными ушами. В результате смотрелся полярником с дрейфующей льдины. Вот куда только она дрейфовала, льдина-то? Если откровенно, персональная льдина Родиона Петровича Беспалько дрейфовала в очень нехорошую, можно даже сказать, неправильную сторону.

Все же не зря Фалько закончил журфак. Ибо знал, какое значение придавал Владимир Ильич Ленин учету при социализме – архиважное. Так вот, что касается учета на складах Якутского аэропорта, то там он был организован из рук вон. Об этом можно было судить по тому факту, что Родион Беспалько после каждой смены приволакивал домой по полной сумке каких-нибудь уворованных при разгрузке ценностей. То десятка три кофт, то несколько пар штанов, то килограммов двадцать персиков. Среди зимы! Мешками привозил копченых кур, консервы, сыры и колбасы.

Непонятно, каким образом все это списывалось: усушка, утряска, бой? И как же в таком случае могли утрясаться до полного исчезновения женские кофты, усыхать до состояния невесомости консервы и разбиваться вдребезги копченые куры? Вот бы зафиксировать эти не изученные наукой процессы методом замедленной съемки!

И начальство, и простые грузчики чувствовали себя очень беспечно, вольготно. Хищения начались задолго до трудоустройства в аэропорт фрунзенского стиляги, лихо продолжались при нем.

И вот однажды припер он целый ящик наручных часов. А это уже было серьезно. Ведь тогдашней средней зарплаты хватило бы разве что штуки на три, на четыре.

С напарником дело сварганил. Лешкой того звали. Был Лешка рыжим, кривоногим, шепелявым и бездомным. Подружившись с Беспалей, к нему и подселился. И явно не хватало у Лешки царя в голове. Потому что подпил и зачелночил по поселку, всем подряд предлагая эти самые часы по пятерке за штуку. Ладно б от безденежья, а то ведь исключительно ради выпендрежа. Не смотрите, мол, что

ноги кривы и вообще неказист я. Зато ловок-то как, бесшабашен! Что, девки, проворонили свое счастье?

Насчет бесшабашности Лешки – замечание оказалось не в бровь, а в глаз! Ведь заодно он бесшабашно предложил часы начальнику местной милиции, оказавшемуся по случаю выходного дня в гражданском. Которого знали в Жатае все. Кроме Лешки, потому что был тот в поселке прибудным.

Часы начальник милиции у Лешки с ухмылочкой купил. Новые ведь, в коробочке. Значит, ворованные непосредственно из магазина или с каких-нибудь складов.

И уже ночью к Родиону Беспалько с обыском нагрянула милиция. Ящик со злополучными часами обнаружился под Лешкиной кроватью. Многое, впрочем, еще обнаружилось. Сергей и не помнит, что именно. Помнит только, что вся кладовка забита была краденым барахлом.

«Где взял ящик часов?» – «Нафол», – дерзко ответил Лешка. «Как это нашел?» – «Так: фол, фол и нафол».

В ящике не хватало всего двух часов.

Родиона Беспалько и Лешку увезли в СИЗО.

В последующие несколько недель в отделе по приемке грузов Якутского аэропорта все хищения и повсплывали. Поначалу на Лешку и Беспалью навесили столько, что ящик часов казался уже мелочью. По максимуму засветило. С конфискацией.

Мама у Сергея была атеисткой, поэтому молиться не умела и потребности такой не испытывала. Да и как язык повернется у Бога просить, чтобы вора от ответственности освободили? Сергей помнит, как от отчаяния она буквально лезла на стенку, чернела и таяла. Как ближе к осени стала истово уповать на то, что муж попадет под большую амнистию по случаю пятидесятилетнего юбилея революции.

Сейчас в это трудно поверить, но ведь Света, Сергей и его мама даже подверглись осуждению со стороны жатайцев. «Ты из семьи воров!» – строго глядя прямо в глаза, сказала Фалько одноклассница отличница Смирнова. Милу же и Свету осуждали за спиной. Как у взрослых принято.

Положение Родиона и Лешки казалось безнадежным. Но адвокату удалось невозможное: статью на суде «часовщики» получили ту, которая попала под амнистию!

По прошествии тридцати лет этот факт Фалько растолковал так: истовое желание матери, сила которого умножилась бешеной ее энергетикой, и сформировала нужное событие. Хищения, совершенные друзьями-приятелями лично, а также приписанные им аналогичные деяния «товарищей по работе», все же не были квалифицированы в качестве особо крупных.

Разумеется, у провидения нет рук, для выполнения своих задач оно использует людей. Поэтому со стороны могло показаться, что заслуга в освобождении второго мужа мамы Сергея целиком принадлежала адвокату. Все правильно, тот оказался как раз тем единственным адвокатом, которому удалось повлиять на решение суда должным образом.

Но ведь мама Сергея и этот адвокат могли просто не пересечься. От ведения дела тот мог по какой-либо причине отказаться, оказаться занятым, больным и тому подобное. Между тем настоящие чудеса именно так и происходят: просто нужный человек оказывается на нужном месте и производит единственно правильное действие. Мистика она такая – никакой мистики в природе вроде бы и нет! И мораль для нее не на первом месте. Вор, не вор... Мистику приводят в действие людские эмоции. Наиболее действенные из которых любовь и ненависть.

Проза

Сергей очень хорошо запомнил возвращение Родиона Беспалько. Как же тот провонялся тюрьмой! Сергей и через много лет мог бы восстановить эту вонь в памяти подетально. Тюрьма воняет ветошью, которая долго хранилась в сыром месте. Плюс сгущенная вонь мокрых окурков!

Не меньшее впечатление произвели на Сергея и его рассказы. Например, как кто-то из сокамерников проглотил живую мышь! Поспорил на вязаные носки, ну и – только хвост в пасти мелькнул! Что делать, если очень ноги мерзли! Как еще кто-то пытался перерезать себе вены алюминиевой ложкой...

В связи с неприятием обществом того времени стилияг, битников и расхитителей государственной собственности из советской Якутии семейству Фалько-Беспалько пришлось сматываться. Сергей успел закончить в Жатае первый класс и еще половинку. Света – второй курс речного. Про Светино некровное родство с Беспалько все быстро забыли, но и она решила в Якутске не оставаться и уезжать вместе с сестрой, ее мужем и племянником. За компанию!

«На фиг мне среднетехническое? – смеялась она. – Лучше сразу в институт поступлю. Будет высшее».

И опять летели они через Красноярск и тряслись от страха. Начав задолго до перелета.

Света осталась во Фрунзе. Сергея мама и Родион Петрович забросили в Воронцовку, а сами поехали в Кустанайскую область, в Джетыгару – это городишка такой в тех краях имелся. Там уже несколько лет жил выбившийся в большие начальники старший брат Родиона. Владимир Петрович обещал помочь им в трудоустройстве и получении жилья.

После кладбища Сергей и Санька решили еще раз заехать в церковь. Купить венчик, покрывало, свечи, договориться об отпевании с братом батюшки дьяконом Михаилом. В последние годы жизни Света стала набожной, и ей было бы безразлично, как пройдет ритуал погребения.

На сей раз церковь была открыта. Михаил что-то стругал рубанком, поставив верстак прямо на паперти и приткнув к дверному косяку. Выглядел хозяином, для которого церковь была чем-то вроде крестьянского подворья, на котором для поддержания должного порядка необходимо постоянно что-то делать, мастерить, мастрячить.

Как и брат, дьякон Михаил дружил с качалкой, руки и обтянутая ковбойкой спина бугрились мышцами. Лицо Михаила дышало силой, набранной как занятием спортом, так и трудом духа. К тому же было оно очень православным. То есть грубовато простым, строгим, сосредоточенно мрачноватым и мужественным. С рафинированным и нередко женоподобным ксендзом православного служителя церкви не перепутаешь. Это объясняется тем, что католический священник дает обет безбрачия, дабы полностью посвятить себя служению Богу, в результате чего детопроизводная функция его организма атрофируется. Эта перестройка, конечно же, дается трудно, ценой огромных усилий. Но зато потом подвиг окупается достигнутым к женскому полу равнодушием. Ведь столько проблем сразу снимается! А вот батюшки женятся, заводят детей. Матушки же им порою надоедают, порою их пилят. Да и дети не всегда примерными получаются. Но разводиться нельзя, искать на стороне отраду нельзя. Оттого-то и мрачны батюшки, потому-то и пышут набранной в неустанном борении с собой и с дьяволом силою.

– Преставилась, значит, Светлана, – протянул Михаил, смахивая стружки с верстака. – Слышал я, к экстрасенсу обращались. Между тем первая стадия рака лечится авиационным керосином и вытяжкой болиголова. Больше – ничем. Рак –

наказание за грехи, накопленные на протяжении всей жизни... Приедет к вам батюшка, можете не волноваться, – пообещал Михаил. – Если покойная была его прихожанкой – как может не приехать. – Дьякон дал Фалько покрывало, свечи и венчик, а также инструктаж «по технике безопасности»: – Когда будете на кладбище, проследите, чтобы никто из посторонних, незнакомых людей к могиле не подходил. А то недавно вот, месяц назад, буквально за руку дамочку одну схватили, когда вместе с комом земли намеревалась в могилу фотографию бросить. Как потом выяснилось – соперницы в борьбе за мужа.

– И что б с той стало? – спросил Санька.

– Да болеть начала. Умерла, возможно... Проследите также, чтобы бинт, которым ноги у покойницы увязывались, не забрал никто. У бинта сильнейшая отрицательная энергетика. Ведь мало того, что бинт просто соприкасался с телом покойной. Человек – своеобразная энергетическая батарея. На макушке расположен «плюс», на стопах – «минус». За счет этого отрицательная энергия бинта как бы удваивается. Если знать, как использовать, то с его помощью можно запросто кого-нибудь умертвить.

Фалько показалось, что эзотерическую литературу, объявленную церковью еретической, дьякон Михаил почитывает. Что, однако, не мешает ему оставаться на позициях ортодоксального православия. Это представитель новой генерации служителей православной церкви: гибкой, эрудированной. Вообще человек вполне современный, который активно занимается спортом, много читает, службу в церкви для души совмещает с работой для «поддержания рясы на теле» в военном лесничестве.

Колодищинская церквушка благодаря стараниям братьев получилась очень сердечной, с явственным присутствием в ней божественного духа. Хоть с церковью повезло поселку, в последние годы превратившемуся в республиканскую перевалочную базу наркотиков.

После встречи с дьяконом Сергей и Санька поехали на Восточную. Железнодорожный переезд оказался закрытым. Пока мимо них, сотрясая землю, с грохотом и снарядным свистом пролетал товарняк, великий и ужасный, Фалько поразмышлял о том, что поссовет, назвав так новую, застраиваемую улицу, тем самым невольно сделал ее местом притяжения переселенцев с Востока.

До того, когда здесь начали строиться Сергей с матерью, в конце концов вернувшиеся в родные края из Средней Азии, улица состояла только из двух домов. Следом за ними на Восточной построились Сороки – переселенцы из Азербайджана, потом Фральцовы из Туркмении.

Строили Фалько дом, строили, и когда наконец достроили – пришло время оформлять. В паспортном столе не оказалось домовых книг, и Сергею посоветовали искать по магазинам. С десяток пришлось объездить, пока не нашел книгу, которая оказалась... на киргизском языке и отпечатанная, естественно, в Киргизии.

Как могла та попасть в белорусскую торговую сеть? Уму непостижимо! Писчебумажные товары из горной среднеазиатской республики – в Белоруссии... Фантастика! Зато с эзотерической точки зрения все объясняется довольно просто – «притяжка».

Возле Светиноного дома ребята увидели «джету» с гробом на багажнике. Неужели Алексей Николаевич, третий муж мамы Фалько, так и проехал через весь Минск? Это скольких людей заставил задуматься о бренности существования, скольким просто настроение подпортил? Ведь кто-то встретил машину, направляясь на свидание, кто-то – навестить стареньких родителей...

Проза

Несмотря на накачку сердечными лекарствами и всевозможными транквилизаторами, мама Сергея была совсем плоха. Хотя от прежней близости между ней и Светой в последние годы мало что осталось, но весть о ее смерти ударила Милу Фалько больно. Алексей же, наоборот, был неподобающе оживлен. Он всегда казался человеком «повышенной веселости», не боялся ни жизни, ни смерти.

А еще у Николаича значок заветный имелся – «Заслуженный рационализатор СССР». Работая на заводе простым шлифовщиком, постоянно приносил в конструкторское бюро такие «рацухи», что там только за головы хватались: как уgomонить? Это все к тому, что сознание Алексея Николаевича хорошо сообщалось с подсознанием, которое знало точно: смерть не страшна, ее вроде как вообще нет, жизнь гораздо хуже, сложнее, зато веселее.

А вот сознание Алексея подводило. Потому что было убито почти бухаловкой. Он ликеро-водочной промышленности десятки лет показатели повышал. Опять же по причине повышенного жизнелюбия и постоянно лезущей изнутри веселости. Поэтому в обыденной жизни, мягко говоря, не блистал. Например, навещая Свету за три недели до смерти, поздоровался: «Привет, дохлятина!» Это таким образом, Алексей Николаевич, извините, шутил с ней, морально поддерживал. Было бы еще смешно, если б он в свое время здоровался так с Арвидом Яновичем Пельше – самым старым членом ЦК КПСС. Но со Светой...

– Ну что, уложим в гроб? – бросив насмешливый взгляд на пана писателя, спросил Алексей, затапывая окурки.

Как раз этой работы Фалько больше всего и боялся – потому что надо было контактировать с телом.

Взялись четвером, Сергею досталась Светина серединка. Покойница оказалась легонькой, как лучинка. И даже иголки холода от ее тела не очень-то и напугали. Только когда внутри покойницы на последнем этапе укладки что-то булькнуло, Сергея едва не вырвало. Это ведь превращенные раком в жижу внутренние органы булькнули!

Дабы унять воображение и остановить подкативший к горлу ком, Сергей выскочил во двор и шлепнулся на лавочку. Чем бы отвлечься? И тут вспомнилось Сергею, как по вечерам в Жатае Света писала стихи, которые они отправляли в детские журналы под его именем. Но юным дарованием Фалько все равно не признали – не печатали.

Лет через двадцать у него была возможность вновь соприкоснуться со Светиным поэтическим творчеством – попала в руки каким-то чудом сохранившаяся с жатайских времен тетушкина тетрадь с конспектами по навигации и стихами. Фалько обнаружил, что вольно или невольно Света настраивалась на пушкинскую поэтическую волну. Стихи получались такими, словно она пыталась пародировать гения.

Действительно, пушкинский поэтический вихрь носится по всему графоманскому пространству. И очень многих, кто когда-нибудь увлекался рифмоплетством, подхватывал. Как, например, Остапа Бендера – ситуация не столь уж искусственна. Не идентифицировала вихревой поток и семнадцатилетняя учащаяся речного училища Света. Зато в детских журналах истоки ее творчества, конечно же, разглядели.

Фалько почувствовал в уголках глаз не украшающую мужчину влагу и поспешил укрыться на кухне, где как раз никого не было. Выпил очередной стакан вина.

Их первая ночь с Юлей, в принципе, могла стать последней. Потому что оказалась сплошным разочарованием. Безрезультатно ерзали по постели: Фалько напoлзал,

Белка ускользала. Словно змейка от змея. Наконец Юлька закатила истерику и выгнала Фалько среди ночи вон. Благо до дома пять минут хода.

Сгоряча Фалько решил, что их отношения нужно немедленно прекратить. Больше он к ней не ходок. Пусть доживает в арендованной квартире оплаченный месяц и возвращается к мамочке.

Наверно, с его стороны это было не совсем по-джентльменски: увел малолетку из семьи и тут же бросил. Но что Сергею оставалось делать, коль та сама его выперла? Содержать до конца дней?

Впрочем, задумался Фалько, разве было в ее поведении нечто такое, чего невозможно предвидеть? Ведь что отличало Юлю от миллионов других людей? Ее чувства и эмоции сильнее чувств и эмоций среднего человека не менее чем в пять раз! Поэтому естественное чувство стыда и неловкости, которое испытывает каждая женщина в подобной ситуации, испытывала и она, но с такой силой, что их, так сказать, соитие оказалось невозможным, а стыд трансформировался в истерику и агрессию. Нет, на таких людей обижаться нельзя, решил Фалько.

Рано утром Белка позвонила, сказала, что всю ночь проревела, и стала униженно просить прощения. Будто совершила какое-то преступление! Да брось, ответил Фалько, все в порядке. Но та ревела и ревела.

Тогда Фалько опять задумался: так ли уж в порядке? Человек, она, конечно, «пятикратный», но сколько можно? Вроде ведь помирились.

Решил посмотреть на дальнейшее развитие событий.

Однако Белка вошла в раж, да так и проревела целую неделю – переживая теперь уже за мамочку, что своим уходом из дома нанесла тяжелую психическую травму! Японский городской! Так зачем тогда нужно было уходить?! И разве дистанцирование не было целью Юлиной авантюры?

Пытался разобраться в ее логике. Но какая у женщин логика? Понесло Белку с пятикратным ускорением да и все.

«Ты, наверно, долго меня не выдержишь?» – со страхом спрашивала Белка. «Возможно», – не стал кривить душой он. Белкины слезы не самым лучшим образом сказывались на его настроении, которое было под стать дождливой, холодной и мрачной ноябрьской погоде.

Проревев неделю, наконец решила позвонить домой и объяснить. Вряд ли ее объяснения домашние с пониманием приняли, но Белка угомонилась и все помыслы смогла направить на Сергея.

«Люблю тебя!» – вдруг заявила ему еще через неделю, и Фалько почувствовал, что так и есть. И испугался ее любви больше, чем слез: человек-то Белка «пятикратный», незрелый, неуравновешенный. Может таких дров наломать!

Белкина любовь оказалась сравнима с приправленной ложкой дегтя бочкой меда. Благодаря этой любви Фалько вдруг абсолютно неожиданно для себя воссоздал в памяти ощущения, испытанные во младенчестве, когда к нему направлялись лучи любви маминой. Словно некая горячая волна, окатывала его тогда с головы до ног, давая ощущение безмятежного покоя и радости.

Это не поэтическая гипербола, а посильная попытка адекватной передачи состояния зрелого сорокалетнего мужчины, на которого вдруг обрушивается такой мощный поток любви. Ведь Фалько, как банально ни прозвучит, действительно чувствовал флюиды этой любви каждой клеточкой мозга, клеточкой кожи! Такой улет, что мог бы объявить себя счастливейшим человеком. Но... хватит о меде, пора о дегте.

Если бы Юлино чувство было просто любовью, светлой, чистой и радостной (ага, размышлялся, старпер), какую описывалась та в романах оптимистического

Проза

девятнадцатого века, но ведь оказалась изматывающей ее страстью, то есть тяжелой нервной болезнью, признаками которой были взрывы беспричинной ревности, затяжные депрессии, вызванные неверием в возможность любви ответной, бесконечные мрачные «предчувствия», «прозрения». Словом, вполне типичной страстью, прилично описанной в книгах шизоидного века двадцатого. Если еще учесть, что человеком Белка была «пятикратным», то можно представить, каким стала для нее эта страсть наказанием.

Фалько готов был на любовь ответную. А что, нормально: седина в бороде, бес в ребро. Не он первый, не он последний; ничего, в общем, из ряда вон выходящего, тема достаточно изученная, диагноз поставлен – мужская лебединая песня, последний залп гормонов. И постепенно Фалько разгорелся б – уж насколько дров хватило. Ведь получал от нее столько, что его тараканы просто изнывали от жара и не были способны что-либо предпринять. По крайней мере в тот, самый жаркий период. Но... если бы Белка хотя б неделю смогла удержаться, чтобы не выплеснуть ему за ворот ушат отрезвляющей ледяной воды ревности, психов и истеричных слез.

Сидят, например, Сергей и Белка на кухне, мирно пьют чай. Сергей рассказывает, как прошел день и вскользь упоминает, что курируемой им фирме повезло с бухгалтером Елизаветой Михайловной, поскольку оказалась классным специалистом, способным замутить любую отчетность до такой степени, что та производит впечатление абсолютно прозрачной. Юлино лицо каменеет, еще минуту она сдерживается, потом резко встает и выходит. Бросается на кровать и ревет навзрыд.

«Что случилось?» – «Я знаю, тебе нравится Елизавета Михайловна, у вас что-то было!» – «Окстись! С чего взяла?» – «По тебе вижу. Уходи!»

Фалько разворачивается и уходит, в сердцах хлопая дверь.

Возвращается домой, пытается что-то делать, все валится из рук. «Дура!» – бормочет Фалько и выглядывает в окно. Ее уже не светятся. Но Фалько достаточно знал Белку, чтобы предположить: не спит, ревет, свернувшись клубочком под одеялом, кончик пушистого хвоста подрагивает. Фалько хочется бежать к ней, чтобы прижать к себе, целовать в мокрые глаза и поклясться, что с Елизаветой Михайловной у него никогда ничего не было и быть не может. Во-первых, потому что нельзя путать личные отношения и деловые; во-вторых, замужем.

Но Фалько удерживает мысль: а почему должен клясться в том, что не верблюд?! И никуда не бежит – выдерживает характер. Белка звонит утром: «Понимаю, какая я дура. Если можешь, прости». – «Да ладно, пушистая... Ничего, все в порядке».

Несколько дней отношения идеальны. Белка внимательна и предупредительна. Одежда Фалько выглажена и аккуратно разложена. Его газета лежит, дожидаясь возвращения Сергея, на журнальном столике напротив кресла. Он купается в океане лучезарной любви, и ему так хорошо, что негатив в памяти начинает стираться. Но через несколько дней все повторяется почти по тому же сценарию. Только уходит он уже по собственной инициативе и дверь не хлопает. То есть на разрыв настраивается холодно. С него хватит! Бай-бай, юная влюбленная красавица, психопатка светлейшей и благороднейшей души.

Целую неделю телефон молчит. Но в конце концов Белка все-таки звонит. Сергея как раз не было дома, не перезванивает.

Долго Сергей выдерживает характер. С неделю, пока не сталкивается с Белкой лоб в лоб на остановке. Вроде даже случайно. Слово за слово – мир заключен. В разговоре Сергей вскользь упомянул, что записался на прием к ясновидящей. Просто так, из любопытства. В то время он был большим любителем всевозможных экстрасенсорных действий.

Утром Белка подкараулила Сергея, когда возвращался домой, проводив дочь в школу. Ни слова не говоря, передала блокнот и поспешно скрылась в своем подъезде. На ней было новое зеленое пальто.

Фалько открыл блокнот и определил, что держит в руках нечто вроде дневника.
25.10.

«Глупо, наверно, что-то писать, но для меня это единственный способ донести до тебя свои мысли.

Ненавижу ждать. Вчера прождала до 22.40. Мне было стыдно за утреннее поведение, свою неблагодарность.

Мне не хватает тебя. Пожалуйста, только не обвиняй меня в неискренности. Уже нет смысла врать. Все, что можно было испортить, я испортила, а теперь какими-то отчаянными (в большинстве своем глупыми) способами пытаюсь вернуть то, что было между нами в первые недели знакомства. Напрасно.

Страшно, очень страшно потерять тебя. Сегодня ты тоже не зайдешь. Зачем выгнала? Сама не понимаю, что меня дергает каждый раз за язык, кто лишает рассудка?

Ненавижу себя за слабость. Сажу и плачу. А ты, наверно, собираешься спать. Пытаюсь понять тебя, твои мысли, твои чувства.

«И гадко съесть, и жалко бросить». По-моему, это чье-то высказывание максимально точно определяет твоё нынешнее отношение ко мне.

Зачем платишь за квартиру? Из жалости? Сотню раз говорила тебе, что на жалости отношения не построишь.

11.11.

Пролетела неделя изумительного счастья, и мы опять в ссоре. Я знаю причину моей простуды. Это результат вечернего стояния на холодном балконе (через окно на кухне виден только самый конец «нашей» дорожки). Как долго мне еще придется всматриваться в темноту? Жду тебя каждый вечер.

Мне больно, хочу прижаться к твоей груди и заплакать. Знаю, что тебе тоже плохо, но ты не сделаешь шаг навстречу.

В 22.30 свет в твоих окнах погас. Ждать бесполезно. Не придешь.

13.11.

Вчера ко мне в павильон залетел голубь. Залететь ему оказалась проще, чем найти дорогу обратно. Плохая примета. Он бился в стекла, а я не знала, как ему помочь. На душе стало так тяжело и беспокойно, что не выдержала и набрала твой номер.

Ощущение беспокойства не прошло, а появилось еще чувство растерянности. Короче, мне стало еще хуже. Единственная радостная новость в том, что ты зайдешь. Но каким отвратительным тоном это было сказано.

14.11.

Вчерашний твой приход поверг меня в окончательное уныние. Ситуация обстоит намного хуже, чем предполагала. С каждым днем ты становишься все более чужим.

Почему не поговоришь со мной? Почему честно не объяснишь, что я для тебя значу, какое место в жизни занимаю? Ты упорно не хочешь говорить на эту тему. Думаешь, впаду в истерику? Неужели боишься причинить мне боль?

Забавно, но я люблю свою боль, отношусь к ней почти с нежностью. Наверно, потому, что боль давно стала для меня почти естественным состоянием.

Хотела поделиться с тобой радостью (выиграла в радиоконкурсе целых два приза и очень довольна). Но... Ладно, в очередной раз задавлю в себе желание звонить. В последнее время после наших телефонных разговоров у меня на душе все равно оставался неприятный осадок. Первые недели знакомства ты этого не допускал.

Проза

Уже 21.40. Где ты? На балконе очень холодно, сильно замерзла. Буду спать. Мог бы позвонить и пожелать спокойной ночи. Но ты этого не сделаешь.

16.11.

Последнее время, когда на глаза попадает календарь, у меня портится настроение. До следующей оплаты квартиры осталось 14 дней. А что потом? Что будет со мной? С нами? Страшно подумать.

Я помню наш разговор после первого месяца. Приятного было мало. Я тогда подумала, что с твоей помощью или без нее, но останусь в квартире еще на месяц. Это принцип. Не хочу домой. Родители поймут, что со мной происходит, и начнут лезть в душу. Так уже было, еще одно вторжение в личную жизнь не выдержу. Они хорошо изучили мое поведение в подобных ситуациях (я красилась, стриглась, переставала есть). На сегодня два первых пункта уже позади, остался третий, самый трудный. Но если раньше я всегда стремилась найти замену людям, которых теряла, то теперь «упиваюсь» своим одиночеством, своей болью. Глупая, маленькая девочка.

На что я надеялась, переезжая в Уручье? Чего ждала? Надеялась на то, что смогу сделать тебя счастливым. Поверила в себя, в свои силы. Мне показалось, что если нам захочется этого вместе, то у нас все получится. Наивно, правда?

Я часто вспоминаю нашу поездку в Заболотье. Как легко и непосредственно мы общались.

Вспоминаю знаменательный ужин в пиццерии ДК профсоюзов.

Помню, как плакала, рассказывая о ссоре с начальством. Ты сказал, что если уволют, то мы куда-нибудь поедим.

Неужели это было со мной?

20.11.

Послезавтра у тебя назначен прием у ясновидящей. Я знаю, что она скажет, будто я тебе не пара и от меня нужно бежать, сломя голову. Наконец, самое главное, что я изменила! Вот только бы успеть рассказать первой.

Это было на прошлой неделе. Я уступила домогательствам одного старого – за шестьдесят! – ловеласа. Странно, ведь была знакома с этим человеком всего два дня, а уже сидела у него на работе (он владелец солярия). Мы разговаривали как-то легко, словно хорошо знакомые люди. В общих чертах обрисовала ситуацию с квартирой. И он тут же предложил помощь в обмен на мою благосклонность.

В начале первого ночи он отвез меня в Уручье. Я очень боялась быть замеченной тобой. Вдруг не спишь и следишь за моим подъездом! У страха глаза велики. Потом я приезжала к нему в субботу и воскресенье. Он дал мне деньги на оплату квартиры и купил пальто.

Сейчас мне кажется, что этот поступок был спровоцирован моим отчаянием. Не знаю, может, так я пыталась излечиться от привязанности к тебе.

Противно читать это? Мне писать-то противно. Противно оттого, что это сделала. Пыталась найти себе оправдание, но не получается.

Завтра отдам тебе блокнот, послезавтра ты услышишь подтверждение моего падения из уст ясновидящей. Безумно боюсь твоей реакции, но выбора нет.

Мне очень хотелось быть с тобой, но это, к сожалению, невозможно. Желаю тебе найти человека, достойного тебя, желаю счастья (для этого нужно запастись терпением). Я хочу, чтобы у тебя была семья (в полном смысле этого слова: с любящей женой и детьми). Мне кажется, ты этого заслуживаешь.

Извини, если что-то из написанного тебя обидело, этого не хотела. Может, твои поступки были неверно мною истолкованы.

Прости за то, что не оправдала твоих ожиданий. Я очень тяжелый человек, а ты это поздно понял.

Необходимо, чтобы в пятницу или субботу ты забрал свои вещи. Я уеду в понедельник утром.

Такое ощущение, что у меня сейчас начнется истерика. Наверное, лучше лечь спать».

Фалько швырнул блокнот на пол и яростно потер лоб: «Ну, фрукт!»

Тем, кто никогда не бывал в северной части Казахстана, право, не стоит туда и ехать. Ведь, наверно, трудно найти на Земле уголок еще более неприглядный и скучный. Это продуваемая всеми ветрами пустая степь. Которая остается пустой даже весной, когда в почве полно влаги, а солнце еще не палит.

В Кустанайской области нет удобных, красивых городов. Нет и сел – убогие поселения. В ней и людей-то почти нет. Понаехало «покорять целину» много, но вскоре большинство покорителей разбежалось. Целина, которую за всю историю человечества не тормозили ни разу, дала только несколько средненьких урожаев и рожать перестала, поэтому ближайшую тысячу лет засеивать ее стало бесполезно.

Джетыгара состояла из шести микрорайонов хрущевок и уродливого саманного старого города, в котором раньше жили ссыльные ингуши, а потом асоциальные красноносые элементы без национальностей. В городе было два кинотеатра, семь школ, ресторан «Горный лен» и парк имени Амангельды с неработающим «колесом обозрения».

Фалько прожил в Джетыгаре пять лет, но так и не понял, почему оно не работало: то ли потому, что никто из джетыгаринцев попросту не испытывал желания обозревать родной город, то ли по причинам технического характера.

Зимой город съезжился от буранов и сорокаградусных морозов, летом страдал от пылевых бурь и сорокаградусной жары. Несмотря на некое климатическое разнообразие, город задыхался от отсутствия пластов и сюжетов. Жеты с турецкого переводится как «семь», поэтому горожане прозвали Джетыгару Семидырьем.

Как и положено в глухой провинции, жизнь в Джетыгаре вытекала по капле, но убывала быстро. Чтобы не спиваться да не вешаться, горожане увлекались блатной романтикой. Этому также способствовал и дух исправительно-трудового учреждения, расположенного рядом с городом.

Зеки работали в карьерах, где добывались рыжие камни с серебристыми волокнами асбеста, и каждые пять минут окна школы, в которой учился Фалько, сотрясались от взрывов. Кто что, а Джетыгара давала Родине ценное сырье для производства вредного для здоровья шифера.

Владимир Петрович действительно очень помог семье брата: квартиру Родион Петрович получил практически сразу. Двухкомнатную, худо спланированную, какие тогда строили. Работать он устроился на автобазу, водителем тягача с трейлером – это такой специальный прицеп-платформа для перевозки крупногабаритных тяжелых грузов. Например, экскаваторов или строительных кранов.

И вновь рабочее место Родиона Беспалько соответствовало его люмпенским требованиям.

1. Заказов на трейлер поступало мало, поэтому большую часть рабочего времени Родион Петрович проводил в гараже. То есть у него опять появилась возможность много курить и читать в туалете автобазы гениальное творение Льва Толстого «Война и мир». Или, например, «Сагу о Форсайтах» Голсуорси. На худой конец «Куклу» Болеслава Пруста. Родиону Петровичу было неважно, с помощью каких литературных памятников повышать свой культурный уровень, лишь бы в рабочее время.

Проза

2. Так как зарплату на автобазе платили, исходя из принципа: водителям больших машин – большую, малых – малую, а машина Родиона Петровича на автобазе была из-за трейлера самой длинной, то и получал он рубли длиннее, чем того стоил. Чуть не больше всех. Таким образом, используя знание основ советского формализма и помощь брата, Родион Петрович опять оторвал халяву, которую можно приравнять к «горячей сетке».

3. Так как при работе на трейлере воровать было нечего, то Родион Петрович химичил с путевыми листами. В частности с пробегом, и таким образом, не выезжая из гаража неделями, за месяц представлял в бухгалтерию такой километраж, сколько бы не каждый таксист осмелился.

Маме Фалько предложили место заведующей детсада «Белочка». (Не «Дюймовочки», прошу отметить, хотя был в Джетыгаре и такой, а именно «Белочки»!) Предложение ее вполне устроило, а вот Родиона Петровича – не очень. Зарплата, считал он, могла быть и большей. Ему вообще стали нравиться женщины без детей и с большими пролетарскими зарплатами. Родиону Беспалько было уже далеко за тридцать, он погрузнел, поскущел и отрекся от стилижьего прошлого. Сменившись на мракобесие и мелочный практицизм зрелости, период романтизма в его воззрениях благополучно закончился. В джетыгаринский отрезок жизни его стали интересовать только вечные материальные ценности.

Надо признать, что с аналогичной проблемой сталкивается каждый мужчина подобного «духовного» типа, женившийся на женщине с чужим ребенком и проживший с ней несколько лет. Ведь и любая вещь, если пользоваться достаточно долго, надоедает. А если женщина вместо прибыли приносит убытки, то такого мужчину начинает раздражать.

Это мама у Родиона Беспалько была старушкой набожной, сильной духом и с благородным сердцем. Потому что неграмотная. В школе не училась, газет не читала. Жила так, как жили родители, деды и прадеды, – вlamывала, детей рожала. Поэтому была человеком с моральными принципами! А Родион Петрович закончил восемь классов и на основе приобретенных знаний устроил ревизию родительским ценностям. Сделал поспешный вывод, будто те ни к черту. И двинулся по другому пути «самосовершенствования и духовного развития».

К концу третьего года работы на автобазе Родион Петрович совсем оборзел. Километраж выписывал такой, что его стало впору выдвигать на орден. Но даже деньги перестали приносить ему удовлетворение, впал в затяжную депрессию.

Возможно, что виною тому были шлаки. Человек просто нуждался в серии очистительных клизм, и все эти намеки относительно «кризиса среднего возраста» не имеют под собой реальной почвы. Так это или нет, установить невозможно, потому что истина навсегда скрылась во мгле времени и закопана в землянке.

Родион Петрович искал-искал выход из депрессии, но помог директор автобазы, который восстал против «передовика производства» и, подавив в себе страх перед Владимиром Петровичем, основательно на «писателя» наехал. Беспалья оскорбился до основ души и, как истый мачо, публично ударил обидчика по лицу.

Дело запахло даже не керосином, а уже знакомой по Якутии смесью отсыревшей ветоши и мокрых окурков. Поэтому Родион Петрович, пропустив воскресный сон после плотного мясного обеда и хорошенько все взвесив, решил образовавшийся узел не распутывать, а рубить одним махом.

Выбрав из квартирных тайников все деньги и побросав в докторский сак любимые носильные вещи, написал супруге записку, что в связи со сложившимися обстоятельствами вынужден ее покинуть. Навсегда. Поэтому отбывает в направлении, о котором позволит себе умолчать.

Жестоко, очень жестоко поступил он по отношению к любившей его женщине, чья вина заключалась лишь в том, что имела сына от первого брака и что самой стало уже за тридцать.

А ведь Мила Фалько, как уже говорилось, способна была любить пень, преданно служить ему. Пень, собственно, и любила. Между тем написано же в одной книге: не сотвори себе кумира!

И захотелось ей умереть. Взяв отпуск без содержания, Мила Фалько целыми днями лежала в зашторенной комнате. Через две недели слезы закончились, однако сердце все еще работало. Правда, все хуже и хуже. Иногда она забывалась в коротких снах, в которых неизменно видела себя в гробу. Такие сны не то чтобы вещие, но имеют тенденцию овеществляться. Положение было не шуточное. Сергей получил полное право на нее обидеться: пни уходят, пни приходят, но ведь сын-то остался! Что же ему теперь тоже в гроб ложиться?

Милу спасла Света, которая тогда училась в пединституте города Пржевальска, столицы Иссык-Кульской области. Она перевелась на заочное и для оказания своему кумиру морально-психологической помощи приехала в Семидырью.

Что было характерно для фрунзенской молодежи, она никогда не страдала комплексами по поводу равноудаленности родного города от всех остальных цивилизованных городов мира, будь то Париж, Лондон или Монтевидео. Как и вообще все большие южные города, Фрунзе сам себе был Парижем. То есть городом самовлюбленным и самодостаточным. Вот и Света приехала в Джетыгару чувихой-конкистадором. «Для покорения мужских сердец Семидырья из города-героя Фрунзе прибыла!» – доложила она кумиру. Округлив глаза, Мила Фалько привстала на постели.

На Свете было агрессивно ультрамодное ядовито-зеленое пальто «джерси», ярко-красная, с крупными белыми бобочками, похожая на гигантский мухомор вязаная шапка, пронзительно-лиловый, обернутый несколько раз вокруг шеи, но все равно достигающий концами пола километровый шарф и итальянские чулки-сапоги. Ее честное квадратное некрасивое лицо, которое для Фалько всегда ассоциировалось с лицом героя Гашека – солдата Швейка, излучало решимость бороться за сестру и уверенность в своих чарах.

«Клин нужно вышибать клином, – сказала она. – От несчастной любви есть только одно лекарство – новая любовь. Довольно лежать – подъем! Проводятся ли тут, в Семидырье, какие-нибудь культурные мероприятия? Имеются пристойные злачные места?» – «Ты что-нибудь слышала о Беспалько? Где он, что с ним?» – вопросом на вопрос ответила Мила Фалько. «Ничего не слышала! Ничего не знаю и знать не хочу! – сразу приступила к удалению злокачественной опухоли хирургическим путем Света. – Итак, я хочу развлечься! Куда меня поведешь?»

Аборигенов Семидырья не часто баловали своим вниманием и алма-атинские деятели культуры, где уж там московские. Норовя поехать на гастроли за туфлями и колбасой в Омск или Челябинск, в город никогда не показывали носа даже артисты родной Кустанайской областной филармонии. Тем не менее в Джетыгару должна была заехать труппа Кузбасского театра лилипутов. Ближе к весне.

«Отлично, – сказала Света, – обожаю лилипутов. Похожи на детей только умные! А сегодня, Милочка, пойдем в ваш ресторан «Горный лен». Кстати, почему название такое, разве в горах лен растет?» – «Горный лен» – поэтический образ добываемого в окрестностях нашего степного города асбеста», – ответила Мила.

Естественно, что появление Светы в джетыгаринском ресторане произвело переполох среди тамошних чуваков: чувих такого уровня видеть им еще не приходилось. А теперь несколько строк о чуваках Семидырья.

Проза

Они были не смешны. Жалки! В Джетыгаре, конечно, слышали о «Битлз», о Евтухе и Воле (поэтах Евтушенко и Вознесенском), о существовании молодежных мод, раздутом комсомольской печатью споре между «лириками» и «физиками», о Сахарове и Солженицыне. Но... джетыгаринские чуваки ощущали себя не микрочастичками молодежи страны, планеты, а... некими зеками-заочниками, сесть в тюрьму для которых – все равно что поехать на сессию, на которой будет трудно, но и весело. Тюрма также станет для них некой ступенькой к диплому настоящего человека. Словом, джетыгаринские чуваки были поражены вирусом блатной романтики. Поэтому даже в ресторан ходили в резиновых сапогах, подвернутых до самого низа на манер мушкетерских ботфортов. Сценарий ежевечернего ресторанного шоу был таков.

Чуваки тупо напивались водки, затем, разбившись на команды, ожесточенно избивали друг друга. Крошились зубы, трещали ребра, летели клочья крашенных в тазиках нейлоновых рубаш. Подхватив инструменты, дабы дерущиеся не вырвали и не использовали в качестве дубин и метательных снарядов, музыканты ресторанного ансамбля убежали на кухню. Кроме барабанщика, который вынужден был оставаться на месте и закрывать дорогушие барабаны от вредительства собственным телом. Цирк!

Метрдотель предложил Свете и Миле Фалько самый лучший столик вблизи дверей туалета. Драки туда не докатывались, музыка не оглушала плюс отличный обзор.

Официант ждать себе не заставил: «Чего изволите?» – «Принесите нам мясного: мы – хищницы!» – томно ответила Света. – И вина хорошего. У вас мускат есть?» – «Из мясного могу предложить эскалопы из свинины, а также дунганскую лапшу с фрикадельками из бараньего фарша. Что же касается вина... Кагор на прошлой неделе был. Кончился. Есть азербайджанский портвейн и целиноградский «Солнцедар». – «Ладно, несите эскалопы. И конины, пять звезд, граммов триста. А портвейн и «Солнцедар» пусть ваш завпроизводством сам пьет».

Не преминул отметить перед фрунзенской дивой и руководитель ресторанного вокально-инструментального ансамбля.

«Девочки, что для вас спеть?» – «Что-нибудь из альбома «Клуб одиноких сердец сержанта Пелтиера», – нахально потребовала Света. «Что вы!? – перепугался начальник музыки. – «Битлз» запрещенная группа!» – «Это у вас, наверно, запрещенная. А между прочим, она в Москве собиралась выступить». – «У нас не Москва, – вздохнул начмуз, – мы тут словно на прифронтовой полосе живем – одни лагеря кругом. Однако все равно стараемся быть в курсе новинок зарубежной эстрады и, например, смогли бы предложить вам песни на двенадцати иностранных языках, авторы и исполнители которых являются друзьями Советского Союза. Вот, пожалуйста, ознакомьтесь». – И начмуз подал Свете толстую общую тетрадь с песнями друзей главной страны социализма. Заглядывая в которую и пели его вундеркинды-музыканты.

Словно для изучающих иностранные языки новых русских, слова итальянских, французских, английских, польских и прочих песен были написаны кириллицей. Вкратце давалась биография авторов или исполнителей. Например, про Джанни Моранди можно было узнать, что он не только «прогрессивный деятель итальянской культуры», но и «сочувствует коммунистической партии Италии». Название песни Моранди в русской кальке выглядело так: «Бери ведро».

«Вы нам лучше про зону, про правду спойте!» – влезли в разговор сидевшие за соседним столиком чуваки с застекленными уже «Солнцедаром» глазами.

«Вот видите, с каким контингентом приходится работать», – извиняющимся тоном прокомментировал начальник музыки.

«Дин Рид – активный борец против войны во Вьетнаме, большой друг Советского Союза, – продолжала Света знакомиться с содержимым тетрадки. – Песню «Элизабет» посвятил жене, лидеру оклахомского филиала американской партии суфражисток».

«А вы разве не знаете, что Дин Рид с нею развелся, переехал в ГДР и женился на тамошней комсомолке?»

Этого музыкальный начальник еще не знал. Зато и Света не знала, что Дина Рида уже нет в живых. (По слухам, утопили «штази», когда потребовал паспорт, дающий право разъезжать по всему миру. Восточногерманские спецслужбы не без основания опасались, что Дину Риду приелась игра в марксиста и он вернется на Запад. Зачем попсовикам социализм с его четкой регламентацией доходов? Сделал на скандале имя – игру можно прекращать.)

«Хочу послушать песню из репертуара польского ВИА «Скальды», – встряла Мила Фалько. – «Да закоханья еден крок» называется. Можно?» – «Отчего нельзя? Конечно, можно. Вполне приличная песня ансамбля из страны- участницы Варшавского договора», – ответил худрук.

Что же касается заведующего производством ресторана, которому Света пожелала пить «Солнцедар», то он как раз сидел сейчас рядом с метрдотелем и рассматривал публику. Мила Фалько произвела на зава неизгладимое впечатление. Звали его Анатолий Фатеевич Корчаной. Через несколько месяцев он бросит ради нее семью и станет Сергею очередным отчимом.

Самой большой ошибкой в жизни Сергей считал женитьбу на Жанне.

Почти само собой разумеется, что женитьба была не актом его доброй воли, а скорее бзиком Жанны, которая в свои двадцать лет побоялась остаться старой девой и, схватив Сергея за шиворот, потащила в загс.

Жанна была вполне симпатичной девушкой, только очень высокой. А так как мода на девушек-моделей баскетбольного роста пришла уже после того, когда она навязала брак первому встречному, то данное обстоятельство в пору девичества весьма удручало и родителей, и ее саму. Ведь на школьных танцевальных вечерах никто Жанну не приглашал. Вот гады пацаны! Гады, гады! Потому что стоило подвыпившему на ресторанном банкете Сергею случайно обратить на свою соседку по столу мутноватый взор и заговорить о каких-то пустяках, как Жанна совсем не пустячно тут же в него вцепилась. И пошло дальше, и поехало...

Тем не менее Сергей позволил окольцевать себя скорее в результате знакомства с ее родителями и, главное, бабушкой. Если бы те Сергея не очаровали, то он, возможно, так сразу б не сдался: боролся, кусался. Может, вообще бы от нее благополучно отделался.

Жанниного отца, хирурга по профессии и призванию, звали Станиславом Яновичем. Терапевта мать – Марией Вячеславовной. Бабушку, мать Яновича – Люцией Вацловной. И была она очень, очень набожной, праведной и сердечной старушкой.

Таким образом, семья Ковалевских входила в первую десятку самых заметных докшицких семейств. Ведь Станислав Янович и Мария Вячеславовна исцеляли горожанам тела. И начальству, вплоть до первого секретаря райкома, и простым труженникам. Попав к ним в дом, Сергей сразу почувствовал элитарность семьи Ковалевских и, конечно же, не мог этого не оценить.

У Ковалевских никто не орал друг на друга, не выяснял, кто в доме хозяин, и не тянул одеяло на себя. Каждый вращался на своей орбите, знал свои обязанности и выполнял без суеты и с максимальной добросовестностью.

Проза

Обязанности Станислава Яновича заключались, например, в том, что он должен был хоть раз в сутки поесть горячего супу и не забыть надеть на дежурство свежую сорочку. Других обязанностей у него не было, так как двадцать часов из двадцати четырех кромсал и резал докшикцев своим блестящим хирургическим ножичком.

Рассказывая о нем, необходимо, конечно же, упомянуть то, что это был человек с тончайшей, можно даже сказать, пороговой нервной организацией. По этой причине Станислав Янович имел столько проблем, что просто жить было для него подвигом. Например, он испытывал боль, когда обычный человек ее даже не замечал. Ощущал дискомфорт, источник которого невозможно было определить.

Будучи хирургом, Станислав Янович смертельно боялся визитов к стоматологам и доводил дело до того, что из опасения заражения крови его приходилось... оперировать. Начиналось ведь все с маленьких дупел, а кончалось нарывами и опухолями. Совсем уж необъяснимо боялся Янович... крови, – в тех случаях, если проливалась красненькая вне процесса выполнения им своих профессиональных обязанностей. В частности, когда резали очередного бабушкиного кабанчика, он уходил из дому и возвращался только тогда, когда от следов насилия не оставалось и следа. То есть кровь была подтерта, мясо и сало с мест разделки прибраны, спец выпивал свою чарку со шкваркой и убрался вон.

Станислав Янович страдал также водобоязнью, клаустрофобией, боязнью высоты, чем-то там еще, еще и еще... А уж сколько имел «мулек»... Не ел холодец, потому что тот «дрожал», не пил кисель, потому что «пластовался»... Из опасения, что этого милейшего, безобидного человека сочтут опасным для окружающих психопатом, продолжение списка нецелесообразно.

Ему бы, наверно, пришлось совсем мерзко, не умея он радоваться радостям юродивых и отшельников: шуму летнего дождя за окном, запаху разогретой на июльском солнце хвои, пению птичек и так далее. Главное, если бы не имел любимого дела.

Станислав Янович был хирургом самого высшего класса. Потому что хирургия оказалась для него способом максимальной самореализации. Ведь в операционной его нервная организация использовалась на всю катушку и работала не против, а за него. Вливалась в его руки неким электричеством, помогая совершать очень точные и слаженные движения, открывала способность чувствовать закрытые участки организма оперируемого, слышать вибрации сосудов и органов. Во время операции Станислав Янович как бы погружался в некий транс и в этом состоянии совершал невозможное, порой не имея под рукой ни нужных приборов, ни инструментов.

Эх, кабы нервишки и ручки Станислава Яновича вместо великолепных Докшиц служили ему в каком-нибудь драном Чикаго... У Фалько бы, по крайней мере, был шанс стать зятем миллионера.

В свои пятьдесят по психическому и эмоциональному развитию Станислав Янович оставался чуть ли не ребенком. Это был высокий, лысый, немного обрюзгший мужчина с лицом породистого добродушного бульдога. В некотором роде красавец, в некотором – квазимодо, но для мужчины – в глазах тех, кто понимал – очень даже ничего. Человеком, благодаря хорошей породе и детской невинности, как бы не от жизни сей. Имел щедрейшее сердце, расточаемое на больных, автомобиль «копейку» и бездомных собачек до такой степени, что, например, жене не оставалось почти ничего. Что ж, у Станислава Яновича не было ни отца, ни сестер, ни братьев. Только мама. И он просто не привык совершать над собой усилий, связанных с каким бы то ни было распределением; раздавал, как получалось. Ведь в детстве все доставалось ему.

Однако для Фалько кое-какие резервы у Станислава Яновича обнаружили. То ли бездомных собачек в сердце уплотнил, то ли «копейку». Ну мог ли выросший без отца Сергей не отозваться?

В отличие от прекраснородушного, несколько эгоистичного католика Станислава Яновича, Мария Вячеславовна была носителем православной культуры и воспринимала жизнь во всех ее проявлениях: от прекрасных до самых безобразных. Ее циничная мудрость забавно диссонировала с наивностью и непрактичностью свекрови и мужа, а приверженность к зеленому змию потрясала до основ их непорочные ангельские души. Это была крупная, породистая, красивая еще женщина с манерами и душой королевы в изгнании.

Кстати сказать, циничная мудрость Марии Вячеславовны зачастую мешала ей быть нормальным, среднестатистическим врачом. По отношению к чужим болезням она вела себя подобно Кутузову при Бородино – согласно образу, созданному Львом Толстым в любимом романе Родиона Беспалько. «Годом раньше, годом позже, все равно всех вас, голубочки, на погост снесут», – зачастую рассуждала она, приписывая пациентам пожилого возраста какие-нибудь безобидные пилули, вместо того чтобы принимать неотложные активные меры. И докшицкие старики ее боготворили.

Мария Вячеславовна любила устраивать прямо-таки королевские пиры со множеством приглашенных. Чтобы мужчины являлись в костюмах, женщины в вечерних платьях и с побрякушками, пиршественный зал был ярко освещен, водка лилась рекой и рвали душу цыганские песни.

Понятно, что Станиславу Яновичу были те пиры в тягость, а для Вацловны – сплошным стрессом. Очень волнительной была старушка. С одной стороны, переживала чтобы обжорство состоялось без накладок: то есть яблоки в гусях не попались, голубцы подались горячими и вовремя. С другой – ее святой душе противоречил сам дух излишеств. Ведь за свою жизнь Люция Вацловна не выпила беленькой в общей сложности и бутылочки. Наконец, она очень переживала, чтобы не перебрал Сютя (так с детства называла она почему-то Станислава Яновича).

Люция Вацловна родилась в простой польской крестьянской семье, в деревне Вороновского повета Гродненского воеводства. Через год после заключения Брестского мирного договора, в результате которого земли Западной Белоруссии и Западной Украины стали польскими. Когда закончила два класса начальной школы, родители сочли ее образование законченным и приставили нянькой к маленькому брату. Когда пришел срок, вышла замуж. Однако успела прожить с мужем лишь несколько месяцев, как началась война и Ян погиб. И так была набожной, с детства, а уж после смерти мужа... Не пропускала ни одного поста, ни одной службы. Что интересно, на пятом десятке лет истовой веры ее просьбы к Небу начали выполняться.

Правда, впервые отметила она этот факт при обстоятельствах, которые можно счесть чересчур заземленными. Но что делать, если человек на земле живет. В общем, факт прямого контакта с Горней властью был отмечен бабушкой, когда однажды потеряла ключ от свинарника и обратилась за помощью к святому Антонию. Ночью тот привиделся Люции Вацловне во сне и точно указал местонахождение ключа. С тех пор связь с Горней властью у бабушки не прерывалась.

Разумеется, что научно связь зафиксирована никак не была, утверждение о святости бабушки останется на совести ее близких. Все равно это не имеет большого значения. Значение имеет другое, что Сергей Фалько в бабушку прямо влюбился, а между тем роль в формировании личности его будущей жены сыграла та самую что ни на есть негативную.

Проза

«Родитель, помни! Внука от бабушки держать нужно дальше. Бабушка внуку – враг». Потому что бабушки внуков калечат.

Причина этого безобразия и его корни – в слишком резкой трансформации патриархальных многодетных семей в семьи, где один и три десятых ребенка приходится на две непрочные супружеские пары. Ведь наши бабушки запрограммированы на помощь в воспитании орав детей. А коль таковых не наблюдается, то жар домен их сердец достается единичным детским экземплярам, для которых хватило бы и тепла пламени свечи.

Вот Люция Вацловна жаром своим и расплавил волю Жанны, превратив в воск, приучила к жизни, в которой по шучьему велению, по ее хотению исполняется любая прихоть. Одна только деталь. Ковалевские жили в стандартной городской квартире с централизованным отоплением. Тем не менее в холодное время года, когда Жанночка намеревалась ложиться спать, бабушка грела ей одеяло над газовой плитой... Это растлевающее действие, а вместе с ним и десяток других, аналогичных, проводилось вплоть до замужества!

В общем, за все Жаннино детство бабушка не позволила ей совершить ни одного волевого усилия. Отбирала у нее веник и мыла за ней посуду. Кипятила Жанночкины трусики и подшивала к форменному школьному платью белые кружевные воротнички. Как и попавший на склад «огненной воды» индеец, Жанна не понимала необходимости этих усилий. Зачем напрягаться? Когда будет жить самостоятельно, тогда и начнет за собой ухаживать. Куда денется? А сейчас... «Бабушка, где мои колготки? Бабушка, почему на пяточке дырочка?»

В детстве у Жанны был карликовый кролик, попугайчик, черепаха, коты и аквариумные рыбки. Внучка их любила, а бабушка кормила и убирала каки. Жанна начинала за ними ухаживать, но любое дело, потеряв прелесть новизны, ее тотчас от себя отворачивало.

По причине того, что с раннего возраста у Жанны был очень плохой аппетит, со стола ей отбирались самые свежие, самые лучшие куски. Со временем аппетит выправился, но все равно куски второй свежести подъедали за ней другие. Считалось вполне нормальным, когда Жанночка выковыривала изюм из саек, творог из ватрушек или сердцевинки из арбузов. Даже когда стала уже студенткой.

Жизнь без усилий способствовала тому, что пониженный жизненный тонус Жанночки стал естественным ее состоянием. Это был очень грустный, болезненный ребенок. Длиннющий и без половых признаков. Что же касается лица... Жанночка, к несчастью, походила на папу. «К несчастью» потому, что красота мужская хороша только в мужчинах. Если фейс породистого французского бульдога перекроить в лицо девочки астенического сложения, то ведь получится... гибрид огурца и бульдога, в котором огурец станет формой, а профиль бульдога – содержанием. Конечно, никаких складок и мешков под глазами. Тем не менее это будет он – француз.

Перманентное энтропическое состояние Жанночки постоянно требовало искусственных стимуляторов. Ими стала одежда – то есть тряпки, шмутки. Покупаемые Марией Вячеславовной для дочери в количестве, многократно превышающем всякий разумный предел. Что называется, с королевской щедростью.

Можно сказать, что все женщины на тряпках сатанеют, тряпки в их жизни занимают столько же места, сколько водка и вобла – в мужских. Но обычным среднестатистическим женщинам тряпки нужны для того, чтобы нравиться в них мужчинам или хотя бы самим себе. Загвоздка в том, что Жанночке одежда нужна была совсем для другого.

Ведь что такое одежда? Это необходимый для прикрытия чресел предмет гардероба, в который заложено сырье и труд швейников. Само по себе сырье нейтрально; радость от новой шмутки – это ведь еще и активное поглощение энергии, вложенной трудом швейников. Вот и нужна была Жанночке в шмутке чуть ли не первоочередно она, эта самая энергия. Как только та иссякала, а происходило это после первой стирки, Жанночка интерес к обновке тут же теряла.

Ну есть же такая теория, будто люди подразделяются на вампиров и доноров. Донорами в семье Ковалевских были и бабушка, и Мария Вячеславовна, и Станислав Янович (это могли бы подтвердить пациенты докшицкого стационара). Кем оставалось стать Жанночке? Разумеется, только сильным вампиром. В противном случае атмосфера в их семье была бы сгущенной до степени взрывоопасности. А так – ничего, Жанночка разряжала.

Возникает вопрос, почему Мария Вячеславовна позволила бабушке растлить внучку? Причин несколько. Самая главная опять же в циничной мудрости Марии Вячеславовны, которая мешала ей быть нормальным, среднестатистическим родителем. Ведь и по отношению к бабушкиному излишнему рвению в деле выращивания внучки вела она себя подобно Кутузову в битве при Бородино. Мол, некоторых детей бабушки портят, портят, а они все равно вырастают порядочными людьми, а у некоторых детей бабушек даже нету, а становятся убийцами, тунеядцами и насильниками. В таком случае, если угадать невозможно, стоит ли вообще вмешиваться?

К тому же бабушка очень обижалась, когда ее одергивали. Она вообще не понимала: как это может получиться какое-то зло из старания делать добро? Ведь когда она была способна воспринимать чужой опыт, подобного опыта просто не существовало. Уж в крестьянской-то среде. Для Люции Вацловны, например, также было загадкой: разве действительно смешно то, что она моет машину сыну?

Между тем и впрямь забавное получалось зрелище: прогуливающийся вдоль берега озера, наслаждающийся пением птичек и всплесками рыбок Янович и ожесточенно трущая бока «копейки» Вацловна, напевающая псалмы на польском.

Если же в эту картину постараться втиснуть остальных членов семейства, то расположатся они так. Поодаль мельтешни труда и воняющей бензином машины, в тени деревьев и на достаточном расстоянии от воды, на двух ватных одеялах будет сидеть с книжкой Жанна. В накинутах на плечи новой кофточке, лениво грызущая шоколадку и активно тоскующая. Еще дальше от раздражающей псалмами бабушки расположится развеселая компания врачей докшицкой райполиклиники, выехавших на барбекю-пати. С ящиком водки, бочкой селедки... Ну да, докшицкая интеллигенция тоже плотно «сидела на пробке», чем она хуже остального народа?

По гороскопу, как и мама Фалько, и Белка, была Мария Вячеславовна Девой. А для дам этого знака характерна такая шкала приоритетов, при которой любовь всегда оказывалась на первом и зачастую единственном месте. Вот поставь Деву перед выбором: Нобелевская премия за разработку в области молекулярной физики или личное счастье. Однозначно выберет счастье. Ну и алчет большинство Дев всю жизнь «чуйств» высоких, страдает почем зря. А в условиях бескавалерной провинции – водку пьет. Мужикам до страданий этих в большинстве случаев и дела нет. Слова ласкового клещами у них не вытянешь, обнять лишний раз боевых подруг лень. Лично Станислав Янович променял бы любовь своей законной Девы на десяток интересных операций на двенадцатиперстной кишке. Или на новую резину для «копейки». Ведь что такое любовь? Да как-то трудно и определить. А хорошая резина – конкретная обувь для «копейки» тысяч на восемьдесят км. «Машина не жена – говаривал Станислав Янович. – Не приласкаешь жену, кто-нибудь другой приласкает, не следишь за машиной – никто не последит».

Проза

С каждым часом дух разложения уплотнялся. Из уголка Светиных губ стекала, пузырясь, какая-то мерзость.

– Этак до похорон труп не продержится, – заключила соседка, учительница биологии местной школы.

Принесла охапку крапивы с полынью. Половину разложили на полу под гробом, половину – прямо в гробу. Дышать стало легче. Санька и Сергей все так же по очереди читали Псалтырь, впереди была еще одна кошмарная, мистическая ночь.

Белка могла бы и не признаваться в измене, все равно ясновидящая Лена – молодая симпатичная женщина – оную не увидела. Верно, либо не имела та измена большого значения, либо видела Лена не так уж и ясно. Стоит также учитывать имеющуюся разницу в позиции по отношению к этому вопросу между разными поколениями. Это ведь для поколения Сергея секс в свое время был всем, даже большим, чем вместе взятые родина и комсомол. Потому что секса в СССР, как известно, не было; и никого не касалось, что у тебя мозги от его отсутствия перекаливало. А что такое секс для поколения пепси? Да ничего, ноль в розетке, простая физиологическая потребность, справлять которую лучше с материальным прицелом, а также с использованием средств контрацепции. Короче, секс не появился и после победы демократии, обратной стороной коммунистического аскетизма оказалось порно.

Ясновидящая акцентировала внимание Сергея на другом. Да, переплетение его жизни с Белкиной – судьба. Так и должно было произойти, потому что переплелись их судьбы в жизнях предыдущих. Кармическим узлом этот переплет называется. «Наверно, я был неким литератором, а Юля – моей музой?» – спросил Сергей, гордясь своей графоманией в настоящем и надеясь услышать об истоках ее в прошлом.

Лена сосредоточилась на вращавшихся концах биолокаторных рамок. «Нет, – улыбнулась ясновидящая, – любовником жены писателя, – кстати, довольно известного (Лена назвала псевдоним), – которая родила от тебя ребенка. Она мечтала уйти от мужа и связать свою жизнь с твоей. Однако ты не оценил ее поступок. По сути – бросил и ее, и ребенка». – «Выходит, Юля была женой этого писателя?» – «Да, именно так, – подтвердила ясновидящая. – Писатель в свою очередь любил жену и застрелился, когда узнал, что ребенок не от него». – «Во, страсти-мордасти какие», – недоверчиво ухмыльнулся Сергей. «Ты оказался прямым виновником его самоубийства, – невозмутимо продолжала Лена, – поэтому сейчас как бы вынужден за него дописывать. Однако твой самый большой долг – перед его женой и ребенком. Этот долг – обязан вернуть».

Иногда Фалько верил в перевоплощение, иногда считал бредом сивой кобылы. По настроению. Настроение Фалько после посещения ясновидящей было смешливым и язвительным. «Хорошую религию придумали индусы», – резюмировал он Ленино видение его предыдущей жизни строкой из ироничной песни Высоцкого. И больше не вспоминал о визите. Лена либо что-то здорово напутала, решил он, либо шарлатанка.

Даже место рождения Анатолия Фатеевича Корчаного было какое-то подозрительное. Разве может нормальный человек появиться на свет в городе Грязи? Наверно, может, подумают некоторые, подразумевая, будто Анатолий Фатеевич уроженец местности, славившейся целебными грязями. Однако грязь в городе Грязи была самой обыкновенной, но, вероятно, там ее было столько, что она каким-то образом довлела над городской историей и судьбами горожан.

И Анатолий Корчаной, и Родион Беспалько имели одну и ту же духовно-социальную конституцию, то есть оба были люмпенами. Но если Родиона Петровича можно охарактеризовать как флегматичного мачо, то Анатолия Фатеевича – как бесполого холерика. В такой же степени необразованного, мелочно рационалистичного. Что же касается внешности... Родион Петрович был узколобым атлетом с оловянными глазами армейского «деда» и толстыми чувственными губами, Анатолий Фатеевич – по-птичьему тонкокостным, с огромными ушами инопланетянина, простонародным носом картошкой и маленькими бегающими глазками.

Благодаря заводному характеру за двадцать лет трудового стажа Анатолия Фатеевича была исписана не только вся его трудовая книжка, но и два к ней вкладыша. К своей трудовой деятельности Анатолий Фатеевич относился так же, как Дон Жуан к женщинам. Только испанец метался в поисках чувственных удовольствий и некоего идеала, а Анатолий Фатеевич – работы с идеальным соотношением вкладываемого им труда и вознаграждения за него. Чтобы за минимум получить максимум.

Одних ПТУ да всевозможных курсов закончил с десятком. Начал, как ни странно, с ПТУ механизаторов. «Лучше управлять техникой, а не лопатой. Опять же шабашки, солярка», – возможно, подумал парнишка.

«В гробу я видел такую технику!» – наверно, в сердцах воскликнул он, увольняясь из ПМК города Грязи, потрудившись в нем после окончания ПТУ всего три месяца. И тут же подал документы на курсы газосварщиков.

В принципе, постигнуть логику его выбора не так уж сложно. Ведь газосварщики раньше уходят на пенсию, им полагается молоко за пыль, мыло за грязь и дополнительные дни отпуска за вредность вспышек электродуги фотографической яркости. Если только это работа не на конвейере, то характер имеет ремонтно-эпизодический. Плюс всегда халтурки разнообразные. В результате человек получался и выпимши, и с трешкой в кармане. А то и с пятерочкой!

Ну, мог бы Толян и успокоиться – ведь счастье оказалось так близко. Однако всего месяцев пять проработал он в общей сложности и электросварщиком, и газосварщиком.

Подавал документы на курсы операторов котельных.

Был бы Толян рок-музыкантом, вроде Цоя, или писателем стало б понятно. Не тунеядец потому что считаешься, но времени свободного – море. Бомжи больше заняты. Операторы в котельных ведь сутки через трое работают. Вредность опять же капает, талоны на молоко выписывают. И зарплата не самая низкая. Что-то около ста пятидесяти.

Но и в качестве оператора Корчаной долго не задержался. Наверно потому, что не мог остановиться на достигнутом. Кроме того, ведь не знал наверное, куда деть себя в свободное время. Рок-музыки не сочинял, «Архипов» не писал. «Вот если б можно было работать оператором на две ставки», – типа фантазировал он. Триста рэ, при такой-то работе, было бы достижением предела мечтаний. Но ведь трое суток отдыха положены операторам котельных установок именно для отдыха – потому что формально работа считалась – ну очень ответственной. Как в пожарной охране. По этой причине ни о каких двух ставках в котельной не могло быть и речи.

Не беря на пуп, думал товарищ Корчаной, триста рублей еще можно зарабатывать машинистом тепловоза. Но тут подвели Анатолия Фатеевича его огромные уши: почему-то плохо слышали. По состоянию здоровья не приняли пытливого юношу в ПТУ железнодорожников.

Проза

Нельзя сказать, чтобы Анатолий Фатеевич на жизнь как-то озлобился. Однако после облома с железной дорогой перестал искать честные пути зарабатывания больших денег с минимальными усилиями. Факт. Начал рассматривать варианты, от которых пахло нарушением статей УК.

Закончил ПТУ общественного питания, в котором получил квалификацию повара. Распределился в дзетыгаринскую рабочую столовку.

Зарплата – шестьдесят рублей плюс сумка продуктов каждый день. Жить, конечно, можно, но барствовать ведь не станешь! Поэтому трудоустройство поваром Анатолий Фатеевич рассматривал как первую опорную балку конструкции, которую еще предстоит возвести. Он рассчитывал организовать в столовой нечто вроде еще одной параллельной столовой. (Анекдот на тему выбора жизненного пути: «Два яйца? Что обозначает этот новый знак, товарищ сержант?» – «Здесь дорога раздвояется».) Столовой виртуального типа, но с реальной жратвой и не менее реальными деньгами. В схеме должны участвовать минимум три должностных лица: повар, завпроизводством и кассир.

Повар должен был готовить большее количество блюд.

Обязанности заведующего следующие: 1). контакты с ОБХСС (отделом по борьбе с хищениями социалистической собственности), то есть подкупы проверяющих, отмазки; 2). обеспечение дополнительного производства не учитываемыми бухгалтерией полуфабрикатами и продуктами.

Огромная, чудовищная просто психическая нагрузка ложилась на кассиршу. Ведь та должна была выбивать чеки таким образом, чтобы их количество совпадало с количеством официально отпущенных столовой блюд. То есть проявлять себя отменным психологом, чтобы мгновенно определять, какой гражданин обратит внимание на количество чеков, какой оставит их без внимания на уголке подноса.

Далеко не каждый кассир может справиться с возлагаемой ответственностью и такой нагрузкой; далеко не каждая женщина обладает безукоризненным знанием людей и жизни. Конечно, жадность способна удесятерять силы и обострять интуицию. Но ведь в конечном итоге все дело в способностях, данных человеку чертом. Один человек способен стать «хорошим» кассиром, а другой, хоть убей, никогда!

В беседах на столь «философские» темы Толян проводил вечера со своим заведующим производством Рубеном Рубеновичем, который оказался его единомышленником и на несколько лет станет для молодого проходимца лучшим другом и учителем. За бутылкой хорошего коньяку, попивая острodefицитный растворимый кофеек.

«В этом деле существует и еще один подводный камень, – вздыхал многоопытный, совершенно лысый Рубен Рубенович. – Ведь любой бабе к деньгам еще и мужик нужен».

«Ну и женюсь! Если позарез для дела – не вопрос!»

По признанию Рубена Рубеновича, который и облысел потому, что бабы всю жизнь прохода не давали, готовность к самопожертвованию Толяна и вдохновила его на организацию «команды»: коль мы и этот вопрос решим... Эх, была не была, семь СИЗО не бывать, одного не миновать.

Рубен Рубенович каким-то известным только посвященным способом известил общепитовскую общественность о том, что нужна «хорошая» кассирша. И очень скоро на горизонте рабочей столовки появилась Тамара Дрыга.

О том, что она действительно являлась «хорошей» кассиршей, безо всяких рекомендаций говорило то обстоятельство, что золота на ней было столько, сколько игрушек на рождественской елке в Белом доме, что на голову была нахлобучена дорогушая, песцовая, похожая на воронье гнездо шапка, а на ногах – финские сапоги. Не противоречила данной аксиоме, а скорее шла в лад с ней, и накладка на тыльной стороне ладони

левой руки, свидетельствующая о том, что Тамара Дрыга прошла не только касирную, но и суровую школу жизни: находилась в местах лишения свободы.

Хотя Рубену Рубеновичу этот факт из ее биографии не понравился, но испытательный срок все же назначил.

Кассовым аппаратом Тамара владела виртуозно. Не совершала ни одного лишнего движения, почти не глядела ни на блюда на подносах, ни на клавиши. Только пальцы мелькали, а на потолке сверкали отбрасываемые золотыми перстнями и кольцами блики. Сплошной змейкой извивалась чековая лента. Чеки на руки Тамара вообще старалась не давать. «У меня метод такой», – говорила в антракте.

Через две недели Толян уже оказался в ее постели. Ведь в отличие от Рубена Рубеновича не имел справки об импотенции.

Впрочем, не больно-то и сопротивлялся. «Деньги к деньгам», – небось, думал про себя поварской Чебурашка, решив оформить отношения в официальном порядке.

За год совместной жизни Корчанные скопили на машину! Можно было бы переходить к программе максимум – откладывать на кооперативную квартиру где-нибудь в Центральной России. Но Тамара забеременела и в положенный срок родила дочку.

То-то радость была в доме Корчаных. Толян даже уволился как бы для того, чтобы помогать жене в уходе за ребенком. Ну, бывают же отцы такие самоотверженные. Честь бы и хвала. Но... через два месяца после увольнения в столовке случилась проверка. Проверяющие были «глухарями», то есть под видом простых голодных трудящихся набрали полные подносы хавки и прошествовали к кассе. Не получив чека от очередной «хорошей» кассирши Рубена Рубеновича, предъявили удостоверения работников ОБХСС. Надо отметить, что в этой почтенной организации как раз недавно сменился начальник, а мосты к его сердцу Рубен Рубенович еще не навел. Поэтому проверка оказалась для него полной неожиданностью, отмазать проверяльщиков сразу не удалось. В общем, едва от тюрьмы открутился этот замечательный старик. Ведь даже справка об импотенции Рубена Рубеновича не произвела на ОБХСС никакого впечатления. В итоге за производством был отправлен на пенсию...

В общепитовской среде поговаривали, будто Рубена Рубеновича подставили супруги Корчаные. Враки, конечно, но уж больно выгодно все для них обернулось – освободившееся место заведующего производством предложили Анатолию Фатеевичу. Надо же, судачили общепитовцы, и ведь не потребовали ни среднего специального образования, ни членства в партии. Верно, Тамарины связи помогли.

С каждым годом рос в профессиональном плане и матерел в материальном Анатолий Фатеевич. Жить бы да радоваться, а Фатеевич, наоборот, стал чувствовать себя загнанным в клетку зверем. Может, беда заключалась в том, что годы метаний отравили ему кровь: метания стали важнее результата? Не исключено, что эта болезнь присутствовала в нем от рождения, изначально. Анатолий Фатеевич никогда не мог постичь этого. Причины хронически угнетенного психологического состояния, как и таблица Менделеева, вообще остались вне пределов его разумения.

Что делать, философских факультетов не кончал. Ни в профессионально-технических училищах, которые он закончил, ни на курсах данной хворобы не изучали. Между тем, сколько бы русские люди ни воровали, в душе своей они ведь всегда остаются лесковскими Очарованными Странниками.

Чтобы не видеть Тамару и на работе, Толян заделал ей вторую дочку. Чпок и готово.

Проза

Чтобы не видеть Тамару и на работе, Толян заделал ей вторую дочку. Чпок и готово.

Без Рубена Рубеновича и с новой кассиршей виртуальная столовая стала работать еще прибыльней. Корчанные купили «Москвич», но тут же разбили. Встали в очередь на «Жигули». Могли бы замахнуться и на «Волгу». Но Семидырьё – городок маленький, владеющий дорогой машиной общепитовец привлекал бы слишком много внимания. Тогда Корчанные решили: «Волгу» будут покупать на новом месте. Сразу вместе с кооперативной квартирой в России. Город уже присмотрели – Тольятти.

Почему именно Тольятти? Дело в том, что когда-то, во время одной из проверок в столовой, Фатеевич обратился к гадалке с просьбой предсказать, чем закончится. Кроме ответа на этот насущный вопрос гадалка также посоветовала Корчаному жить на берегу большой реки. Между прочим, другая гадалка и в другой стране то же самое посоветовала Хемингуэю. Нобелевский лауреат, возможно, и был несчастен потому, что не последовал совету, а большую часть жизни прожил у моря.

Для безболезненного отрыва от Семидырья Корчанным не хватало каких-нибудь четырех-пяти тысяч. Но тут случилось необъяснимое: Толян бросил виртуальную столовую и трудоустроился в ресторан «Горный лен». Зачем понадобилось менять гарантированный кусок хлеба с маслом на kota в мешке? Не сошел ли с ума? Никто не понимал его поступка, не смог бы мотивировать и сам Толян.

Ведь задача по организации виртуального ресторана была не решаема. «Горный лен» являлся единственным рестораном Семидырья, следовательно, находился у начальства на виду. Именно здесь проводило оно банкеты и праздновало все свои юбилеи. Сюда забредало вечерами на приветливые огоньки. А народец-то, начальство, сметливый, глазастый. Сам через все эти виртуальные трубы прошел.

Конечно, воровать можно было и здесь. Но масштабы... Ведь если в столовке народ активно насыщал себя калориями каждый день, то в ресторане жизнь бурлила только субботними вечерами.

В общем, Толяново трудоустройство в ресторан можно расценить разве как экстравагантную выходку. Атмосфера в семье Корчанных стала накаляться и зыбиться-зубиться. Какого, спрашивается, черта?.. Мужчина должен кормить семью, а не потворствовать своим бзикам!

Белка таки съехала с квартиры. Вернулась домой, к мамочке. Фалько, подумав, что роман начнет теперь увядать и постепенно сходить на нет, вздохнул с облегчением.

Однако не тут-то было. Юле ничего не стоило каждый вечер трястись по часу туда и обратно в троллейбусе, курсировавшем между Серебрянкой и Уручем. «Я же не вынуждаю тебя ходить на свидания, ухаживать. Изволь в таком случае хотя бы высунуть нос из подъезда».

Прогуливались по лесопарку, потом она провожала Сергея к самому дому...

Со стороны это кажется абсолютно неправдоподобным. Разве отношения между молоденькой красивой девушкой и ленивым, неухоженным и неуклюжим мужчиной за сорок могут проходить по такому сценарию? Да ведь тот недостойн целовать следы ее туфель! Может, Фалько увлек юную дуреху харизмой писателя? Полноте, ведь социальный статус писателя, державшийся прежде где-то между командиром полка и первым секретарем райкома партии, ныне снизился до статуса цирковой собачки. О какой харизме может идти речь? Да стоило Фалько в какой-нибудь компании упомянуть про свою манию, как сразу глаза собеседников становились скучающими и холодными. Боялись, наверно, что денег попросит, что вообще сумасшедший. И Сергею приходилось извлекать на свет сказку о своем директорстве. Не напрягайтесь, мол, я такой же. И мании у нас общие.

«Словно присушил меня», – говорила, оправдываясь за назойливость Белка. «Ну и что это вообще такое? Слышал, конечно, много, но...» – «Как мне объясняли, теоретически присушка делается так. Человеку закрывают чакры и как бы сажают на энергетические каналы человека, к которому присушивают. И все, тот без него словно полено! Ведь разлучение энергопотребителя с энергоносителем смерти подобно. Вот и у меня ощущение, будто завишу от тебя в такой степени, что оторви, отдери – умру сразу».

Наверно, многие мужчины хотели бы оказаться на месте Фалько. При условии, чтобы жены-ровесницы не узнали. (Еще с сотней условий... По большому счету, ничего они не хотят. Им только кажется, будто хотят. Со своими старыми боевыми подругам элементарно удобнее.) И они правы. Ведь разобраться, данное место хорошо так же относительно, сколь и пейзажи Малайзии, – если наблюдать через тонированные стекла автобуса с кондиционером. Ведь в Малайзии неправдоподобно красиво, но адски жарко и сыро. Поэтому, оказавшись на «свежем» малайском воздухе, европейцу покажется, будто его сунули под носик кипящего чайника.

Точно так же, далеко не комфортно, ощущал себя и Сергей Фалько. После трех месяцев жара неспелой Белкиной любви, после бесчисленных ссор и ее бесконечных детских обид хотелось теперь только одного – чтобы оставила в покое. То безразличное состояние, которое было характерно для него прежде, стало казаться ему желанным. И образ Белкиной любви в его сознании претерпел значительные изменения. Был «курением трубки опиума» – стал «малайским пейзажем», невероятные красоты в котором ушли на второй план, зато остались жара и гнилая сырость.

Страсть – это наказание. Страстно влюбленного человека никогда не любят в ответ столь же страстно. Чаще всего только позволяют себя любить. С одной стороны, субъекту страсти действительно отдают все. Но с другой... Это ведь не очень-то приятно: постоянно находиться в центре пристального, пристрастного внимания другого человека. Который с удовольствием лишил бы этого субъекта свободы. Даже посадил в клетку. Наконец, убил, чтобы тот навсегда принадлежал только ему. Пусть и в мертвом виде. Эта «деталька» для страстно влюбленных не больно-то и существенна. Поэтому нередка ситуация, когда предмет страстной любви не чаёт, как от любящего избавиться, под каким предлогом поссориться.

Подобную ссору во время одного из выгуливаний своей персоны по Уручью попытался спровоцировать и Сергей. В ответ Белка заявила следующее: «Понимаю твоё стремление разорвать наши отношения. Пожалуйста, это твоё право. Сама тебя отпущу. Но только после того... когда убежусь, что забеременела. – «Что???!» – «Ты должен стать отцом моего ребенка... Безо всякой ответственности с твоей стороны». – «В своем уме?» – «Ну что тебе, жалко?» – «И давно так решила?» – «Вот сейчас, буквально сию минуту и решила». – «Может, ты бы лучше сначала подумала: как будешь одна растить ребенка?» – «Для меня это не самое главное. Как-нибудь образуется. Единственно важно другое. Ведь ты можешь вырваться в любой момент. Зато ребенок – часть тебя – никуда не денется. Я уже знаю: он будет с такими же глазами, такими...» – «Послушай, – перебил Фалько, – ты, похоже, совсем не представляешь, что значит растить маленького ребенка. Это очень дорогое удовольствие. На какие деньги будут покупаться все эти пеленки, распашонки, памперсы? Кроме того, я сомневаюсь, что твой энтузиазм разделят родители. Не выпрут ли вас вообще из дому?» – «Это мои проблемы. Тебя не касаются... Ну, хочешь, расписку дам: мол, никаких претензий не

Проза

имею?» – «Расписку даст... А если откажусь наотрез?» – «Не откажешься, – уверенно сказала Белка. – Иначе я с собой что-нибудь сделаю. Сутки на раздумья – и приступим к реализации. Чем быстрее забеременею, тем раньше окажешься на свободе». – «Напрасно ты так уверена, – пробормотал Фалько. – Очень даже могу отказаться. Травись, вешайся, прыгай из окна на здоровье. В конце концов, это твой собственный выбор, я здесь ни при чем». – «Неужели не будет меня жалко? – возмутилась Белка. – Хоть на могилу цветов принесешь? Белых, жирных хризантем, какие я люблю?» – «Дура! – в сердцах воскликнул Фалько, чувствуя, что в данной ситуации Белка сильнее его. Безрассудностью своего сопливого возраста! Безответственностью! Что для нее окажется проще привести угрозу в исполнение, чем для него стать косвенным виновником самоубийства. Это открытие совсем вывело его из себя, и он сорвался на крик: – Ты понимаешь, что ты – дура?! Ты помнишь, что у тебя есть родители, которые тебя вырастили?! Ты имеешь право с ними так поступать?!» – «Вынуждена думать только о себе, – ответила Белка. – Схожу с ума от мысли, что в любую минуту могу потерять тебя. А твоего ребенка у меня никто не отнимет. Будет в моем полном распоряжении. Ребенок не оттолкнет, не обидит. Я буду любить его, он – меня. Чем не развязка?»

Жанна в своей жизни тоже влюблялась. Сначала в школьную учительницу немецкого, затем в сочинского ресторанный музыканта, который был ее старше на... двадцать два года.

Фалько не сумел разобраться в сути любви к училке: как выражалась, что бы значила? Зато на его долю достались лавинообразные последствия несчастной любви к музыканту по имени Сергей. И ведь зацепилась-то за Фалько Жанна не в последнюю очередь из-за того, что он оказался тезкой маэстро. Будь он каким-нибудь Виталием-Вольдемаром-Валентином, то проскочила бы, возможно, мимо.

Разумеется, что Жанна постоянно двух Сергеев сравнивала – этак по-женски, «непредвзято» – и находила, что Фалько здорово музыканту уступал. Она и усы-то уговорила Фалько отращивать, чтобы тот, «дикий и неуклюжий», походил на музыканта хотя бы еще этим.

Однако не мог ресторанный музыкант быть такой уж яркой личностью, ведь в России личности описываемого Жанной масштаба так долго не живут. И не был Фалько до такой степени ничтожеством, в противном случае не оказался бы к сорока годам у разбитого корыта.

Даже для уроженца Сочи наполовину адыгеец, наполовину украинец музыкант Сергей был на редкость красив: утонченный и в то же время мужественный брюнет. Который, например, потрясающе смотрелся бы в щегольском белом мундире грозного катера сирийской пограничной охраны.

Сергей Александрович закончил «гнесинку» (вероятно, в одно время с Аллой Борисовной и Михаилом Шафутинским) и жил в свое удовольствие. То есть ненапряжно лобал в дорогом кабаке, имел хорошие деньги и очень разумно их тратил: на семью, ухаживания за курортницами и занятия парусным спортом. В Сергее Александровиче забавным образом сочеталось стабильно высокое состояние духа и загадочно грустное выражение умного лица. Кроме того, он отличался красноречием и даже умением создавать иллюзию, будто слушает собеседника. Словом, достоинств – не перечить. Хватит, однако, о сопернике Сергее-графомана. Ведь на самом деле никакого соперника у него не было: Сергей Александрович если и претендовал на Жанночку, то не на брак же с нею.

Свадебный банкет состоялся в романтическом ресторанчике Троицкого предместья. Если не считать того, что Алексей Николаевич напился в первую двадцатиминутку

застолья, шафер впал в некое оцепенение и роль тамады пришлось выполнять жениху, то банкет в целом удался. Некоторые нарекания со стороны невесты были женихом получены по причине отсутствия на его лице выражения счастья, а также потому, что Сергей неуклюже с нею танцевал.

Приличествующего случаю ощущения счастья Сергей действительно не испытывал. Он, наверно, не изведал бы оного даже если б сочетался с принцессой Дианой. Тараканы бы, во-первых, не дали; во-вторых, смутно догадывался, что его в браке ожидает. Но все равно палец о палец не ударил, дабы что-нибудь изменить. И потому, что к собственной внешней стороне жизни был довольно равнодушен, и потому, что по всеобщему нашему обыкновению понадеялся на «авось».

Так как Жанна была убеждена, что создана для любви и жизни без бытовых подвигов, то Фалько, в свою очередь, убежденному в том, будто создан исключительно для творчества, пришлось стать и заправской домохозяйкой, и кормильцем, и, в недалеком будущем, сносным папашей. А что оставалось делать, если хотелось творить себе потихонечку без конфликтов и оставаться хотя бы с виду обычным рядовым гражданином?

Нельзя сказать, чтобы Сергей был прирожденным подкаблучником. Странный Жаннин муж как бы стал таковым по причине неправильно истолкованного чувства долга и подспудного страха перед общественным порицанием. Уж ему то, графоману, пощады б не было.

Что интересно, ведь даже знак молодоженам сверху дан был, будто брак их никому не нужен, что мертворожденный он. (Видимо, и там, наверху, согласованности никакой нет. Силы, которым хотелось преподать Сергею и Жанне какие-то уроки, свели. Силы, относившиеся к ним с симпатией, как могли, предостерегали.)

В общем, получилось так, что ближе к полуночи участники банкета как-то незаметно рассосались. Жених и невеста остались совершенно одни. Разве бывает такое? Фалько собрал с подноса подаренные конверты с деньгами, рассчитался и вышел на улицу ловить такси.

Сергей прожил до свадьбы тридцать лет, но до сих пор ни разу не был свидетелем последствий дорожных происшествий со смертельным исходом. И вот надо же, по дороге со свадьбы в Уручье стал таковым. Труп, как им свойственно, в нелепой, жалкой и одновременно страшной позе лежал прямо посреди московского шоссе. В нескольких метрах от него, поперек полосы, тихо и виновато стоял автомобиль с нервно моргающими аварийными сигналами. Ни ГАИ, ни «скорой» еще не было. Наезд произошел считанные минуты назад.

Медовую ночь свежее испеченные супруги провели в перебранке. Жанна, наверно, представила, как великолепно с ролью жениха справился б сочинский музыкант. И разрядилась по отношению к Фалько агрессией. Ведь уж кто-кто, а Сергей Александрович наверняка сумел бы очаровать гостей, сделать новобрачных центром притяжения внимания. И как ловко сидел бы на нем гэдээровский в елочку костюм, купленный Марией Вячеславовной на базе промторга по записке второго секретаря Докшицкого райкома партии.

Фалько пассивно отбрехивался, мысленно оправдывая невесту тем, что Жанна переутомилась, к тому же ей испортило настроение увиденное зрелище.

По настоянию Жанны в свадебное путешествие молодые отправились... в Сочи.

Так как Сергей был равнодушен к жене, то совершенно не ревновал ту ни к прошлому, ни к настоящему, ни к будущему. Не последнюю роль в его согласии сыграло то обстоятельство, что Жаннина тетя Людмила Вячеславовна была главврачом одного из самых известных сочинских санаториев и обещала бесплатно предоставить в их распоряжение на месяц номер люкс и эксклюзивную кормежку.

Проза

Как у всякого графомана, у Сергея имелся рефлекс сурка, стремящегося отведаться впрок. (Ведь до того времени, когда предложат многотысячный контракт наиболее крупные московские, европейские и американские издательства, еще дожить нужно. Поэтому нельзя упускать и малейшую возможность сэкономить, где-то что-то вырулить.)

Жанна, конечно же, об экономическом аспекте сочинского варианта проведения медового месяца думала меньше всего. В первую очередь ей хотелось продемонстрировать Сергею Александровичу (который при встрече ее даже не узнает), что оправилась после несчастной любви, будто кому-то нужна. Однако, несмотря на это, готова повернуть свою жизнь на сто восемьдесят градусов. Проще говоря, броситься в его, музыкантские, объятия.

Фалько последнее вполне бы устроило. (Ну и женишок! Не правда ли?)

Атмосфера дома Людмилы Вячеславовны оказалась ничуть не менее интересной, чем у Ковалевских. Только в корне противоположной.

Если локомотивом семьи Ковалевских была святая бабушка, ее знаменем и витриной самоотверженный врачеватель Станислав Янович, мозгом Мария Вячеславовна, то у Чугуевых роль локомотива, а также идеолога (да и все прочие роли) выполняла Людмила Вячеславовна, воодушевляемая не Богом, но Мамоной, что, в принципе, тоже не так уж плохо. Во всяком случае, для бедных родственников.

Мужа Людмилы Вячеславовны, Вик Викича, Сергей прозвал Васисуалием. В честь героя «Золотого теленка» Лоханкина, чей образ тот ему живо напоминал. Потому что жизнь мужа Жанниной тети была отягощена разве что переживаниями за судьбу перестройки. Все остальное от переживаний время Вик Викич откровенно бездельничал в своем царском кабинете заместителя главного врача по лечебной части с четырехметровыми, поддерживаемыми колоннами, потолками (санаторий был возведен в сталинские времена для партийно-хозяйственной элиты), с мебелью, способной украсить кабинет директора крупного банка, и с ванной, оборудованной джакузи и очаровательной душевой кабинкой, которую можно смело представить в дорогом публичном доме.

Вик Викич без особых зазрений совести прятался от жизни за спину жены, обладавшей в равной степени как хозяйственным, так и «приватизаторским» даром. Он презирал Людмилу Вячеславовну за отсутствие сексуальной привлекательности, но не мог оставить из-за лени, а также по причинам материального свойства.

Такой муж, в свою очередь, был нужен Людмиле Вячеславовне исключительно ради соблюдения протокола – ну не солидно же быть разводной главврачу в законе и коммунистке. Ребенок в семье курортных врачей был один, дочка, звали Ладой. Было ей тогда восемь лет, внешность у нее вырисовывалась папина, характер, слава Богу, мамин: то есть энергичный, непосредственный и жизнерадостный.

Вся обстановка в просторной квартире Чугуевых была тщательно подобрана по ценовому принципу: только самое-самое. Остальные критерии Чугуевыми явно не принимались. Поэтому, например, пол в квартире был покрыт не отечественным дубовым паркетом, а какой-то еще более дорогой немецкой химической дрянью, русский паркет имитирующей. Зеркала кругом были бельгийскими, пластиковыми. Ковры на стенах – туркменскими, ручной выделки.

Готовясь к приезду молодоженов, Чугуевы, по всей видимости, провели ревизию в закромах сочинского горкома партии. На столе был финский сервелат, поданный прямо в красивой коробке, банки с марокканскими сардинами и рижскими шпротами, несколько разнокалиберных бутылок отборных коньяков, сыры и много-много икры. Из блюд домашнего приготовления Сергей отметил наличие маленьких пышных котлеток. Точно такие пекли и у Ковалевских.

«Кушайте, кушайте, гости дорогие», – как-то очень по-кавказски приглашала хозяйка, сияя голливудскими фаянсовыми зубами, счастливая произведенным впечатлением.

«Интересно жизнь устроена, – подумал Фалько. – Ведь Мария Вячеславовна и Людмила Вячеславовна родные сестры, а что общего? Может, только то, что обе готовят маленькие пышненькие котлетки?.. Вот и не верь после этого в реинкарнацию. Ведь души людей, собранные под одной крышей простого деревянного домика на Витебщине, оказались совершенно разными. И «фельдмаршал Кутузов» стал кровным родственником какого-то купчика».

«Мила, а теперь дай-ка нам хорошего чаю – с видом главы семьи обратился к жене Вик Викыч в конце застолья.

У Фалько также сложилось впечатление, будто Чугуевы были сторонниками традиционных патриархальных отношений. Но на практике жена оказалась в сто крат сильнее мужа, поэтому жить им приходилось так, как получалось. Однако при этом Вик Викыч все равно играл роль домашнего деспота, а Людмила Вячеславовна, как это нелепо ни звучит, покорной рабыни.

«Хорошо, Витя, конечно. Все будет так, как сказал», – с готовностью несколько раз на день повторяла она, но делала, конечно, по-своему. И Вик Викыч вынужден был принимать эти правила игры, отдавая приоритет форме, а не содержанию.

«Сейчас, Витя, заварю индийского. Сережа, вам покрепче?»

...Номер люкс оказался трехкомнатным, с видом не только на море и пляж, но и на отвесный почти склон горы, покрытой совершенно диким, непролазным лесом из опутанных лианами буков, грабов, зарослей рододендрона, орешника и каких-то колючих кустов. Спалось в люксе отвратительно. Каждое утро Сергей просыпался задолго до шести от криков гнездящихся в расщелинах рыжей каменной стены птиц и некоего патогенного неудобства, вызванного расстановкой кроватей по гостиничному формалистическому принципу. А засыпал только после двух, когда наконец закрывался бар, до сего непрерывно насылавшего вибрирующим голосом эскадроны шальных мыслей «есаула» Газманова.

Как и всякое курортное место, Сочи умиляло Сергея особо трепетным отношением к попсовым шлягерам. Своим развитым на кич чутьем оно угадывало их раньше остальных городов и весей страны и от стадии изюминки докручивало до стадии тошнливки.

Сочи... Русский город в субтропиках, в котором пальмы так же естественны, как березы в центральной России. Город живописный и странный... Город неистойой русской гулянки и бесшабашного веселья, которое в любой момент может сорваться осмыслением его хмельной искусственности и излишней непосредственности. В общем, очень и очень скоро, задолго до назначенного срока отъезда, Сергея потянуло домой.

Море... Сколько песен о нем сложено, стихов соткано, а самого главного, пожалуй, никто не сказал. Море способно давать сердцу радость только тогда, когда оно любит. В противном случае... ну что с него толку? Плясь да плясь – скука бирюзовая. С неделю море Сергея завораживало, а потом резко наскучило. Одно и то же. И зачем сюда люди за тридцать земель прутся?

Плавать в море скучно, факт. Потому что нет ограничителей: не к чему стремиться и нечего преодолевать. (Как при коммунистах: нищеты, бесправия, путан и гангстеров, вранья в дизайнерской упаковке хочется так сильно, что даже кажется, будто жизнь без этих маленьких капиталистических радостей проходит зря, мимо.) Можно заплывать так далеко, что утонуть будет легче, чем вернуться. И все равно это будет рывок в никуда. Расстояние до Турции не уменьшится, а от Москвы не увеличится.

Проза

Вода в летнем море Кавказского побережья натурально противная. Это нагретый до двадцати восьми градусов солевой раствор. Который ничуть не освежает во время купания, и превращается на теле в противную, стягивающую кожу корку после.

Так как Вик Викич любил не жизнь, не жену, а перестройку, то и на пляже не бывал годами. Людмила Вячеславовна любила тоже не мужа, а разного рода продуктовые и ширпотребовские дефициты, поэтому, прожив в Сочи много лет, даже не научилась плавать. Ладушка любила родителей и принимала такими, какими были. Поэтому была без ума от моря и родного города.

«Псалом шестьдесят, – севшим голосом, на автопилоте бормотал Санька. – Начальнику хора. На струнном орудии».

– «Начальнику хора» в следующий раз пропускаяй, – проворчал Фалько. – То же самое и в отношении «струнных орудий».

– Без тебя разберусь, – вяло огрызнулся Санька.

Вторая ночь рядом с покойной оказалась тяжелее первой только физически. Факт смерти Светы перестал быть сенсацией, а перешел в разряд самой неприятной и муторной изнанки быта.

Ну какая, блин, сенсация, если все мы там, в земельке, в конечном итоге окажемся? Лучше бы, конечно, без рака... Ладно, что за тема, однако скорее бы весь этот кошмар кончился. Нынешний, со Светой. А сами с собой как-нибудь разберемся. Может, как говорится, и минет нас чаша сия.

И о Юле Сергею уже не думалось. Вообще ни о чем не думалось. Потому что нечем думать стало. Голова отключилась.

Что же касается Белки... могла бы, кстати, и соболезнавания выразить. Позвонить, номер-то знает. Когда Феля родился, Света, между прочим, прилетела поздравлять в роддом в числе первых. «Какой красавец!» – воскликнула тетушка с таким умилением, что Сергею захотелось еще раз внимательно рассмотреть сине-багрового, с перекошенным черепом сына. «Аполлон, как же... Скорее «Синий коненок на красной траве». Лез-то на свет через туннель-тиски, изо всех сил трудиться пришлось».

А вот дочку Леру достали из Жанны методом кесарева сечения. Будто куклу из коробки. Поэтому Лерочка с первых часов жизни была херувимчиком. С розовой кожей, огромными пушистыми ресницами – самый красивый новорожденный Докшицкого роддома.

Лерочка оказалась единственной идеальной женщиной Сергея на все времена. Преданная как собачка, любящая. Когда вырасту, сказала Лера в четыре года, стану графоманом. (Лера часто слышала это слово, адресованное Сергею, из уст мамы.) Как папа. «Бозе, Бозе! – В ответ сердце Сергея поднялось на такую горячую волну! Ведь дочка любит его! А он ее! Безумно! – Доченька, хоть фиктивным директором! Я за тебя и тюрьме готов отсидеть!»

Сергей и терпел свой мертворожденный, без любви, брак с Жанной еще несколько лет только из-за Леры. Ведь пока ребенку не исполнится десяти лет, его мнение на суде при установлении опекуинства даже не учитывается и ребенок автоматически достается матери. Мужики ведь у нас как бы сплошные алкаши, гуляки – кто ж с нормальными разводится? Между прочим, господа присяжные заседатели, это прямое нарушение принципа презумпции невиновности, дискриминации по половому признаку!

Вот и Света, кстати, не горела по отношению к Олегу. Об этом неоднократно говорила не только Миле Фалько, но и Сергею. Тихий, скромный, работающий... Поэтому замуж и вышла. Но разве мужчин женщины за тихость и скромность любят?

И тут, неуместно совсем, Сергей вспомнил самый типичный, наверно, роман Светы.

Звали объект Ситой. То есть Ситниковым был этот тип по фамилии. Все как положено: рецидивист, алкоголик, наркоман – во Фрунзе наркоманов и при советской власти хватало. И Свету в грош не ставил, и сам полущки в базарный день не стоил. А она таскала для него из дома деньги и отцовскую самогонку. Была верной подругой, на которую Сита не раз в пьяном кураже поднимал руку. А также изменял при любом удобном или неудобном случае. Хотя ведь и бабником не был – какие с алкоголиков и наркоманов могут быть бабники? Так, по неяршливости.

Когда Света совсем уже Сите надоела, стал гнать. Грубо очень, «не подбирая музыки и слов». Пинками, образно говоря. Света, голуба душа, вроде как задумала по этому поводу травиться.

Несчастливая любовь – бутылка уксусной эссенции... Еще не Шекспир, но уже не Петрарка. Занятие для барышни самое, конечно, достойное...

Мила Фалько помешала претворить этот замысел в жизнь. Или симулировать. Надо ж было и ей для Светы что-то полезное сделать.

Для начала решила с Ситой познакомиться. Света так ей Ситу расписала, прям плюхнуться с крыльца, называется. Словно был Сита неким родовитым князем маргинального мира. Ну и красавец, естественно. Вроде тогдашнего кумира женщин актера Олега Видова. (Сыгравшего в фильме «Всадник без головы» того самого всадника, в одночасье ставшего звездой и сбежавшего на радостях в Америку.)

И кто же предстал пред взором Милы Фалько?.. Смех и грех. Потрепанный-потрепанный мужичонка, явный лагерный опухенец, пытающийся на воле выдавать себя за авторитета. Который Свету единственную и мог обидеть, потому что любая другая суть его сразу разглядела и самовар бы ему, падали, на голову опустила.

В общем, вопрос о намерениях застрял в горле Милы. Снежным комом. Да пошел этот, с позволения сказать, петух, жрущий ворованную самогонку... С любыми намерениями. Вообще – гэтъ!

Короче, Света предпочитала асоциальных элементов. Почему?

Вопрос на засыпку... Если к Свете внимательно-внимательно приглядываться, то старого зека можно было разглядеть и в ней. Этакое с понятиями, старой закалки. Если только опять же верить во всю эту перевоплощенческую чехарду. Но откуда же еще могла взяться у нее шаркающая походка, – в девическую-то пору! А лексикончик, словарь Гомера: хавать, пайка, наденем зайцу макинтош (то есть «приватизируем»). Заслуживают внимания и Светины жизненные установки. Ее любимым словом было «ништяк». «Света, как дела?» – «Ништяк!», «Света, как тебе твоя зарплата?» – «Ништяк!», «Света, как себя чувствуешь после операции?» И после операции Света чувствовала себя «ништяк». Довольствоваться малым, жить одним днем и никогда не жаловаться... Да это же классический зек-бытовик сталинских времен.

Поэтому кажется невероятным резкий поворот ее к Богу, – в последнюю пятилетку жизни. Она стала носительницей и духа, и буквы православия. В это трудно поверить, но Света даже на фене ботать перестала. (Однако ведь эта самая метаморфоза происходит ныне со многими блатарями, которые букву православия вполне удачно совместили с духом блатного мира.)

Но вот курить – нет! Пока могла – держали зубы папиросу, а пальцы чиркали кремнем – курила. За что Санька, прошедший точно такую же эволюцию, но сумевший отказаться от этой привычки, частенько ее упрекал.

Проза

«Боже, ослаби, остави, прости ми согрешения моя, елика Ти согреших, аще словом, аще делом, аще помышлением, волею или неволею, разумом или неразумием, вся ми прости яко благ и Человеколюбец...»

– Что ты читаешь, а? – оборвал Санька монотонный бормот Фалько. – Это псалом, по-твоему?

Сергей встрепенулся, забежал глазами по тексту и перевернул страницу назад.

– Нет, молитвослов нечаянно захлопнулся, открыл уже в другом месте, – вздохнул он. – Третья ночь без сна...

– Странное все же место Колодищи, – примирительно сказал Санька. – Даже у нас в Узде при церкви есть пара бригад бабуль, которые псалмы над покойными читают... Хотя, с другой-то стороны, может, даже и лучше, что мы лично Свету уважим. Заслужила ведь: труженицей Светлана была отменной – варенья по триста банок закатывала, то-сё, помидоры...

«Я, Пореченкова Юлия Александровна, не состоящая на учете в психоневрологическом диспансере, заявляю, что считаю Фалько С. О. оптимальным физиологическим отцом для совместного ребенка и обязуюсь не иметь к нему претензий на содержание».

Вот такую расписку составила Белка, и Сергею ничего не осталось, как дать согласие: «Стать отцом – почетная обязанность мужчин, являющихся гражданами Республики Беларусь, – вымученно пошутил он. – Нам бы только обустроить место зачатия и – можно приступать». – «Что обустроить?» – «Самое насущное – сексодром. В общем, нужно организовать переброску в офис фирмы моих благодетелей какого-нибудь старого дивана». – «А почему именно в офис?» – обидчиво спросила Белка. «Ну не снимать же ради такой мелочевки отдельную квартиру, – холодно и отстраненно ответил Сергей. – Раз в неделю, по воскресеньям, будем встречаться. А в будние дни заниматься спортом и пить витаминчики». – «Насколько поняла, мы договорились?» – «Считай, да».

С этого дня отношения между Сергеем и Белкой приобрели некую деловую окраску. Вряд ли, конечно, Белке это нравилось: претензии-то к Сергею простирались шире задекларированных. Но...

Сергей приходил по воскресеньям в офис как на работу. Никаких нежностей и лирических отступлений, постановил для себя. Сергей отчетливо понимал, что Юля рассчитывает на его чадолюбие. Если, мол, до сих пор не развелся из-за Леры с Жанной, то не бросит и ее с ребенком.

Но ведь не мог же Сергей разорваться надвое! Как совместить дальнейшее сохранение брака ради дочки и заключение нового брачного союза? Никак нельзя, это понятно. Следовательно, Белка надеялась на какое-то чудо, бросилась в омут головой, прошептав заветное наше «авось».

Вот же приперло девчонку! Но не могла по-другому. Потому что родить ребенка от Сергея стало для Белки идеей «фикс», бороться с которой бессмысленно и опасно. Ведь что такое идея «фикс»? Это фанатическая, маниакальная одержимость какой-либо идеей, способность пожертвовать ради нее всем, в том числе и жизнью. Вполне научное определение. Примеры такой одержимости – на каждом шагу. От фанатиков-ученых, которые двигали вперед науку, рискуя попасть на костер инквизиции, до террористов-смертников. Наконец, сколько юношей и девушек по всему миру покончили жизнь самоубийством после неудачных попыток навязать свою любовь выбранным субъектам для поклонения? Им оказалось проще умереть, чем признать поражение; легче уйти в небытие, чем остаться жить в муках.

Кто становится субъектом любовной идеи фикс? Да кто угодно! Гласит же народная поговорка: любовь зла, полюбишь и козла. Разевающие пасти под фанеру попсовики, в коих особенно часто смертно влюбляются молоденькие девчоночки, верность поговорки подтверждают нагляднейшим образом. Почему бы в таком случае и в графомана не влюбиться?

Фалько достаточно пожил на свете, всякого насмотрелся, чтобы с точностью установить диагноз. Белкина угроза произвести над собой в случае отказа некое греховное действие не была дешевым шантажом (шантажировала грамотно, качественно и вовсе не на три копейки), пустой угрозой (уж кто-кто, а Белка смогла бы привести угрозу в исполнение). Человеком ведь была цельным, заводным и очень, в отношении себя, бестрепетным. Самое главное – «пятикратным». Даже симулируя самоубийство, непременно бы переборщила.

Поэтому Фалько заранее воздвигал между собой и будущим ребенком стенку. Он не хотел жениться на Юле ни при каких условиях. Боялся заведомой несовместимости двух неврастеников, боялся разницы в возрасте. Много чего еще боялся. Раз уж это идея фикс, решил, то не стоит сопротивляться. Пусть получит этого ребенка. Грудничок перетянет на себя все ее внимание, и страсть сама потухнет, стану свободным.

Нотариально, понятно, расписка не заверялась. Но все равно оставалась достаточно серьезной. Белка гордая, лукавствовать, если будет такая бумажка, не сможет.

Других же способов оторваться он нее Сергей не видел. Ну не мог же притвориться вдруг импотентом, начать как-то отвращать Белку от себя. Унизительно. Сами, господа судьи, обмазывайтесь дерьмом перед свиданиями, призывайте на помощь милицию и профсоюз. А пан писатель делать этого не станет, как и у любого другого гражданина Синеокой республики, право у него такое есть!

Чувствовал ли «конструктор человеческих душ» укору совести: ребенок без отца, сломанная судьба его матери?.. Нет, отнюдь. Коль на одной чаше весов Белкина жизнь, а на другой все прочее, то просто выбрал жизнь, так как ему показалось, что чаша эта перевесила. Почему должна мучить совесть? Вот если бы позволил себе занять удобнейшую и защищеннейшую позицию: «моя хата с краю, ничего не знаю», чем допустил бы некое членовредительство, тогда – да, мучила бы.

Что он вообще думал по поводу судьбы ребенка и сломанной Белкиной? Как говорится, все в руках Всевышнего. Подгадать, подловить нынешнее капризное семейное счастье невозможно. Потому что существовавший тысячелетия институт семьи прекратил свое существование. Как нечто цельное. Революция сексуальная, научно-техническая, женская эмансипация, перенаселенность среды обитания... В общем, остались только обломки этого института. Попасть на один из таких обломков – лотерея. Преувеличение? Ну, много ли сейчас нормальных семей, выдержавших испытание временем, воспитавших нормальных, психически здоровых детей? Прикинем.

Около пятидесяти процентов браков заканчиваются разводом. Статистика. Из оставшихся пятидесяти, процентов тридцать семей живут вместе только «ради детей». Однако этим детям вряд ли приносит пользу бытующая в таких семьях атмосфера лицемерия, лжи и ханжества. Сомнительно, что и они в свое время сумеют создать полноценные семьи. Еще процентов пятнадцать семей существуют только формально. Супруги не разъезжаются, потому что некуда, каждый живет своей личной жизнью. Или супругам просто лень оформлять развод, они уже давно не живут вместе и даже с трудом узнают друг друга, случайно встретившись на улице. Остальные пять процентов семей, условно говоря, счастливы. Однако скучно им быть неким социальным меньшинством, странновато. Поэтому нередко поглядывают в сторону освободившихся от семейных уз друзей и знакомых с завистью. Какое уж там счастье быть белой вороной.

Проза

Но это еще не весь расклад, не полная палитра. Из этих пяти процентов только один процент семей – свили свои ячейки-гнезда в больших городах. Жизнь в мегаполисах крепости семейных уз никак не способствуют. Таким образом, решил Сергей, практически любой ребенок, родившийся в браке, не будет иметь никаких преимуществ перед внебрачным. Все равно так или иначе останется без кого-то из родителей, либо будет расти в семье, которая станет его калечить. Короче, потворствуя Юле, он большого греха не совершит. Зато сохранит ее жизнь, увеличит число граждан республики еще на одного человечка. Обязанность заботы о котором, между прочим, он с себя не снимает.

Прошел месяц, другой, третий. «Красный запорожец» неизменно переезжал Юлины планы. Труды офисные пропадали втуне.

Белка вообще была очень дохлой. Температурила часто и жестоко – до тридцати девяти. Вроде как с пустого места и – бац! – печка! Наверно, это продолжали разрушаться почки.

Никогда не жаловалась. Ведь стоило только начать – рта бы не пришлось закрыть. В принципе, у Юли постоянно было что-то не так. Поэтому в ее сумочке всегда имелись шприц и ампула с баралгином. Ведь в детстве врачи ее резали-резали, но до конца не зарезали. Вот и стала Белка кем-то вроде гаитянского зомби. И жить не жила, и умирать годы юные не позволяли. Только подчинялась она не какому-нибудь отвратительному колдуну с мохнатыми ушами, а некому вселенскому току любви. Кроме любви, ничего ее не интересовало. Как и Милу Фалько.

Роман между мамой Фалько и «господином из Сан-Франциско», как и все Милочкины романы, протекал бурно, сумбурно и взрывоопасно. «Господином» прозвала уроженца города Грязи Корчаного учившаяся на филфаке Пржевальского пединститута Света. Потому что образ Анатолия Фатеевича был вполне бунинским. Правда, из другой его вещи, из «Деревни», не самой, как считается, патриотичной.

Начало своего ухаживания Анатолий Фатеевич озаменовал передачей Миле Фалько сетки апельсинов. Через третье очень солидное лицо – кого-то там из горздрава.

Между прочим, для Семидырья апельсины являлись таким страшным дефицитом, что сейчас даже невозможно представить. Апельсины в Семидырье найти было сложнее, чем, например, контейнер с отрезанными головами. Или пачку долларов. Представить только: апогей советской власти, Семидырье и пачка долларов в ящичке для подтирочной бумаги туалета административного корпуса объединения «Джетыгарасбест». Нонсенс, если не сказать кордетранс.

Сергей чуть не уписался, когда впервые увидел Корчаного в пронзительно фиолетовом «кардинальском» болгарском костюме и в каком-то кричащем, «джазовом» галстуке. Большие глухие уши Анатолия Фатеевича источали назойливо-сладкий запах цветочного одеколona, а его маленькие глазки с мышьиной прытью перебежали с предмета на предмет, с лица на лицо.

«Я тут к апельсинам еще колбаски сыровяленой, коньячку донес – «Казахстан», три звездочки, но по своим вкусовым качествам не уступает пятизвездочным», – сказал он, выкладывая на стол ясак. Голос у Анатолия Фатеевича обнаружился громким и пронзительно-высоким. Словно у гипотетического Шалапина, который подвергся бы той же варварской процедуре, что и несчастный Фаринелли.

Как у некогда известного «финансового концерна «Тибет», намерения у Анатолия Фатеевича были как «воздух гор чисты». Ведь выложил-то действительно самое ценное, что у него было. В приоритетном плане. И от чистого вполне сердца.

Выскочив на балкон, Света и Сергей со всей этой сцены ржали. Причем так, что подобного ржания эта степь не слышала со времен Чингисхана.

А вот Мила Фалько приняла Анатолия Фатеевича всерьез. Нельзя сказать, чтобы тот сильно ее впечатлил, но ведь любовь прекрасна сама по себе. И просто грех упускать возможность вновь нырнуть в ее пытки. Не правда ли?.. Ну и нырнула, с некоторой, впрочем, подспудной брезгливостью.

Где-то через месяц «почетный гражданин города Грязи» перебрался в квартиру Милы Фалько. Света, как могла, удерживала влюбленных от сближения. Но уж если из пункта А в пункт Б вылетела ракета, а навстречу тоже вылетело нечто в кардинальских шмотках и с большими ушами, то помешать им встретиться мог только вселенский катаклизм. Арифметика!

Сергей Фалько наблюдал за этим арифметическим действием также без восторга. Образ Анатолия Фатеевича вызывал в душе однозначную реакцию отторжения. Однако если уж Мила что-то про себя решила, то возражения сына ею не принимались. И Милину логику легко понять: у сына скоро начнется своя личная жизнь, нужно срочно устраивать свою. Не за горами сороковник.

Началом собственной, «личной» жизни для Сергея можно считать период первого эротического заклина. Одноклассницы, на которых до седьмого класса он смотрел «как на афишу коза», вдруг стали вызывать у него повышенный, нездоровый интерес. Особенно Наташа Волкова, носившая очень короткие форменные платья. Когда она наклонялась и показывался край ее теплых голубых штанишек, а также кусочек белой кожи до чулка... темнело в глазах... Период темноты и ярких вспышек.

В бетонных лестничных пролетах панельных джетыгаринских пятиэтажек были такие отверстия, которые использовались при монтаже зданий. Подкарауливая проходящих по ступеням женщин, дабы узреть, что у них под юбками, Фалько вместе с одноклассником Золотаревым часами простаивал в подвале под пролетами, прикинув к этим самым технологическим отверстиям... В зимнее время им приходилось расплачиваться за любознательность жестокими простудами. Кроме того, как и некоторые мальчики из класса, Фалько носил с собой карманное зеркальце, чтобы, сидя за партой и зажав его между ступней, заглядывать под платье девочки, сидящей сзади.

И если бы еще под юбками и платьями женщин-девушек-девочек семидесятых годов было что-то особенно интересное. Заглядывая в просвет между двумя штанинами гамаш, они видели, если можно так выразиться, только срединную часть этих гамаш. Эстетическое своеобразие срединной части панталон ныне также вызывает сомнения. Практический же опыт общения с противоположным полом для Фалько со други заключался в том, что они тискали девочек, катаясь с ледяной горки.

Каждую зиму в Джетыгаре из вырезанных из речного шортандинского льда блоков строили «ледяные городки». Это были своеобразные макеты кремлевских комплексов, вместо членов политбюро и дорогого Леонида Ильича населенные персонажами русского фольклора и с огромными, высотой с пятиэтажный дом, ледяными горками. Кремль и прочие ледяные здания снизу доверху раскрашивались масляными красками, да так, что невозможно было сразу и догадаться, из чего сделаны. Городок украшали елками, культовые ледяные копии обвешивали бусами гирлянд из разноцветных лампочек. В целом получалось здорово. Кабы все Семидырье было таким веселеньким. На протяжении всей зимы, до масленицы с блинами и катанием на тройках, городки были центрами массовых народных гуляний, местом притяжения школьников города.

Проза

Подвесные динамики вещали музоном. Что интересно, попса того времени совсем не навязывала наркоманию и половые извращения! И ведь все равно существовала, находила слова и темы! В основном военные. А про любовь пели те же, что и сейчас продолжают. Пугачева уже покоряла сердца советских людей своим «Арлекино». Была она тогда молоденькой и худенькой, а ее будущий муж Киркоров ходил пешком под стол. Неувядающий Леонтьев, мало чем отличавшийся от нынешнего, уже носился по сцене, таская за собой километры провода. Вовсю трудились Магомаев, Гуляев, Хиль и Лещенко. Хорошая тогда была попса, правильная. Только уши от нее болели да сводило челюсти. В общем, музон гремел, музон старался. По скрипучим деревянным ступенькам горки джетыгаринцы поднимались на верхнюю стартовую площадку.

Высота открывалась такая, что аж дух захватывало! Дорожка спуска – метров в сотни полторы. По краям она была ограждена дощатыми бортиками, но все равно мыслишки возникали страшные: а вдруг вылетишь ненароком в «открытый космос»? Особенно, если спускаешься, сидя в жестяной «реактивной» выварке!

Однако большинство пацанов, да и взрослых дядек, экстриму в кастрюле предпочитали менее эффективный спуск на ногах. Интерес был в другом. Заскользит вниз какая-нибудь тетка. К ней в прицеп сразу пристраивался дядька, стремясь под шумок и полетные взвизги запустить свои лапы в ее одежды как можно глубже. К девочкам, ввиду того, что на горке было их непропорционально мало, пристраивалось сразу с пяток мальцов. И уж кому что достанется. Счастливцу маленькая грудка, наглухо закрытая броней толстой-претолстой шубы, менее расторопному только рукав. Се ля ви.

И уж какие могли быть потом домашние задания, изучение жизни несчастных крепостных крестьян и начертательной геометрии? На черта геометрия? Будущее интересовало Фалько только в одном эротическом сегменте. Ладно – в результате, – фиг с ним, Фатеевичем, няхай живе. Да здравствует Эрос и песенки вокально-инструментального ансамбля «Самоцветы»! В частности: первая любовь – школьные года, в небе промелькнувшая звезда, не повторяется, не повторяется, не повторяется такое никогда!

«Почетный гражданин города Грязи» порывал с прежней семьей со скандалом. Ведь рушилась не только ячейка советского общества, рушился бизнес, нужно было как-то делить наворованные капиталы, квартиру, изделия из драгметаллов, фарфор, мебель и мельхиоровые ложки. И это было еще не все: как поделить мечту о будущем безмятежном существовании в городе на берегу русского Нила, великой реки Волги?.. Такая мечта не делится, она умирает!

Анатолий Фатеевич поступил как истый джентльмен и полностью повторил маневр Родиона Петровича, когда был тот в аналогичной ситуации. Не известив бывшую половину о своем видении варианта раздела имущества, выбрал из тайников все деньги, благородно оставив мебель, побрякушки и ложки дочерям в приданое. Побросав в чемодан избранные слуховые аппараты и любимые джазовые галстуки, надел свой пронзительно фиолетовый кардинальский костюм болгарского производства и навсегда оставил полученную от горисполкома при посредничестве Рубена Рубеновича квартиру и два румынских гарнитура: «Дракулу» – гостиную и спальню «Констанца» из орехового дерева.

Жена его оказалась против такого варианта раздела, вообще сильно на Фатеевича рассердилась. И по этому случаю, ворвавшись в кабинет завпроизводством ресторана «Горный лен», расцарапала тому фейс! И пригрозила, что это только прелюдия, так сказать, увертюра к главному. Ибо сдаст Фаеевича ОБХС-Су! Куда явится как бы с повинной.

Анатолий Фатеевич сильно струхнул. И правильно сделал. Перспектива оказаться на нарах показалась ему достаточно вероятной.

«Что делать?! – поднял он краеугольный русский вопрос и сам же на него ответил: – Бежать! Причем немедленно! Ну, на самом-то деле, не делиться же с этой мырой честно заработанными!»

И надо ж тому случиться, но как раз в этот день от Светы из Фрунзе пришла телеграмма: «Родион погиб подробности телефоном».

Мила Фалько, конечно же, в штопор! И давай руки заламывать, корвалол стаканами глушить. Заказала переговоры. То бишь телефонный междугородний разговор на почте. Раньше, при так называемом тоталитарном режиме, иначе связаться с другим городом по телефону нельзя было. Вероятно, запрещалось каким-нибудь секретным циркуляром Лаврентия Берия. «Из квартиры по телефону?.. Нильзя! Мало лы что нагаварят!»

Как выяснилось, Родион Петрович погиб в автомобильной катастрофе. Он работал водителем грузовика в своей родной Воронцовке. Возвращаясь по горной дороге из дальнего рейса, усталый и не выспавшийся, не справился с управлением. Грузовик слетел с дороги в ущелье и, несколько раз перекрутившись в воздухе, вшмякнулся крышей кабины в каменистое дно. Тело Родиона Петровича осталось целым и невредимым, голова расплющилась...

Через много лет Сергей понял, почему Родион Петрович погиб именно так. Потому что его мама совершенно справедливо была обижена именно на этот орган Родиона Петровича: «Ну что ему не хватало, пыль же с него сдувала?.. Наверно, он даже не способен дать себе отчет в том, что делает!»

Впасть в жестокую депрессию ей помешали проблемы Анатолия Фатеевича. Ведь нужно было срочно собирать манатки! Только куда бежать-то?

Мила Фалько хотела бы в Белоруссию, но там их никто не ждал; Анатолий Фатеевич – в Тирасполь, в котором жил родной брат, однако он сомневался, что кровный родственник радушно его встретит. Сомнения разрешила Света. Ее однокурсница не чаяла, как вырваться из поселка Каджи-Сай Иссык-Кульской области. «А ты поменяйся с моей сестрой Милочкой, – посоветовала ей Света. – Джетыгара тоже не Рио, зато хоть город какой-то, почти русский». Та ухватилась за мысль, и обмен Семидырья на Семискалье состоялся.

«Благодаря лежащей сейчас в гробу Свете, несколько лет жизни провел я в одном из самых экзотичных, наверно, уголков планеты», – думал Сергей, глядя на пляшущий, живой огонек толстой церковной свечи, установленной у тетушкиного изголовья.

А для Светы Иссык-Куль был местом родным и праздничным. Учась в школе, почти каждый год ездила в тамошние пионерлагеря. Закончила филфак пединститута столицы Иссык-Кульской области города Пржевальска. Живя и работая во Фрунзе-Бишкеке, проводила на Иссык-Куле практически каждый отпуск.

Света никогда не была снобом, человеком элиты, а являлась частичкой своего народа, пылинкой советского демоса. Поэтому довольно сильно «киряла» (ее любимое, относительно питания, словцо). Выбираясь на Иссык-Куль, чтобы усилить ощущение праздника, «киряла» там вдвое, втрое против обычного. Честно говоря, это были недели сплошной пьянки. Но всегда в большой компании друзей семьи и подруг.

Олег брал лодку, отгребал километра на два и ловил чебака. Это рыбка такая деликатесная, очень вкусная, – в Иссык-Куле вообще вся рыба особенная. Вроде байкальской. Упитанная, чистенькая, отменных вкусовых качеств. Что

Проза

интересно, чебак у кирного Олега клевал, словно с цепи сорвавшись. Пока другие рыбаки вылавливали по два-три, Олег – ведро! А кирная Света тем временем собирала барбарис. По-трезвянке ведь это невозможно из-за колючек: пальчикам больно. А так...

Вообще в материальном, хозяйственном плане все у Мишиных все неплохо сложилось. Свете дали жилье прямо на территории мелькомбината, на котором много лет проработала председателем профкома. Нормальное, в принципе, жилье. Удобств, правда, никаких. Но кипятик Мишины брали из проходящей прямо через двор трубы теплотрассы. Олег краник врезал и – кайн проблем. Еще и шлаг в летний душ кинул. До ноября мыться можно. Однако гораздо больший, чем устройство Светиноного жилья, интерес представляли его окрестности.

Ведь через забор от мелькомбината находился мясокомбинат. На том же пятачке источал пронзительно-радостные квасовые запахи и хлебозавод. А жилья на всю пищевую промзону – только два мелькомбинатовских барака. Таким образом, Мишины как бы жили в «золотом треугольнике». Ведь ничего лишнего, с лязганьем металла. Хотя еще лучше жилось бы, конечно, в платиновом – с ликеро-водочным – квадрате.

Олег и не работал – не было смысла. Дома дел хватало. Во-первых, растил стада кур – на бесплатном-то зерне чего пренебрегать? Во-вторых, был своеобразным посредником при обменах ворованного мяса на ворованное зерно, ворованного комбикорма на ворованную муку и так далее. Олег помогал труженикам различных субъектов хозяйствования встречаться друг с другом, скупал ворованное за бесценок – продавал чуть дороже. Словом, крутился.

Дома у них накапливалось огромное количество продукции «золотого треугольника». Сами Мишины не могли потребить и десятой доли. Поэтому часть обменных операций переводили на следующую, более высокую технологическую ступень.

Например, ездили в один колхоз, где у них в друзьях агроном числился, и меняли комбикорм на огурцы, помидоры, дыни. Или встречались с председателем профкома носочно-чулочной фабрики, с которым Света на курсах повышения квалификации познакомилась, и обменивали колбасу из конины на носки без резинок (Олег был непривередлив до такой вот степени). Почему без резинок? Да потому что полуфабрикат всегда проще спереть, чем готовое изделие, «срединный» учет ведь как правило везде отсутствует.

Таким образом, Мишины имели огромное количество знакомств, сердечный градус тепла в которых по русской традиции приходилось поддерживать обильными возлияниями. Так, впрочем, жила и пила вся страна. Наша, между прочим, страна, бывшая самой могучей державой мира. В которой умерли наши деды, прожили наши родители, родились мы сами... И для нас эта страна не просто память ушедших хмельных дней! Глупое это занятие – без конца охаивать прошлое, потому что будущее в результате «закроется». (И ведь точно «закроется» когда-нибудь, дохлюздимся в итоге.) Вот не окажется вдруг никакого будущего – и все, стоп паровоз, не стучите колеса! Что же касается нашего прошлого, то оно всегда вызывало и, что интересно, будет вызывать определенные нарекания. И нынешнее настоящее в будущем вызовет, и будущее в еще более отдаленном будущем вызовет всенепременнейше. Ведь всегда найдется за что зацепиться и всегда, главное, найдутся хлюздуны, которые станут вещать как бы от имени народа. Одним днем живем, одной извилиной по лени своей думаем. Никакой лично на себя ответственности не берем, а ищем виновных среди тех, кто среди нас таки взял ее... В этом есть что-то холопское.

– Что ты там бормочешь? У тебя тоже молитвослов захлопнулся, да? – Давай я читать буду, – оборвал Санька размышлявшего вслух, чтобы не заснуть, отрубившись, Сергея.

Не за горами был уже Новый год нового двадцать первого века, а Белка все никак не беременела. «Надо почаще встречаться», – заметила она. «Не в меньшей степени необходимо как-то пооригинальнее встретить наступающий век. И наступающее тысячелетие, между прочим, ведь в нашей жизни оно, вероятнее всего, последнее», – ответил Сергей.

Чтобы совместить приятное с необходимым, Фалько предложил недели на две поехать в какой-нибудь санаторий. С неделей проживания в двадцатом веке, встречей двадцать первого и неделей доживания уже в веке следующем, но с оплатой за четырнадцать календарных дней. (Они решили придерживаться версии, что новое тысячелетие начнется именно с 2000 года, а не 2001. Ведь в крайнем случае можно встретить два раза.) Юле эта мысль понравилась, и она стала оформлять свой первый в жизни отпуск.

Звоня подряд во все оздоровительно-профилактические учреждения республики, Фалько посидел день на телефоне и в конце концов договорился, что их примут в санатории «Буг», что неподалеку от Бреста. Дорога туда ознаменовалась только одним маленьким, но характерным для отношений между Фалько и Белкой событием.

У Юли была с собой емкая и довольно тяжелая сумка. Хотя тяжелой являлась она разве что для слабого пола, Сергей мог бы нести ту сумку вместе со своей в одной руке. Белка же перла сумку из последних сил и плакала. От усилия через «не могу», а также от сознания риска. Ведь ей категорически нельзя было поднимать тяжести.

«А ну, дай сюда!» – потребовал Фалько. «Не дам, тебе и так тяжело. Не хочу, чтобы ты на меня, надрываясь, злился». – «Еще больше разозлюсь, если не дашь сумку. Мне гораздо трудней терпеть твои слезы, чем ее нести». – «Я же сказала: не дам!»

Фалько пришлось выскакивать на шоссе и ловить такси. Таксюга попался наглый и слупил столько, что настроение Сергея скатилось до нуля. Настороение смог поднять только санаторский обед и умиротворяющий уют их номера с видом на густой ельник и грибок торгового павильончика. Сергей сразу же разделся и скрылся в душевой кабинке.

«Готовься к бою», – крикнул он сквозь шум воды, ненавязчиво намекая, что не намерен тратить здесь время попусту и собирается приступить к выполнению своих обязательств перед Белкой сразу после водной процедуры.

После испытания прочности расшатанной, по причине прописания здесь в качестве основной процедуры сексотерапии, санаторской кровати они выбрались на прогулку. Сразу у входа красовался стенд с «Картой пешеходных маршрутов». Стрелочки, расстояния между лавочками для отдыха, символ одноочковой общественной уборной, заштрихованные заросли малинника, рогообразный изгиб Мухавца с желтыми точечками песка пляжа и кабинками для переодевания. И все на полном серьезе, без намека, что шутка.

Как-то хорошо сразу на душе стало. Спокойно, главное. Сергей также отметил, что на курортах и в санаториях совершенно одинаковая атмосфера расслабленности и тихого тупого праздника. Как где-нибудь на Западе. Из-за скученности благодушно настроенных граждан начинает казаться, что все люди – братья и мир строится не на конкуренции между ними, а на объединении их усилий

Проза

в деле принятия оздоровительных процедур и послеобеденных прогулок в целях лучшего переваривания пищи. Это, конечно, оспоримо, но на практике бытие-то действительно определяет сознание. Жалко только, что бытие в санаториях совсем не адекватно нашей рыночной, жесткой действительности.

Благодаря этому обстоятельству и стечению ряда других, последние дни двадцатого века и первые двадцать первого оказались медовыми в отношениях между Фалько и Юлей. Это были абсолютно безоблачные дни, наполненные Белкиным воркованьем и строительством воздушных замков паном фиктивным директором.

Сергею начало казаться, что их совместная будущая жизнь не только возможна, но и осуществима. Что все острые углы в отношениях между ними обязательно сгладятся и они не только зачнут здесь ребенка, но и непременно воспитают. Что для их счастья не будет преградой ни разница в возрасте, ни наличие у Сергея дочери, которую он, конечно же, к вящей Юлиной радости, перетащит в их будущую семью.

Нет, все же не зря санаторий «Буг» был расположен на берегу мелкого, скромного Мухавца. Вместо Буга. Отметив этот факт, можно было кое о чем задуматься. Ведь информация о будущем непрерывно поступает к нам в виде аллегорий и символов. Однако очень уж изменились у Сергея условия ее приема и обработки. В лучшую, конечно, сторону. В Минске был настороженным, чующим малейшие изменения в окружающей среде волком, здесь превратился в овечку. Жанночка-то оказалась от него на расстоянии четырехсот километров, ОБЭП (Отдел по борьбе с экономической преступностью), который мог в конце-то концов разобраться с его директорством, – не меньшем, проблемы с публикациями (в Москве) – целых тысячи сто! Эйфория, полная дезориентация.

Более всего запомнился им санаторий «Буг» на реке Мухавце небывалым количеством секса, которым Белка и Сергей занимались практически все свободное от посещений столовой время.

«Сегодня мы сделали пять Феличек», – перебирая события дня, перед тем как засыпать, констатировали они.

Что интересно, и Сергей с детства планировал назвать сына, если тот у него появится, Феликсом, и Белка. А вот в подборке имени для девочки обнаружили расхождения. Белка хотела бы назвать дочку Евой и о других вариантах не хотела даже слышать, а Сергей считал, что Ева – слишком выпендрено, претенциозно. Нужно выбрать что-нибудь проще. Какое конкретно? Как-то не определился, потому что прежде мало над этим задумывался. Так как у него уже имелась дочь, то хотелось сына и только сына.

Отдыхающие поглядывали на них косо, полагая, что Сергей настоящий директор какого-нибудь мелкого, но высокорентабельного коммерческого предприятия. А Белка – любовница-секретарша. Этакая рабыня Изаура в нашенском варианте. Ну нет у людей фантазии, что поделаешь! Никак не допускают, что, во-первых, любовницы могут быть не только у дельцов; во-вторых, что фиктивные директора, как и настоящие, имеют право на отдых. Они же не лошади, а труженики теневого сектора экономики. Люди, короче.

Никаких официальных мероприятий по встрече третьего тысячелетия в «Буге» не планировалось. И в этом Мухавец проявил свой мелкотравчатый характер. Зато днем прозвучало историческое обращение «До-ро-ги-е рос-сияне», а на последний санаторский ужин двадцатого века дали кисель, а также рыбу. И поздравили через громкоговоритель отдыхающих с праздником. Все, мол, обслуживающий персонал умывает руки. Вот вам еще елка в фойе, остальное творите сами.

А у нас семьи, проблемы и свои радужные планы. Вы же сюда лечиться, оздоравливаться приехали. А миллениум и без вас встретят. Более здоровые. В девять не забудьте сходить на кефирчик, в десять, учтите, отбой.

Ну и ладно, сказали Сергей и Белка. Ближе к двенадцати, прихватив шампанское, потусуемся возле елки. Может, там что-нибудь и будет.

Однако отдыхающие расположенного на южном берегу Мухавца санатория «Буг» предпочли встречать третье тысячелетие в номерах. Из окон жилых корпусов неслись нечленораздельные вопли, хлопки пробок шампанского и прочая незаконная для санаториев митусня. Небось, пьяные желудочники лобызались с пьяными печеночниками, сердечники пили на брудершафт со спинальниками, а почечники требовали подать жженку, то есть чаши с подожженным спиртом. Возле установленной в фойе елки топтался один-разъединый крепко подданный ветеран войны. То опираясь на трость, то используя ее в качестве партнерши, пытался отплясывать некий танец. Нечто похожее проделывал Чарли Чаплин, только в другом, конечно, ритме.

«Э, молодежь, ходи сюды! По сто грамм будете?» – «Будем!» – ответили Сергей и Белка, переглянувшись и захохотав. Ветеран выпростал из внутреннего кармана початую бутылку водки. «А вот закусить нечем. И стакан только один. – «Да кефир же, наверно, не убирали», – заметил Сергей.

И точно. Ряды белесого напитка на подносах стояли в столовой нетронутыми. Конечно, жженка вкусней. А для почечников так даже и полезней. Старик, зрелый мужчина и юная дева выпили по стакану полезного кисломолочного продукта, затем опрокинули водки и запили тем же продуктом.

«Не пронесет?» – вслух подумал Сергей. «Какая разница», – махнул рукой ветеран ВОВ.

Действительно: если упомянутый конфуз и случится, то большое ли будет иметь значение на фоне смены веков, тысячелетий и эпох (ведь именно в этот день закончилась и эпоха перестройки)?

«Я танцевать хочу. Что делать, а?» – спросила Сергея Белка. «Ну и давай спляшем, праздник все-таки. Круг вальса». – «Умеешь?» – «В общем-то – нет. Но постараюсь. Поехали!»

Старик продолжил топтаться вокруг палки, зрелый мужчина и юная дева закружили вокруг елки.

«Масик, я тебя сильно-сильно люблю!» – прижимаясь к Сергею, прошептала Белка. «И я тебя, наверно, люблю», – прошептал в ответ Сергей. «Так любишь или нет, нельзя ли точнее?» – «Боюсь ошибиться. Много еще чего боюсь», – честно признался пан фиктивный директор.

Каджи-Сай... Как мало в этом слове для сердца русского.

Действительно, с таким же успехом можно было бы переехать сразу куда-нибудь в Куляб, Хорог или даже в Афганистан. Хотя и находился Каджи-Сай на благодатном юге да на берегу моря-озера, но Семидырья стоил.

Это был маленький поселок, построенный для рабочих уранового рудника в конце сороковых. Уран быстро истощился, начался плохой уголь. Чтобы поселковцы не заскучали, для них вдобавок построили электротехнический заводик. Так что благодаря индустриализации в Каджи-Сае оказалось довольно много русских, тогда как в окрестных селах они практически отсутствовали. В приозерной зоне, впрочем, были и большие казацкие селенья – Покровка и Ананьево. В основном русские населяли и три иссык-кульских города: Пржевальск, Рыбачье и Чолпон-Ату. Но все равно это был самый центр Центральной Азии.

Проза

Узкой цепочкой одноэтажных домов, по узкой расщелине между двумя «предгорками» с усеченными вершинами, поселок полз-полз вверх, пока не заползал в котловину, стиснутую со всех сторон горами уже неприступными, поросшими синими «обкомовскими» тянь-шаньскими елями, с вечным снегом на вершинах и скалистыми подступами.

Глядя на эти горы, в смутной тревоге сжималось сердце: ведь совершенно дикие они, горы-то, без малейшего намека на курортное кокетство. Здесь хорошо бы пелось Высоцкому для «Вертикали». Потому что в песне альпинизм выглядел не спортом, а войной гор против человека с результатом 50/50. То есть в половине случаев побеждал человек, взбираясь на вершину, распивая там чекушечку и водружая флаг Советского Союза, в половине – горы: человек превращался в труп-с, а чекушечка, звеня и подпрыгивая, скатывалась на дно пропасти. А побеждался человек потому, что с другими товарищами-альпинистами дружить не умел. Сало, наверно, втихаря жрал. Жуткие, в общем, горы. Не Альпы, не Домбай. БАБАЙ!

В котловинной части поселка имелась одна цивильная улица с десятком четырех-пятиэтажных кирпичных домов, детским садом, домом быта, поссоветом, универмагом «Ай-чурек», рестораном «Чайка» и зданием милиции. Улица эта называлась Горным проспектом – варум, спросил бы Л. Агутин, но не получил бы никакого ответа. К проспекту примыкало с десяток улочек без названий, состоящих из маленьких саманных домиков, опутанных низкорослыми колючими абрикосовыми садами. По улочкам бродили овцы и бегали загорелые дочерна голые маленькие дети, на завалинках хохлились старики киргизы в войлочных шапках-колпаках и просторных вельветовых одеждах.

Мужчины-киргизы, как выяснилось, вообще очень любили вельвет, женщины – бархат. Эта любовь была вне моды, являясь скорее выражением менталитета, коему пошла навстречу даже советская легкая промышленность. По внешности киргизы отличались и от казахов, и от узбеков, таджиков. Зато были похожи на якутов, то есть с очень узкими монголоидными глазами и не менее плоскими, обтянутыми персиковой кожей лицами. По версии киргизских историков, киргизы являются непосредственными потомками монгольских воинов Чингисхана.

Первые впечатления от Каджи-Сая были у Сергея исключительно положительными. (Но разве могут быть они иными на новом месте в ранней юности?) В первую очередь благодаря бьющей через край, фонтанирующей экзотике.

Перенеся вещи в квартиру на четвертом этаже дома на Горном проспекте, Фалько поспешил на Иссык-Куль. На крылах полетел, можно сказать.

Время послеполуденное, начало июля. Над головой Фалько висело прохладное, низкое-низкое, обжигающее высокогорное солнце, по обеим сторонам «проспекта» выстреливались в небо пирамидальные тополя.

Попадавшие ему навстречу славяне были как на подбор белесыми, низкорослыми и крепкими. Наверно, если бы товарищ Сталин в свое время депортировал эстонцев в Калмыкию, то получившиеся в результате смешения калмыков и эстонцев товарищи выглядели бы примерно так. Однако это были иссык-кульские славяне, чьи предки переселились сюда еще перед Первой мировой войной. На их генетический код явно повлияли местные условия.

Чуть ли не основным движущимся транспортным средством на Горном проспекте были ослы. Прелюбопытное зрелище, ведь ростом ослики чуть выше собак-догов. Чтобы ноги не волочились по земле, ездокам приходилось моститься на ослиный зад и вытягивать почти вровень с ослиной шеей. Скорость ослиного хода – чуть быстрее черепашьего. Вопрос: стоит ли тогда вообще мучить животных? Наверно, стоит, хотя бы ради перемещения в пространстве людей старых, немощных и с большими ногами.

За больными мужьями на осликах шествовали их здоровые жены с покупками. В платках, расшитых бархатных жилетках, юбках и мягких сапожках, годных для балетных, вокруг мужей, танцев. Пылкие и верные женщины Востока, беззаветные роженицы, шахидки и непритязательные труженицы. Вас бы на отдых к западным мужчинам, а западных женщин, чтоб научились радоваться жизни, к восточным.

Шагать вниз с горы к озеру физически весело и приятно, ноги переставлялись как бы сами собой, но с непривычки уставали. Асфальт струил жаром, а по близкому прохладному небу друг за другом гонялись облака. Сергею пятнадцать лет: уже почти взрослый парень, да что там – чувак! В тот день он вообще чувствовал себя счастливым.

Ведь им удалось почти невозможное: вырваться из Семидырья! Отныне это стало фактом. Кроме того, школьные училки так и не вынудили Сергея подстричься в соответствии с канонами. Он попросил парикмахера подрезать волосы на затылке, а паклю на висках хитро зачесал за уши. И, несмотря на разоблачение на последнем выпускном экзамене, гром и молнии в директорском кабинете, сохранил ее! А теперь красу свою использовал для собственного удовольствия – и распустил, паклю-то. Если еще учесть, что на нем были модные брюки-клеши с широким белым дерматиновым ремнем и рубашка в цветочки «с выточками», ушитая до степени срастания с кожей, то – понятно: у пацана действительно были все основания чувствовать себя счастливым.

Воровато оглянувшись по сторонам, – хотя чего уж, здесь его никто не знал, – Сергей закурил. Хорошую, дорогую сигарету. По тридцать пять копеек пачка. Полный улет!

Иссык-Куль... Обрамленная ринувшимися в поднебесье горами с заснеженными вершинами, бирюзовая, кристальная, зеркальная, разлившаяся от горизонта до горизонта, манящая прохладой и девственной чистотой гладь! У Сергея даже дух захватило, захотелось ущипнуть себя: разве может быть на свете красота такая, не сон ли?

Над водой скользили черноголовые, в белых, европейских, костюмчиках чайки, а динамик на берегу зазывал в глубины Центральной Азии импровизациями комузистов, местный предприимчивый фотограф водил по пляжу верблюда с вытянутой вперед породистой брезгливой мордой. А что, прибрежная полоса была полупустыней: голая равнодушная глина с редкими вкраплениями пучков травы, буфетов, «лагманных» и пансионатов.

Сергей зашел на пирс. На трехметровой глубине просматривался каждый камешек! Солнечные блики играли по дну. Разделся и ринулся в воду. Блаженство! Это действительно что-то с чем-то: купание в идеально чистой минеральной воде!

К счастью или нет, но в Каджи-Сае был вечерний техникум – филиал Фрунзенского машиностроительного. Несolidный, правда, совсем. Потому что располагался в цокольном этаже жилого дома и занимал всего пять комнат-«кладовок» – по «кладовке» на курс. У директора даже кабинета не было. Впрочем, что там отсутствие директорской на фоне отсутствия туалета и гардеробной для учащихся? Все равно, что отсутствие «роллс-ройса» у диктатора нищей страны. Ближайший от техникума туалет был единственным общественным туалетом Каджи-Сая и находился на автостанции. А вместо гардеробной в каждой классной комнате имелся ряд привинченных к стене крючков. Такой вот был в Каджи-Сае техникум.

Так как Фалько категорически не хотел учиться дальше в школе, то решил поступать в филиал. Ведь учеба в техникуме – почти воля, взрослая жизнь, в которой никто не посмеет покушаться на его «паклю», на переменах можно будет открыто курить. Кроме того, он получит специальность «техника-технолога по обработке металлов резанием». На любой завод примут. Будет жить-поживать,

Проза

модно одеваться и дружить с девчонками. Чем не горизонты!

Благодаря недобору Фалько в этот техникум поступил.

За окнами колодищинского дома серело. Последний здесь Светин рассвет – через несколько часов похоронная церемония. За трое суток Фалько настолько отвык от сна, что спать как бы уже и не хотелось. Потому что трудно назвать желанием невозможность отключки. Это все равно что умирать от голода и мечтать о чашке кофе по-венски и свежих круасанах: будто б от щец из лебеды отказался... В глазах резало, в голове звенело, все вызывало отвращение, отчуждение, злость. Фалько сам себе стал противен. Противно собственное тело, противна несвежая сорочка... В общем, весь противен. И жизнь кругом стала казаться беспросветной и унылой. Санька из последних сил бубнил псалмы, скоро передаст Псалтырь Сергею, и Сергей тоже будет бубнить из последних сил. Но ведь работа их погребальная на этом все равно не закончится, поэтому силы надо будет где-то искать и находить еще. Не умирать же следом за Светой, родственники надорвутся, три трупа им через край.

Света, вернее брэнная ее оболочка, благодаря рассыпанным под гробом пылини и крапиве держалась отменно. Процесс разложения то ли приостановился, то ли предельно замедлился. Уж страшней за ночь Светин труп точно не стал.

Эта мысль зацепила в голове Фалько следующую: «А какой поступок лежащей сейчас в гробу, страшной, Светы был в ее жизни самым красивым?»

Перебирать особенно не пришлось. Ну конечно, когда она популярно объяснила Фатеевичу, кто он такой, и произвела соответствующее физическое действие.

Каджи-Сай, вообще Киргизия – не добродушная Сибирь, все «хлебные» места предназначенными оказались только для местных национальных кадров. Это открытие, совершенное Фатеевичем через несколько месяцев после переезда на Иссык-Куль, сильно его обескуражило. Приобретенные им в Джетыгаре поварские и «завпроизводовские», воровские, короче, знания оказались здесь не востребуемыми.

Вот и верь после этого россиянам про советский интернационализм, который на практике существует только там, где живут русские, грустно размышлял Анатолий Фатеевич. Ведь у русских на «хлебные» места пускают, не глядя на национальность, лишь бы претендент взятку дал. Таким образом, каждый жадный до денег человек – любой национальности, каракалпак ты или, скажем, юкагир! – находил в России свое счастье. Это ли не подлинный интернационализм? А в национальных республиках начальнички из инстанций, от которых зависит назначение на такое место, допускают к нему: во-первых, только своих соплеменников; во-вторых, только представителей своего регионального тейпа (в данном конкретном случае – иссык-кульского); в-третьих, только своих родственников. А вот того же Рубена Рубеновича, между прочим, никто в свое время при устройстве в джетыгаринский горпищеторг ни про национальность, ни про тейп, ни про родственные связи не спросил, никто не посоветовал поискать хорошей работы на Кавказе.

Фатеевича в каджи-сайском пищеторге про национальность и прочее тоже не спрашивали, однако ведь все и так на лице было написано. И ушах! У монголоидов ведь ушки маленькие, а у Фатеевича большие-пребольшие.

Привыкший к легким большим деньгам, устраиваться на завод или тем более на шахту ни за что Фатеевич не захотел. Ломал он над вопросом трудоустройства голову, ломал и в конце концов не придумал ничего лучшего, кроме как устроиться водителем на ассенизаторскую машину. С надеждой на шабашку: отсос экскрементов из частных нужников.

Однако просчитался Фатеевич. Его дополнительными услугами никто в Каджи-Сае пользоваться почему-то не стал.

Так как романтический период познания, постижения новой женщины, в данном случае Милы Фалько, для него закончился, сменившись серыми любовными буднями, а она имела взрослеющего, с каждым днем все больше жрущего сына, то Корчаной потерял к ней всякий интерес. В качестве объекта поклонения и страсти. Но почему бы в таком случае не поучить ее жить? Например, науке правильно распоряжаться деньгами и воспитывать ребенка.

Так что после медового месяца в Джетыгаре дальнейшая совместная жизнь Милы Фалько и Корчаного медом не стала. Мистер-пан-гер-херр Корчаной завел дурную привычку каждый день на Милу орать. В педагогических целях. А голос-то у него был пронзительным, язык, в соответствии с «духовностью», без тормозов. Ты, мол, и такая, и растакая. А сам он себя, следовательно, видел этаким иконным, в белоснежном поварском колпаке.

И заехала к ним как-то Света. То ли по пути в Пржевальск на сессию, то ли возвращаясь с нее. Большого стола по этому случаю, конечно, не делали. Ведь Света была как бы своим человеком. К тому же женщиной. Анатолий Фатеевич наварил лагмана, купили сухого вина. Вот и все приготовления.

В процессе застольной беседы Анатолий Фатеевич завелся с пустого места и давай орать, грязью спутницу свою поливать. Глупое, казалось бы, дело: выставить гражданскую жену полным собранием пороков и недостатков. Ведь тень от этих пороков и брызги от недостатков неминуемо должны были попадать и на самого. Но Фатеевич был человеком не только критического настроения, но и увлекающимся. Его б в ученые с таким качеством, в естествоиспытатели.

«Дерьмо! Как ты смеешь на Милочку орать!» – не выдержала Света, вскочила и выплеснула вино из бокала в морду «почетного гражданина города Грязи».

С точки зрения Сергея Фалько, этот ее поступок и был самым красивым. Разумеется, на сей счет существовали и другие мнения. Которые могли бы прозвучать из уст и Олега, и Риты, и Саньки. Ведь Свету они и знали дольше, и общались теснее. Сергей это осознавал и на истину в последней инстанции не претендовал.

– На, читай, – протянул Санька Псалтырь Сергею. – У меня в горле пересохло. Пойду, чайник поставлю.

«Опять чертов Мухавец помешал!» – прокомментировал Сергей весть, что их труды в «Буге» по зачатию Фели пропали втуне. «Дело не в Мухавце. В нас. Причем, коль у тебя уже есть дочь, скорее всего во мне», – заметила Белка. «Проверяйся, лечись», – вздохнул Сергей.

И действительно – у Юли обнаружилось, что лечить. Легла в больницу, и соседки по палате устроили ей «бабский допрос»: зачем обязательно беременеть от человека вдвое старше, отнюдь не самого на свете богатого, который даже не обещал жениться? «Ну, был бы хоть артистом. Или, еще лучше, певцом – денег больше». – «За артистами и певцами толпы поклонниц гоняются. Поэтому все они – бабники! А вот литераторы – никому не нужны!» – отвечала Белка. «Ну ведь и ты ему не нужна!» – продолжали недоумевать соседки. «Зато он мне – нужен!» – отрезала Белка.

«Влюбилась, дурочка! – поняли бабы. – До умопомрачения!.. Что ж теперь будет-то с нею? А с ребеночком?»

Их навязчивая жалость немного пошатнула железобетонную, маниакальную позицию Юли. Захотелось заручиться хоть какой-то поддержкой со стороны мамы Сергея. И вскоре после выписки из больницы Белка появилась на пороге ее квартиры. С букетом дорогих цветов и коробкой с расписными китайскими кружками. Коими как бы предлагала совместное распитие чаев в будущем.

Проза

Мила Фалько и Белка посмотрели в глаза друг друга и оторопели. Старшая узнала в младшей себя в юности, младшая увидела себя – пожилой! И белым, невидимым пламенем без дыма, как бы вспыхнул между ними мост. Мила Фалько распахнула объятия, Белка в них бросилась. И обе зарыдали с большим количеством влаги и огромной сердечной сладостью.

«Только ничего у вас не получится, – огорошила старшая младшую после изложения Юлей своих чаяний. – Жанна Лерку не отдаст и с Сергеевой квартиры никогда не съедет. Сергей же без дочери не может. Он никогда ее не оставит, да и оставлять нельзя ведь: Лерке с Жанной хуже будет». – «Но я все равно буду рожать!» – решительно заявила Белка, потемнев лицом. «Сергей же сороковник разменял. Какой из этого следует прогноз?.. Когда ты только-только войдешь в силу, годам к тридцати, он станет импотентом», – изрекла Мила Фалько циничную житейскую истину. «Ну, если с Лерой и Жанной останется, то это не будет иметь для меня большого значения, – заключила Белка. – Ведь нас все равно бросит».

Миле Фалько осталось только пожать плечами. На этом первая встреча закончилась. Но так как друг друга они в достаточной мере впечатлили, встреча не должна была оказаться последней.

Сергей и Белка начали новую серию зачаточных контактов в офисе. Градус их отношений, поднявшийся в «Буге» на очень высокую отметку, усилиями Сергея вернулся на прежний, деловой уровень. Ведь в Минске атмосфера была далеко не санаторская и даже далекая от оптимизма. Поэтому он решительно оттолкнул от себя тамошние прожекты. Ну нет у них совместного будущего! Как бы ни пытались создавать его, чтобы ни предпринимали... Нет и еще раз – нет! Потому что как только Белка получит свое, страсть ее куда-то улетучится и каркас отношений тут же рухнет, словно карточный домик. А ведь им и сейчас вместе – напряг адский.

Конечно же, Юлю эта прагматичная позиция Сергея убивала. Впала в депрессию, но с неизменным упорством продолжала идти к намеченной цели.

Толку же, как, впрочем, и лечение, упорство Белкино не прибавило. Феля зачинаться почему-то не хотел. Так продолжалось еще долго, до следующей зимы.

Среди историй Юлиных взаимоотношений с мужчинами есть одна, которую стоит здесь привести, так как проливает свет и на ее явные геронтофилические склонности. Рок роком, но ведь и рок на пустом месте не проявляется, для него должна быть либо удобренная соответствующим способом почва, либо подготовленная колея. На все Юлины любовные истории определяющее, векторное значение имела самая первая.

Было ей тогда пятнадцать: пальцы в заусеницах, самые дешевые колготки при самой короткой юбке, к мужчинам, юношам – интерес разве что... да никакого интереса еще и в помине не было. Однако была она уже очень даже хороша: ангельское личико, обрамленное темными длинными вьющимися волосами, стройность тростиночки, гибкость былиночки, нежная робость законченных, однако, форм...

И послала ее как-то мама на ближайший базарчик за мясной обрезью для домашнего любимца фокстерьера Ларсика. Белка боялась вида крови и брезговала сырым мясом, поэтому собиралась из дому с большой неохотой. «Отличу ли обрезь от остального мяса? От щековины, например, или лопатки. Мама сказала «обрезь», а что такое, не объяснила. Полагала, что мне, будущей хозяйке, должно быть и так известно. А откуда, из школьного курса? Уж что-что, но обрезь мы пока не проходили. На тангенсах, котангенсах остановились. Надо полагать, это какая-то обрезанная с хорошего мяса гадость. Пленки там всякие, жилки... Но зачем Ларсику гадость, почему не покупать для него мясо самое лучшее?»

Внутренне сжавшись, Белка ходила вдоль мясного ряда, не зная, где остановиться. Глумливо ухмыляясь превратностям судьбы, на нее смотрели отрезанные свиные головы. Жалкие, словно голые старухи, лежали на витринах синюшные куры. Среди всей этой мертвечины казались они как бы самыми мертвыми. В общем, сало, кишки, смрад. У Юли закружилась голова. Она хотела уже задать деру и купить Ларсику что-нибудь более рафинированное, гигиеничное. Например, тот же «Чапи».

«Чем помочь тебе, птичка?» – вдруг услышала она от рубщика, пожилого, по Юлиным понятиям, мужика в заляпанном пятнами крови белом полотняном фартуке. «Мама сказала обрезь купить», – пролепетала Белка. – «Папе показать?» – захохотал мужик над непонятным для Юли подтекстом. Причем хохотал у него только рот, а глаза оставались холодными. Глаза очень внимательно ее рассматривали, эти серые, холодные глаза. – «Для Ларсика». – «А, понятно. Для праздничного обеда по случаю приезда друга семьи Ларса фон Триера», – глупо пошутил, впуская блеснув знанием киноискусства рубщик, мысли которого, вероятно, заняты были чем-то другим. «Это нашу собачку так зовут, Ларсиком», – ответила Белка. «Собачку, говоришь, – пробормотал рубщик, по-деловому осматривая свиную тушу, над которой доселе трудился. – Щас будет тебе обрезь».

Он несколько раз взмахнул длинным узким ножом и отделил от туши столько же мерзких шматков. Забросил в пакет.

«Держи!» – «Спасибо. Сколько должна?» – «Да какие за обрезки могут быть деньги, – поморщился мужик. – Привет Ларсику».

А через несколько дней, когда Белка возвращалась из школы, у тротуара притормозила иномарка. Из легковушки выскочил тот, с базара, мужичок-рубщик. Естественно, без замызганного кровью фартука. В джинсах и молодежной куртке смотрелся он гораздо симпатичнее. И не таким уж и старым. Папиным ровесником.

«Привет, птичка! Ларсику обрезь понравилась?.. Садись, подвезу, по дороге расскажешь».

Хотя мама Юлю тысячу раз предупреждала, что от подобных предложений нужно сразу и категорически отказываться, она без раздумий и колебаний тут же согласилась. Ведь именно так все и происходит. Учи их, блин, наставляй...

Незнакомец, впрочем, не причинил ей зла. Сразу. То есть не изнасиловал, не расчленил, как это модно сейчас, на куски и не съел девичью печень. Видно, на работе вся эта резня надоела. И цель, главное, другая была. Прозаичней, что ли...

Стали они встречаться. Белка из неумемного, словно у котенка, любопытства; мужик... с мужиком ясно.

Звали рубщика Митяем Петровичем, то есть Дмитрием Олеговичем, но Митяем ему как-то больше подходило, а Петровичем почему-то звали его в мясном ряду все торговки. Был он женатым, причем непостижимым, невозможным, казалось бы, образом одновременно на двух особах женского пола. Вряд ли это доставляло ему большое удовольствие, так как обе жены, как узнала Белка значительно позже из надежных источников, были одинаково толсты, страшны, злы и глупы. Жили они в разных квартирах, на достаточно отдаленном друг от друга расстоянии, но практически в одном районе. У обеих росли, поднимались Митяевы дети, у одной два мальчика, у другой одна девочка. Как же это все произошло? А вот как.

В молодости Митяй Петрович, тогда еще Дима без Олеговича, по бойкости темперамента и егозливости характера встречался с ними параллельно. Так они параллельно и практически одновременно, по-народному говоря, и залетели. Митяй, будучи по молодости лет еще достаточно щепетильным, но в первую очередь потому, что с обеих сторон сильно нажали, женился. По старому паспорту на одной, по новому – на другой.

Проза

У каждого своя беда, свой рок. Митяя Петровича беда именно в том и заключалась, что имел два паспорта. Сначала у него, как у всех нормальных граждан, был, конечно, один. Но потерял. При переезде. Искал, искал... Решил, с концом. Накатал заявление и через положенный срок получил новый. А вскоре Митяя нечаянно обнаружил старый паспорт, умудрившийся завалиться в щель между корпусом телевизора и задней панелью, на которой отсутствовало два верхних винта крепления. Телевизор сломался, решил проверить предохранители и... На руках у Митяя Петровича – Дмитрия Олеговича оказалось два паспорта – беды начало.

С разницей в несколько недель Петрович также обзавелся двумя наследниками, к которым привязался сразу навсегда и всей душой. Вот и пришлось разрываться между двумя женщинами, которые после родов растолстели, обабились и потеряли для него всякий творческий интерес. А также между двумя квартирами и тремя детьми, так как одна из жен взяла да и родила Мите еще одного ребенка. Не спрашивая его на то согласия.

Несмотря на сложную, перенасыщенную семейную жизнь, Митяй вовсе не потерял к ней вкуса. В юности он увлекался тремя вещами: рыском чувственных удовольствий, хорошей литературой и рыбалкой. Однако с годами ему все реже удавалось уединиться с книгой и вырываться из города на природу. А вот на рыск времени почему-то хватало. Находил, отрывал. От зарабатывания денег, от общения с детьми и ругани с женами, которые его ненавидели и каждый день проклинали.

По молодости ему было практически все рано – с кем. Не перебирал, хватал ближайших – эта особенность наглядно подтверждается в выборе спутниц жизни. С годами, однако, все больше привередничал, пока не распробовал совсем молоденьких девушек. Таких, как Белка, школьниц то есть, у него еще не было. Но ведь все происходит когда-то впервые.

Митяй Петрович около двух месяцев подводил Юлю к первой близости. Этак осторожненько-осторожненько, боясь отпугнуть раньше времени. Манера опытного рыбака.

Ему нужно было учитывать и то обстоятельство, что за совращение малолетних статья тогда еще работала. И если бы о встречах узнали Белкины родители...

Белка, однако, быстро освоила правила конспирации и умела держать язык за зубами. Разумеется, в рубрика она влюбилась. В ее представлениях Митя был... Ну, каким может, если постарается, предстать в глазах сопливой пятнадцатилетней девчонки неглупый, многоопытный ловелас, у которого в кармане водятся деньги и есть приличная машина? Ясно, что намного выигрышней, чем мальчишки из ее класса, которые либо с ежиным сопением заламывали ей руки и лапали за грудь, либо краснели, мычали, бледнели...

Их связь продолжалась почти два года. А вот верность Митяева Белке после покорения ее – ровно две недели. Да что там две, он бы сразу налево двинул, но ведь надо еще присмотреть было – куда, подкатить, закадрить... В общем, наутро после покорения пионерки Митяй почувствовал себя Наполеоном в начале карьеры, только что вернувшись из итальянского похода: «Я удалец, перчик! Но неужели остановлюсь на достигнутом?» И завел параллельный роман с работавшей на базаре шмуточным «реализатором» молоденькой девушкой.

Ну, привычка у него такая, к существованию в «параллельных мирах», выработалась! Что поделаешь? Не его ж вина. Нет и нет! Митяй так считал: виноват завалившийся за телевизорную панель чертов паспорт, который навсегда закрепил его двоеженство и вообще – раздвоение личности!

И ведь как дорого привычка эта обходилась! А все потому, что закон такой во вселенной есть: рано или поздно «параллельные миры» о существовании друг друга узнают. Или даже пересекаются! Так, например, «параллельный мир» мегеры номер один узнал о существовании «параллельного мира» мегеры номер два где-то через полгода после свадеб. И Митяй, сколько голову ни ломал, так и не понял: как, через кого, откуда? Ведь конспирация просто изумительная была. Надежнейшая, стопроцентная. Петрович верил в нее настолько, что готов был голову отдать на отсечение.

Начать с того, что для мегер как бы дальнебойщиком работал. Неделю в рейсе, неделю отдыхает (то есть неделю жил в одной семье, неделю в другой). Имел два комплекта одежды, две электробритвы, даже два абсолютно одинаковых набора любимых книг. Он французскую классику больше всего уважал: Золя, Мопассана, но особенно почему-то Сирано де Бержерака. (По специальности-то Митяй филологом был, факультет французского языка и литературы закончил.) Поехали дальше. Чтобы он как-нибудь по пьяному делу нечаянно проболтался, так Митя и не пил почти. Разве что по большим семейным праздникам. Едем без остановок. Чтобы он хоть раз нечаянно назвал одну мегеру именем другой, так мегер ведь, на счастье, и звали одинаково – Полинами. Как и «музу» Ивана Тургенева, между прочим. Ладно, поехали-поехали, гоу-гоу, так сказать. Чтобы его предал кто-то из друзей, знакомых, так у Мити никогда не было никаких друзей, знакомых – считанные единицы, потому что по характеру одиночка. Он общением в детстве объелся – детдомовский. Верно, травму какую-то психическую оттуда вынес. Что еще? Допустить, чтобы какая-нибудь из мегер нечаянно увидела его на улице с другой? Так ведь и это невозможно было, потому что поначалу жили они в противоположных концах города. Это он их позже ближе друг к дружке свез, когда наружу все вылезло. Чтобы бензина на езду между квартирами меньше уходило.

Между тем «параллельные миры» узнают о существовании друг друга с помощью необычайно развитой у них интуиции. Ведь никакая, даже самая изоциренная, даже двухсотпроцентная мужская конспирация против женской интуиции устоять не может. И информация о наличии соперницы рано или поздно становится самке известной. Совершенно непонятным образом!

Однако у Юли, по малолетству чисто, такой интуиции еще не было. Не проклюнулась. Поэтому о существовании соперницы узнала только на второй год. Но зато из источника вполне материального: по слабому, едва уловимому аромату спелого арбуза модных молодежных духов в салоне «омеги». Мегеры-то пользовались духами, соответствовавшие характеру: в частности, «Опиумом».

Белка целых два месяца ревмя редела, не спала да не ела. Родители перепугались.

С тех пор все поклонники Юли стали изрядно превосходить ее по возрасту. Молодых-то к себе просто не подпускала. В парнях-ровесниках, даже самых распрекрасных, раздражало все, начиная с розовых щек.

Вот кажется, что нет ничего тоскливей жизни в сибирской провинции в зимнее время. И это ведь имела в виду провинция с зачатками европейской цивилизации. А также то, что жить в ней пришлось не философу средних лет, а подлетку с паклей на висках, в наимоднейшей губчатой, «под замшу», куртке и в полосатых брюках клеш, опоясанных широким клеенчатым ремнем. Однако жизнь зимой в провинции киргизской показалась Сергею Фалько еще невыносимее.

Проза

Может, виной тому было солнце, которое висело над Каджи-Саем с летней почти невозмутимостью. Все такая же была кругом каменная, в сухих былинках земля, все так же зазывал синевою Иссык-Куль... Но с окончанием курортного сезона из поселка уходила жизнь. Он как бы обескровливался, впадал в безвременье, в спячку. Дни потянулись одинаково пустые и золотистые. Абрикосы быстро надоели, и захотелось картошки, капустки, яблочек. Горы чужие как начали с сентября сдавливать со всех сторон и душить, душить потиху, так больше и не выпускали ни на минуту. В Каджи-Сае Сергей почувствовал, что значит служить на подводной лодке, наглухо законопаченной на долгие месяцы похода. Ведь к тому же на второй месяц жизни в поселке он отметил, что новые лица уже не попадают. Даже в Джетыгаре такого не было: пока все промелькнут, часть забудется, и можно начинать круг по новой.

Однако больше всего угнетала сама Азия, которая после насыщения экзотикой предстала перед сыном и матерью Фалько, а также перед «почетным гражданином города Грязи» во всей красе. Ведь все в ней с ног на голову поставлено. Чего только стоили отношения между двумя его главнейшими социальными классами, рабами, то есть сельскими и городскими пролетариями, и баями – всеми, вплоть до самой мелкоты, начальничками. Рабы угодливы, льстивы, безропотны и суетливы. Они тощи и малорослы, словно мальчишки лет двенадцати. Баи же чванливы, заносчивы, вопиюще глупы и величавы. Непременно пузаты, с утонувшими меж румяных щек носиками... Место славян было определено, в общем-то, не унижительное, промежуточное между рабами и баями – техобслуживание и маховика, приводящего в движение киргизскую экономику.

Владимир Ильич Ленин в своем хрустальном мавзолеевском гробу, наверно, перевернулся бы, узнав, что шестьдесят лет советской власти весьма мало изменили социальные структуры Востока. Зачем тогда, спрашивается...

А вот, кстати, с какого ракурса разглядел эту социальную увертюру господин Корчаной, долгое время изучавший вопрос: почему без шабашки говеной остался? «Да потому, блин, – однажды догнал он, – что рабы чистят свои туалеты сами, а баи выписывают его машину в конторе, рассчитываясь непосредственно с начальником жэка!»

Это второе его азиатское открытие (после родоплеменного принципа отбора кадров) окончательно выбило Анатолия Фатеевича из колеи и он, с неумным азартом Семена Дежнева, начал посматривать на карту СССР: куда бы еще рвануть, а?

В техникуме у Сергея появилось целых три близких друга: Саша Бирюков, Леня Одинцов и Слава Севастьянов. Саша и Леня были из иссык-кульского казахского села Покровки и приехали в Каджи-Сай учиться, Слава Севастьянов жил в Каджи-Сае давно, но родился где-то в Таласской области. Все трое, короче, почти местные. Им и довелось запускать Сергея на тамошнюю молодежную орбиту. Хотя, право, лучше бы тот держался от нее как можно дальше.

Начать с того, что чуть ли не самое распространенное в иссык-кульской котловине растение – индийская конопля, а это анаша, план, гашиш, марихуана. Вот столько названий у данного легализованного в Голландии наркотического препарата.

Поэтому прогулку по вечернему Каджи-Саю можно сравнить с посещением «комнаты смеха». На каждом шагу наталкиваешься на группки сидящих на корточках, утрированно дружелюбных, способных сейчас же зарезать тебя парней, которые безостановочно с чего-то ржут. Обкуренные. Порхает по кругу огонек очередного косяка.

В лице Фалько стараниями его новых друзей всемирное общество потребителей канабиса увеличилось еще на одного человека. В среднем он выкуривал за день от одного до трех косяков и выпивал по бутылке крепленого вина. (Комбинация затяжки анаши с глотком вина давала впечатляющий результат.)

Его мама, увлеченная разборками с «почетным гражданином города Грязи», ничего странного в поведении сына не замечала. Это было следствием того, что Сергей как бы слился с остальными каджи-сайскими подростками и совсем не выделялся на их фоне. Вот если бы остался таким же, каким сюда приехал...

Кроме порока Сергей, впрочем, приобщился и к лучшей, самой высокой ценности юности – к дружбе. Ведь в джетыгаринской школе дружбу-то познал только детскую. А вот юношескую дружбу, причем дружбу русскую, он уже с расстояния, вернувшись в Белоруссию, оценит. Ведь белорусы, вследствие близости нивелированной католико-протестантской Европы, точно как западники будто одной гребенкой причесанные, как бы правильные, сердцем нежные, однако народ закрытый, осторожный, каждый себе на уме. Тяжело с такими дружить. Вообще не дружится. Дружба не является для белорусов большой ценностью, и это при тепле-то души белорусской. Чтобы понятней...

Если взять, например, группу белорусов и группу русских, то белорусская наверняка теплей окажется. Однако от белорусов, от группы в индивидуальном порядке отделяемых, не очень-то и погреешься. С русскими же – наоборот. По одиночке они во всю ширь раскрываются. И такие печки среди них попадают, что просто диву даешься! Однако быть самими собой им отрицательный, в целом, вектор русского коллектива не дает. Так что природа справедлива, хотя и оделяет не в соответствии с номенклатурой. Зато всем поровну.

Ах, какие яркие воспоминания остались у Сергея от рыбалок с Сашей Бирюковым! Уютно потрескивают горящие сучья костра, до утра осталось всего несколько сигарет, поэтому ребята курят, передавая сигарету друг другу и считая затяжки. Зато полно вкуснейшего, испеченного мамой Саши по казацким рецептам домашнего подового хлеба. Тихо полыхают звезды, громко всплескивает на лимане крупная рыба. Разговоры, разговоры... С Сашей Бирюковым Сергей будет переписываться потом еще много лет.

Дружба между ним и Леней оборвется, однако, еще в Каджи-Сае, так как на втором курсе Леня залетит в «малолетку» за торговлю опиумом. Брал у разных дядь нехороших на реализацию и развозил по известным ему фрунзенским малинам. Леня был из многодетной не слишком праведной семьи и иначе голодал бы.

В приозерье издревле опиумный мак выращивали. Этой теме был посвящен известный в советском прокате фильм «Алые маки Иссык-Куля». Не оказались от традиции и при советской власти. Однако опиум-сырец стали производить уже в колхозах и для нужд медицины. «Дяди» просто собирали урожай на плантациях чуть раньше колхозников.

Кино, конечно, искусство, но вот Леню Одинцова Сергей больше не увидит.

Слава Севастьянов станет хорошим автомехаником. Сам по себе, вне техникумовского оборота. И сразу после получения диплома переедет в Россию. Только неизвестно, куда именно. Как-то нелепо растеряют они друг друга. То ли почта окажется виноватой, то ли ребята сами.

Словом, если спросить Сергея, чем запомнилась жизнь на Иссык-Куле, то ответил бы, что романтической юношеской дружбой, обилием азиатской экзотики, великолепной тамошней кухней, основу которой составляли лагман и манты, неопикуемым наслаждением отдыха на кристально чистом минеральном озере и доступностью веселящей травки. Однако все эти прелести были в значительной мере

Проза

подпорчены чужестью этой экзотики, чужестью кухни, чужестью маразма киргизской провинции (чужой-то особенно противен, если своего, родного, выше крыши) и, самое главное, отчаянием бессилия что-то изменить в жизни матери.

На второй год после переезда жизнь в квартире Милы Фалько и господина Корчаного превратилась в сущий ад. Впавший без воровства в депресняк Фатеевич довел гражданскую жену до стенокардии, обвиняя в том, что сорвала с прекрасного насиженного места, что совсем не умеет распоряжаться деньгами, наконец, что Сергей попал в плохую компанию. Еще много в чем обвинял, но перечислять не хочется – не Корчаному судить.

В конце концов Анатолий Фатеевич собрал какие были в доме деньги, надел свой умопомрачительный фиолетовый кардинальский костюм и отбыл в неизвестном направлении. Сергей вздохнул с облегчением: что бы ни делалось, все к лучшему.

Однако матери пришлось вызывать «скорую». Ведь вместо того чтобы радоваться такому повороту событий, восприняла как вселенскую катастрофу.

Господи, ну зачем бабы так плоско устроены?! До такой унижительной степени терпеливы и по-собачьи привязчивы?! (Тогда такими были. Ныне характер наших женщин кардинальным образом изменился.) Фатеевич же не стоил содержания цистерны своей машины! Как можно было до такой степени горевать?!

Вместе с тем Сергей на мать и обиделся: почему весь свет для нее сошелся клином на личной жизни, а сын что, пустое место?

Мила Фалько опять, как и в случае с Родионом Петровичем, взяла отпуск без содержания, заперлась в своей комнате и легла умирать, так как не видела смысла в дальнейшем, без завалящего своего мужичонки, существовании.

Однако умереть не успела (ненавидевшая Корчаного Света спасать на этот раз не приехала), так как через месяц от Фатеевича пришло письмо. Из Тирасполя. В котором совершенно непосредственно, будто и не произошло ничего, описывал особенности молдавской жизни, тамошние цены и качество снабжения. В Молдавию переезжать можно, резюмировал Корчаной. Только жить, даже временно, негде будет, потому что с братом Васькой решительно разругался. А по-сему Анатолий Фатеевич соизволят возвратиться в п.г.т. Каджи-Сай. Все, мол, целую. Твой...

И в тот же день Мила Фалько совершенно выздоровела! Словно отведала сказочной живой водицы. Серега, наоборот, здорово приуныл. И задумал он тогда из Каджи-Сая уезжать. Куда угодно, лишь бы не видеть мордели Чебурашковой. А также не мешать личной жизни матери. Ему исполнилось шестнадцать, на руках паспорт. Чего еще? Не пропадет!

Мать не возражала. «Молодому проще устроиться», – думая о своем, сказала она.

С другой-то стороны, в легкости, с которой отпускала единственного сына, не было ничего удивительного. В Каджи-Сае все пришлое на чемоданах жили. А так как принять были готовы их только в дырах еще более страшных, вроде Таджикистана или Чукотки, то жить подобным образом приходилось десятилетиями. Но ведь Сергей-то на квартиру не претендовал. Значит, шансы вырваться из Каджи-Сая имел неограниченные.

Сергею оставалось определиться: куда ехать-то, чтобы заодно и добить свое среднее специальное? Купил справочник «Для поступающих в техникумы» и накатал пару десятков писем в разные техникумы страны, начиная с Фрунзенского машиностроительного и кончая техникумом лесного хозяйства в грузинском Цхалтубо.

Ответ же пришел, однако, не из казенных учебных заведений, а от родного дедушки из белорусского Борисова. Полковник-отставник, ветеран войны Михаил Михайлович, надев пиджак с пресловутыми орденскими планками, над которыми мы так любим поиздеваться, лично договорился, что Сергеевы документы примут в Жодинском политехникуме. Он отнюдь не забыл о существовании единственного внука, по-прежнему любил Сергея и мечтал, чтобы тот пожил с ним и скрасил последние годы. Это был самый желанный вариант переезда. О каком Цхалтубо могла идти речь? Только домой! На Родину! К вредной бабушке Мальвине, алкоголику-отцу и к лучшему в мире дедушке!

За окнами колодищинского дома на Восточной малинилось теплым светом восходящего солнца... В зал заглянул всклокоченный, помятый Олег.

– Ну, как вы тут?

– Читай, – не тратя времени на лишние слова, ответил Сергей и выскочил из душного зала в сад. Продышаться!

После трех бессонных ночей мозг Фалько, нервы огрубели и перестали воспринимать тонкую часть мира и его смысл. Будто с тяжелого похмелья. По молодости лет в таких ситуациях попадал в депрессию. Как жить, зачем?.. Отрубало! Однако сейчас Сергей знал: паниковать нельзя, чувства, некая связь с тонким миром восстановятся, нужно только чуть-чуть забыть все это, выспаться.

В свою самую глубокую, затяжную депрессию Сергей угодил при аналогичных обстоятельствах: смерти родственника, хотя и гораздо более отдаленного, не кровного, далеко не молодого, на фиксацию смерти которого наложился точно такой же зверский, отупляющий, огрубляющий недосып.

Было тогда ему чуть больше тридцати. Возраст, когда естественный, животный оптимизм юности уже закончился, а на смену еще не пришло ничего. Это случилось в начале марта – пору для психики и так тяжелую. Во всяком случае, в Белоруссии: дождь, грязь, снег, накопившаяся за зиму усталость и легкий авитаминоз.

Умирал живший в далекой деревне под Шарковщиной Жаннин дедушка. От цирроза печени. И супруги Фалько тут же выехали на Витебщину рейсовым автобусом.

Ощущение утери вселенского смысла, неминуемости праха и тлена началось сразу после того, когда автобус миновал Логойский район, с его поросшими веселыми сосновыми лесами холмами, диковатые уже Плещеницы и пересек границу Витебской области, которая также оказалась как бы границей между самодостаточной средней полосой и скудным севером республики. Сергею показалось, будто и сосны в бегомльских лесах растут реже, и хвоя на них бледнее.

За Бегомлем, впрочем, и самих лесов стало гораздо меньше. Потянулись бедные маленькие деревеньки с большими, такими же бедными кладбищами, на которых преобладали крашенные голубенькой краской кресты из ворованных в колхозах труб и памятники из «мраморной крошки», в которых мрамора было столько же, сколько и золота в «золотой» краске.

Удручали, в общем, деревни-то. Удручали и коровники с пресловутыми просевшими крышами, брошенные дома, вокруг которых, вскинув сучья на последнем выдохе, дыбились мертвые корявые яблони.

Отнюдь не утешали и городки Витебщины, в которых пытливая мысль архитекторов, казалось, поработала только над тем, чтобы жизнь в них превратилась в пустую, ничему не обязывающую формальность.

Вот, короче, что север с людьми делает. (Хотя, если разобраться, о каком севере может идти речь? Говорить скорее следовало об особенностях экономического развития даже не Беларуси, а СССР, о бедности тамошних почв.) Понятно,

Проза

что и к югу, востоку или западу от белорусской столицы жизнь провинции также оставляет желать лучшего, но там не чувствуется безнадежности, нежелания людей жить, нелюбви к себе и окружающему в такой степени.

Сергей, как и должно было, ни на минуту не мог отвлечься от страха увидеть Вячеслава Степановича мертвым; страх усиливался с каждым последующим километром продвижения в глубь витебских земель.

Вот и Шарковщина: автостанция в виде небольшой коробки из серого силикатного кирпича под плоской «экономической» крышей, дощатая уборная, чтобы попасть в которую Сергею почему-то пришлось перелезть через забор, озабоченно снующие алкаши с почерневшими уже мордами... Между прочим, Шарковщина – город как бы европейский. Ведь его история началась во времена Великого княжества Литовского, продолжилась в Речи Посполитой и ухватила кусочек времени «панской» Польши до Второй мировой войны. Европа, блин...

На попутке добрались до нужной деревни. Дедушкин дом стоял немного особняком от деревни Пялики, так что последнюю часть пути пришлось тащиться пешком.

Это было родовое гнездо Марии Вячеславовны. При Российской империи ее прауродитель, то есть отец умирающего, взял эту землю в аренду у помещика и стал хуторянином. Хутор благополучно просуществовал до прихода в тридцать девятом году советской власти, при которой его обитателям пришлось срочно переквалифицироваться в колхозников. Однако не успели они насладиться прелестью коллективного хозяйствования, как сюда пришли немцы и вернули землю назад. От всех этих пертурбаций сельские растерялись до такой степени, что прауродитель вскоре умер, а его сын, Вячеслав Степанович, подался в польские партизаны, которые непонятно кому подчинялись, неизвестно за что воевали, но хотели бить немцев.

После войны, чтобы не припомнили несомненное, хотя и незначительное вроде бы отклонение от генеральной линии злопамятные чекисты, Вячеславу Степановичу пришлось стать активистом колхозного возрождения. Одно время он даже был председателем местного колхоза, который сначала назывался «Сталинські стяг», а после разоблачения культа личности «Ленінські шлях».

Параллельно с работой в колхозе Вячеслав Степанович активно трудился на приусадебном участке, держал много скота, словом, работал по шестнадцать часов в сутки. Типа нынешних олигархов. Правда, результаты его труда оказались гораздо скромней. Тем не менее все три дочери Вячеслава Степановича получили высшее образование, каждой при отделении выделил он некий стартовый капитал. О, этот наш чудный белорусский обычай: все для деток и гори я огнем!

В отличие от колхозников новой волны, Вячеслав Степанович пил сравнительно умеренно и с несомненным достоинством. Впрочем, с той же регулярностью. Конкретно, по стакану самогона на сон, по два на праздники. Должно быть, не слишком чистая работа на холоде и в вечной сырости располагала к потреблению табуретовки сама по себе.

Дом Вячеслава Степановича оказался в запустении. Почти век отстоял, и последние десять без досмотра часто болевшего хозяина.

Что будет с домом дальше? Ничего хорошего. Суждено догнить в окружении «вскинувших сучья на последнем выдохе» мертвых корявых яблонь. Словом, пейзаж Витебщины «украшит» еще один памятник исчезающему классу, за сохранение которого готова лечь костями наша новая власть.

У обитой растрескавшимся дерматином двери сердце Сергея съежилось. Нерешительно потоптавшись на месте, глубоко вобрал в себя воздух, выдохнул и – вошел.

На бревенчатых, заросших паутиной стенах пристройки была развешана допотопная кустарная крестьянская утварь времен Великого княжества Литовского, на полу – пустые грязные ведра, мешок с картошкой. Гнетущая тишина. Сергей понял: это произошло, это случилось!

И верно, Вячеслава Степановича уже помыли, одели в ветхозаветный, возможно шлюбный, черный костюм, когда-то белую, а теперь желтоватую нейлоновую рубашку и жуткий «рабоче-крестьянский» галстук с фиксированным узлом. Вячеслав Степанович лежал прямо на столе в выставленном специально под смерть зале.

Смерть от цирроза печени вообще-то имеет очень тошнотворный, специфичный (отличающийся от ракового) запах, но главенствовала здесь все же вонь тряпья, как бы тлеющего от сырости. (Почти тюремный запах-то, разве что «добавки» сырых окурков не хватало.) Это когда все в доме очень старое, но отапливается то ли из экономии, то ли по причине хозяйской немощи явно недостаточно.

Мария Вячеславовна была спокойна и собрана, – врач. Жанна заревела. «Ну, ничего-ничего... Дедушка легко умер».

«Так это вы сами мыли его, брили?» – округлив глаза, спросил Сергей, слишком живо вообразивший эту картину. – «Сами, – пожала плечами Мария Вячеславовна: мол, а кто еще? – Распили со Станиславом бутылку и все сделали... Тяжело, конечно, – отец».

И тут Сергей заметил на табуретке старый бритвенный станок, помазок и тоненькую пластинку мыльца с прилипшими седыми щетинками.

Смерть старика в старом-старом гниющем доме с грязными обоями, смерть в марте, в нищете среди нищеты еще живущих плюс двое «протокольных» суток без сна стали для Сергея таким потрясением-перетрясением, что он занялся богоискательством. Потому что жизнь без гипотетического существования в ней Бога – в условиях нелюбви к ближнему, в данном случае к жене – показалась ему после похорон не-воз-мож-ной. (Во как извратил!) Короче, надо было детально в мироустройстве разобраться. Если Бога в нем не было, то и жизни, фактически, не было: разве можно назвать жизнью ожидание смерти? Ну ее, жизнь такую, к черту! В принципе и по существу, к черту, к черту, к черту! Если Бог в миру все же явствовал, то и убивать себя Сергей не имел права. Значит, так надо... так задумано... в том же рисунке нужно искать и другие краски. Терзался он будто сделанный в СССР герой Достоевского.

Фалько два раза перечитал Библию. Однако Библия тогда не дала ему ни логического ключа к решению мучавшего вопроса, ни чувства соприкосновения к Небу. Вычурный, архаичный язык, бесконечные повторы...

Но ведь на то и Вера, чтобы принимали без рассуждений. На веру.

Это условие, однако, удовлетворить Сергея никак не могло. Как, впрочем, не удовлетворяло оно и абсолютное большинство его современников, ум которых требовал некой выверенной формулы или доказуемой теоремы. (А еще лучше дайджест из Библии, разжеванной, листа на три, иллюстрированной выжимки.)

«Да неужели понятие Бога может быть сложнее, чем понимание какого-нибудь физического или химического процесса?.. Вот и дали бы его, товарищи ученые, доценты с кандидатами, – рассуждал Сергей. – Только не пытайтесь отделаться расплывчатой фразой вроде: «Что-то там действительно есть». Ответьте предельно четко и ясно. Вставьте ответ в школьные учебники, чтобы наизусть вызубрил каждый школьник. И тогда Вера станет азбучным Знанием».

Сергей попробовал ходить в церковь. Но церковные службы показались

Проза

ему некими театрализованными постановками, смысл которых давно стерся временем. К тому же языком этих постановок был не очень понятный старославянский. Почему? Чтобы максимально приблизиться к первоисточникам? В принципе, мысль правильная: каждый последующий перевод вносит дополнительные искажения... Ну, тогда давайте уж сразу на древнееврейском. Не понимать через слово или вообще ни слова – большая разница?

Сергей попробовал ходить в костел. Однако ответов на свои вопросы получил еще меньше. Вообще ни одного, если честно, не получил. Потому что службы в католических храмах велись тогда на польском. Распятый Учитель звался у белорусских католиков «Паном Езусом Христусом».

Это что же, еще один вариант соприкосновения с первоисточниками? Польша страна, конечно, образцово католическая, но отнюдь не библейская. С таким же основанием службы могли вестись, например, на испанском или португальском.

Миновал март, вопрос вопросов оставался пока без ответа. Депрессия грозила вылиться во что-то очень и очень нехорошее. Тем более что апрель для Сергея вообще был самым тяжелым месяцем в году. В марте его кризисы начинались, а в апреле обычно достигали апогея.

Ему казалось, что ничего давать людям природа в апреле принципиально не может. Ведь в этом месяце ей самой нужно очень много энергии для возобновления цикла. Чтобы травы пробились, почки на деревьях проклюнулись и так далее. А где природе брать эту энергию-то, если солнце еще совсем квелое? Да сосет где придется, зараза такая. В том числе и от человека.

Душевное равновесие восстанавливалось у Сергея обычно в начале мая, когда начинались одуванчики, которые поднимали его тонус буйством жизнерадостных медовых, пронзительно желтых шапочек.

Но из этой депрессии Сергей выполз еще до одуванчиков. Благодаря случайной встрече на улице со старинным заводским приятелем, который увлекался эзотерикой, оккультизмом и йогой. Он внимательно выслушал сбивчивый рассказ Сергея и заключил: «Все ясно. Теперь ты наш человек».

И дал ему папку с перепечатанной на машинке книгой Анны Безант «Древняя мудрость». У Олега была дома целая библиотека подобной литературы. Самиздатовского происхождения – ведь при Союзе она не издавалась, а волна наживы на ней коммерсантов была еще впереди. Он где-то ее добывал, куда-то передавал, сам перепечатывал на машинке «Волга». В общем, Олег был членом минской оккультистской тусовки. И между прочим, ставил очень рискованные опыты. (О степени риска можно будет судить по результату: через несколько лет Олег станет инвалидом по зрению. Чтобы не совал нос куда не нужно, Высшие силы вообще лишат его возможности читать.)

Эта книга стала для Сергея самой-самой! Читал без отрыва весь день и всю ночь! «Аура, энергия...» На утро Сергей, без преувеличения, почувствовал себя другим человеком! Не верующим, но зато и не атеистом! Депрессию как рукой сняло!

Не менее запойно прочитала «Древнюю мудрость» и Жанна, и лучший тогдашний дружок Сергея Гера Руднев. Потом папка несколько недель гуляла по общаге иняза среди Жаннинных подруг. И каждого, кто соприкасался, точно так же основательно перетряхивала. Наверно, эта книга в то время вообще была самой нужной.

Найдя Бога, Сергею, естественно, захотелось тут же к нему приблизиться, найти к храму собственную дорожку.

Для начала Сергей закончил курсы парапсихологии, задача которых заключалась в пробуждении сверхчувствительности. Ведь физические проявления божественного встречаются на каждом шагу. Чтобы научиться их фиксировать, нужно только чуть-чуть потренироваться. После этих курсов Сергей, например, легко определял качество энергии какого-либо предмета, без труда различал цвета кончиками пальцев, определял материалы.

В числе же минусов развития сверхчувствительности можно назвать появление писательского вредного зуда. Ведь хотя жизнь и изменилась коренным образом, литература осталась такой же проституткой, каковой являлась при Советах. Но при коммунистах у писателей хотя бы тиражи были, высокий общественный статус...

От парапсихологов Сергей метнулся к рериховцам, которых называли также рерихнувшимися. Потом занимался йогой. Подобрался к колдовству и магии, но почувствовал, что это уже лишнее. И вообще все было лишнее, мог бы ограничиться православием. Но если бы оно хоть чуть-чуть сдвинулось навстречу...

Последние годы Фалько был пассивно верующим православным, пассивным йогом, пассивным эзотериком...

Духовный путь Светы был намного короче и прямее. Атеизм советских юности и молодости в зрелости, на общей перестроечной волне, успешно и безболезненно трансформировался в традиционное православие. Света была сильным, прямолинейным человеком и успешно подавляла в себе рефлексии, столь свойственную племяннику.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

ТАТЬЯНА ШИЛЕНОК

И КОЛЬШЕТСЯ СЛЕЗА

* * *

Я укутана в запах лаванды,
Словно в тонкий прозрачный платок:
На скамейке тенистой веранды
Лунным светом мерцает цветок.

Он вобрал в себя ветра частицу,
Свежесть горной бурлящей реки,
И похож на прекрасную птицу,
Распластавшую крылья свои.

В нежном запахе тают обиды,
Пеплом сыплются ссоры с тобой...
На волнах исходящих флюидов
Обрету долгожданный покой.

* * *

В утреннем саду дождинок россыпь:
Дождь прошёл подарком от небес.
Вновь земли преображённой поступь
Обещает ярмарку чудес.

Со стола пролила складки скатерть,
Разомлев от майского тепла,
Лучик солнца брошен, как на паперть:
Ваза заискрилась разноцветием стекла.

В веточках благоухающей сирени,
Только что отломленных с куста,
Спрячу в ненаигранном смирении
Жар разгорячённого лица.

Запахом заполнюсь до предела,
Капельки дождя омоют грусть с ресниц,

И природа разольётся в теле
Миллионами хмельных криниц.

Обведу глазами сказку белую
В поисках счастливого цветка,
И губами отщипну верхушку целую,
Счастьем запасаясь наверняка.

* * *

Бабье лето обжигает сентябрём,
На плечах загара полосы,
По песку бреду я босиком,
Впутывая паутинки в волосы.

Водорослей чернь не берегу
В ней янтарь чуть рыжими
веснушками;

Красоту в подол я соберу
Сарафана с розовыми рюшками.

Нанижу кусочки вразнобой,
Нитку белую подёрну золотом;
Загорится камень неземной
Солнечными бликами проколотый.

Бусы обовьются невзначай
И янтарь по шее в путь паломником...
Через море крикну я тебе:

«Встречай!» –

Моих мыслей милому виновнику.

* * *

Осенний дождь припадочно хлестал кусты,
И жалуясь, и плача, весь развинчен.
Что жалобы, когда все улицы пусты?
Кто их выслушивать способен нынче?

Лишь одинокий листьев запоздалый рой,
Злясь, в странном танце будоражит ветер,
Внезапными порывами ероша сад сырой
И думая, что он главнее всех на свете.

Вот он, хозяином, покинув танца круг,
Прошёлся перед яблоней-растрёпой,
И, к проводам любовью распаяясь вдруг,
Чуть томно, с придыханьем, их похлопал.

Был гладью лужицы в беседке удивлён;
На ней оставил рябью тысячи царапин.
И, непорядком этим разозлён,
Поднял фонтан летящих с крыши крапин.

Вновь возвращаясь в танец
к брошенной листве,
Поддал волной сирени-вертихвостке.
Но, садом уличённый в фатовстве,
Он, не прощаясь, скрылся по подмосткам.

* * *

Ещё стихами не проколоты страницы,
Нетронутость листка побеленной стеной,
Не засверкали строчки янтарём живицы
И рифма к рифме не подогнана тобой.

И ручка-штык не отогрета в пальцах,
Оружием беззубым дремлет на столе,
Метафоры алмаз с судьбой скитальца
Ещё не блещет откровением во тьме.

Но мысль уже взлелеяна в сознание,
Необъяснимой властью заставляя вдруг
Оставить на бумаге чувств блистанье,
Замкнув души и сердца страстный круг.

* * *

На круги своя
Всё в жизни возвращается:
И стареющие сыновья
К матерям прибиваются.

Татьяна Шиленок

Из родимого гнезда
В полёт улетевшие,
И от жизненных невзгод
Не уцелевшие.

На круги своя
Всё в жизни возвращается:
И седеющие сыновья
К матерям прибиваются.
Без семей, без жилья –
Волками-одиночками...
И опять не спит она
Тревожными ночками.

Как могла, оберегала
От горяшка;
Всю любовь отдавала –
До донышка;
Знать не научила
Простой истине:
Ведь не только счастьем
Жизнь выслана...

Но уж слишком поздно
Ей корить себя:
Загорелась в небе звёздном
Ещё одна звезда...
На круги своя
Всё возвращается...
И без матерей Земля
Всё равно вращается...

* * *

Грустью выцвели глаза,
В них тоской былая хмель,
И колыхнется слеза –
Расставанью колыбель.

Нам прощаться вновь пора,
Но иллюзий крепок круг:
Так волнительна игра
Сомкнутых в объятья рук.

Холод захлестнул волной...
На губах застывший вздох:
Вновь оборванной струной
Твой уход застал врасплох...

Поэзия

* * *

Солнце в верхушках запуталось нитками,
В тень между веток вонзает лучи...
Где-то кукушка отсчётами прыткими
Снова судьбы мне вверяет ключи.

Что же ты маешься, жизни предвестница,
Голосом звонким пророча судьбу?
Как ни старайся, лесная кудесница,
Я не поверю в твою ворожбу.

Слушать не буду твоё кукование:
Знаю я – это всего лишь игра.
Но, почему-то, замру в ожидании,
Если умолкнешь. А вдруг навсегда?

* * *

В запале говоришь, что ты устал от жизни,
Страх поселился в сердце и печаль,
Пора готовить душу к поминальной тризне.
Жизнь прожита напрасно, жизни жаль.

Начать бы снова, всё сложилось бы иначе:
Семья, работа, первая любовь;
Растрчено здоровье, ум зазря растрочен.
И хмуришь светлую, с рыжинкой, бровь.

Вростя в колени, просишь у меня прощенья,
В чём был давно, когда-то, виноват...
И слов моих ты жаждешь в утешенье:
Тебе нужны они сегодня во сто крат.

Я голову тебе поглажу ненароком,
А горечь слёз укроет полумрак...
От слов сомнительных, из прошлого, что проку,
Что ни скажу, скажу я всё не так.

Всё, что скажу сейчас тебе, всё будет пошло;
Слов не ищу, всё будет просто бред...
Всё лучшее, мой дорогой, осталось в прошлом
С тобой, исповедальный мой секрет.

Как лошадь цирковая жизнь прошла по кругу:
Она свела нас, развела и вновь свела...
Любимому когда-то, а теперь лишь другу,
Я, в утешенье, прошепчу:

«Без жизни отжила...».

* * *

Захлёбывалась старая гармошка
В руках вокзального калеки,
Уже чуть хриплая немножко,
Срослась с хозяином навеки.

Мужчина пел под звук гармонии,
Скользили пальцы по аккордам,
Забыв о ждущем дань притоне
И что поёт совсем не лордам.

Он жил сейчас в миру
признанья,
Восторга и аплодисментов...
Летели деньги подаяньем
В футляр. Без всяких
сантиментов.

* * *

Пряный вечер
стих под крышей,
Примостился до утра.
Месяц сонный
к звёздам вышел,
Значит, внуку спать пора.

Бабушка достала спицы,
Ниток розовый клубок.
Застучали две сестрицы:
«Слушай сказку, голубок!

Про царя и про царицу,
Колдуна, богатыря,
Про девицу лебедь-птицу,
Тридевятые моря...»

И плетётся нить и сказка:
«Жил-был славный
царь Дадон...».

Сон заглядывает в глазки,
Закрывает глазки сон.

Под щекой сладка подушка,
Внуку спится, как в раю.
Шепчет бабушка на ушко:
«Баю-баюшки-баю».

ТАМАРА КЕЙТА-СТАНКЕВИЧ

ЗА И ПРОТИВ ЛЮБВИ

ОСЕННИЙ КОСТЕР

Ресницы пропахли
Моим костром.
В пламя слезинки-капли
Упали дождём.

В огне не трава пылала
Осенняя –
Любовь догорала
Последняя.

Дым продолжал клубиться.
Костёр будет тлеть до утра.
Любовь не возродится
Та, что сгорит дотла.

* * *

Посв. Н. Пристуне

Мы пили красное вино
В богадельне
Под названием «Крест красный».
Пусть выжато оно
Самодельно,
Но было живым запредельно,
Молодым и прекрасным.
Мы пили вино
И читали стихи
Про это, про то,
Обнажив души,
А за окном
И в проёме двери
Притаилось лето,
Заслушавшись...

Есть между нами связь,
Но ты меня не слышишь.
Под ногами грязь
И она поднимается выше.

И если пойдёт так дальше,
Она меня задушит...
Но ты не шевелишь пальцем –
Никто никому не нужен.

НЕ ПРОПАДУ

Предавать не умею.
Незнакомо враньё.
Когда захмелею,
Уткнусь в плечо твоё.

Зачем пустословить,
Плести зависти сети?
Любовная повесть
Беззащитна на этом свете.

Чтобы получить
На любовь ссуду,
я хитрить,
Продаваться не буду.

Незаметно уйду,
Не пропаду.

БЕЗ УСЛОВИЙ

Я руки расправлю,
Как крылья.

Поэзия

Придётся – порву
Сухожилья.
Взметнусь в небеса,
В вышину,
На крыльях-руках
Любовь подниму
От завистливых глаз,
От злословий.
На этот раз –
Без условий.

У ВОКЗАЛА

В сердце билась любовь,
Поэтому жила впроголодь
И на другие условия согласилась,
Но терпение поизносилось.
И однажды, сердцу доверяя,
Не повторяя,
Сказала
У вокзала:
«Ухожу»,
Потому
Что люблю
И унижения мне не к лицу.

ОДНА

Птицы взметнулись
В небо вечером
Огромной стаей – и шумно.
Почему всё не взвесила
И рассталась с тобой бездумно?
А над ними выгнулась блёкляя
Радуга –
Потерянная моя вина.
Теперь подруги не нарадуются.
Как перст – одна.

Я НЕ С ТОБОЙ

Безысходность
Или безвыходность?
Как теперь назвать состояние –
Мое противостояние
Перед людьми,
Перед судьбой.
Пойми,
Я не с тобой

И у меня полсилы,
И любовь беззащитна вдвойне.
Но назвать тебя милым
Уже не удастся мне.

РАЗГОВОР С СУДЬБОЙ

Я сяду
У порога родного
Уставшая,
Как тишина.
Поговорю
С судьбой немного,
Спросив:
В чем моя вина?
Что не так сделала?
Почему у меня
Не срослось?
За любовью
Не бегала,
А в любви
Дитя родилось.
А потом –
Всё перепуталось.
Затянувшись в узел,
Оборвалось.
А теперь душа
В холод укуталась,
И жизнь мне
Как в горле – кость.

ПРОШЛОЕ ПЕРЕЧЕРКНУ

Я наполню отвагой
Душу.
Оставлю, что надо,
Остальное – разрушу.
В один миг
Прошлое перечеркну,
И, обуздав крик,
Свободно вздохну.
Уйду по-английски,
Забыв слово: «месть».
И не поймёт самый близкий,
Что же случилось здесь.

НАЙТИ СВЯЗЬ

За что
Я должна страдать
В прошлом,
Настоящем,
Будущем?
Зачем
Продолжаю блуждать
Между прошлым,
Настоящим
И будущим?
Когда
Я приют найду
В прошлом,
Настоящем,
Будущем?
Наверно,
Когда пойму
Свою связь между прошлым,
Настоящим
И будущим.

БОЛЬ

И снова горячие гроздья,
Упав на ладонь, обожгли.
Не знала, что это так больно
Расстаться с тобой до зари.
Я сердцу сказала: «Довольно,
Ты больше его не зови».
А в небе последние птицы,
Вдруг вскрикнув, исчезли вдали.

Ты показывал дом,
С тихим девственным прудом.
Я скрывала с трудом
Чувства, думая о том,
Что могло бы быть,
Если прошлое забыть,
Если всё возобновить,
Если бы могла простить...
Но, показывая дом,
Обрамленный цветником,
Не заметил – над прудом
Плакала, глотая слёзы ртом.

ЛОЖЬ

Опять готова в жизни всё перечеркнуть,
Вступить на новый, пусть тернистый путь.
Одна уйти без объяснений на заре,
Споткнувшись о чужие туфли во дворе.

Мне надоела утомительная ложь.
Тебе, я знаю, изменили, ну и что ж?
Меня ведь тоже предавали и не раз.
И не утешит ночь – одна – меня и «Вас».

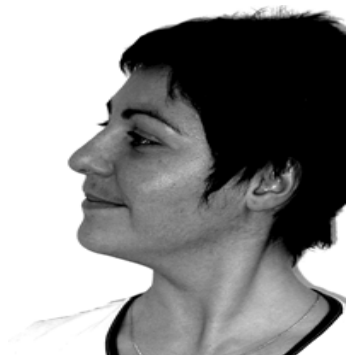
ЖЕНСКАЯ НЕЗАВИСИМОСТЬ

Оставив мужчину,
Я гордо
Вошла в одинокий свой «рай».
Нахлебалась свободы
По горло,
Независимости –
Через край.
Говорят за свободу,
Да вдоволь,
Придётся нам долго платить.
Осталось –
На счастье подковой
Обои гвоздями прибить.

ДВОРНЯГА

Летний дождь по-осеннему холоден,
И стекает с волос по виску.
У забора дворняжечка голоден,
Я с ладони его покормлю.

Да по шерсти с кровавыми пятнами
Осторожно рукой проведу.
Благодарные звуки невнятные
Я услышу и молча уйду.

Нина РЕЗНИК

Бабочка

про жЫзнь

а жизнь прекрасна, если ей же ей твердить упрямо
и слушать лепет стихарей под крылышком бедлама.
гасить в квартире темный свет, за окнами включая
цветные стеклышки планет, грядущего не чая.
но чуют бешеный поток в сплошном сердцебиенье
и наливать в олений рог вино стихотворенья:
твоя ли чистая вода мои куски составит,
заставит слиться, как руда, в неразделимом сплаве?
твоя ли радостная весть летит по синим склонам?
все – только так, все – только здесь, иного не дано нам.

ЭПИГРАММА НА САМУ НА СЕБЯ

я генерал в моем полку,
и знаю силу тыла:
поймала за полночь строку,
а после позабыла...
тележки полные везут
упрямые лошадки,
ищу в обозах там и тут –
не нахожу тетрадки.
блестит ночная тишина,
солдат согнулись спины...
“А вот она, да вот она –
За тушкой буженины!”
а коль не ехали б за мной
тяжелые подводы -
пропал бы стих, начался б бой,
измучались б народы!

ПО МОТИВАМ СКАЗОК

1. Кукла

Я Рыбка и Сова,
Я Птица и Принцесса –
Пустая голова,
Лишенная процесса
Мышления. И кровь
Моя совсем иная:
По цвету, как морковь,
А про состав – не знаю.
Я радуюсь тому,
Что ночь нежна и млечна,
И, верно, потому
Я так живу беспечно:
Гуляю под луной
И не беру фонарик –
Вернет меня домой
Воздушный синий шарик!

Нина Резник

2. Мальвина

Отвергнут дерзкий Арлекин
И ласковый Пьеро,
А Буратино пьет один,
Работает в бюро
Забытых кукол, чешет нос
О скважину в двери,
А ключик золотой пророс
В горшке сухой земли.

Неси меня, мой Бармалей,
За тридевять земель,
Целуй до розовых соплей,
Укладывай в постель,
Так этой книгой суждено,
О прочем не тужи,
Но все равно, но все равно
За ниточку держи...

3. Девушка-дракон

Склоняюсь к тебе,
 заслоняю тебя от памяти —
Думай, что хочешь в
 гулкой своей коробочке.
В этой борьбе побеждаешь ты,
 но тоска ведь мне:
Слезы свои слагаю
 в хрустальные колбочки:
Может, преобразятся
 в живую-мёртвую —
Складывать по кусочкам,
 рубцы залечивать.
Голову отрубашь
 ты мне четвертую!
Сколько еще осталось?
 - Да делать нечего.

4. Немнож о Золотой Рыбке

Не в силах терпеть я унынье моё,
Проходит, как плетью,
 по мне громадьё,
И утро туманно, и вечер тяжел,
И жизнь безымянна, как в сердце укол.

Я столько не плакала даже тогда —
Кочуя в пределах глухого пруда.
Но вскоре прорыли канал отводной,
И пруд обмелел до рыбёшки одной.

Ликует пустыня, сжигая дотла.
Моя берегиня, ну как ты могла!
Ведь солнце иссушит мои плавники,
А хвостик разрушат сухие жуки!

Лежу я на донышке смутного сна,
Мерещатся чайки и шелест весла,
И ветер горячий шуршит в камышах.
Ты слышишь — я плачу?
 Спаси на руках...

ДА БУДЕТ (В ВЕЛИКИЙ ПОСТ)

Всякая тварь да скроется,
Минет пускай буран:
Сдвинется колокольница,
Прошелестит Коран,
Будды глаза откроются
Спящего на века,
Будет его бессонница,
Будто бы сон, легка.

Так и за мною гонится
Конница тишины —
Слово да не обронится
Веточкой бузины,
Ни гребешком подаренным,
Ни поясным платком —
Инопланетным заревом,
Варевом, кипятком.

Светлое заповедаю:
Веруй. Зови. Не лги.
Я же приду с победою,
С новой ступлю ноги.
В саван не заворачивай
Древние письма,
Воду всю не растрчивай —
Сделать еще вина.

Поэзия

СЕБЕ НА ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

летит святая бабочка,
отбрасывая тень,
не просто жизни складочка,
а Божия ступень.
не баночная узница
в котомке знатока,
а дерева союзница
и матушка цветка.
и я тебя, козявочка,
не хлопну, не сомну,
лети скорее, бабочка,
с моей ладони. Ну!

ВЕСНА БЕЗГОЛОВАЯ

Ни хлебушка тебе, ни кулича,
Ни палача с топориком веселым,
Когда слетаешь с теплого плеча
И оставляешь место новоселам.
Они зайдут в твой опустевший дом
И барахлом заполнят антресоли,
И дверь запрут, прошелестев замком,
И свет зажгут над скаредным столом -
Не выпросишь ни сахара, ни соли.
И где тебе склонить себя саму,
И как тебе сносить такую долю:
Плоха не плаха, плохо жить в дому,
Где никого не пригласят к застолью.
Давай, катись безумным колобком
По лестнице к обителю еловой,
Заплачет твой палач под колпаком
И отразится в капельке багровой.
А жизнь горит на срезе, и рука
Ощупывает край воротника...

БОЛЬНИЦА

Кастелянша, тонкая мегера,
В коридоре склянками гремит.
Заползай в палату, баба Вера:
Ночь темна, и сердце не болит.

Полотенце выдано до срока,
Выдано дегтярного кусок.
Кастелянше тоже одиноко,
Оттого и треснул голосок.

Оттого и, в коридоре стоя,
Напевает, воет до утра,
Что, наверно, видела такое,
Что не стоит нашего добра.

Ну, а мы с тобой не верим бедам,
Подвернувши простыни края.
Баба Вера, накрывайся пледом,
Ведь сегодня очередь твоя.

ГАЛАТЕЯ. НОВАЯ МИФОЛОГИЯ.

Спасу нет, ты бьешь наотмашь, милый,
Не считаешь с вечностью моей.
Я не плачу – бей же с полной силой
И меня ни капли не жалей.

Я еще не скоро стану камнем,
Неприступной глыбой тишины,
Зарасту паучьим старым травнем,
За которым слезы не видны.

Возвращаясь в мраморную грудь,
Бесконечность времени назад,
Я твои побои позабуду,
Позабуду твой жестокий взгляд.

И когда окаменелым богом
Я восстану посреди пещер,
Не ищи меня по всем дорогам,
А не то ослепнешь, как Гомер.

Начинай другим камням молиться,
Не жалей ударов молотка,
Обнажай проснувшиеся лица
В неподвижных линиях куска.

Но не оживут твои творенья:
Я одна страдающей была.
И свое безмерное горенье
Для тебя и в камне сберегла.

АЛЕКСЕЙ СЛЕСАРЕВ

Э ЗУХЕ НАХ

(ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ)

В прежнее время каждый мальчик тринадцати лет должен был в назначенный ему день, всегда поутру, на восходе, тайно бежать к ограде храма Метсолы. Что с ним случилось в храме – никто не знает, если мальчик возвращался – то считался уже мужчиной. Главное, чтобы никто не проснулся и не приметил, и не прозвонил в колокольчик, иначе мальчик становился рабом этого умельца, - вплоть до рождения своего первенца, и должен был делать все, что бы ни пожелал хозяин. Говорят, когда сын волхва бежал когда-то к месту, где прежде стояло капище, свейский епископ зазвонил в колокольчик и потребовал чего-то такого, что старый волхв смог отговориться ничем иным, как только разрешив строить на месте храма нынешний собор. И потом мальчики бегали уже к соборной ограде, хотя это и было запрещено. Красивый был, говорят, этот храм Леса. Рассказывают, вырезаны были из дерева очень искусно Калева, небесный охотник, и его собаки, будто бы бегущие за адским оленем лопарей. Весь народ Метсолы изображен был на стенах. И Тапио - наш лесной хранитель, и Суометар - мать всего рода суоми, полярная звезда. А на темной северной стороне, были такие ворота, за какими, верили, начинается земля Похьёлы, а потому их и надо стеречь, чтоб тот народ не пришел в нашу землю. Был у таких ворот свой сторож, из храмовых служек. Главное, чтобы парень был совсем рыжий, золотой, будто солнце, и станет тогда бояться его тварь из Похьёлы.

Матти был служкой северных ворот.

- А чо искать-то! И так знаем! Они это, они животинку поморили!
- Гадюки чухонския! - завопил кто-то.
- Снег наворожили, подводы хлебные с Новгорода нейдут!
- А сами, небось, хлебушок-от ядят!
- Оне, суки, снесь держать! – старуха затрясла мослами, ткнула костлявый палец в спину Пелагеи. - Сами жрут, а нам шиш!
- Под платье прячут!

Народ заходил еще пуше, замялся, затопал десятками ног, будто одна целликовая никем досюль не виданная пестрая тварь. Платы, кокоры, кики – бабье, бабье, но нет вон и простые космы и бородень чей-то. Никак все тут, да почитай что все.

Проза

- А что, все бывает! – гаркнул кто-то каким-то уж совсем не голодным голосом.
- Оне, точно оне!
- Вона какие! Тут брюхо к хребту примерзло, а они вона!
- Бабоньки, ну вот же ей-ей ноги пухнут, вот погляньте-от!
- Да вы на нее-то, на нее-то!

Пелагея по сторонам не озидала, а шла, как шлось. Малинка цеплялась ей за подол, казалась из-под платка страшные глаза.

- Молчит! Молчит, ведьма! – взвизгнула молодуха, у которой от голода отекали ноги. – У, песья порода!

- Нишо! Пройдем, - шептала Пелагея дочурке, - вот уж и дома почти.

Люди бранились не обыденно, а со злобой, и злоба та все пухла и пухла и народ оттого гуртился и начинал уже попихивать Пелагею в бока и поталкивать в спину. Все крепче делались эти вот тычки, а уклоняться было нельзя – никак нельзя – вот что знала Пелагея, а потому только растила шаг и плотнее потягивала к себе Малинку.

- У ихнева вона полны закрома!

- Да чего уж! Чай по сусекам не метет!

- Пожрать ей мышей да червей, как наша жрет!

- Хлебца берестяного погрызть!

Вон они - ворота, вон, вон они скаты крыши, приметы пелагеины, и, завидев их, уже почти бежала к ним она, рвалась из всех жилок, а ее то мяло, то вертело, то кидало в стороны озверелое людье.

- Держись, держися, Маля, шибче за меня держися, - все шептала и шептала Пелагея, тычки принимала спиной, от кулаков поворачивалась и все шла наперед, к дому.

Матти, паренек тринадцати весен от роду, был служкой северных ворот, когда храм сломали. Он не знал тех людей, что крушили стены, они были другой веры и пришли через северные ворота, из страны Похьёлы. Матти стоял у ворот до тех самых пор, пока деревянные створы не сорвались с петель и не легли на землю со страшным грохотом.

- Эй, ты, белоглазый! - заорал на него всадник, который вообще громко орал и командовал ордой мужиков с топорами. Все они были здоровые и бородастые. Некоторые такие же рыжие, как и сам Матти. – Эй, ты, белоглазый! Тебе, тебе говорю, рыбоед рябомордый! Валяй, проваливай отсюда.

И он замахнулся на Матти мечом и ударил по спине плашмя. Ворота лежали на земле. Стеречь было уже нечего, и Матти побрел, размазывая по лицу воду и сажу горящего храма Метсолы, Дома Леса. Идти ему было некуда, потому что жил он в храме и ел то, что приносили ему люди. Мужчиной он еще не был и теперь уже не знал, как им стать. Бежать к южной стене ему надо было в девятый день весны, до весны еще прожить зиму, а стены, южной стены, уже не было. Впрочем, никаких уже стен не было и отсюда с высоких каменных лбов у реки видно было хорошо, как горит и храм, и его священные деревья.

Он шел и шел, пока год не повернулся с боку на бок и начал кружить первый снег. Народ Метсолы помогал ему тайком, ведь он был бывшим служкой бывшего Дома Леса. Пусть теперь старого храма не было, но все они, как и прежде, жили среди деревьев. Но люди Похьёлы добрались и сюда, они шли с запада и с юга, так что Матти пришлось уходить дальше на восток и север. И в последний осенний день он встретил ее.

Девочка сидела в развилке дерева и чуть качала ногой. И пристально смотрела на него. Сверху вниз.

Есть хочешь, спросила она.

Хочу, сказал Матти.

Хлеба могу дать.

Дай.

Она кинула ему сверху кусочек. Матти подхватил его и незаметно для себя съел одним махом, так что не почувствовал ничего, никакого вкуса.

Я Матти. Сказал он, когда собрал и слизнул все крошки.

Я Пуухури. Сказала девочка. Она была действительно такая же беленькая, как и ее имя.

Зачем ты сидишь на дереве, спросил Матти.

Нравится, ответила Пуухури.

А ты не боишься, что придут лопи и съедят тебя.

Девочка долго смеялась, так долго, что синицы, притихшие поначалу, снова замельтешили в ветвях.

А ты видел их, этих лопи?

Нет, но отец говорил, они черноголовые и вместо пальцев у них стрелы, а вместо ног – лыжи и ходить они могут только по снегу, зато очень быстро. Так что вот теперь мне опасно стало идти дальше, ведь уже выпал снег.

Глупости, сказала девочка.

Скажи лучше, куда ты идешь, попросила она.

Никуда.

Вот здорово! Снова засмеялась она. Я-не я и иду-не иду никуда-куда-то. Пойдем тогда со мной. Мы с бабушкой жили в веже у озера. Бабушка умерла. Но у меня еще есть мука и я напеку хлеба. А ты будешь ловить рыбу. Будет у нас почти настоящая семья, улыбнулась Пуухури, - мужчина, женщина и олени.

Я не мужчина, расстроился Матти, не успел им стать, ведь люди Похьёлы сломали Дом Леса.

Я сама женщина из Похьёлы, сказала Пуухури, взяв Матти за руку.

Ты похожа, вот что хотел я сказать. Звали тебя Тситомила, а так еще просто звали тебя Девочка, Уинчинчала. У тебя тогда тоже были такие скорбные чуть в разлет глаза, вырезанные на лице узко и четко, и такой же тонкий нос. Только волосы были иссиня черные, словно вороньи перья. В том проклятом 90м году ты первая надела рубаху солнечного узора и вошла в круг. И ты первая топнула ногой и начала этот танец. Раз-два-три-четыре – поворот, - погремушки всшорхивают и солнечная рубаха кивает подшитым бисером низом. Раз-два-три-четыре – поворот, - снова шуршат погремки и поблескивает бисер. Из хибар, понастроенных желтоволосыми и из старых давно не чиненых типи народ выглядывает и смотрит на тебя, как ты одна танцуешь наш старый танец и напеваешь негромко, словно сама себе, песню для наших душ. Песню для бывших душ бывшего народа. Песню духов. Песню теней. И, отбросив клапан палатки, я смотрю на танец и не могу не смотреть. Раз-два-три-четыре – ты стучишь в землю, ты хочешь разбудить их всех: быков, коров, телят, мужчин, женщин, детей и стариков. Ты топнешь так сильно, что там под землею, наверное, осыпается нижнее небо. И мне хочется тоже топтать - как ты, петь - как ты, и вращать подол рубахи - как ты. И я бросаюсь в дальний от очага угол и выискиваю свою рубаху, сшитую для праздника солнца и два сезона забытую, словно хлам, среди сломанных и рваных вещей. И когда я возвращаюсь – я вижу, что иду не один. Красота твоя и песня твоя собирает нас, и мы кружимся и поем, как будто для себя, и глядим на твой танец во все глаза. И мы топаям так, что уже слышим, как недовольно просыпаются

Проза

ушедшие жить в нижний мир и как бегут испуганно бизоны там под землей, чтобы выкатиться наверх из пещер у Черных Скал, и подхватить все эти ограды и дома желтоволосых и их самих, и нести на спинах до самого моря, до той жаркой дыры, откуда даже зимой горячо дышит чинук. И там сбросить их в эту дыру, откуда прежде срока повылезли они из земного чрева – недоношенные и с ложной душой в сердце.

Мы танцуем весь день и всю ночь, а тот, кто падает, – отползает прочь и отлеживается в стороне, и всякий час приходят новые люди, Даже такие, кто раньше никогда не приходил к нам. Люди из народа «черных ног», и «проткнутые носы» и «большие животы» и многие из тех, что никогда не жили на этих землях, и которых пригнали желтоволосые или голод желтоволосых. И все они начинают танцевать и петь один и тот же танец и одну и ту же песню на своих языках, и все смотрят на тебя, на твой танец, на твои волосы, на твою красоту. И ты не устаешь – Уинчинчала - и кружишься, и топаешь, и поешь, и гремишь погремками, и блёскаешь бисерным подолом желтой кожаной рубахи. И никто не знает, откуда ты берешь силы, если уже умерли несколько мужчин, упав на землю, устав от танца. И все знают, что уже скоро случится то, чего все давно ждут.

Митьке приснился сон. Счастье, вот что он видел. Потому что она сказала ему о своей любви. Очень просто. И он ответил, что любит и будет любить ее еще сильнее. И он обнял ее. И она обняла его. И все. Но счастье все равно было огромным. Таким, что Митька проснулся в слезах и соплях: пришлось лезть и подмываться. И Митька понял, что наконец-то нашёл эту пухоту, эту подживотную скорбь. Он выбрался из душа, и поставил на газ чайник, и стал рыться – искать, что бы съесть. Но ничего не нашлось, только кусок черного хлеба с плесенью и подсохшие ошметки плавленого сыра «Valio». Тем и обошелся. Заварки тоже не нашлось – выпил кипятку. Что же это я так, скорбно думал Митька и не мог никак вспомнить, что делал вчера. Но по-любому надо было выходить на воздух и что-то раздобыть – хавать во всем доме было нечего. Митька пошел в коридорчик и потряс куртку: звякнуло. Засунул руку в карман и почувствовал: шуршит. Наскреб что-то около ста пятидесяти рублей. Вроде должно было хватить, хотя бы на пачку пельменей. Херово. Предки на три дня умотали, а денег уже нет. Одежда, захватил попутно сумку, с которой рассекал вчера (валялась у двери, как пить дать с ней и бегал) и хлопнул дверь посильнее, чтоб закрылась. И тут только вспомнил про ключи. Похлопал по карманам и нашел – в левом верхнем. По лестнице скатывался и еле ноги чуял, вот черт, что же я там вчера ел? Он шел, пошатывался и ковырялся в сумке. Нашел немного химии, из них две «чебурашки» и одну «синенькую». На «чебурашки» похоже, решил он, от «синеньких» у меня не так бывает, а вот на «чебурашки» похоже - наверное, штуки две я их съел.

В животе было плохо, казалось, будто потроха скрутили жгутом, как скручивают белье. Как белье отжимают. Жгут этот надо было как-то раскрутить, и Митька раскрутил: съел опять одну «зверюшку», а «синенькую» оставил на потом, под настроение. И как-то все стало раскручиваться в нужную сторону: качать перестало, руки окрепли, белье в животе заколыхалось на теплом ветру настроения. Таким образом Митька небрежно шел по набережной в пельменную. Впереди него шел поп. За попом нелепо семенила прикрепленная к нему божедомка и по-собачьи заглядывала в суровые и круглые поповские глазки. Поп шагал широко, подбрасывая полу рясы, виднелись из-под нее клетчатые штанины и сапоги. Богомолка вдруг выудила мобильник.

- Что это ты, сестра, там затеяла? – рокотнул поп.

- Да вот сестрам думаю позвонить, узнать, все ли складно, всё ли нашли, - заторопилась божедомка.

- Ну тебя, оставь! Грех это, сестра, большой грех - лишний раз небо дырять!

Сказал, отобрал мобильник и спрятал где-то в непомерных карманах. Митька тоже посмотрел на небо и сразу увидел в нем дыры. «Зверёк» действует, подумал он. Хотя кто его знает, может, это во мне обострение восприятия открылось, и небо на самом деле такое дырявое. И дыры эти те самые, черные.

Личико у Пуухури - светлое и чистое, как ямка родниковой воды; глаза Старик прорезал ей красиво – чуть вразлет, узко и четко, носик тонкий и прямой, а волосы белые, словно снег. На ногах у Пуухури надеты красивые канежки, выстланные мягкой сухой майской травой. На поневке - красный узор. Сидела она и вышивала, а Матти чистил рыбу.

Знаешь, как меня еще зовут? Жарко шепотнула пареньку в ухо Пуухури.

Засмеялась.

Матти потер ухо плечом и рукой.

Акканийди я, бабкина дочка.

Засмеялась.

А ты Матти-пырре.

Пуухуритар, назвал ее по-своему Матти.

А она растопырила пальчики:

Забыл? Каждый мой палец – это стрела, а ноги мои, как лыжи. И все мы лопи такие.

Засмеялась.

Засмеялся и Матти.

Расскажи мне лучше про этот свой Дом Леса, попросила Пуухури.

В нем четыре двери, вспомнил Матти. Одна полуночная, одна полуденная, одна на восход и одна на закат. Когда солнце всходит – дверь на восход всегда открыта. Когда заходит – открывают дверь на закат. А зимой открывают на всю ночь полуденную и полуночную двери.

Зачем?

Он, Калева, всегда приходит с полудня, три звезды – его нож, его ниибе. Сквозь отворенные двери небесный охотник увидит адского оленя Хийси и сможет убить его. Говорят этот Хийси – ваш бог.

Хирвас – это такой олень-бык. Вон как мой Даш-пырре.

И слушает Пуухури, как чешет рог в оленьем заколе ее красавец, белый бык Даш.

Пелагея – она ведунья, лечила. А год бедой вышел, голодомором. Сперва как-то пошло вроде обыденно: выпахали, камешки повыбрали, засеяли. И упали морозы. И стояли пока и сама земля сгибла. Беда, беда. Нашлись все же, подсобрали, что на еству оставляли и вдругорядь сработали пашню – вроде бы и вышло жито, и до колоса оставалось всего ничего, да небеса прохудели, вылилось с них столько воды, что от дома до дома не дорога – река потекла. И сгибло поле и страшно стало: как вот так зимовать. Репа в огородах мелкая, да и много ли там ее. А общинная вслед за житом – на дно, как есть вся. Овсы должны были быть, на овсы ох как уповали, чаяли хоть овсяного киселя, полбы что ли. Овсам-то что – овсы в лесу посеяны: две поляны общинных и по ополью еще часточки. А вышло-то оно вон как: после воды – жар поднялся, посушил овсенники -

Проза

на корне сеном стоят. Эх, эх... Думали, хоть скотине скосить – град прошел. Наскребли после вместе с грязью и соломы. Сена сготовили, думали – это хоть хорошо, скотинка сыта будет – и мы-то не пропадем. Да уж, видно, гневлив стал бог – и скотинку поморил. Вот и сиди, человек, ешь сам свое сено. Что делать – жить-то надо. Стали смотреть, что в ногах растет. Ни грибов, ни ягод – сухотные стоят ягодники, мох под ногой хрустит, крошится. Рыбу ловить – вот чем думали жить. Ну еще кое-где коровки остались, что не околели зараз. У Пелагеи в дому две коровенки – обе целые. У старосты, свекра пелагеиною, тоже одна пестрая телка оживела. А рыбу ловили. Как свекор советовал – солили, сушили, сносили в амбар, заместо хлеба даже помололи. Свезло еще – мед был в бортах, хоть мало. И с огородов набралось. До снега прожили терпимо. А со снега стали потихоньку голодать. Только молоком выручались. Коровенки доились худо – со двоих одна кринка, а ртов несчитано. Меньшие чада не пережили, осталась одна девчонка, Малинка. Красотная девка, недотыка такая, дикая словно. Но красотная: с лица – будто птичка, носик тонохонкий, пряменький, учки в разлет с поволокою, бровки дужечкой. Ест, что твоя пичужка, а жива. Ей, да еще свекру вот, ходила она, Пелагея, хлеба у попа на молоко наменять. И вот, поди ж ты, выменяла у попа...

- А вот поглядим-ка!

Чья-то рука все ж уцепила сумочку Пелагеину и рванула, и чуть не упала Пелагея, но выдержала, а треснула сумочка, и выкатился каравай хлебный.

- Вон оне как! - завизжала все как будто та же молодуха и хватанула Малинку, оторвала от матери и понесла.

- Люди, вы, люди, что делаете-то...

Заголосила Пелагея и забилась, заколотилась, но держали ее крепко многие руки. И пахло вокруг не людьми, а словно псиной. И будто собаки выли кругом, и рычали, и грудились кучно, и будто рвали живое тело. Так видала однажды она и сразу снова увидала: по ягоды шла и охоту встренула - нагнали псы оленуху и олененка и грудились, и рвали, и откатывали, и налетали вдругорядь, и пахло псиной и растоптанной землею. Вот как теперь. Вот совсем как теперь...

Похоронить их в ограде на жальнике сход не велел, схоронили при дороге и камнем придавили, чтобы не вставали. И завтра же пришли подводы хлебные.

И на второй день танца, к вечеру, когда те, кто не танцевал, готовили пищу для людей из круга, а ты все кружила и кружила, Тситомила - сердце, что не устает биться, - желтоволосые пригнали солдат и взяли нашу деревню и наш круг в кольцо, сделали свой круг – тот, что не кружит, не поет и даже не ждет. И капитан велел всем нам разойтись, потому что он чувствовал дрожь земли и боялся дня гнева. Он тоже знал, что скоро случится то, чего он никак не ждал и ждать не хотел. Он кричал громко и много раз, и пробовал пробить лошадиной грудью людскую стену, и стрелял в воздух, но мы пели сильнее, и ноги наши гремели о землю громче, чем его выстрелы. И когда оставалось совсем немного, когда, казалось, мы добились своего, – тогда желтоволосые стали стрелять в людей. И желтые рубахи не всегда спасали от пуль, но иногда все же спасали. Я сам видел, как в некоторых в упор разряжали винтовки, но они все равно продолжали пляску духов, и ни капли крови не падало из их тел на землю. И мы продолжали кружить, мы желали, чтобы в этот раз все закончилось так, как хотим этого мы. Ведь у нас была ты, Девушка.

В пельменной народу было мало, здесь ели стоя. Трое мужиков угощались сообща, в стороне от бомжового типа, добиравшего чьи-то чебуреки в правом дальнем углу, наискось от двери. Митька решил податься налево - к мужикам не

хотелось и к бомжу любви не испытывал. Вытащив мятый полтинник, он подошел к стойке.

- Чебуреки, - каким-то знакомо несвоим голосом произнес он. – Два. Со свиной. Забрал маслянистые плюхи, обернутые в бумагу и салфетку, и занял намеченное место. Действует, подумал он опять про съеденное «колесо» и впился зубами в мясотесто. На столе, лежала забытая едоками газета. Есть и читать было делом привычным, и Митька сразу полез в анекдоты. «Как сообщают информационные агентства, американские геологи обнаружили крупное американское месторождение нефти, над которым расположено какое-то арабское государство». Митька долго хрюкал от хохота и не мог остановиться, а когда смог, обнаружил рядом того самого типа, добирателя беляшей.

- Эти пиндосы, - угрюмо заметил бомж, - всегда были такими уродами. Им только до своей замечательной жопы дело.

- Эй, а ты бы проваливал, рыбомордый. – незло ругнулся Митька и слегка матюкнул.

Бомж никак на это не отреагировал. Зато продолжил, будто так и надо.

- Эти пиндосы. Они вообще ничего про других знать не хотят. О, как они нас опустили в 1890м! Всю песню обосрала! Знаешь ты, - бомж пододвинулся к отодвинувшемуся Мите, - как мы плясали в этом Вундед Кни? И как нам было хорошо! Да! А они нам в душу плюнули! А не плюй в душу настоящему индейцу! Опасно! Смертельно! Мы всех поубивали. А потом они нас. Вот гад! Оставь хоть кусочек.

А что б тебя, - матюкнулся Митька (уже второй раз, заметил про себя), отбросил недожеванный чебурек и вышел. На улице он поглядел на стекло пельменной: бомж жадно жевал чебурек и подмигнул ему. Вот зараза, подумал Митя, и в третий раз за утро матюкнулся. Сумка осталась в забегаловке. Пришлось возвращаться.

- А настоящему индейцу завсегда везде ништяк! - крикнул ему вслед бомж и даже, вроде, сплясал.

Четыре часа дня. А учиться и завтра не пойду, решил Митька, вышагивая по чуть оттаявшей мартовской мостовой. Нет, они стоворились все: дыры эти, бомжи, индейцы. На столбе висел свеженький стикер: 14 марта Wounded Knee 1890 в клубе «Вереск» 19.00. Отечественные индейцы о Красном Пути и великой драме лакотского народа. Лекция+танцы.

Вот оно! Подумал Митька и съел «синенькую».

- Эй, ты, - услышал он за спиной девичий голос.

Девочке было на вид лет 15, не больше. Не китайка же? Подумал Митя. Может, узбечка какая-нибудь или калмычка. Похоже. Их тут много теперь понаехало. А вслух сказал.

- Чего тебе?

- Дело есть. Пойдем, потолкуем.

Митька даже не удивился. Все это было как-то по-идиотски. Он взял и пошел.

- Эй, а ты мне раньше не попадалась.

Без особой интонации и надежды сказал он. Чебуреки и «синька» грели живот.

- Честно говоря – ты мне пофигу. Мне просто долбила нужен, я сама себе никак не помогу. Я видела, ты колесо съел.

Они зашли в подворотню и двинули прямо к деревянной беседке советского происхождения. Там вертелись какие-то дети, но по их приближению разбежались. Девушка забралась в домик первой и плюхнулась на лавку. Сразу зашевелилась и достала овальную жестяную коробочку из-под табака. В ней была дрянь, резинка и новехонький шприц. Митя присел сбоку и посматривал только за улицей. Но все было тихо. Девчонка лихо смастырила себе порцион, работая руками, как японский робот. Закатала рукав свитера и затянула жгут.

Проза

- Давай, - велела она, дала Митьку шприц и заработала кулаком. Митька с удивлением обнаружил, что руки у нее чистые, только виднелись пара следков.

- Давай, вставляй. Чего уставился? Я позавчера соскочила, меня все лечат и лечат.

- Ну, смотри, вяло отреагировал Митя. Я такую дрянь не могу. Боюсь.

- И я боюсь. Сама не могу. Ага. Ты только воздух проверь.

Жидкость в шприце стала рубиново-, потом кораллово-, потом темно-красной и потом черной, и тогда Митька надавил на поршень.

Издаലെка, из далёкого далёка бежит Мяндаш-пырре. (Голосок у Пуухури ломкий, как весенний ледок.) Бежит во весь дух и на рогах своих несет солнце. Глупый, чего смеешься! (Смеется Пуухури) Солнце это не фонарь твоего лесного хозяина Тапио! Солнце – это жар в золотых рогах белого хирваса. Вот он мчит по небу изо дня в день - и всегда нам тепло и светло. Только зимой худо ему. Приходит с полудня небесный охотник. Тьермес мы его зовем, а ты его зовешь Калевой. Он летом под небом сидит, небом трясет-гремит. Собаки у него огромные – бегут впереди. Идет охотник и прогоняет белого оленя так далеко, что делается зима и снег падает. Главное, чтобы не убил совсем. Знаешь, что тогда будет? (Они сидят у огня. Тепло в веже. Варится рыба похлебка. Плетет бабкина дочка свои узоры на рубаху для Матти. Точит сын Метсолы свой ниибе.) Знаешь, что тогда?

И Матти видит, какие красивые глаза у нее, у почти жены. И откладывает нож.

- Тогда Калева отберет у хийси солнце и вернет на небо: весь год будет светло и тепло.

- Ой нет, - вздыхает Пуухури. – Тогда беда будет.

Она прикрывает глаза и напевает, как будто для себя.

Знай:

как настигнет Мяндаш-пырре охотник и первой ударит стрелой — выбросит камень гор огонь, все реки потекут вспять.

Но солнце будет светить.

Знай еще:

как вторая стрела вопьется в олений лоб,

огонь побежит и горы сгорят, как мох на старой сосне,

пламенем будет полуночный ветер.

Но солнце будет светить.

Когда же собаки порвут зверю жилы,

И нырнет нож в сердце живое,

тогда будет из земли прах.

Не будет солнце светить

Поет она, будто для себя, шьет бисером рубаху своему почти мужу. Тепло в веже. Точит сын Метсолы свой ниибе.

Через некоторое время девчонка подобрела.

- А ты чё, за индейцев прешься?

- Да просто день такой. И все-таки я тебя видел. Где вот только.

- Да забей. Не видел ты меня. Если трахнуть хочешь – так и скажи. Ты мне шас тоже симпатичен.

Еще чего, подумал он, оно мне надо? А вслух сказал.

- Бомжара тут один меня все пиндосами страшал. Про индейцев еще. А тут опять этот красный путь. Вот думаю, может это уже от колес.

- Да не, есть такие. Я слыхала. Они целыми семьями в индейцы подают. Живут в вигвамах, там в бубны шаманят. Они такие. Я бы вообще-то взглянула. Они еще грибы глючные глотают и кактус глючный пьют. Попробовать хочешь?

- Какутсы што ли?

Девчонка засмеялась, закашлялась и потом потянулась блаженно, развалилась по лавочке.

- Да нет, кактусов у меня нет. Есть еще винт. Будешь?

- Я сам не смогу. А у тебя есть?

- На тебя еще хватит. Мне маловато будет, а тебе в самый раз. Ну, будешь? Я тебе сделаю.

- Может мне не надо. Я что-то...

- Во дает! Колеса, химию свою жрет пачками. Марки жрешь? Ага. А тогда тебе один хрен помирать. Я тебе авторитетно говорю. Знаешь, сколько мои предки в меня зря бабок вбухали?

- Значит есть бабки, - как-то неприязненно заметил Митька.

- Чмо ты, - обозлилась девчонка. - С ним как с корешком, а он бодаться. Не хочешь – не надо.

- Я бы ганжу раскумарил.

- А тут есть, где взять?

- Да знаю одно место. Можно двинуться.

Девушка довольно живо поднялась. Глаза у нее блестели. Симпатичная такая, подумал все же Митька, хотя и не хотел это думать.

- Океюшки, значит, двинем, - сказала девчонка.

Всю дорогу она висела на Митьке и трепалась о всякой ерунде, а он думал, дадут ли травки опять в долг. Поэтому слушал краем уха. И вдруг начал слушать, что в раже бормотала себе под нос девчонка.

Дата была ему уже знакома.

- Короче, в этом самом 890м году, в прошл...ат черт! Уже в позапрошлом веке! Не, ну ты понимаешь! В поза-про-шлом! Во дожили! Ну, короче, все это было в этом самом году. Тогда эти самые, племя это из Вундед Кни, это там такой город был, форт – точно! Вот они тогда наелись своих кактусов и захотели землю раскатать. Чтобы вжик! –

Она махнула рукой и заехала ему по носу.

- Ты такой носатый! Хи-хи-хиииииии. Ну, извини, ладно...

- Чтобы что?

- А? Да... Короче, говорю – чтобы всех этих бледнолицых

Она издала дикий вопль, как в детстве, хлопая себе ладонью по губам. Прохожие оглядывались

- Раз - и скинуть с земли! Земля-то плоская! Они ж дикие были! Ну и плясали они, топали там... А потом ничего ведь не вышло, и тогда все перестреляли друг друга. Резня в Вундед Кни. Северная Дакота. Они теперь про это всем рассказывают, эти русские индейцы. И кактусы пьют.

- А ты пила?

- Какутсы?

Закатилась и хохотала долго, повиснув на Митьке.

- Не, я это не люблю. От них печаль вселенская и духов видно, а не люблю духов видеть. Я люблю, чтобы весело.

- Понятно. Я просто думал, может ты тоже там индейка.

Девушка перестала смеяться.

- Да ты охуел что ли?

- Ладно, это я так. Есть в тебе что-то такое. Похожее.

Проза

Ты похожа, вот что я хочу сказать, только волосы у тебя, словно снег, а тогда были черные, как обсидиан. И таким же острым был взгляд твоих глаз. Они убили тебя, потому что стреляли все и сразу, а ты уже устала от долгого танца. Как раз, когда бизоны своими лбами и горбами уже били снизу из-под Черных Скал, так что тряслась вся степь, они успели тебя убить. И не помогла тебе эта рубаха солнца из телячьей кожи, вся бисером расшитая. Упала ты - и круг наш распался. И тогда мы тоже начали стрелять, но уже просто так, от отчаянья и оттого, что слышали, как повернули к великой нижней реке стада и не стали больше качать нашу землю. Мы стали стрелять от горя, что желтоволосые останутся здесь навсегда. И мы много убили их тогда, хотя это было напрасно, потому что с нами не было тебя, Тситомила. С тех пор мы живем в квадратных домах, нам стыдно, что мы не сберегли наш солнечный круг. Но мы, может, и найдем тебя опять и тогда начнем все сначала. Ты ведь помнишь: раз-два-три-четыре – топнуть в землю, поворот и песня, такая, словно поют сами себе. И тогда мы поднимем стада нижней земли, а те помчат, словно ветер, и вскинут к небу Черные Скалы, и сбросят желтоволосых и все, что им принадлежит в жаркую дыру моря на востоке. Там, где пройдут стада, будет расти бизонья трава и пушица, и тонконог, и вейник, и виндграсс - трава ветра, и мы снова заживем в круглых островерхах домах из бычьей кожи вместе с теми, кто пропал, умер, был убит в прежние времена. Мы найдем тебя! И ты ведь спляшешь, Уинчинчала?

Траву они разложили в коробки и один коробок раскрошили и свернули по короблику.

- У тебя в груди щекотит?

Спросила девчонка

- Есть такое. У меня, правда, сразу из носа течь начинается.

Девушка захихикала и уже не смогла остановиться. Лежали на лавке в том же деревянном домике на детской площадке. Хотя стало уже и холодно и темно.

- Может, пойдём?

Спросил он, но ничего кроме дурацкого хохота не услышал. Тогда Митька встал и вышел из домика, ноги плоховато слушались. Опять накатывала слабость, и под коленками было мягко и дрожко. Он оперся спиной о стенку избушки и сполз в подмороженный уже сугроб. На небе было чисто: мигали редкие звезды. Видно их было плохо, но три звезды висели над головой отчетливо накось, как-то угрожающе нацелившись прямо в Митьку. Шумели за домами машины, по нервам пилила сигналка антиугона, и еще смеялась эта косая идиотка. Все было поганее некуда. Понятно, вспомнил Митька, это отходняк попер. Надо, как учили, съесть теперь «зверька» и дома полечиться молочком, а потом дней так через пять опять можно рвануть в сферы. Он полез в сумку, рылся долго и нашел таблетку, завернутую в конфетный фантик. В темноте было совсем непонятно, какого она цвета. Сколько я их за сутки съел? Не помню. Раскрыл рот (медленно, ёпрст, как кашалот) и подрагивающими пальцами закинул колесо. Эти минуты, пока химия не примется за дело, нужно обязательно пережить. Он поерзал, пихнул под зад сумку и уставился в небо. Летел самолет, низко, бесшумно и с такими яркими огнями, будто был не самолет, а НЛО. Три проклятые звезды сползали, кажется, прямо на голову, девка за стеной уже и всхлипывала, и хихикала, и шумела по стене. Идти в домик не хотелось, да и как-то не шлось. Надо думать о чем-то приятном, решил Митька. Нашарил в кармане шапку-пидорку, натянул себе на рыжую нечесаную башку. Про сон буду думать, решил он. И стал думать.

Девка стучала зачем-то в стену.

Это был тот уже виденный им утренний сон, когда понимаешь, что видишь сон, но еще не чувствуешь всей неправды. Все реально. Вот оно что.

«Эй! Ээээй!!!»

Он поерзал и решил не слушать, а сконцентрироваться на внутреннем. Все совершенно реально. Я бегу по песчаной дороге. Я бегу. И не забыть про колокольчик!

Мальчик бежит по песку. Песок - мокрый от дождя, этой осенью было много дождей. Холодный песок. Мальчик бежит босиком. Одежды на нем нет вовсе. Дома и сараюшки вдоль реки остались позади, впереди, за лесом, уже должен колыхаться восход. Мальчик чувствует это. Он оборачивается на бегу – но нет, никто не идет следом, нет ни единой души. Тишина. Только мокрый белый песок под ногами. Туман все еще высок и плотен, будто молоко, и чувствовать его на коже неприятно. Впереди различим высокий забор, и за ним виднеется сам собор. Колокольня, острый шпиль крыши. Мальчик должен бежать до ворот восточной стены. Он жмет к камню ограды и оглядывается. Теперь нельзя спешить. Никто не должен увидеть его. Шаг за шагом он обходит собор по кругу. Белый лоскуток на вереву восточных ворот. Он должен. И уже когда он снимает его с запястья и хочет повязать на кованую петлю – кто-то шагает в тумане. Мальчик вздрагивает. Шаги приближаются. Дрожь маленького худого тела. Напряженно вглядывается в туман и рассветные сумерки. Шаги звучат сразу везде. Он не знает, куда надо бежать. Он ждет. Из тумана выходит девочка. Волосы у нее белые, как молоко тумана. Взгляд – как взмах крыла чайки. Кричи. Подумал мальчик. Зови всех. Все знают, что бежать к храму нельзя. За это смерть. Кричи, сказал он. Но девочка не стала кричать. В руке ее оказался колокольчик. Звон его был дивный, такой, какой мальчик не слышал никогда. Теперь я твой, сказал мальчик, чего ты хочешь? Девочка засмеялась, и смех ее был тоже дивный, такой, какой мальчик не слышал никогда. И она сказала ему о своей любви. Очень просто. И он сказал, что будет любить ее еще сильнее. И она обняла его. И он обнял ее. И это было все.

И от самого утра, перед рассветом, когда к детской площадке еще не приехала милиция и «скорая», началась оттепель. А следом – весна.

- Не бойся, это я, а следом придет весна, - говорит Пуухури. Ложится рядом. Они лежат и молчат. Смотрят через дымоход в небо – и оттуда, из ночи смотрит сквозь дымоход на детей звезда.

- Полярная звезда, Суометар, мать моего народа, сделай меня мужчиной, - шепчет он.

- Ты станешь мужчиной-лопи. Для этого не нужен дом твоего леса, - говорит она.

- Хорошо, что ты есть, - отвечает Матти

Улыбается Пуухури и подвигается теснее. Сердце ее – горячий уголёк.

- Когда мы состаримся и умрем, то станем травой и мхом. Дети детей Дашпырре будут шевелить нас своими губами, мягкими, как пух на твоей щеке, мой почти муж. Потом мы станем оленями и уйдем на полночь, туда, где льды накрывают соленую воду. Ты будешь большой рыжий хирвас, я маленькая белая важенка. У нас будут дети, смешные такие. А потом однажды мы снова окажемся в веже и будем кипеть в большом котле, и все люди будут приходить и брать от нас по куску. И следующей осенью мы снова начнемся в новых женщинах, и родимся и вырастем и отыщем друг друга, чтобы опять быть вместе. И так будет, пока не погаснет солнце.

- Но до тех пор мы будем жить.

И звезда заглядывает в вежу сквозь дымоход ночи.

ОСТРОВ КЕИИЧИ

Жаркая погода в городе – не самое мучительное для половозрелой мужской особи, думал я. Даже не самое мучительное – видеть повсюду девичьи прелести. Эти самые прелести создают ощущение, что женских лиц в городе стало больше и всего-то. Но из-за обилия женского твое мясо начинает вести себя все более равнодушно, подумалось ему. Лежит себе, гадина, и не подает признаков жизни. И все это на фоне прибытия в большой город хищных женщин юга. Совершенное мясо. Представь только! Создано для того, чтобы в него вонзались и перепаживали, будто спелый жирный чернозем. Как южная земля не ведаёт леса, так и они не ведают одежд. Все прекрасное в них доступно взору. Левая и правая, левая и правая. Видал, Алек, как кивают, нет, подмигивают тебе их ягодицы. Тугие, ласковые, куда приветливее, чем их лица. Ты наслаждаешься. И он подводит итог: перечень прелестных мест в порядке убывания важности – попки, нежная кожа под коленками, сами ножки, ступни и маленькие пальчики, о! животик, сначала животик и бедрушки, пупочек – его видать – потом грудки, часто просвечивают диски сосков, большие или остренькие, как мышинные мордочки, потом все остальное. Это не значит, что остальное плохо. Просто не важно. Да и вообще, по большому счету, тебе до всего остального дела нет. Тебе вообще нет до этого дела, потому что жара и см. в начале. Я соглашаюсь.

И это ужасает.

Я живу на Хоккайдо. Заговорил Кеиичи. Если острова сближаются – это землетрясение. Вы хотите сказать, что вам не интересно то, что происходит в Европе? Нет. Но ведь очень многие туристы из Японии приезжают к нам, и им все очень интересно. Это другие люди, большинство японцев никогда не уезжают из страны. А проблема северных территорий? Такой проблемы просто нет. Нам не надо никаких других территорий. Япония – это остров.

Я бы написал песню о том, как по деревенской дороге в сырую осеннюю погоду едет велосипедист. В дождевике, и ему неуютно. А я сижу в машине, еду ему на встречу: мне тепло, сухо и играет музыка: восхитительное свинство – французский шансон. Поглотитель ностальгии. Производитель востольгии. Востольгия – это типично наше воточно-немецкое ощущение. Объяснила фрау Анна. Знаете, как в анекдоте: раньше и голубей было больше, и гадили они меньше. Алек вставляет, он видел такие футболки с надписью «Раньше даже будущее было лучше». Все смеются. Именно. Улыбается фрау Анна. Востольгия – это ностальгия по восточной родине, по ГДР. У движения есть даже свой гимн, хотите послушать? Киваем. Она колдует с рекордером, звучит довольно приятная лирическая музыка. Ого, шепчет мне Чипикова, оказывается, немцы умеют петь неплохие песни. Неизвестный поет о разлуке, о том, как он уйдет прочь по безлюдной улице. Обернись, поет он, погляди в последний раз, погрузи вместе с ней.

*Асфальт будет солнцем согрет, когда я уйду.
А ветер так слаб – не помешает уйти.*

Ого, как лирично, язвит Чипикова. Мне припев нравится, соглашается Алек.

*Всякий огонь умирает, если его не кормить.
Я знаю, ты хочешь жить вечно, но вечно нет на земле.
Я уйду, под дождем твоих слез я ослаб.
Раздели мою грусть, просто вспомни меня.*

Фрау Анна выключает рекордер. Ну, стажеры, кто поделится своими впечатлениями? Заметно ее воодушевление, наверное, это ее любимая песня. Она не смотрит на меня. И на Чипикову. Мадьори? О! Я вынуждена прижаться, сито плёхо поняла существенные столоны симысла песни. Можно посилушать ещё лаз? Мне грустно. И весь смысл съезживается до размеров аппликации Софы Солнышковой.

Софа Солнышкова созидает аппликации и офорты, от этого руки у нее в краске и не смываются. Ее шедевр, покоровивший публику – офорт «Месячные», прозванный также студентами «Мусульманством». Огромное количество полумесяцев на розоватом фоне. В уголке – ее грозная авторская метка СС. И среди своих картин Софа мечется и старается всех проговорить, ведь это ее первая серьезная выставка. В Доме Художника – на Крымском Валу.

Еще он думал, как это пошло – говорить с кем-то о своих женщинах. Особенно о последней – темноволосой с усталыми глазами женщине из провинции, трудно работавшей под девочку. О том, как она откровенно обрадовалась, что встретила его. Для нее он был бы решением, ответом на вопросы. Она бы переехала к нему из тесной квартиры старика-профессора, у которого столовалась за дармовое домоводство. Она была с юга, откуда-то с-под кавказского хребта. До мучительного имени ей не хватало одной буквы. Ее звали Аня. И теперь Алек понимает, почему у него с ней не сложилось. Одной буквы и не хватило. Не хватило, чтобы понять и принять ее, не поняв. В ту весну он искал мясо. У нее были другие планы. Она не ела мяса и рыбы, только молоко и овощи. Глазами она напоминала Наташку Капташову: тоже были большие и карие. Вместе с Наташкой и Сержаном они раз выехали в деревню, на Пасху. Тайга звенела от птичьих песен и ручьев. Прямо на опушке, недалеко от дома разобрались и принялись за стряпню. Мясо я нарезал тонкими пластами и разложил на еловых лапах. Как красиво, сказала Аня. Мясо ели Сержан и я. Наташка жевала овощи. Аня томно смотрела на меня, так что мясо вязло на зубах. Она тоже ухватила свой кусок счастья.

Счастье, говорит Михей, это такое чисто славянское понятие. Происходит от дележа добычи. Сначала все просто грабят, а потом делят на части. Каждый остается с частью. Михей и Софа вместе уже четыре года, и все на птичьих правах. Миша такой длинный, носатый, с немецкой фамилией. Софа маленькая и, там где надо, пухленькая. Полное очарование, как шутит Кондрат. Он тоже похож на Михея, только светлый и фамилия не немецкая. Михей отрезает по куску сала мне, Кондрату и себе самому. Наливаем по тридцать. Ну, смерть жидам, подмигивает нам Михей, и выпиваем. Михей самый удивительный еврей, какого я только видел. Наши синяки не будут жить хорошо, говорит Михей. И кривится презрительно. И рассказывает всякие гадости про русских синяков. Царит полное непонимание. Я отчужден от Кондрата Михеем. Михей от Софы мной. Софа сидит напротив Кондрата, но тот глядит в рюмку. И вся любовь.

Знаете, мы, русские, если уж любим кого-то, то надрывно. Все жилы вытанем из себя и из того, кого мы так любим. Мы огляделись. Вокруг было темно, конец августа все-таки. Давайте прощаться, сказала фрау Анна. Как ни жаль, всхлипнула Вики. Я буду без вас очень одинока, честно, добавила Испанка. Вы почти стали моей семьей. Я такая сенсительная. Это хорошо, улыбнулись все. Мы обнялись вперемешку, крест накрест, и по диагонали, и наперекосяк. Николас опять закурил. Но, Николая, по, испугались все. Ведь ты бросил курить два года назад. Я не могу, я отчего-то ужасно расстроен.

Проза

Не расстраивайтесь, сказала Чипикова. Подумаешь, не попрощались. Лучше вот я расскажу Вам одну историю. Мы прикончили наш самолетный паек. За русской границей хмуро ходили тучи. Суровый край, где дни облачны и кратки, сказал я. Вы зря расстраиваетесь, снова сказала Чипикова, оно ведь, наверняка, к лучшему. Вот я Вам тоже могу рассказать, как было со мной. Я про это еще никому не рассказывала. И она начала говорить. И от ее рассказа Алеку стало совсем нехорошо. Потянуло к пакетику, хотя это, может быть, виноваты воздушные ямы. Все как-то было до ужаса романтично. Настолько, что даже пошло. Я бы ни за что не признался ей в этом, она бы убила. А смысл? Смысл был простой. Была она и один странный командировочный тип из Абакана, знавший наизусть огромное количество стихов. Он просто пригласил ее в театр (ой, я так тоже сделаю) и потом они встречались и культурно зажигали в музеях. Он даже знал какого-то малопопулярного поэта, от которого она тащилась. А секса у нас не было. А потом он уехал в Абакан, к жене и детям.

Секса у нас с Аней тоже не было. Не добрались мы до этого. Раньше перерегори. Меня добил пикничок на обочине, когда мы вдруг усердно стали ласкать друг друга. Но на улице предаться пороку не решились, и оттого что-то полетело в моей механике. Вроде как лопнул бензонасос. И на следующий день мне уже ее не хотелось. И чем больше она старалась, тем меньше старался я. И в конце-концов Алек ушел в себя.

У Сереги-братана не машина, а дача-мобиль. Серега огромен. Он амбал. Он помещает свое тело в салон и заполняет его. Он устрица. Или рак-отшельник. Механика у наших простая. Я тебе ее пальцем ковырну, и она поедет, говорит брательник. Зачем ты дворники включаешь, только грязь разводить, говорю я. Поменял бы ты их. Помою, они просто грязные. Сам видишь, что там из-под колес нам летит. Засалились и все. Мимо неслись проселки, деревеньки, потом въехали в мой любимый Углич. Мне нравятся эти красные мостовые из булыжника. Здесь девушки ходят и лущат семечки: здорово. Ты не жди, что там какая-то фея будет, говорит Серега. Они все одинаковые, они гнездо хотят свить. Прямо на твоей голове. Инстинкт у них такой, вот. Главное так выбрать, чтобы гнездо вили осмысленно, чтобы не из денег. Ты таких сразу кидай, на их гнездо денег не напаешься.

Звонила Юлька Матиссон. Где-где, в гнезде! И вот так всегда с глупым вопросом «Ты где?». Позвонить, спросить, где я. И наверняка она считает, что что-то наклеивается, а я даже не помню, какое у нее лицо. И эта ужасная жара. Такой жары я еще не встречал в своей сознательной жизни. Не был я на Таити, даже в Турцию не ездил. Самое большее это 30 градусов, ну, еще сорок на солнце. Сорок градусов нам привычнее в стеклянной таре, нежели в тени. И он так и не понимал, зачем он здесь. В здешней бессмысленной жизни он потерялся и обрелся только однажды, во время общего пикника в Грюневальде, на западе города, когда пришлось подсобрать чуть-чуть хвороста для мангала. Собирать хворост у нас запрещено, сказала Йоханна. И, разумеется, у них был с собой уголь для шашлыков. Но надо было его как-то распалить. Я забыл жидкость для разведения огня, признался муж Йоханны. Не знаю, что и делать. Тогда Алек сказал, что знает. Он многожды разводил огонь (!) без жидкости (!!), и даже под дождем (!!!). Это, наверное, у себя, дома, спросил йоханнин муж. Нет, это было всегда в глухих русских лесах, вдали от Москвы. Он быстро обрывал с елей хрупкие сухие нижние

ветки. Мы жили по месяцу, по два в лесу и варили еду на костре. Мангал вы брали с собой? Нет, чепуха. Мы разводили огонь прямо на земле, на почве, в камнях. Он показал как. Зажигалку! Белел он. Вики протянула ему свою. Что же вы варили, спросила она, автоматически свертывая в пальцах сигаретку. Мы ели рыбу и диких уток, рябчиков и зайцев. Однажды подстрелили северного оленя. Они с ужасом смотрели, как я раскладываю костер. Первобытные дети цивилизации, не знающие огня. Йоханнин муж все так же держал оснащенную в супермаркете барбекюшницу. Почему его звали не Йохан? Даже удивительно.

Йохан и Йоханна были две египетские иглошерстные мышки. Сдуру согласился взять, жаловался Кондрат. Мы сидели в его лаборатории, пили пиво. Еще две бутылки стояли в холодильнике вместе с пробирками и чашками Петри. Подхватим мы с тобой чуму какую-нибудь, из твоего холодильника, сказал я довольно-таки равнодушно. Ну, подхватим и подхватим, согласился он. Они воду не пьют, едят фрукты. Если бы это не Наташка принесла, ни за что бы не взял. Да, как тут ей откажешь. «Их надо спасти!» - проорали мы хором и расхохотались так, что египетские немцы заметались по своей клетке. А почему ты их так назвал? Кондрат отхлебнул пива. А они мне одних знакомых напомнили, сказал Алек, тоже были такие напуганные – с барбекюшницей в руке. Кондрат меня не слушал. Все никак не забудешь ее, спросил я. Да, кивнул он. Кстати, 23-го числа будет встреча выпускников. Арбат, кафе «Берлин». Хорошо бы сходить. Кондрат покивал. И она тоже пойдет, с мужем. Мышки бегали по клетке, шевелили шнобеликами и топырили уши-лопушки.

Наташка Капташева не ела мяса, рыбу, птицу, и спасала все живое. В партии зеленых она даже приковывала себя к дверям министерства по атомной энергетике, и мы это видели по телеку. Чуть было не исключили из университета, только она сама ушла. Она всегда любила негров. А Кондрат любил ее. Но негром не был. И она его спасала, как будто он был лягушонком или дождевым червячком. Он это понимал и внутренне корчился. А внешне они все пять лет проходили и просидели бок о бок. Так что даже больше из-за нее Кондрат и остался в лаборатории. Мужем ее стал кубинец. Или марроканец. По имени Сержан. Не черный, а скорее кофейного цвета. А Кондрата любила Софа Солнышкова и посвятила ему свой офорт «88 одиноких птичек». Птички были похожи скорее на бумажные самолетики или на японские оригами. И это было по-настоящему грустно наблюдать. Со стороны. Мы однажды отправились за город на рыбалку, с тайной целью вкусить прелести любви. Я поехал с Таней, а Кондрат неосторожно выбрал Софу. Это был кризисный момент его жизни, потому что Наташа уехала в эти свои Эмираты к будущему мужу. На самом деле это был кризисный момент и моей жизни, только я тогда этого не подозревал. Мы были на редкость скверной командой. Я помыкал Таней, а Кондрат Софой, и вели мы себя просто, как шовинисты какие-то. Пруд выбирай без рыбы, повелел хладнокровный Кондрат. Но рыба объявилась. Боги смеялись над нами, а мы, дураки, думали только про удачу. Забравшись в холодную сентябрьскую воду, мы удили окуней и потешались. У девушек не горел костер, никто их так ни разу и не поцеловал. Небо было сиренево-синим, полным непролитой влаги, листья желтыми постелями ворошились по земле. Они устали нас звать, уселись прямо в листья и молча жевали бутерброды. Я только сейчас с удивлением вспоминаю: глаза у Тани были сиреневые. На левой щеке полоска сажи. И у нее ведь была замечательная пшеничная коса.

Проза

В Тане для него было все. Имя, судьба, мука, эстетический принцип и первая женщина. Как последователям Мухаммеда пророк являл свой гневный лик в кровавом закате, так в дымных восходах виделось ему ее некрасивое, но прекрасное лицо. Ева его жизни. Ее появление он пережил, как ампутацию ребра. Стал легче на подъем и тяжелее на сердце. Каждый раз, встречаясь с новой Таней, он внутренне вздрагивал, и удаленное ребро причиняло ему фантомные боли. У моей бабушки так болела бывшая нога. Ночью, проходя через ее комнату на двор, я сталкивался с ее остекленевшим взглядом. Она качалась из стороны в сторону на разобранной постели и гладила свой обрубок. Я вылетал во двор, и там меня встречали огромные августовские звезды. Я ЗАБЫВАЛ ОБО ВСЕМ. Ковш почерпывал меня от земли и нес в какую-то головокружительную даль. У меня были две ноги, две руки, горячее маленькое сердце. Утром мы гоняли скотину, носились по поскотине, сидя на конях охлюпкой. Мы летали через овраги, рубили хлыстами крапиву и орали дурными голосами песни красных кавалеристов. Вечером меня предавали бабушке, и она мазала мне седалище простоквашей. Его двоюродную сестру тоже звали Таня. Алек всю жизнь пролюбил ее особым типом любви, не так, как любил родную сестру, а как любят женщину, любить которую запрещено. Так он узнал силу имени.

Двадцать третьего числа, в субботу, почти все собрались. Алек и Кондрат приехали вместе. Больше всего я трепещу от мысли, что придется ее видеть. Сказал Кондрат. Ерунда. Ответил Алек. У меня дача рядом с ней. Я летом каждый день ее вижу. Она совсем не похожа на себя прежнюю – все же двое детей, муж. Помолчи, слушай, помолчи, зашипел Кондрат. Народу было много, шла торжественная часть. Этого я и боялся. Я все это глубоко ненавижу. Хоть бы кто-нибудь другой сначала попался, шептал Кондрат. Попалась Софа и Михей – мясо и косточка-довесок. Глазки Михея уже блестели. Отвратительные у него глазки, заметил Алек, заметь! А ты шовинист, хмыкнул Кондрат. Корик! Воскликнула Софа и поволокла Мишу быстрее. Тут очень здорово, Ася Ахеева здесь, и Людка Волчинская, Игорек тоже тут и этот неприятный тип, Головачев, ты представляешь! (Она не верила своим словам.) Он уже теперь банкир. И только потом поздоровалась со мной. Здравствуй, Алек. Она не любила меня как-то странно. Ей, видимо, всегда надо было показывать мне эту свою нелюбовь. И Танечку видела. Она о тебе спрашивала.

Я стоял с чемоданом и ждал машину. Жара все не спадала. Ночью было так жарко, что мы с Чипиковой просидели до трех ночи на балконе. Пили зеленый чай. Она славная девочка, эта японка. Маджори, так ее зовут? Мадьори, поправил Алек. Ну да. Вы довольно гибкий человек, все так впитываете, запоминаете, я так не могу. Говорят, дождь будет, вздохнул Алек. Вот-вот, не похоже что-то, сказала Чипикова. А все-таки вы мне объясните, чем Вам Юля не угодила? Алек пожал плечами. Она не такая как я. Конечно, сказала Чипикова. Нет, Вы не поняли, поправился Алек, я не шовинист какой-нибудь и не антисемит. Просто, я ее не люблю. Алек, ты уже уезжаешь? Закричала сверху с балкона Юлька. Как видишь. А попрощаться? Спускайся, крикнул я, я такси жду. Она спустилась и встала рядом. Глядела мне в глаза, а я не мог на нее смотреть. У меня ведь даже нет твоего телефона, сказала она. ОК, я радостно закопался в кошельке. Вот тебе моя визитка. Алек протянул ей карточку. Я сама еще неделю тут, а потом увидимся в Москве. Увидимся, повторил он. Ну, пока, она повисла на нем, а он увидел Мадьори. Стояла у своего подъезда, видела его. Он хотел было поднять руку и махнуть, но не вышло. Твое такси, поезжай, сказала Юлька.

Если я его увижу, я ему скажу. Знаешь, какая ты сволочь, Алька. И как я тебя все эти годы ненавижу. Может быть, ты болел? Хорошо бы. Может, ты уже не можешь, как раньше, мимоходом, испортить бабе жизнь. Может, ты спекся? Как тогда в парке, я даже вспоминать не могу, что потом было. Я как сейчас вижу тебя, как ты посмеиваешься себе в усы. В твои гадкие жидкие усы. Ты всегда думал, что знаешь, как лучше поступить. Мол, отойди, а то все испортишь, я сделаю лучше и красивей. И стояла, дура, оплеванная твоим великодушием с ног до головы. Когда ты сказал, что тебе нравится моя коса, я сразу обрезала ее, сразу и не жалею. Пусть я пострадала, пусть, но зато я видела твое разочарование. Я уела тебя. Да. Сбила-таки с тебя спесь. Я знаю, что ценность моей шкурки упала сразу больше чем в половину. Ну и что. Но я зацепила тебя. Отняла у тебя что-то для тебя ценное. Здравствуй, Людочка. Ой, Игорек, ну ты и фронт стал. Здравствуй, здравствуй. Рада видеть. Знаешь, нет, ты не знаешь, как тяжело изо дня в день пытаться, доказывать, что я человек, но видеть только пренебрежение и быть в положении дурочки. Несмыслёнышки. А, Танюшка, привет, привет! Жива еще, дурешка моя любимая, а поворотись-ка! Ты смотри – и она с нами на грант подаёт. Куда ей, чего зря напрягается. А я человек. Я старалась не отстать, хотя мне и тяжело. Я себя сломала, я такими вещами занялась, что совсем другой стала, себя наизнанку вывернула. Да, очень здесь хорошо. И музыка хорошая. Это вы правильно придумали, чтобы здесь собраться. Алека? Нет, пока не видела, а уже приехал? Я всех так давно не видела, столько лет прошло. Ага, вот уже Корица вижу. Вижу, вижу.

Когда уже много лет спустя он приехал к родным, он и двоюродная сестра встретились чинно и родственно. Сила имени – ничто, подумалось ему. Купаться пойдешь? Спросила Танюха. Спрашиваешь, ответил он. Спустились к Волге. Разделись. Он не запомнил, какого цвета был на ней купальник. Может, синий, а может, нет. Но ее бритые подмышки, да! Следы от бритвы в паху, там, где трусики уже ничего не прикрывали – это он запомнил НАВСЕГДА. Он будет просыпаться ночью, от стыда и вожделения, и это будет мука.

Чипикова совершенно неугомонное существо. Так я сказал Мадьори. Засем ви вместе живьёт? Спрашивает она. Он уже устал объяснять – мы не живем вместе, у нас просто одна квартира на двоих, так уж вышло. О! Понимает Мадьори. Понимаю! Из какого ты города, спрашиваю я. Хотя знаю, что из Токио. Из Токио. А лодители мои живут на Кюсю, там есть маленький голод Каседо. На самом белегу моля. Много сяек, кличат, летают. Нравится ли тебе в Германии. О! осень налавится. Я тут ессё долго стану жить, ессё два мьесяся. Поедешь в другой город? О! да, пойду в Малабулг. В Марбурге говорят, красиво. Скучаешь по дому? Она замолкает и смотрит круглыми глазами, насколько это у нее вообще возможно. Посьти нет, все здесь – и показывает в область груди. У ней такая маленькая грудь. И губы, как бутоны, словно обведены карандашом. В мысли влезает громовой глас брательника: «собачья, собачья грудь, а ты что хотел, у них у всех такая». Все тут, говорит она и уже не кривляется. Все со мной, в селдсе: мой дом, мой остлов, лодители, длузия. Сяйки даже, смеется она. Напишешь мне письмо, вдруг спрашивает Алек. Конесено напишу, она совершенно серьезна. Ты тоже напиши обязательно. А Сипикова-сан сталше тебя? Угу, кивает он утвердительно. О! Засем ви вместе живьёт?

Юлю я сразу распознал, еще когда мы стояли на ресепшене и ждали ключи. Я подумал, что она из наших. У наших такие идиотские выражения на лицах.

Проза

Они отличаются от идиотских выражений иностранцев. Грудь у нее была немаленькая, но какая-то низко посаженная. Только не надо думать, что меня интересует исключительно грудь. Меня все интересует, но врать не буду – и это тоже. Она из наших, сказал он Чипиковой. Вот еще фыркнула она. Совершенно типичная немка, таких тут сотни, Вы на нос ее посмотрите. Ерунда, у нее акцент русский, заметил Алек. Так многие здесь говорят, уперлась рогом Чипикова. Немка она. А я думаю, нет. Спорим на евро. Спорим, согласилась Чипикова. А как проверить? Легко. Просто позвоните мне. У меня звонок. Звонок у Вас на редкость оригинальный. Она смотрит на меня, будто я детский сад, садок с икрой. Ладно, говорит, звоню. Телефон мой начинает причитать по-русски. А вы тоже русские, вскрикивает Юлька и поворачивается в нашу сторону. Я давно пожалел, что сразу ее распознал. С тех пор меня трясет и колбасит, и, хотя мы уже в Москве, Юлька пытается освоить мой остров. И десантируется ежедневно. И покоряет. И искореняет. И овладевает. И так проходит ее время. Алек молчит, и без того под ним дрожит земля.

Стажировка проходила в невыносимой жаре. Окна открывали нараспашку, и это не помогало. Студенты рассаживались косынкой – по направлению сквозняка от окон к двери. У них тут нет кондиционера, удивилась Мадьори. Может и есть, но не работает, ответил Алек. Мне все вообще уже все равно: сначала тебе жарко, потом ужасно жарко, потом смертельно жарко, потом все равно. Хорошо, что откидной столик упирается в ребра, а у кресла есть спинка, а ноги упираются в станину – никак не упадешь и не сползешь вниз. Подохнешь в интеллигентной позе. Фрау Анна возилась с проектором, на ней было совершенно пляжное платье. Что-то невыносимое. После лекции отклеивался от сидухи, будто пластилиновый. Вне помещения полегче, дует ветерок. Горячий, как из фена. Хосеши сиестать моложенное? И мы идем с Мадьори к палатке и покупаем сразу по три шарика. Мы едим их на ходу и встречаем Чипикова. Осень жалко, улыбается Мадьори. Чипикова, как всегда, со сложной прической. О! Кателина, у тебя такие класивые волосы! Я когда-нибудь начну их убивать, зло говорит мне Чипикова по-русски. Они меня достали со своими волосами. Мадьори улыбается и ест мороженное. Даем ми пойдём в кино? Предлагает она. Давайте, а не даем, поправляет Алек. Rrrrrrrrrr, сердится она, о, я идиётка, это такой тлудний язык. Они идут по направлению к кинотеатру, через трамвайную линию, Алека восхищают эти сумасшедшие быстрые и многосуставные трамвайные вагоны. По пути возле развала с книгами они встречают Вики и Испанку. Мы идем в кино, заявляет Мадьори. Хотите – вместе пойдём, предлагает Алек. А что будете смотреть. Хороший фильм, по рекомендации фрау Анны. Называется «Одинокое лето». Это не дорого, всего три евро. Что же, пожалуй, можно. Домой ехать еще рано. Они идут с нами. Катерина, у тебя такие прекрасные волосы, восхищается Испанка. Rrrrrrrrrrrr, рычит Чипикова.

Даже удивительно, как быстро все у нас получилось, думает он. Уже на третьем свидании, в кино, я не запомнил ничего, кроме названия фильма, мы сидели в полупустом зале и заняты были только нами. Я пропутешествовал ее всю, было тепло, май месяц и одета она была свободно. Я везде мог ее достать. Ее руки как лапки насекомого слабовольно пощупали меня здесь и там, совсем немного и совсем легонько. Она вся расслабилась и кожа ее подрагивала там, где он ее трогал, совсем как у лошади, если ее пощекотать. Она была горячая, и сердце ее колотилось совершенно сумасшедшим боем. Все же он не мог отделаться

от мысли, что просто исследует эту землю на предмет ее недр, серебряных руд и углеводородов. Она была малая земля, вулканического происхождения и еще не вовсе остывшая, но талия уже стала заплывать, подмышками курчавились кустарники и в углах губ появились редкие щетинки.

В нашем курсе мы целое лето изучали лингвистику. Студентов на стажировке оказалось человек пять, остальные уже сами преподавали у себя на родине. В группу фрау Анны записалось тринадцать человек. Как выяснилось в последствии – скверное число, с нацистской символикой. Именно поэтому не раскупили сувенирные футболки национальной сборной с таким же точно номером. В группе было двое русских – он и Чипикова, двое японцев – Тако Мадьори и Маэдо Кеиичи, Испанка – красивейшая женщина с большим и больным сердцем, две студентки – чешка и финка – обе звались одинаково, были гречанка Вики, норвежец Томас (он дружил со шведкой из соседней группы), француз Никола и две мусульманки, чьих имен я не запомнил. Они все время ходили на демонстрации против войны в Палестине и Ливане. Для этого, наверное, и приехали. Чуть не забыл про американца: Билл – бородатый чудаковатый старикан из лесорубного Орегона, учивший языку лесных детишек.

«ДЕРЕВО!!!» Вопит, как сумасшедший, брат Серега, я и Сержан отскакиваем в сторону, подпиленная нами сухая елка с хрустом разрывает плетенку соседних веток и рушится на землю. Удар неправдоподобно гулкий, ошметки мха разлетаются в стороны. В просвет сразу льется дождь, он сегодня льется весь день. Алек хлопает Сержана по плечу. Ну вот, сосед, теперь поставим тебе столб, и провод кинем, и будет в твоей баньке волшебный свет. Мы все принимаемся сбивать сучья, потом брат идет за трактором, пригоняет, воняет дизельным выхлопом, ревет и коробит почву. Алек и Сержан набрасывают трос. Сержан прячется под хвою, свертывает папироску. Брат курит из пачки. Отсюда не видно, но там далеко за поскотиной и дворами течет Волга. Сверху стекает дождь. Не жалеешь, что мы тебя сюда к нам уговорили? Ухмыляется в дыму брат. Нет, отвечает Сержан. Наташке нравится. А тебе, спрашиваю я. Мне тоже. У меня на родине нет дождей, леса тоже нет. У тебя там апельсины одни, хохочет брат. Сержан улыбается. Здесь всего очень много, говорит он. И все очень заброшенное. От одного дома до другого не доберешься. А мне и не нужен никто, говорит брат. Очень мне надо чужую жопу на огороде разглядывать. Мне простор подавай. Тесно мне, тесно. Приговаривает он и трет грудь. Бросает бычок в мох. Ну ладно, потащили, что ли. Он залезает в трактор, Алек и Сержан направляют бревно. Оно ползет, словно дракон в серой чешуйчатой коре, и разрывает мхи и брусничный суглинок. Я дерево, думает Алек, я живу среди людей, словно в лесу, я качаюсь на ветру, я вижу, как падают деревья рядом со мной. Когда-нибудь я тоже упаду. Дома Наташка уже изготовила нам обед и кормит сына. Илюха не желает есть. Он разглядывает мотыльков, бьющихся вокруг лампы. Пока она возится с ребенком, Сержан кладет на тарелки снедь для нас и себя самого. Потом добавляет на край своей тарелки Илюхину изюмительную кашу и берет сына к себе на колени. Ну, всем приятного аппетита, говорит он и ест. Илюха берет свою ложку и принимается за кашу из отцовской тарелки. Серега смотрит на керосинку над нашими головами, слушает дождь. Ничего, говорит, завтра свет уже будет.

Иероглифы паучками расползлись по блокнотному листку. «Истина словно фонарь в темноте. Губит она мотыльков», прочитала она Алеку. Сама сочинила,

Проза

сказала Мадьори. Красиво, сказал он. Я ведь никогда не подозревал, что ты стихи сочиняешь. Она улыбается, ей приятно. Кеиичи полагает, сито поэзия угнетает ум. Он не прав, говорит Алек. У меня была знакомая, давно-давно, я был студентом. Она стала писать стихи, она из-за этого сильно переменялась к лучшему. Таня начала писать стихи из-за меня, подумал я. Чтобы приходиться ко мне, отдавать их мне для нашей газеты. Но на самом деле ей надо было видеть меня и слышать меня. Она никак не могла понять даже того, что все кончилось. И никогда бы не поняла, что ничего и не начиналось. Стихи у нее были говорящие, такие, что в каждом я узнавал что-то про себя, про ее мысли обо мне, про ее любовь и нелюбовь ко мне. Когда мы разбрелись в разные города, мы еще долго писали друг другу письма исключительно связанные с нашей работой: я издавал журнал, она присылала материал. Нет, Кеиичи не прав, качает головой Алек. Поэзия тут не причем. Он вообще загадочный, этот ваш Кеиичи. Он никогда не выходит из дома и с группой никуда не ездит. На лекциях и семинарах молчит. Он не стланный, смеется Мадьори. Плосто он Маэдо.

Привет, Алек. Скажу я. Привет, Таня. Скажет он. Он не назовет меня, как раньше, Танюшкой. У тебя по-прежнему короткая стрижка, заметит он. С тех самых пор, скажу я. С ума сойти, сколько времени прошло. Да всего-то ничего. А словно целая жизнь. Много изменилось с тех пор, тихо только для меня одной скажет он. Отойдем, поговорим? И я соглашусь. Я почти не изменилась, скажу я. *Специально для него скажу.* Может быть, но не верю, ответит он. Хотя прическа действительно не изменилась. Когда-то давно у тебя была маленькая косичка. Я кивну. *Что было – то сплыло.* Мы стоим и пьем что-то из стаканов, похоже, просто какой-то сок. Я чувствую, что ему надо что-то сказать, но повода не даю. Может и зря. Он уже не выглядит таким наглым, как раньше. Я многое помню, посмотрит он вдруг. Даже все помню. Помню, как мы ездили в автобусе, и ты все время прислонялась ко мне, будто случайно. Он говорит теперь очень тихо, но мне все прекрасно слышно. Помню, как мы гуляли в парке, и был дождь, и был повод целоваться под каждым деревом. Я слушаю, мне хочется заставить его молчать. Я помню, ты мне так и не вернул мои пластинки с «Битлами», вставлю я. Верно, улыбнется он, я их и теперь еще слушаю. *Кажется, я краснею, кажется. Ужасно. И как назло никто не смотрит, некого окликнуть.* Мои слова ничего не значат, снова скажет он. *Чёрт, да заткните его кто-нибудь!* Я страшно стеснялся своей любви к тебе. *Боже мой, боже мой! Туш, фанфары, свет!* Все эти годы я не мог сказать этого. *И подумаешь! Какое мне до этого дело!* Глупо звучит, но за это я расхлебал по полной. Я стою перед ним узкая, длинноногая с короткой мальчишеской стрижкой. Вот и всё, подумала я. Вот и всё, скажет он. *Я боюсь тебя. Я не понимаю тебя.* Я скажу тогда вслух: все это не важно. И увижу, как он вздрогнет. Почему это не радует меня? Скажи, спрошу я. *Удивительно!* Помнишь Новый год на первом курсе? Он опять уставится мне прямо в глаза. *Брррр!* У него теперь такой острый взгляд. Конечно, ответит Алек, и я разглядывал твои коленки, на тебе было крохотное серебристое платье, я все думал, как ты в нем помещаешься.

Аню я не оставил. Все было как в доброй китайской легенде. Многие знают ее японский вариант из дешевенькой книжицы «Плоть и кость дзен». История про двух монахов, которые шли себе и шли и никого не трогали, как вдруг на берегу большой лужи встречаются они девушку. Ну, а им совершенно невозможно думать о женщинах, они же монахи, и поэтому им даже смотреть на них не положено. Но

один монах все равно ее взял и перенес через лужу. А потом они с другом дальше пошли. И вот километров так через пять-шесть друг и говорит: как ты все-таки решился нести ее через лужу, ведь по уставу нам это делать не положено. Ерунда улыбается тот второй, я-то ее просто перенес и оставил там же, у лужи, а ты все еще ее несешь. Вот такой общеизвестный вариант. Определенно, крут тот, кто перенес и забыл. Почет ему и слава. Дзен ему на всю голову. А что заслужил тот, кто и не нес и не оставил? Есть и еще один совершенно неяпонский вопрос, а что если тот, кто нес девушку, только сказал, что он ее оставил, а на самом деле тоже продолжал нести. Все это Алек изложил Мадьори. Ой, я даже не знаю, сито ответить. Я не специалист. Но я сиплосю Маэдо, он окончил философский факультет Токийского университета. На следующий день я уговорил ее попробовать пива. Мы выпили по кружке в кафе возле Ораниенбургских ворот. Ну, как, спросил я. О! Я уже сиювствую сильные последствия алькоголя. Я никогда её не пила алькоголя. Боюсь, я не смогу тепель сама доблатися до дома. Ерунда, посидим немного, и все пройдет. Все равно спешить некуда. Вечер был привычно душный и жаркий. За соседним столиком сидели две монашки и тоже пили пиво. Я сиплосила Маэдо пло монахов, сказала Мадьори, посмотрев, как и я, на соседний столик. И? В чем смысл? Внутли меня все куда-то плывет, rrrrrrrr. И что тебе сказал Маэдо? Сказал: В китайской легенде был толико один монах. Она изучала в свою пустую кружку.

Так вот. Не хотите ли пойти в театр? С таким неожиданным вопросом обратился ко мне этот незнакомец. День был дождливый, возвращаться домой к подруге, я жила тогда у нее, не хотелось. Мужчина показался мне вполне адекватным. На вид ему было лет 35-36. Я была молодая и авантюрная, приехала в Москву из Майкопа, и я вообще любила приключения, да и сейчас люблю. Я посмотрела на него, он посмотрел на меня, и я согласилась. Он был в моем вкусе, такой крепкий, среднего роста, но выше меня. Могу сказать, что он был довольно красив. Я пережила тогда свою неудачную любовь и после работы бродила неприкаянная. Мы пошли с ним в театр. Спектакль мне понравился, а в антракте мы разговорились. Выяснилось, что он приехал сюда в командировку, что он не москвич и никого из знакомых у него здесь нет. Он предложил встречаться, просто так все время пока он в городе. Эту неделю мы прожили очень интересно. Мы посетили несколько театров, ходили на выставки, тогда как раз привозили немецких художников. Что мне еще понравилось, что меня зацепило, так это его образованность. Мне всегда хотелось, чтобы мой мужчина был образован. Плюс хорошее чувство юмора. В первый же день, когда мы возвращались из театра, он проводил меня, он принялся вдруг к месту читать мне стихотворение Тютчева. Может быть, Вы знаете: «Эти бедные селенья, эта скудная природа, край родной уединенья...» и так далее. Потом прочитал Есенина, Пушкина, Баратынского, Белого и Гумилева. А я люблю Вяземского, призналась я ему. И представляете, он прочитал мне стихотворения Вяземского! Не одно, а сразу несколько. Не скрою, я была очарована. Закончилось все тоже очень прилично. Секса у нас с ним не было, хотя он сделал такой ненавязчивый намек, дал понять, что не против, если мне этого хочется. Но я ему ответила, что не стоит все портить. Так что я его проводила на поезд, мы простились, и он уехал. Больше ничего не было. Писем мы не писали. Иногда я думаю, это был мой самый лучший мужчина. Вы только мужу моему не рассказывайте, рассмеялась она.

«Хороша была Танюша, краше не было в селе!». Мы сидели на бревнышке в парке и пили пиво. Ты только сегодня меня пригласил, или это что-то новое? Алек

Проза

в который раз отметил: ее улыбка – она с удовольствием показывает свои ровные крепкие зубы. К сожалению, у нее пахнет изо рта, с неудовольствием подумал я. Осенью, этим солнечным днем сидели мы на бревнышке. Так и будем сидеть? Не знаешь, зачем люди ходят в лес пиво пить? Я знал это хорошо. Она обняла меня, прижалась ко мне. Она была не твердая, вся словно скрученный жгут, такая же упругая и плотная. Целуй меня, велела она. От нее пахло пивом и почему-то липовым цветом. Очень скоро он почувствовал, что ее язык уже у него во рту, что он задыхается. Подожди, пробормотал он. Она подтянула ногу и оказалась у него на коленях. Очень скоро они сползли с бревна на листья. Давай так и будем лежать, сказал он. Еще чего, рассмеялась она и засунула ладони ему под рубашку.

Достанешь красного мармеладного мишку – значит, это любовь. Таковы правила, сказала Юлька. Ее двоюродная сестра, Йоханна, что-то перекладывала в салоне автомобиля. ОК, сказал Алек. Если я достану такого, расскажешь мне, что такое любовь. Еще попроси показать! Фу, ты такая пошлая! Вот, что значит молодежь. Я запустил руку в пакет с мармеладками, нарочно долго, зажмурившись, шебаршил там рукой. Тяни же, давай, крикнула Юлька. Я вытащил желтого. Желтый – это переход хода. Нашлась она. Лучше пойдите, попросите Йорга захватить шпинатовый соус, проурчала из машинных недр Йоханна. ЙОРГ!!! Завопила Юлька. Тот немедленно открыл свой «васисдас». Тащи шпинатовый соус, немедленно, велела она. А теперь переход хода, моя очередь. Она зажмурилась и вынула красного мишку. Ну, вот, я же говорю, любовь. Открывай рот! Как остальные поедут, спросил я. Хотел переменить тему. Она запихнула мне мармеладку в рот. Алек поморщился. Тоже поедут, кто на ком. Никола захватит Вики и Испанку. Фрау Анна обещала взять Восточную Европу. Старика-лесоруба подвозят скандинавы. А как японцы? Понятия не имею. Вероятнее всего, они вообще на пикник не поедут, они такие странные. Особенно этот парень. Мы могли бы захватить Мадьори, она славная. Алек видит, что это не нравится Юльке. Твой ход, говорит она, и она сердится. Я немедленно достаю из кулька красного мишку. Это обоснованно – их специально суют в пачку побольше. Что же, злорадствую я, теперь рассказывай мне, что такое любовь. Она смотрит пристально, пристально.

Когда разум мой говорит – это чушь!

Когда здравый смысл уверяет – это бессмысленно!

Любовь говорит – что есть, то и есть.

Я улыбаюсь, я тоже знаю этот стишок.

И вот когда все есть, как оно есть – подсказываю я.

Это и есть любовь, заканчивает Юлька.

И, о боже мой! как она смотрит! Согласен, красивое все же стихотворение, говорю я и невозмутимо сажусь в машину. Вперед, рядом с Йоргом.

Серега, мой брат-гигант, любит повторять, что настоящий китаец ест мясо, ездит на мясе и вонзает мясо в мясо. Если я и китаец, то очень старый, думал Алек. Я давно не езжу на мясе, а ем котлеты. Софа Солнышкова подбежала к нему тоже и спросила: ну как? Очень нравится, признался он. Ему она и правда нравилась: маленькая, шустрая, непременно хотелось положить ей руку на попку и пошептать про всякие глупости. Корик придет, ты не знаешь? Спросила она. Думаю, что придет, мы все хотели прийти. И Наташка тоже? Да вроде бы, смутился я, потому что сам приглашал ее. Все ясно, грустит Софа. Поэтому он и не придет. Глупости, говорю я. Он придет. Пойдем, я покажу тебе, что мне больше всего

понравилось. Я веду ее вдоль стены галереи и подвожу к большому офорту, на котором изображено много маленьких круглых и овальных объектов, похожих на картографические обозначения островов. Вот, погляди, сказал Алек. Гляди сюда, говорю я. Мне эти предметы представляются островами, таких много в Поморье, во время прилива они могут полностью исчезать, а когда-нибудь исчезнут навсегда. Офорт называется «Грусть-тоска», вставляет Софа. Можно назвать и по-другому, например «Одиночество». Только представить, что каждый такой остров – это человек. Тогда вон тот остров с двумя буквами СС – это я сама, тихо говорит Софа, показывая на свой авторский знак, и берет меня под руку. Корик приехал, шепчет она. Я веду ее и отдаю Кондрату. У Алека трясутся руки, но он ничего не может с этим поделать.

Давайте будем прощаться. Завтра нам по домам, напомнила фрау Анна. Все погрустнели. Ремонт можно только прекратить, сказала Чипикова. Смотри, говорит Мадьори, Никола кулит. Удивительно, удивляюсь я. Да, все это действует ему на нелвы. Мы стоим кучкой во дворе университета. Это как бы прощальная вечеринка, но Маэдо опять стоит в стороне. Ты обещала мне рассказать, почему он Маэдо и почему это плохо. Не плохо, улыбается Мадьори, просто все Маэдо ситают себя настоящими японцами, очень сталая фамилия. Я пожимаю ее плечо. Мы стоим и слушаем. ...есть хорошая традиция, рассказывает фрау Анна, каждый немного расскажет о себе. Самое главное, всего несколько слов – так мы лучше запомним друг друга. Чушь какая-то, бормочет Чипикова. Она и впрямь старше меня, думает Алек. Билл? Может, Вы начнете?

Старик смотрит на всех нас. Я из Орегона. У нас там очень много выпадает дождей. Поэтому мы любим сидеть при свете и топить камин. И я варю замечательный пунш. Как-нибудь приезжайте попробовать. У нас в Швейцарии мы варим грог, продолжил Никола, тоже хорошая штука. Но мое фирменное блюдо – это фондю, ну, вы знаете. Все улыбнулись. Я помню, ты угощал, улыбнулась Испанка. Мне очень понравилось, ты замечательно готовишь. Хотя у нас тоже жарко, все равно приезжайте. Я встречу вас всех, у меня большой дом в пригороде, и луг, и две белые лошади. И, как старик Хэм, я смогу ловить форелей в реке Ирати, смеется Алек. Конечно, соглашается Испанка, губы ее дрожат. Форелей можно половить у меня, возле моего маленького городка Оулу протекает река. Там всегда в ледяной воде стоят радужные форели. И у нас замечательные светлые ночи летом, сказала Янка из Финляндии. В Чехии вы в первую очередь поезжайте в Прагу, найдите меня, сказала другая Янка, вот так же мы будем с вами стоять и болтать и потом пойдем гулять до самого Золотого моста. Швеция и Норвегия рядышком, вспомнили скандинавы. Они посьти холлом говолят, засмеялась тихонько Мадьори. Из Финляндии до нас рукой подать. Да, да, оживилась финская Янка, на пароме всего пару часов. Это если мы крепко выпить захотим, пошутил Никола. Нет, сказал тут Алек, крепко выпить – это ко мне в деревню, на Волгу. Там мы собираем в болотах клюкву и настаиваем на водке. На всех хватит. Уж мы русские такие – если кого полюбили, то нараспашку. Я плиеду, сказала Мадьори, я буду тепель усить и ваш язык. Я живу в Токио, там осень шумно и люди мало лазговаливают друг с другом. Но в Каседе у моих лодителей всем будет холошо. Конесино, мы будем пить зеленый сйя и много лазговаливать. Кеиичи тоже приехал к нам из Японии. Скажите и Вы что-нибудь, попросила фрау Анна. И тут мы услышали голос Маэдо.

P.S. Письмо Мадьори. Алек его так и не получил. Наверное, оно было без акцента.

Александр НИКИФОРОВ

**ШЕЙМУС ХИНИ, ДЕРЕК УОЛКОТТ, ИОСИФ БРОДСКИЙ:
ЖИЗНЬ В ДВУХ КУЛЬТУРАХ**

Заводя речь о взаимном влиянии трех Нобелевских лауреатов, следует иметь в виду, в первую очередь, тот факт, что Шеймус Хини (1995), Дерек Уолкотт (1992) и Иосиф Бродский (1986) – друзья. Кроме того, все они примерно одного возраста. Именно поэтому характер влияния может быть определен в межличностных категориях.

Так Шеймус Хини в интервью Валентине Полухиной, касаясь влияния его стихов на Бродского, замечает «если мы говорим о художественном влиянии, я думаю, его нет вовсе» [1, с. 266]. То же самое относится и к стихотворениям Бродского. Но кто может лучше понять поэта как ни другой поэт? Так писатели, до определенного времени принадлежавшие к разным культурам, сошлись в категориях общих для всех поэтов вне зависимости от языковой принадлежности. Для Хини Бродский «был в самом деле ходячим, говорящим примером мысли о том, что поэзия рождается из внутреннего раздора» [1, с. 262].

Если говорить о главном объединяющем начале трех поэтов, то им выступает английский язык. Но, тем не менее, именно этот аспект показывает нам, что Уолкотт ближе Бродскому, чем Хини. Дело в том, что для Хини, равно как и для его предшественника Йейтса, ирландский язык выступает как национальный язык, в то время как английский он считает своим родным языком. Бродский и Уолкотт изучали английский как иностранный, для Бродского родным языком является русский, а для Уолкотта – креольский диалект. Что, однако, не помешало уроженцу Санкт-Петербурга создать шедевры эссеистики на английском языке, а уроженцу Порт-оф-Спэйн – эпические произведения в стихах.

Познакомившись на похоронах Роберта Лоуэлла в семьдесят седьмом году, Бродский и Уолкотт уже сложились как поэты, но, тем не менее, интерес к творчеству друг друга возник сразу. Можно найти некоторые межтекстуальные переклички, обыгрывание фраз в стихах, посвященных одним поэтом другому, но все эти влияния будут носить отрывочный, нефундаментальный характер. Гораздо интересней взглянуть на оценку поэтами произведений друг друга в качестве критиков.

Современная поэзия весьма разнообразна и технически, и содержательно. Общими темами для обоих поэтов являются: изгнание, империя, время. Это неудивительно, так как поэзию Бродского «омывают чернила и Балтийское море» [2, с. 82], а поэзию Уолкотта – бескрайний океан. Любовь к морю, к бесконечности оба поэта впитали с детства в силу географических причин, но эти географические причины приносят метафизический аспект в творчество. Бродский, говоря о произведениях Уолкотта в посвященном ему эссе «Шум прибоя», делает вывод: «Иначе говоря, его стихотворения представляют сплав двух вариантов бесконечности: языка и океана. Следует помнить, что общим родителем обеих стихий является время» [3, с. 34].

Валентина Полухина, сравнивая творчество Бродского и Уолкотта, выделяет также общие черты на уровне поэтики, а именно: сложный синтаксис, частое использование переносов, а также определенную техническую виртуозность. Эти, пусть не конкретные, аспекты сходства объясняются тем, что оба поэта – наследники не только своих собственных поэтических традиций, но и английской в огромной степени. Бродский в английской культуре, помимо формальных новшеств, открыл для себя сдержанность как стилистический и метафизический метод. По его мнению, «Русской поэзии всегда не хватало времени – как впрочем, и места. Отсюда её интенсивность и надрывность – чтоб не сказать «истеричность». Созданное в существующих параметрах... слишком часто окрашено комплексом «сейчас или никогда» [4, с. 183]. Уолкотт вообще считается «поэтом-антологией», впитавшей лучшие достижения английской, греческой и родной литературы.

Бродский, анализируя творчество своего друга, резюмирует: «Уолкотт – не традиционалист и не модернист. Ни один из наличных «измов» и соответствующих «истов» для его характеристики не подходит. Он не принадлежит ни к какой «школе», стае – да их и не так много в Карибском бассейне, если не считать рыбьих. Есть искушение назвать его метафизическим реалистом, но реализм по определению метафизичен – и наоборот. Вдобавок это попахивало бы прозой. В нем можно найти и натурализм, и экспрессионизм, и сюрреализм, и имажизм, и герметизм, и исповедальность, что угодно. Он просто поглотил, как кит поглощает планктон или кисть – палитру, все стилистические наречия, какие мог предложить Север; теперь он сам большой» [3, с. 34].

Не обошел Уолкотт стороной и поэтический опыт Бродского. В частности на вопрос о возможном влиянии он отвечает: «Иосиф, конечно же, оказал на меня влияние. Думаю, время от времени каждый поэт может очутиться в таком положении. Без всяких сравнений, но когда говорят: «О, это влияние Иосифа» – ну что же, общение влияет, дружба влияет. И если что-нибудь написанное мной вызывает восхищение у Иосифа, для меня это огромная похвала, потому что он очень строгий, беспощадный судья каждому стихотворению» [5, с. 300].

Бродский писал о себе, что он «заражен нормальным классицизмом», также на вопрос Петра Вайля о стиле Уолкотта поэт отвечает, что тому присуща «классицистическая манера, которая не является альтернативой модернизму, а абсорбирует модернизм» [6, с. 596]. Если касаться чисто технической стороны сочинительства, то надо заметить, что изобретательная рифма – одно из достоинств стиля Бродского. Говоря о своем собрате по перу, в том же интервью он замечает, «что человека, который по-английски рифмует лучше, чем Уолкотт, нет».

Таким образом. Можно резюмировать, что для обоих поэтов было свойственно «парадоксальное соединение эксперимента и традиционности» [7, с. 346], давшее побеги новой поэтики не только в рамках английской литературы, но и в их родных культурах.

Подводя итог, можно заметить, что особенностью трех поэтов является то, что, являясь представителями двух культур (Бродский – американской и русской, Уолкотт – английской и вест-индийской, Хини – ирландской и английской), эти поэты в равной мере оказывают обширное влияние на обе культуры. В частности в беседе «Поэты за круглым столом» Ш. Хини замечает, «Любой значительный писатель, к какой бы культуре он ни принадлежал, воздействует на происходящее. Только влияние это происходит по-разному. Но все же понятия людей о самих себе меняются. Возьмем Ирландию, какой она была до Джеймса Джойса и какой стала спустя полвека: изменилась сама реальность, стоящая за понятием «принадлежность к социуму» [6, с. 391].

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Если истинно высказывание «большое видится на расстоянии», то пройдет еще немало времени, прежде чем изменения, которые можно отнести на счет этих трех поэтов, будут заметны. Однако уже сейчас не следует упускать возможность углубиться в сравнительный анализ творчества, который может подтвердить, а может опровергнуть редкие замечания поэтов о взаимном влиянии.

1. Шеймус Хини. Песнеслагатель (пер. Л. Лосев) // Иосиф Бродский: труды и дни / Сост. Л. Лосев и П. Вайль/. – М.: Независимая газета, 1999.
2. Бродский И.А. Заметка для энциклопедии // Аврора. Лениздат, № 11, 1989.
3. Бродский И.А. Шум прибора // Иностранная Литература, М., № 3, 1993.
4. Бродский И.А. Трагический элегик // Знамя. М.: № 7, 1991.
5. Дерек Уолкотт. Беспощадный судья. Бродский глазами современников. Сост. В. Полухина; ред. В. Куллэ; худож. М. Шемякин – СПб, журнал «Звезда», 1997.
6. Бродский И.А. Большая книга интервью. Второе, исправленное и дополненное издание. – М: Издатель Захаров, 2000.
7. Стрижевская Н.И. Письмена перспективы. – М.: Грааль, 1997.

АНАТОЛИЙ ТРОФИМОВ

Предки А. С. Пушкина и полоцкие Рюриковичи

*Послушай, Зин, не трогай шурина,
Какой ни есть, он всё-таки родня.*

В.Высоцкий

ВСТУПЛЕНИЕ

Как известно, Александр Сергеевич Пушкин, отправленный в 1824 году в очередную ссылку в Михайловское, проездом из Кишинёва наряду с десятком других белорусских городов посетил и древний Полоцк (см., напр., [1, с.162-163]). Правда, этот скромный эпизод в биографии славного поэта практически неизвестен не только рядовым полочанам и местным краеведам, но и белорусским литературоведам и пушкинистам. Вместе с тем, судьбы предков знаменитого Рюриковича (по женским линиям восходящим к смоленским Мономашичам) и полоцких князей и знати неоднократно пересекались порой столь причудливо, что достойны всестороннего изучения.

Данное сообщение, не подменяя монументальное исследование А.А.Черкашина (1921-1993) [2], которому, в частности, посвящены публикации [3-7], отражает лишь некоторые эпизоды многовековых контактов предков Пушкина и полоцких Рюриковичей, прямых потомков равноапостольного крестителя Руси князя Владимира-Василия Святославича.

Этюд первый. От Радши до Олексы.

Родоначальником Пушкиных считается выходец из Пруссии (точнее, Хорватского королевства Рамы в составе Прусского воеводства [8,с.72]) муж честен, именем Радша [9,с.303], который был, согласно устным семейным преданиям, современником князя Александра Невского [10,с.52]. Последнее, правда, некоторыми потомками поэта подвергается обоснованным сомнениям [там же]. Вместе с тем на личности мужа Радши следует остановиться подробнее, так как он является недостаточно изученной, но весьма примечательной фигурой отечественной истории. Так, А.Б. Лакиер считал, что от Радши начинаются, кроме Пушкиных, родословные ещё шестнадцать знатных родов России [9,с.304-305]. Упомянув роды Каменских, Кологривовых и Поводовых, В.С.Драчук ещё больше расширил круг знатных Радшичей [11,с.60]. Характерно что семь из них внесены в первые два тома Общего Гербовника (ОГ), составленные в конце 18 века: графы Мусин-Пушкины (ОГ, I, 17) и Бутурлины (ОГ, I, 22), а также дворяне Муравьёвы (ОГ, I, 59), Бутурлины (ОГ, II, 29), Полуектовы (ОГ, II, 30), Щербинины (ОГ, II, 37) и Пузины (ОГ, II, 65). Анализ этих генеалогических сведений позволяет уточнить как происхождение самого Радши, так и время его прихода на Русь.

ИССЛЕДОВАНИЕ

Однако предварительно необходимо отметить, что согласно ОГ род Щербининых выводится не от мужа Радши, а от выехавшего из немцев Онуфрия Щербинина, бывшего при Великом Князе Всеволоде Тверском боярином. Упомянутым Великим Князем Тверским был один из многочисленных потомков Всеволода Большое Гнездо холмский князь XIV века Всеволод Александрович (п. 1320-1364) [12, с.155]. Что касается Муравьевых и Пушиных, то в ОГ их родоначальниками названы братья Муравей Васильевич и Пуща Васильевич, переведённые в 1500 году из Рязани на службу в Новгород. Упоминания же о каком-либо родстве их с Радшей или Пушкиным в Гербовнике отсутствует, чего нельзя сказать о других вышеназванных родах. Так в гербовой грамоте дворян Полуехтовых родоначальником рода назван «муж честна именем Радша, от которого пошли также роды Пушкиных и Бутурлиных» (ОГ, II,30). В гербовой грамоте дворян Бутурлиных отмечено, что праправнук Радши Иван Андреевич был прозван Бутурлём (ОГ, II,29), а в такой же грамоте графов Бутурлиных особо подчёркнуто, что от Радши пошёл и род Пушкиных и что правнук Радши Акинфий в 1337 (6845) году при Великом Князе Михаиле Тверском был в боярах (ОГ, I,22). В ней же и грамоте графов Мусиных-Пушкиных указано, что муж Радша выехал в Россию в 1198 (6705) году. (ОГ, I,17), в княжение в ней Великого Князя Александра Ярославича Невского. Вторая часть сообщения является очевидной несообразностью, так как Невским родившийся в 1221 году зять полоцкого князя Брючислава был прозван лишь после Невской битвы 1240 года, а великим князем, причём не Российским, а Владимирским, стал и того позже – в 1252 году. Казалось бы, что это биографическое приукрашивание ставит под сомнение не только существование в конце 12 века Михаила по прозвищу Муса, но и самого мужа Радши. Однако достоверность данных о муже Радши подтверждается известными событиями 1146 года в Киеве по смерти Великого Князя Всеволода II Ольговича. Во время вспыхнувшего мятежа горожане вновь потребовали от нового князя Игоря Ольговича отстранить от власти соратников (!!!) его старшего брата – тиунов Радшу и Тудора [13, с.106-107]. Важное предположение В.С. Драчука о загадочности, каким образом Радша стал тиуном Великого князя [11, с.62] удовлетворительно объясняется биографическими данными Всеволода Ольговича, на которые почему-то не обращают внимания исследователи. Князь, как известно, был сыном византийской аристократки Феофано Музалон, и, как подмечено Е.В. Пчеловым, внуком некоей Киликии (Цецилии) [13, с.92]. Весьма любопытно, что шведским исследователем Руно Эдбергом жена Святослава Ярославича в родословной таблице Ингигерды названа немецкой принцессой (!) [8, с.4]. Если это так, то тогда загадочная Цецилия-Киликия оказывается не только либо младшей сестрой, либо дочерью немецкого короля (!) Генриха III из угасшей в 1125 году Франконской династии, но и матерью княжны Романовой, принявшей постриг у юной Предславы – Евфросинии Полоцкой.. На этом фоне сведения о Радше как о выходец из Семиградской области средневековой Пруссии приобретает вполне здоровую основу, тем более что и сам Всеволод Ольгович, если судить по возможно замалчиваемой дате рождения, родился вне Руси.

Что касается вопроса, каким образом часть праправнуков Радши оказалась в первой половине 13 века во Владимирской Руси, то он легко объясняется причудливо-естественными перипетиями судеб потомков князя Всеволода II. Так его сын Святослав, женившийся в 1143 году на Марии Васильковне, княжне Полоцкой, после 1146 года был, в частности, и князем Турово-Пинским. [15, с.173, IX 15.(21)], и Новгородским (зима 1180/81-зима 1181/82), сменив в Новгороде своего старшего сына Владимира (17.08.1180 – зима 1180/81) [16, с.48]. А Владимир

Святославич, княживший, кроме Новгорода, в Переяславле (южном) и Чернигове, как известно, в 1178 году женился на Елене Михайловне, дочери Великого князя Владимирского Михаила Юрьевича [12, с.153] и внучке Юрия Владимировича Долгорукого [там же, с.219], с которого, по сути, и началось неуклонное возвышение Владимирской Руси [13, с.125-126]. Так что героическое участие Гаврилы Олексича (?-1241) в Невской битве бок о бок с князем Александром Ярославичем и его ловчим Яковом Полочаниным вполне убедительно говорит как о достоверности упомянутых отрывочных сведений о прибытии его ближайших потомков на Русь (Владимирскую) уже в 12 веке, так и о длительной их верности детям и внукам Всеволода Ольговича.

На этом данный этюд можно было бы и завершить, однако уже в 12 веке имелись и другие, внутрдинастические, и поэтому заслуживающие внимания контакты предков поэта с полоцкими Рюриковичами.

Хорошо известно происхождение Пушкина по женской линии от смоленских Мономашичей, дворян Всеволожских и Ржевских, восходящих к Давиду Ростиславичу (1140-1197), внуку Мстислава Владимировича Великого и Христины Шведской. Менее известно то, что сам Давид Ростиславич в 1165-1167 годах княжил в Витебске [12, с.166] и в 1167 году не только передал Витебский стол Всеславу Васильковичу [17, с.100], но и полоцкий [18, с.15]. Интересно также, что его младшая дочь (к сожалению, её имя остаётся неустановленным) была женой Василька Брячиславича, князя Витебского, а их дочь Любовь Васильковна в 1209 году стала женой Великого князя Владимирского Всеволода Юрьевича Большое Гнездо. И практически не упоминается эпизод, что отец Всеволода Юрий Долгорукий в 1132 году безуспешно попытался стать князем Полоцким [13, с.114]. Так что, приведённое позволяет утверждать, что гениальный поэт был дальним родственником и Всеслава Вещего (Чародея), и Преподобной Евфросинии Полоцкой. При этом особо следует подчеркнуть, что данное обстоятельство не должно вызывать удивления, так как полоцкие Рюриковичи во все времена находились в гуще генеалого-матримониальных отношений необъятного общеевропейского дома, практически семь с половиной веков вполне достойно правивших Русью. Да и родоначальник новой царствовавшей династии Романовых Михаил Фёдорович был недале от царствовавших до них Рюриковичей – доводился, как известно, двоюродным племянником царю (1584-1598) Фёдору Иоанновичу.

Этюд второй. Штрихи времени

Весьма интересный эпизод со ссылкой на исследования академика С.Б.Веселовского привёл упомянутый потомок поэта Г.А. Галин в своей статье: «Уже внуки Гаврилы Олексича выехали в Москву «всем родом», с чадами и домочадцами, с многочисленными слугами, послужильцами и челядью, и заняли в среде московского боярства высокое положение» [10, с.52]. К сожалению, в нём не приведено, когда и вследствие чего произошло столь радикальное событие в жизни предков Пушкина. Однако учитывая, что в 1280-90-х годах на Руси полыхала уособица между сыновьями Александра Невского, а значит, и внуками полоцких князей, Дмитрием Переяславским и Андреем Городенским с привлечением в борьбу и ордынских ратей, преимущественно князем Андреем, выезд внуков Радши в Москву, то есть к младшему их брату Даниилу, произошёл после 1293 года, когда ордынская Дюденева рать сожгла Владимир, Москву и другие города Руси, а князь Андрей победителем вошёл в Новгород [13, с.272]. В пользу этого говорит и то, что в 1304 году, уже при правнучке полоцких Рюриковичей московском князе Юрии Даниловиче, в одной из стычек московского войска с тверским,

ИССЛЕДОВАНИЕ

погиб поддерживавший тверского князя Михаила Ярославича боярин Акиндр Великий, один из предков Пушкиных, и непосредственный предок дворянского рода Бутурлиных [там же, с.285]. Несколько позже, в 1314 году, воевода московского князя Юрия Даниловича Фёдор Фёдорович, сын князя небольшого фомино-березуйского удела Смоленской земли Фёдора Константиновича Меньшого, праправнук упомянутого смоленского князя Давида Ростиславича, фигурирует уже как князь Ржевский [там же]. Правда, в следующем 1315 году Фёдор Фёдорович был лишён княжения Тверским князем Михаилом Ярославичем, которому ржевского князя выдали новгородцы [12, с.72].

Род Всеволожских образовался от праправнука Давида Ростиславича Александра-Всеволода Глебовича [13, с.210] (ок. 1270(?)-1313) [12, с.114], и в первой половине 15 века, благодаря боярину Ивану Дмитриевичу, мимоходом занял видное положение при московском князе Василии II, а в 1647 году и вовсе едва не породнился с царствовавшими Романовыми [13, с.210]. Здесь больше повезло роду Ржевских, так как царь Алексей Михайлович женился на Марии Ильиничне Милославской, дальней родственнице жены Ивана Ивановича Ржевского [там же, с.220]. Заметный успех в матримониальных связях с царствовавшим домом имели и сами Пушкины. Известно, что Гаврила Григорьевич Пушкин (9-е колена от Радши) был женат на Марии Мелентьевой, дочери шестой жены царя Ивана Васильевича Грозного, то есть на его падчерице [10, с.52]. Это обстоятельство имеет определённое отношение и к Полоцку. Хорошо известно, что мать Ивана Грозного была Елена Васильевна Глинская (ок. 1505-1538), однако во внимание не принимается то, что её прадед Борис Иванович Глинский в 1432-36 гг. в Полоцке выполнял функции подканцлера Великого княжества Русского при князе Свидригайле Ольгердовиче (1370?-1452) [19, с. 277]. Попутно следует отметить, что этот кратковременный период нашей истории не афишируется, так как Великое княжество Литовское, Русское и Жемойтское в эти годы временно распалось на два государства, существенно девальвируя тем самым официальную версию истории Беларуси.

Этюд третий. Забытый сподвижник юного Петра

Выделение рассматриваемого эпизода в отдельный этюд обусловлено тем, что он, во-первых, затрагивает очень многие известные имена нашей истории, во-вторых, заметно меняет сложившееся представление о стрелецких бунтах 1682-1698 годов и, в-третьих, позволяет уточнить размах гонений на род Пушкиных за причастность некоторых из них к известному заговору 1697 года И.Е.Цыклера и А.П.Соковнина. Суть эпизода следующая. В Пушкиниане не оспаривается мнение академика С.Б.Веселовского (1876-1952), автора филигранной монографии с нелёгкой судьбой «Род и предки А.С.Пушкина в истории» [20], что 1697 год стал «катастрофой» для рода Пушкиных [2, с.89. 6, с.41]. Однако это верно лишь отчасти, так как известно, что, во-первых, опала не коснулась младшей ветви рода Пушкиных [2, с.81,83], к которой, собственно, и относится Поэт, а, во-вторых, не всё так трагично сложилось и для представителей средней ветви рода (старшая ветвь угасла в 1681 году). Так, дядя казнённого в 1697 году Фёдора Матвеевича Яков Степанович Пушкин (?-1699) отделался лишь ссылкой в свою деревню [10, с.52]. Здесь уместно привести любопытный семейный штрих – третьей женой Якова Степановича была Евдокия Ивановна Ленина [21, с.65], а третьим мужем его младшей дочери Ирины Яковлевны с 1716 года был сын упомянутого И.Е. Цыклера стольник Иван Иванович Цыклер [там же, с.66]. Но более

существенно то, что данная ветвь рода [2, с.81] нуждается в небольшом уточнении – в ней, видимо по объективным причинам, отсутствует Василий Фёдорович Пушкин, также оказавшийся причастным к событиям упомянутого заговора, что отмечено ещё Н.И.Костомаровым [22, с. 112, левая колонка].

Правда им не указано, был ли казнён Василий Пушкин вместе с отцом или понёс более мягкое наказание. А ремарка историка, что окольничий Соковнин оговорил своего зятя Фёдора Матвеевича и его сына Василия, и вовсе позволяет предполагать, что Василий избежал преследований, так как ранее, в период третьего бунта стрельцов 1682 года, был в доверии у юного Петра.

Выявленное практически забытое имя Василия Фёдоровича Пушкина, с одной стороны, свидетельствует как о слабой изученности заговора Цыклера-Соковнина, так и неполной ясности в отношении стрелецких бунтов, распадающихся на три группы: бунты апреля-ноября 1682 года, бунт 1689 года и попытка бунта 1698 года [23, с. 161; 22, с. 112-115].

С другой стороны, фигура Василия Пушкина связывает воедино столь много известных исторических особ, имеющих прямое отношение к теме сообщения, что обязывает хотя бы пунктирно обозначить эти взаимосвязи. И если о И.Е.Цыклере, принимавшем участие как в первом, причём на стороне царевны Софьи (мать из Милославских) [23, с.137], так и в четвёртом, теперь уже на стороне Петра I (мать из Нарышкиных) [22, с. 112, левая колонка], генеалогические данные достаточно скудные, то о дворянском роде Соковниных (знаменитые раскольницы боярыни Федосья Морозова и Евдокия Урусова, урождённые Соковнины [20, с.321]) известно предание, возводящее их к барону Иоаганну фон Икскуль, выехавшего из Ливонии к царю Ивану IV [15,с.128]. Само название рода Икскулей произошло от наименования селения ливов Икскола в устье Двины [24, с.52], которые, как известно, до начала XIII века были данниками полоцких князей.

Что касается Василия Фёдоровича Пушкина, то о нём есть краткое, но важное сообщение у М.В.Ломоносова в связи с событиями третьего стрелецкого бунта (конец августа - начало ноября 1682 года): ему в числе других пяти дворян государями (Иваном и Петром Алексеевичами) было приказано остаться в Москве и наблюдать за действиями бунтующих стрельцов [23, с.152]. В эпицентре бунта оказались сторонники царевны Софьи князья Хованские – боярин Иван Андреевич Тараруй (? – 1682) и его третий сын Андрей Иванович (до 1650 – 1682), предательски захваченные и казнённые 17 сентября 1682 года, став жертвой придворных интриг и политических расчётов правительства царевны Софьи Алексеевны [25, с.67].

Княжеский род Хованских восходит к Василию Фёдоровичу Хаваке, потомук в 6-м колене Великого князя Литовского Гедимина [там же, с.65-66]. При этом Василий Фёдорович Ховака являлся праправнуком второго сына Гедимина Наримонта-Глеба, князя Пинского и Полоцкого [там же, с.28, табл.4]. Примечательно и то, что потомок Гедимина в 21-м колене Аскольд Георгиевич Хованский (р.1947), доктор физико-математических наук, имеет двух дочерей – Рогнеду и Ирину [там же, с.69,66-67, табл. 16]. Что касается самого Великого князя Гедимина, то, согласно выше упомянутого «Общего Гербовника» (т.1,1), он считается потомком полоцких князей.

От названного князя Пинского и Полоцкого Наримунта-Глеба происходят и такие известные княжеские роды как Голицыных и Куракиных, бывшие в родственных связях как с Великими князьями Московскими из династии Рюриковичей, так и с Домом Романовых [там же, с.28,табл.4; с.34,35,табл.6; с.59].

Исследование

И совсем неожиданной является весьма возможная родственная связь с Полоцкой землёй сопровительницы-регентши в 1682-1689 годах «при обоих царях» (Иване V и Петре I) [26, с.583, примеч.2] их сестры царицы Софьи Алексеевны (1657-1704), по матери, как и Иван V, из Милославских. Про опальный в отечественной историографии дворянский род Милославских сообщается довольно кратко: род из литовских выходцев (конец XIV в.) (!!), возвысившийся в середине XVII века [15, с.97]. Проясняет ситуацию уточнение А.А.Черкашина: «Милославский Терентий Фёдорович. Внук Вячеслава Сигизмундовича. Родоначальник Милославских» [21, с.47]. Им же приведены данные и о Вячеславе Сигизмундовиче: «Вячеслав Сигизмундович (? – 1425). Сын Сигизмунда Корсака. Выехал из Польши в Россию в январе 1390 года в свите княжны Софии Витовтовны, супруги Великого князя Московского Василия I Дмитриевича, сына Дмитрия Донского. Дед Терентия Фёдоровича – родоначальника Милославских» [там же, с.24]. В свою очередь о роде Корсаков у А.Б.Лакиера отмечено: «Род Корсаков очень древен в Литве» [9, с.274, знамя (герб) 114].

В «Общем Гербовнике» имеются родословные сведения о дворянских родах Корсаковых (т. I, 83) и Римских-Корсаковых (т. II, 52) и их общем предке Венцеславе Жигмунтовиче (т. е. Вячеславе Сигизмундовиче) Корсаке. При этом родословие Римских-Корсаковых представлено более подробно: «Род Римских-Корсаковых происходит от выехавшего в 6898/1390 году к Великому Князю Василию Дмитриевичу из Литвы Венцеслава Жигмунтовича Корсака. В родословной находящейся в разрядном Архиве представленной от потомков Венцеслава Жигмунтовича, Григория, Фёдора и Воина Семёновых детей Корсаковых показано, что честь рода их начало своё восприняла из пределов Римских Село рода Вячеслав и Фридрих Корсаки оставя города и землю свою, от Римских пределов переселились в Польшу; от куда Венцеслав Жигмунтович Корсак выехал в Россию.

В 7185/1677 году по указу блаженные и великодостойныя памяти Государя Царя и Великого Князя Фёдора Алексеевича повелено помянутися потомков Венцеслава Корсака Григорью, Фёдору и Воину Корсаковых с братьями и потомством по прошению их писаться Римскими-Корсаковыми». Таким образом, согласно выше приведённому, старший сын Сигизмунда Корсака выехал в Московскую Русь, сопровождая Софию Витовтовну, тогда как его младший сын Фридрих остался в Польше. Вместе с тем, многочисленные представители Корсаков были и в Литве, в частности, в Полоцке [27, с.46].

Правда, следует заметить, что степень их родства как с самим Вячеславом (Венцеславом) Сигизмундовичем, так и его ближайшей роднёй остаётся невыясненной. Как следствие, невыясненной остаётся и родственная связь полоцких Корсаков с потомками Венцеслава – Милославскими. Тем не менее, в заключение этуода заслуживает внимание следующий эпизод, касающийся младшей ветви полоцких Корсаков.

В 1998 году С.В.Тарасовым была опубликована наиболее точная выписка из Полоцкой Ревизии 1552 года, относящаяся к монастырю «Егорья Стратотерпца», «Георгия Святого», «Егорья Великого» (и так далее): «Монастырь Святого Юря в поли за местом, наданье панов Зеновьевичей Корсаков» [28, с.176. пункт 10, табл. 7], которая, с одной стороны, подчёркивает достоверность анализа Д.М.Володихина по данному вопросу [29, с.95-97], а с другой, свидетельствует о том, что название Спасского монастыря «Спас-Юровичи» более позднее, чем представляется исследователям. Что касается более ранних названий монастыря, то подобное исследование, интересное само по себе, слишком обширно и явно выходит за рамки данного сообщения.

Этюд четвёртый. Литературные заметки

В жизни Пушкина было, как минимум, два эпохальных события, напрямую связанных с темой сообщения. Это, как ни парадоксально, восстание Декабристов и первичное осмысление «Слова о полку Игореве». Первое из них касается поэта и Полотчины не столько тем, что программный документ Северного общества «Зелёная лампа» частично составлялся в местечке Бельмонт близ Полоцка, точнее близ легендарного Браслава, сыгравшего исключительную роль в жизни и Брячислава Изяславича, и его сына Всеслава Чародея, сколько ответом «Струн вещих пламенные звуки...» поэта и декабриста, князя Александра Ивановича Одоевского (1802-1839гг.), корнета лейб-гвардии Конного полка на послание в Сибирь А.С. Пушкина «Во глубине сибирских руд...». Оказывается, что член Северного общества и участник восстания на Сенатской площади принадлежал к знатному роду князей Одоевских из Рюриковичей, причём, к одной из самых значительных их ветвей – к князьям Черниговского княжеского дома. При этом их род восходит не просто к черниговским князьям, а к внуку святого Михаила Всеволодовича Черниговского, замученного в Орде в 1246 году, Роману Семёновичу, удельному князю Новосильскому и Одоевскому. Сам же князь Михаил Всеволодович был внуком ранее упомянутых Святослава Всеволодовича и Марии Васильковны. Следовательно, князь Роман Семёнович Одоевский по женской линии – один из потомков и полоцких князей. Здесь, видимо, уместно отметить и то, что дядя Романа, князь Новгородский, а позднее бан сербской Мачвы Ростислав Михайлович (ок.1219-ок.1264) был женат (ок.1243г.) на дочери венгерского короля Белы IV Анне [12, с.233-234], их старший сын Михаил Ростиславич (п.1243-1269) бан сербской Мачвы и бан бонзайский (с 1259г.) был женат на дочери болгарского царя Ивана Асеня Марии [там же, с.219], сын которых Иван Михайлович Асень (п.1259-п.1289), царь болгарский (1280-1289гг.) был женат на дочери Византийского императора Михаила Палеолога Марии, что может говорить о возможности отдалённого родства второй жены Великого князя Московского Ивана III Васильевича (1440-1505) Зои-Софьи Фоминичны Палеолог (до 1460-1503) [там же, с.245-246] с полоцкими Рюриковичами. Кстати, их дочь Елена Ивановна (1476-1513), выданная в 1495 году замуж за Великого князя Литовского Александра Казимировича Ягеллона, остаток своих вдовьих лет провела в упомянутом Браславе под присмотром расторопных отцов-бернардинов, для которых в 1505(?) году и монастырь построили, и дали ряд привилегий и льгот. А родная тётюшка ранее упомянутого Романа Семёновича Мария Михайловна (до 1215-1271) не только мужественно перенесла смерть в Орде и мужа Василько Константиновича (1209-1238), внука Всеволода III Большое Гнездо, и отца Михаила Всеволодовича Святого (ум.1246г.), но и совершила духовный подвиг – установила их церковное почитание в Ростове (Великом) и основала Спасский монастырь, где занялась летописанием (предположительно её записи сохранились в составе Лаврентьевской летописи). Потомок Всеслава Чародея в седьмом колене, княжна Мария отличалась высокой образованностью, любила книжность и почитается одной из выдающихся женщин Средневековой Руси [13, с.244].

Подготовительные материалы к переводу впервые опубликованного в 1800 году «Слова о полку Игореве» А.С.Пушкина «Песнь о полку Игореве» относятся, как известно к 1836 году. Таким образом, приобретённый в 90-х годах 18 века одним из потомков Радши князем А.И.Мусин-Пушкиным выдающийся памятник отечественной литературы 12 века, сопровождал другого, гениального, Радшича буквально от колыбели до последнего приюта.

ИССЛЕДОВАНИЕ

При этом общеизвестно, что во многих местах «Слова...» упоминаются как полоцкие князья 11-12 вв., так и многие их родственники, включая одного из ближайших – Святослава Всеволодовича Грозного Киевского. Тем не менее, всесторонне исследованный шедевр позволяет отметить следующие новые моменты. Первый из них касается героини «Слова» – Ярославны, и, в частности, её имени. Имя дочери князя Галицкого Ярослава Осмомысла (1030-е – 1187) и жены Игоря Святославича (1152-1202) – Евфросиния, во-первых, явно крестильное, а не светское и, видимо, поэтому отсутствует в сохранившихся летописях, во-вторых, оно почему-то ставится под сомнение, не смотря на приведение его в «Поколенной росписи», приложенной к первому изданию «Слова», в «Родословии князей великих и удельных рода Рюрика» Екатерины II Великой 1793 года издания и в Любечском синодике [30, с.477, комментарий к строке 377], и, в-третьих, достаточно прозрачно знаменует уважение и прославление деяний современницы Ярославны – Преподобной Евфросинии Полоцкой. Однако более захватывающим является сюжет, касающийся матери Ярославны. В.М. Коганом скромно отмечено, что Ярославна – дочь Ольги Юрьевны, княжны Суздальской [12, с.267]. Всё верно, правда, есть недомолвка: Ольга Юрьевна, княжна Суздальская – дочь Юрия Долгорукого [13, с.146; 12, с.227] и, как следствие, и родная сестра и Андрея Боголюбского, и Всеволода III Большое Гнездо. Таким образом, оказывается, что Евфросиния Ярославна являлась племянницей Великих князей Владимирских. Однако более любопытно то, что первой женой Юрия Долгорукого, то есть бабкой Ярославны по матери, была дочь половецкого хана Аепы Осенева [13, с.113], следовательно, Ярославна – его правнучка.

Ещё больше оживляет ситуацию и сообщение Ипатьевской летописи (столбец 659) о том, что её сын Владимир-Антоний Игоревич-Георгиевич не только был женат на дочери хана Кончака [30, с.480-481; комментарий 358-365], но и попал в плен вместе с отцом (столбец 644) [там же, с.458, комментарий 133-134]. Всё вместе, а последнее особенно, свидетельствует как о загадочности знаменитого плача Ярославны – она горюет лишь по мужу, забыв всплакнуть о сыне (правда, причитает она в Путивле, стольном граде сына, видимо, поджидая его из плена с невесткой-половчанкой и внучонком Изяславом, занявшим в 1234 году ненадолго киевский стол [9, с.73]), так и о высоком его трагизме, превосходящим и предвосхищающим на несколько веков любовный трагизм Джульетты и Ромео.

Второй момент касается главного героя «Слова» – Игоря-Георгия Святославича-Николаевича. Общепринятой характеристикой князя является именование его внуком Олега «Гориславича» и удельным князем Новгород-Северским. Всё верно. Но, вместе с тем, он был и двоюродным братом Святослава Всеволодовича Великого Грозного Киевского, зятя полоцких князей. Так что, в 1185 году в половецкий плен попал дальний родственник полоцких Рюриковичей, причём, не столько князь Новгород-Северский, сколько двоюродный брат Великого князя Киевского, к тому же не только женатый, как отмечено выше, на правнучке половецкого хана Аепы, но и к моменту своего пленения Чилбуком из Тарголовцев сват хана Кончака(!): «Тогда же на поле битвы Кончак поручился за свата своего Игоря, ибо тот был ранен» [31, с.418]. А примыкающий к нему генеалогический эпизод, касающийся и женских предков поэта, и полоцких князей столь неожиданен, что наличие знатной половчанки среди предков Пушкина требует соответствующего обоснования, так как об упомянутом ранее Давиде Ростиславиче Смоленском исследователи приводят разнообразные сведения, без частных тонкостей. Так, В.М. Коган отметил нейтрально – смоленский князь был женат на неизвестной [12, с.166], И.П. Ермолаев указал, что князь участвовал в походах на

половцев и в 1184, и в 1185 годах [15, с.54]. Однако комментаторы в пояснениях к тексту «Слова» профессионально и с литературной прямоотой, вызывающей восхищение, предвосхитили выше приведённые суждения: «Давид Ростиславович, женатый на знатной половчанке, дочери хана Билюка, предпочитал не воевать с ними и в 1184 году, во время совместного похода русских князей на половцев, он, не вступая в бой, увёл свою дружину назад в Смоленск» [30, с.470; комментарий к строке 230]. А в походе 1185 года «буй Давыде» вообще не принял участия, что и зафиксировано в строках 230-234 «Слова» [там же, с.30]. Таким образом, можно утверждать, что и род Всеволожских, и род Ржевских по женской линии восходят к половецкому хану Билюку. Это же можно сказать и о потомках вышеупомянутого полоцкого князя Василько Брячиславича Витебского. Уместно отметить, что двоюродная сестра Василько, дочь Всеслава Васильковича в 1170-х годах вышла замуж за внука Юрия Долгорукого и правнука хана Аепы князя Ярополка Ростиславича, княжившего в Суздале, Новгороде и Торжке. Да и «Буй-Тур Всеволод», родной брат Игоря, при внимательном рассмотрении генеалогии его жены Ольги Глебовны [13, с.152], оказывается, был женат на правнучке хана Аепы [12, с.163]. Так, кто они, половцы? Закадычные враги или заклятые родственники?.. О, Русская земля! Причудливо загадочны твои сюжеты.

Третий момент касается самого главного вопроса, кстати, рассмотренного и упомянутого в статье Пушкина – вопроса об авторе «Слова». Бесконечную полемику относительно имени автора оживляют, на наш взгляд, две версии. Одну из них привёл в региональной газетной статье украинский литературовед Евгений Павленко. По его мнению «Слово» составлено правнуком Всеслава Полоцкого (Чародея) Изяславом Васильковичем при участии его братьев Брячислава и Всеволода [32]. Однако упоминание предполагаемого автора Изяслава в тексте «Слова» в третьем лице и лишь предположительная принадлежность полоцкого князя Всеволода Васильковича к линии Глебовичей [18] свидетельствует о некоторой слабости данной версии. Однако самого серьёзного внимания заслуживает утверждение исследователя о том, что «Слово» – это, по существу, письмо, у которого были три предшествующих. Тем самым поставлен простой, как грабли, вопрос о любопытной странности литературного памятника в целом, причём, с утраченным началом. Не менее интересна ремарка Е.В.Пчёлва о второй версии, согласно которой автором «Слова о полку Игореве» был родной брат Ярославны Владимир Ярославич Галицкий, женатый непродолжительное время на княжне Болеславе Святославне [15, с.147,148], дочери Святослава Всеволодовича и Марии Васильковны Полоцкой [12, с.132]. По данной ремарке трудно судить о добротности версии, однако интересен сам факт о возможном авторстве «Слова» родственника полоцких князей.

Далее можно было бы показать, что судьбы полоцких княгинь и князей в той или иной степени нашли отражение и в таких литературных памятниках 12-13 веков как «Витязь в тигровой шкуре» Шота Руставели, «Шах наме» Низами Гянджеви, «Моление Данилы Заточеника» и особенно «Повесть о житии Преподобной Евфросинии Полоцкой». Но это, с одной стороны, выходит далеко за рамки данного сообщения, а с другой, – несмотря на очевидную вероятность захватывающих результатов и в этом направлении, требует дополнительных кропотливых изысканий.

1. Лиокумович Т.Б. Потомки Пушкина в Белоруссии. 2-е изд. Мн., Універсітэцкае, 1999. С.168.
2. Черкашин А.А. Черкашина Л.А. Тысячелетнее древо А.С.Пушкина. Корни и кроны. М., Либерия, 1998. С.200.

ИССЛЕДОВАНИЕ

3. Михайлова О. Поэт и... вся история России. В мире книг, 1989, №4. С.12-14.
4. Черкашина Л.А. Планета «Черкашин». Берегиня дома твоего. 2004, №1. С.11-14.
5. Черкашина Л.А. Потомок Рюрика. Берегиня дома твоего. 2004, №1. С.15-28.
6. Черкашина Л.А. Мономашичи. Берегиня дома твоего. 2004, №1. С.29-45.
7. Черкашина Л.А. Святая купель поэта. Берегиня дома твоего. 2004, №1. С.46-65.
8. Ражнёв Т.В. Чья княжеская шапка в гербе А.С.Пушкина? Гербовед, №5(37), 1999. С.70-74.
9. Лакиер А.Б. Русская геральдика. М., Книга, 1990. С.432.
10. Галин Г.А. «Имя предков моих...». Семья и школа, № 4, 1988. С.52-53.
11. Драчук В.С. Рассказывает геральдика. М., Наука, 1977. С.256.
12. Коган В.М. История дома Рюриковичей. СПб., Издательский дом «Бельведер», «Астра-Люкс», 1994. С.287.
13. Пчёлов Е.В. Рюриковичи. История династии. М., ОЛМА-ПРЕСС, ОАО ПФ «Красный пролетарий», 2004. С.479.
14. Ingegerd. Olof Skotkonungs Dotter. Ett kinnoode fran vikingatiden. Fv Rune Edberg. 2001. (56 S).
15. Ермолаев И.П. Рюриковичи. Прошлое в лицах (9-16 вв.). Биографический словарь. Науч. ред. Данилевский И.Н. М., ОЛМА-ПРЕСС, 2002. С.192.
16. Ершевский Б.Д. Об атрибуции новгородских печатей и пломб 12-нач.13в. с изображением княжеских знаков. Вспомогательные исторические дисциплины. Наука, Ленингр.отд., т.Х,1978. С.38-55.
17. Дворянские роды Российской империи. Том 1. Князья. СПб., ИПК «Вести», 1993. С.344.
18. Загорюльский Э.М. Генеалогия полоцких князей Изяславичей. Мн., «ВУЗ-ЮНИТИ», 1994. С.30.
19. Трофимов А.И. Вислая печать с чалмой из Полоцка. Гісторыя І археалогія Полацка і Полацкай зямлі. Матэрыялы IV Міжнароднай навуковай канферэнцыі. Полацк, НППК МЗ, 2003. С.273-281.
20. Веселовский С.Б. Род и предки А.С.Пушкина в истории. М., Наука, 1990. С.336.
21. Черкашин А.А. Справочник-Указатель имён родословной А.С.Пушкина. В кн.: Черкашин А.А., Черкашина Л.А. Тысячелетнее древо А.С.Пушкина: корни и крона. М., Либерия, 1998.
22. Костомаров Н.И. Исторические монографии и исследования. М., Книга, 1989. С.239.
23. Ломоносов М.В. Труды по русской истории, общественно-экономическим вопросам и географии 1747-1765гг. М.-Л, 1952, Издательство АН СССР, ПСС, Т.6. С.691.
24. Курков К.Н. Дом барона «Икс». Гербовед, №10(48), 2000. С.50-58.
25. Дворянские роды Российской империи. Т.2. Князья. СПб, ИПК «Вести», 1995. С.264.
26. Ключевский В.О. Исторические портреты. Деятели исторической мысли. М., Правда, 1991. С.624.
27. Насевіч В.Л. Род Корсакоу – адзін са старажытных баяркіх родау Полаччыны. Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі (Навуковая канферэнцыя, прысвечаная 1130-годдзю Полацка). Полоцк, ПГКЗ, 1992. С.45-47.
28. Тарасау С.В. Полацк IX-XVII стст. Гісторыя і тапаграфія. Мн., Беларуская навука, 1998. С.183.
29. Александров Д.Н., Володихин Д.М. Борьба за Полоцк между Литвой и Русью в XII-XVI веках. М., РАЕН РФ, 1984. С.134.
30. Слово о полку Игореве. Сборник. БП. Большая серия. Л., Советский писатель, 1985. XXXVIII.С.498.
31. Летописная повесть о походе Игоря Святославича на половцев в 1185 году. Пер. О.В.Творогова. В кн.: Слово о полку Игореве. Сборник. Л., Советский писатель, 1985. С.415-422.
32. Павленко Е. Кто автор «Слова...». Газ. «Житомир», 26.05.1990.

Александр РАТКЕВИЧ

Есенин и Дункан

(Из цикла документальных новелл «Любимые женщины Есенина»)

Все люди на свете делятся на поэтов и непоэтов. Поэты мешают жить непоэтам. Непоэты мешают поэтам. Первые раздражают вторых. И наоборот. А ведь планета одна, и приходится им жить вместе. Но как трудно им ужиться. Особенно когда (для большинства – вдруг) выясняется, что и поэты, и непоэты смертны, то есть равны...

Сергей Есенин воплотил в себе яркий синтез знакового поэта и, не менее, знакового, непоэта – рядового человека с присущими ему бытовыми желаниями и страстями. И только прожжённые невежи смеют и могут видеть в этом принижение значимости и знаковости Есенина как Поэта, совершившего после Пушкина вторую в русской поэзии революцию и (одновременно) эволюцию.

Когда модная гадалка в Лондоне напроорочила американской танцовщице, основоположнице школы танца модерн Айседоре Дункан (1877-1927), что она вскоре выйдет замуж и произойдёт это именно в России, то реакция Дункан была однозначна: она дерзко рассмеялась в лицо гадалке и ушла, не заплатив... В этом её поступке была определённая логика – несколько лет назад она пережила страшную трагедию: в Париже в автомобильной катастрофе погибли её дети, мальчик и девочка. Теперь она в счастье не верила.

В Россию Дункан приехала в середине июля 1921 года (до этого она здесь гастролировала в 1905, 1907 и 1914 годах) по приглашению наркома просвещения А. Луначарского с целью организации в Москве частной студии современного пластического танца (балетной школы) для пролетарских детей от 4 до 10 лет. Дункан считала, что обучение искусству танца должно также входить в систему всеобщего образования, как обучение чтению и письму.

«По пути в Россию, – пишет Дункан в своей книге воспоминаний «Моя жизнь», – я чувствовала то, что должна испытывать душа, уходящая после смерти в другой мир, я думала, что навсегда расстаюсь с европейским укладом жизни. Я видела, что идеальное государство, каким оно представлялось Платону, Карлу Марксу и Ленину, чудом осуществилось на земле. Со всем жаром существа, разочаровавшегося в попытках претворить в жизнь в Европе свои художественные видения, я готовилась вступить в идеальное государство коммунизма».¹ Сразу после приезда в Россию Дункан дала интервью иностранным корреспондентам. Вопросы были такого плана: на каком уровне, по её мнению, искусство в советской России, впечатление от полуголодной Москвы, цель приезда и планы. Дункан ответила, что голода не боится, так как выросла в семье бедной учительницы музыки, где танец и песня часто заменяли еду. «Несмотря на лишения, русская интеллигенция с энтузиазмом продолжает свой тяжёлый труд по перестройке жизни. Мой великий друг Станиславский, глава художественного театра, и его семья с аппетитом едят бобовую кашу, но это не препятствует ему творить величайшие образы в искусстве».² Журналисты отмечали: «Её гениальное тело сжигает нас пламенем славы». Для удобства общения танцовщицы как в быту, так и в общении с деловыми людьми, к ней советским правительством был приставлен секретарь, переводчик и импресарио Илья Шнейдер. Естественно, Дункан выступала на сцене. «Свои выступления в России она объясняла, как попытку вырваться из тисков коммерческого искусства, чтобы создать Великую Школу

Публицистика

танца для воспитания гармоничного человека. Её давний романтизм заботливые комиссары и чекисты вплели в коммунистические идеи... Она сделалась одной из самых дорогостоящих и бесшабашных комиссарш, каких знала российская революция. Получала бесчисленные «оклады» деньгами и натурою за какие-то художественно-административные синекуры и за театральные выступления (нередко – перед пустыми залами)... Из кремлёвских складов везли ей награбленные в магазинах меха, шелка, духи, вина, всякую всячину».³ На одном из выступлений танцовщицы побывал Есенин и был ошеломлён её необычным стилем и очарован ею как женщиной. К тому же в знаменитом литературном кафе «Стоило Пегаса» (собственность имажинистов) прошёл диспут о танце Дункан. Своими впечатлениями о концертах Дункан поделился с Есениным во время одной из встреч Андрей Белый, восторгавшийся танцем оригинальной американки. Поэтому, когда однажды (в конце июля-начале августа 1921 года) поэт и его друзья-имажинисты прогуливались по Эрмитажу, а подошедший к ним художник Георгий Якулов предложил познакомиться с Дункан, Есенин неописуемо обрадовался. Но, то ли Якулов пошутил, то ли Дункан уже ушла, знакомство не состоялось, отчего Есенин был крайне огорчён и расстроен. Однако жажда встречи с этой женщиной у поэта не утихла. И вот, 3 октября (в день рождения Есенина) Якулов в своей студии в доме № 10 на Большой Садовой решил устроить вечеринку (чаепитие). Кстати, это был именно тот дом, который изображён в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита», где, по уверениям великого прозаика, обитала нечистая сила.

Якулов пригласил, конечно, и Дункан, предупредив, что с нею очень хочет познакомиться знаменитый русский поэт. По своей натуре Дункан являлась человеком богемным. Поэтому среди писателей, художников, артистов она была как дома. В студию Якулова Дункан приехала в первом часу ночи в сопровождении Шнейдера, в танцевальной тунике и алым шарфом в волосах. Её губы были накрашены ярко-красной помадой – любимый цвет Дункан. «Красный, мягкими складками льющийся хитон, красные с отблеском меди волосы, большое тело, ступающее легко и мягко. Она обвела комнату глазами, похожими на блюдца из синего фаянса, и остановила их на Есенине. Маленький нежный рот ему улыбнулся. Изадора легла на диван, а Есенин у её ног. Она окунула руку в его кудри и сказала: «Solotaiā golova!». Было неожиданно, что она, знающая не больше десятка русских слов, знала именно эти два. Потом поцеловала его в губы. И вторично её рот, маленький и красный, как ранка от пули, приятно изломал русские буквы: «Anguel!». Поцеловала ещё раз и сказала: «Tschort!».⁴ Дункан подали стакан водки – она его осушила. Есенин старался не отставать. Поэт читал американке стихи. Они разговаривали жестами, так как присутствие переводчика здесь было неуместно. Они прекрасно друг друга понимали. Шнейдер отметил в своих воспоминаниях: «Он читал мне свои стихи, – говорила мне в тот вечер Айседора, – я ничего не поняла, но я слышу, что это музыка и что стихи эти писал genie!»⁵

Всем своим обликом Есенин сильно напоминал Дункан её маленького погибшего сына. А «для Есенина не меньшее значение имело ощущение не столько женской, сколько материнской ласки, которой ему так не хватало в детстве».⁶

Художественная богема умеет веселиться. А тут – революционная Россия, «сухой закон»!.. В четвёртом часу утра Есенин и Дункан уехали к ней в особняк на Пречистинке (ныне ул. Кропоткина). Это был бывший дом балерины Балашовой, предоставленный Дункан под школу-студию, которую возглавила приёмная дочь Айседоры – Ирма. Сама же Дункан жила в раззолоченных комнатах этого особняка. «Роскошь Дункан, её попойки, её романы, её дом, с утра до вечера

и с вечера до утра набитый комиссарами, имажинистами, кокаинистами, пьяными актёрами и пьяными чекистами, – всё это мозолило глаза обнищавшей и обзолённой Москве». ⁷ «В квартире Дункан всегда царил полумрак, создаваемый драпировками. Поражало отсутствие женщин. Дункан всегда оставалась единственной женщиной среди окружавшей её богемы. При всей солидности своего возраста она сумела сохранить внешнее обаяние. Одетая в полупрозрачную шёлковую тунику, она ласково бросала каждому, кто, сопровождая Есенина, приезжал к ней в гости, обе руки и, смущаясь незнанием русского языка, с трудом говорила: «Есенин ты друг? Ты тоже друг? Изадора любит Есенин!..» ⁸ Благодаря Есенину, Пречистинка стала своеобразным местом сбора имажинистов. Тем более что здесь всё подавалось бесплатно, ведь питание и спиртное привозилось из Кремля. Есенин встречался с Дункан постоянно. С нею он чувствовал себя совершенно раскованно. Можно сказать, раскованно до неприличия, чем крайне напугал своих друзей-имажинистов. «Соединение имени Есенина и Дункан, которой я восхищался ещё будучи подростком, казалось непостижимым и неприятным парадоксом. Моё недоверчивое удивление по поводу его близости с Айседорой Дункан вызвало с его стороны целый ряд тёплых и почти умиленных слов об этой женщине. Ему хотелось защитить её от всякой иронии. В его голосе звучало и восхищение, и нечто похожее на жалость: «Ты не говори, она не старая, она красивая, прекрасная женщина. Но вся седая (под краской), вот как снег. Знаешь, она настоящая русская женщина, более русская, чем все там. У неё душа наша»». ⁹

Поэтому Есенину было очень неприятно, когда его собратья по перу, явно назло ему, напевали частушки о «Дуне на Пречистенке». Или: «Не судите слишком строго, Наш Есенин не таков. Айседур в Европе много – Мало Айседураков». (А.Мариенгоф)

В ноябре 1921 года Дункан по-своему, оригинально, пригласила Есенина на концерт. В приглашении она отмечала: «Если существует опьянение от вина, то существует ещё и другое – я сегодня была пьяна оттого, что ты подумал обо мне. Если Бахус не окажется сильнее Венеры, то приходи сегодня со всеми друзьями ко мне на спектакль, а затем домой – ужинать». ¹⁰

Однажды в начале декабря, вечером, Есенин пришёл к Дункан с Мариенгофом. Её прислуга пригласила их в спальную комнату. Есенин был доволен за такое доверие к его закадычному другу. И пока Мариенгоф рассматривал комнату вдоль и поперёк, Есенин уселся на кровать – и вдруг обнаружил на прикроватной тумбочке в большой красивой рамке портрет бывшего мужа Дункан. Она объяснила, что он писатель, много пишет, работает. И вообще – гений. Тут, видимо, самолюбие поэта было задето. «И я гений!.. Есенин гений... Гений – я!.. Есенин – гений, а Крэг – дрянь!». И засунул портрет под кипу лежавших тут же журналов. Но этого Есенину было мало, и он приказывает Дункан танцевать. «Дункан надевает есенинские кепи и пиджак. Музыка чувственная, незнакомая, успокаивающая... Страшный и прекрасный танец. Узкое и розовое тело шарфа извивается в её руках. Она ломает ему хребет, судорожными пальцами сдавливает горло. Беспомощно и трагически свисает круглая шёлковая голова ткани». ¹¹ Вообще Есенин был крайне ревнив. Когда ему попадались фотографии многочисленных любовников Дункан, он бледнел, его губы дрожали.

Ещё об одной поездке Есенина с друзьями к Дункан рассказывает С. Городецкий: «Я был у него в магазине на Никитской. Маленький стол был завален пачками бумажных денег. Торговал он недурно. Тут же собрал все свои книги и сделал нежнейшие надписи: на любимой тогда его книге «Ключи Марии» – «С любовьюю

Публицистика

крепкою и вечною»; на «Треряднице» – «Наставнику моему и рачителю»... Он повёз меня вместе с Клычковым и ещё кем-то к Коненкову. Там пили, пели и плясали в промёрзлой мастерской. Оттуда отправились в пятом часу утра на Пречистенку к «Дуньке» (так он в шутку называл Дункан), о которой он мне говорил уже как о факте, который все знают. Скажу, что по всем моим позднейшим впечатлениям это была грубая взаимная любовь. Конечно, Есенин был влюблён столько же в Дункан, сколько в её славу, но влюблён был не меньше, чем вообще мог влюбляться. Женщины не играли в его жизни большой роли... Припоминаю посещение Айседорой Есенина, когда он был болен. Она приехала в платке, встревоженная, со свёрточком еды и апельсином, обмотала Есенина красным своим платком. Я его так зарисовал, он называл этот рисунок – «В Дунькином платке». В эту домашнюю будничную встречу их любовь как-то особенно стала мне ясна.¹²

А вот как взаимоотношения Есенина и Дункан увидел другой друг поэта: «Есенин свои чувства к Айседоре выражал различно: то казался донельзя влюблённым, не оставляя её ни на минуту при людях, то наедине он подчас обращался с ней тиранически грубо, вплоть до побоев и обзывания самыми площадными словами. В такие моменты Изadora бывала особенно терпелива и нежна с ним, стараясь всяческими способами его успокоить».¹³

В подтверждение её терпеливости и особой настойчивости по отношению к Есенину можно привести несколько строк, записанных Дункан на листке из блокнота, сохранившемся в московской школе танцев: «Я готова целовать следы твоих ног!!!», «Ты должен знать, что когда ты вернёшься, ты можешь войти в этот дом так же уверенно, как входил вчера и войдёшь сегодня», «Я тебя не забуду и буду ждать! А ты?».¹⁴ Но более всех старался видеть взаимоотношения Есенина и Дункан в чёрном цвете Мариенгоф, и это понятно: они были очень близкими друзьями, а тут появляется «какая-то» Дункан и запросто «уводит» Есенина. «Ему было приятно и лестно ходить с этой мировой славой под руку вдоль московских улиц, появляться в кафе поэтов, в концертах, на театральных премьерах, на вернисажах, и слышать за своей спиной многоголосый шёпот, в котором сплетались их имена: «Дункан – Есенин... Есенин – Дункан»...» Это пишет самый близкий друг. А дальше – ещё «сильнее»: «С ней, с этой постаревшей модернизированной Венерой Милосской, Есенину было противно есть даже «пищу богов», как он называл холодную баранину с горчицей и солью. Недаром и частушку сложил: «Не хочу баранины, Потому что раненый, Прямо в сердце раненый Хозяйкою баранины!»».¹⁵ Не смотря на подобного рода обращения Есенина к Дункан, она проявляла к нему самое доброе отношение, в частности, щедрость. «Дункан была удивительной, интеллигентной женщиной» – вспоминала Анна Никритина, актриса Камерного театра, на которой женился Мариенгоф. – Она прекрасно понимала, что для Серёжи она представляла страстное увлечение и ничего больше и что его подлинная жизнь лежит где-то отдельно. Когда бы они ни приходили к нам, она усаживалась на нашу разломанную тахту и говорила: «Вот это нечто настоящее, здесь настоящая любовь!». Она очень хотела подарить мне подвенечную фату и говорила: «Для женщины очень важно быть последней любовью, а не первой». Она явно ощущала, что я последняя любовь Мариенгофа. И в то же самое время она понимала, что самое главное для них (Мариенгофа и Есенина) их творчество, а не женщины...».¹⁶ Как-то в начале 1922 года Есенин и Дункан зашли в книжный магазин «Колос», где поэт обнаружил полное собрание сочинений своего любимого Гоголя («Всё больше и больше моим любимым писателем становится Гоголь»¹⁷). И когда Есенин сказал Дункан о своём желании приобрести это собрание, она, не задумываясь, заплатила за книги. И вообще, Дункан во многом уступала

Александр Рабкевич

поэту, старалась приглушить свою гордыню (вечного врага во взаимоотношениях людей). Есенин частенько после очередной ссоры уходил от Дункан к друзьям, забрав в свёртке свои пожитки: несколько рубашек, брюки, носки и т.п. В такие дни он говорил, почти кричал: «Окончательно... так ей и сказал: «Изадора, адьо!»». Но вскоре от Дункан прибывал швейцар с запиской. Есенин, через него же, передавал отрицательный ответ. Тогда появлялся секретарь Дункан, Илья Шнейдер, тоже отправлявшийся ни с чем. Наконец заявлялась сама Дункан со слезами на глазах. «Она опускалась на пол около стула, на котором сидел Есенин, обнимала его ногу и рассыпала по его коленям красную медь своих волос: «Anguel». Есенин грубо отталкивал её сапогом. «Пойди ты к...», – и хлестал отборной бранью. Тогда Изадора улыбалась ещё нежнее и ещё нежнее произносила: «Serguei Aleksandrovitch, lublu tibia». Кончалось всегда одним и тем же. Эмилия снова собирала свёрток с движимым имуществом».¹⁸

К сожалению, в их совместной жизни сцены счастья обычно перемежались сценами пьянства и ссор. Но «несмотря на то, что подле Есенина Айседора казалась всегда рабою, покорной собачкой, бредущей за своим господином, на самом деле, конечно, командовала она».¹⁹

В начале февраля 1922 года Дункан получила приглашение приехать в Петроград и дать несколько представлений для тамошней публики. Есенин согласился поехать с нею. В Петроград они приехали 9 февраля в 10 часов вечера и поселились в лучшем номере гостиницы «Англетер» (В спальне этого номера поэт погибнет 27 декабря 1925 года). Дункан разрешала Есенину заказывать всё, что он хочет и когда хочет. Щедрость её не имела пределов. Таким образом, когда она возвращалась с концертов, то видела его в достаточно выпившем состоянии, а иногда разгуливающим совершенно голым или ведущего себя буйно в холле гостиницы. Есенин «был капризным, упрямым маленьким ребёнком, а она была матерью, любящей его до такой степени, что смотрела сквозь пальцы и прощала все его вульгарные ругательства и мужицкое рукоприкладство».²⁰ Петроградские гастролы Дункан закончились 13 февраля. В этот же день знаменитая пара вернулась в Москву.

12 апреля 1922 года Дункан получила печальную весть из Парижа: умерла её мать. Вскоре Дункан заговорила о том, что ей необходимо на какое-то время выехать из России. К тому же, долго оставаться в Москве артистка не имела возможности, так как по заключённому контракту ей необходимо было в мае 1922 года гастролить в Западной Европе и США. А тут ещё ухудшилось её здоровье и финансовое положение школы танцев. Есенин решил ехать с Дункан. Поэтому 25 апреля он получил паспорт №5072 для выезда за границу. В заявлении на имя Луначарского о выдаче паспорта Есенин подчеркнул, что собирается позаботиться в Берлине об издании книг русских поэтов. За несколько дней до этого состоялся обмен телеграммами между Дункан и её импрессарио об условиях поездки её и Есенина, а также Ирмы Дункан и детской школы современного танца в Англию, Францию и США. В Нью-Йорк: «Предлагаю турне на 12 недель или дольше я Ирма великий русский поэт Есенин и двадцать учениц Минимум четыре представления в неделю Вы гарантируете 1200 долларов за представление Вы оплачиваете все театральные расходы в том числе переезд больших городах оркестр малых пианиста». В Париж: «Harle мне телеграфирует что вы можете устроить специально утреннее выступление для меня Ирмы и двадцати учениц мае или июне Телеграфируйте мне непосредственно Москва Пречистинка 20». В Нью-Йорк: «Принимаю ваше предложение Подразумевается что турне будет продолжаться три месяца Вы оплачиваете все расходы и переезд из Риги меня Есенина

Публицистика

секретаря Ирмы 20 учениц двух гувернанток Если хотите я могу выступать в маленьких городах одна с Есениным и пианистом Реклама и фото отправлены». ²¹ Есенин был нужен Дункан за границей ещё и потому, что он умел устраивать скандалы, что возбуждало внимание прессы. Дерзость Есенина, репутация революционного поэта одновременно не церемонящегося с советской властью, по мнению артистки, будут создавать дополнительную рекламу её выступлениям. Но ехать Есенину за границу с Дункан, не зарегистрировав с нею брак, было опасно. Они хорошо знали «опыт» А.М.Горького и М.Ф.Андреевой, появившихся в Америке без заключения брака – американской «полиции нравов» одной любви недостаточно. 2 мая «Айседора Дункан, артистка, и Сергей Александрович Есенин, литератор», согласно официальному свидетельству, сочетались законным браком в загсе Хамовнического Совета, находившемся недалеко от дома Дункан. «Загс был сереньким и канцелярским. Когда их спросили, какую фамилию они выбирают, оба пожелали носить двойную фамилию – «Есенин-Дункан»». ²² Кстати, этот брак не был расторгнут до самой смерти поэта. И ещё один важный момент: перед бракосочетанием Дункан попросила своего секретаря И.Шнейдера слегка изменить её год рождения. Так в день бракосочетания Дункан стала не на 18, а всего на 9 лет старше Есенина. (Когда однажды Дункан сказали, что Есенин женился не на ней, а на её славе, она саркастически заметила, что у Есенина есть своя собственная слава. Вторая ему не нужна). Там, за границей, поэт рассчитывал установить творческие контакты с издательствами и редакциями. Например, с просоветской газетой «Накануне». Революционные органы России уже активно работали в Европе над нейтрализацией русской эмиграции. Одним из таких «посланников» был поэт-имажинист А.Кусиков, уже долгий срок проживавший в Берлине. Есенин перед отъездом посылает ему письмо, в котором просит объявить в тамошних газетах о подготовке совместных поэтических вечеров.

За границу молодая чета решила лететь на самолёте. Что примечательно, между Москвой и Германией до этого момента не было ни одного частного пассажира, а цена одного билета составляла около тысячи золотых рублей. Дункан ко всему прочему была ещё и безоглядно отчаянной. Друзья присоветовали ей написать завещание. Посмеявшись над ними, она всё же написала: «Это моё последнее желание и завещание. В случае моей смерти я оставляю всю мою собственность и имущество моему мужу, Сергею Есенину. В случае нашей одновременной смерти это имущество остаётся моему брату Августу Дункану. Написано с чистой совестью. Айседора Есенина-Дункан. Засвидетельствовано: И.И.Шнейдером, Ирмой Дункан. 9 мая 1922 года, Москва».

И вот, 10 мая в 9 часов молодожёны с аэродрома имени Троцкого в шестиместном аэроплане «Фоккер», прощально махая рукой детям танцевальной школы (им не разрешили выезжать за границу), поднялись в воздух. Дункан была одета в специально для этого пошитом дорожном костюме, Есенин надел тёплый лётный костюм. Раньше он никогда в самолётах не летал и потому достаточно сильно волновался. Самолёт держал курс на Кенигсберг с двумя остановками – в Смоленске и Полоцке. Между прочим, это был первый российский международный авиарейс. В этот же день Есенин и Дункан приземлились в Кенигсберге, и сразу же на поезде выехали в Берлин, куда прибыли на следующее утро. Они поселились в двух больших комнатах отеля «Адлен» на главной улице германской столицы. В те годы в Берлине работали русские театры и школы, русские кабаре и библиотеки, издавались русские газеты. Есенин быстро сориентировался и, не теряя времени, сразу же направился в редакцию эмигрантской газеты «Накануне», где дал интервью «У Есенина». Интервьюировал его А.В. (А.Ветлугин или

А.Вольский). Есенин, в частности, говорил: «Имажинисты – выразители и дети своей эпохи. По словам Ленина, они «больные эпохой мальчики», по словам Луначарского – «аморальные типы». В настоящее время имажинизм – преобладающее течение русской поэзии, в одной Москве группа имажинистов насчитывает около 100 человек; провинция тоже «работает под имажинистов». Появились имажинисты сарты, узбеки, татары и киргизы». ²³ Затем Есенин наладил контакты с соотечественниками. На следующий день он и Дункан посетили литературный вечер в берлинском Доме искусств. В зал сначала вошёл Есенин, затем – Дункан (по западным меркам, муж с женой так не ходят). Войдя, Есенин высокопарно посмотрел на А.Толстого и Минского, кивнул головой, как закадычному другу, Эренбургу. Обнялся с Кусиковым – всё-таки имажинисты. В зале, конечно, были как сторонники, так и противники Есенина. Поэтому эмигрантам удалось легко и сразу спровоцировать Есенина на скандал. Вот как об этом писала газета «Накануне»: «Кто-то выкрикнул: «Интернационал!» Начался шум, свист. Есенин вскочил на стул и стал читать на исконную русскую тему – о скитальческой озорной душе. А тем, кто свистел, он крикнул: «Всё равно не пересвистите. Как засуну четыре пальца в рот и свистну – тут вам и конец. Лучше нас никто свистеть не умеет». Есенин и дальше продолжал эпатировать публику, заявив: «В России, где теперь трудно достать бумагу, я писал свои стихи вместе с Мариенгофом на стенах Страстного монастыря или читал их вслух на бульварах. Лучшие поклонники поэзии – это проститутки и бандиты»». И хоть после чтения Есениным своих стихов, вся публика была покорена волшебством его поэзии, потом всё-таки «определённые» люди доложили куда надо о скандале. Есенину пришлось обратиться (вместе с Дункан) к заместителю наркома иностранных дел М.Литвинову с письмом: «Обещаю держать себя корректно и в публичных местах «Интернационал» не петь». ²⁴

В газете «Накануне» №40 от 14 мая в заметке «Залётные гости» помещалась беседа с Есениным и Дункан. Танцовщица восклицала: «Я так люблю Россию... Я влюблена в Есенина». ²⁵ Вскоре в литературном приложении к газете появились стихотворения «Не жалею, не зову, не плачу...», «Всё живое особой мейтой...». В последующие дни Есенин устраивал публичные чтения своих стихов. Он имел такой успех, что сразу же удалось договориться о выпуске однотомника в Берлине. Финансирование издания гарантировала, естественно, Дункан. Вообще, в Берлине Есенину удалось заключить договор на издание «Собрания стихов и поэм» и подготовить его к печати. Он также написал и опубликовал автобиографическую заметку. В то же время, Дункан открыла Есенину кредит у портного, и поэт сразу проявил себя безудержным богачом: он заказал себе такое количество костюмов, что их не износить даже за всю жизнь. Дункан, однако, не удивилась: «Он такой ребёнок, и он никогда ничего не имел в жизни. Я не могу упрекать его за это».

17 мая Есенина и Дункан пригласили к себе А.Толстой и его жена. Там же был и Горький. «Дункан пришла обтекаемая многочисленными шарфами пепельных тонов, с огненным куском шифона, перекинутым через плечо, как знамя. В этот раз она была спокойна, казалась усталой. Грима было меньше, и увядающее её лицо, полное женственной прелести, напоминало прежнюю Дункан». Завтрак был на славу. Однако, «беспокойство внушал хозяин завтрака, непредусмотрительно подливавший водку в стакан Айседоры (рюмок для этого напитка она не признавала). Следы этой хозяйской беспечности были налицо». ²⁶ В этот вечер Есенин прочёл неподражаемую «Песнь о собаке». Дункан сквозь слёзы спросила: «Сергей, чтобы ты сказал, если б такое случилось с женщиной?» – «С женщиной? –

Публицистика

Есенин сплюнул на пол. – Женщина – кусок дерьма! Но собака. Ах... Собака – это другое дело!»... Вскоре Дункан предложила Горькому выпить за русскую революцию, и добавила, что она будет танцевать только для русской революции. «Дункан я видел на сцене за несколько лет до этой встречи, – вспоминал Горький, – когда о ней писали как о чуде... У Толстого она тоже плясала, предварительно покушав и выпив водки. Пляска изображала как будто борьбу тяжести возраста Дункан с насилием её тела, избалованного славой и любовью. За этими словами не скрыто ничего обидного для женщины, они говорят только о проклятии старости. Пожилая, отяжелевшая, с красным, некрасивым лицом, окутанная платьем кирпичного цвета, она кружилась, извивалась в тесной комнате, прижимая к груди букет измятых, увядших цветов, а на толстом лице её застыла ничего не говорящая улыбка. Эта знаменитая женщина, прославленная тысячами эстетов Европы, тонких ценителей пластики, рядом с маленьким, как подросток, изумительным рязанским поэтом являлось совершеннейшим олицетворением всего, что ему было не нужно... Разговаривал Есенин с Дункан жестами, толчками колен и локтей. Когда она плясала, он, сидя за столом, пил вино и краем глаза поглядывал на неё, морщился... Потом Дункан, утомлённая, припала на колени, глядя в лицо поэта с вялой, нетрезвой улыбкой. Есенин положил руку на плечо ей, но резко отвернулся... Приласкав Дункан, как, вероятно, он ласкал рязанских девиц, похлопав её по спине, он предложил поехать: «Куда-нибудь в шум», – сказал он. Решили: вечером ехать в Луна-парк. Когда одевались в прихожей, Дункан стала нежно целовать мужчин. «Очень хороши рошен, – растроганно говорила она. – Такой – ух! Не бывает...». Есенин грубо разыграл сцену ревности, шлёпнул её ладонью по спине, закричал: «Не смей целовать чужих!». Мне подумалось, что он делал это лишь для того, чтоб назвать окружающих людей чужими». ²⁷ Иной раз есенинская ревность принимала слишком крутой оборот и уже без всякого намёка на розыгрыш. «В один прекрасный день, придя в гостиничный номер и найдя свою жену рыдающей над альбомом, в котором были портреты её незабвенных Дейдрре и Патрика, <дети Айседоры, трагически погибшие в 1913 году в Париже>, он безжалостно выхватил его у неё и, швырнув в огонь, заорал в пьяной злобе, держа её сзади и не давая спасти драгоценную память: «Ты слишком подолгу думаешь об этих... детях!» ²⁸ Несомненно, темпы их германской жизни оказались слишком активными. В эти дни в Есенине легко замечалась странная, несвойственная ему растерянность. Возможно, это происходило оттого, что здесь, за границей, он окунулся в атмосферу буржуазной богемы, барски расточительной жизни, которая ему была внутренне чужда. Но, скорее всего, причина таилась в том, что Есенин представлялся на Западе мужем знаменитой балерины, в то время как его поэзию никто, кроме некоторых эмигрантов, не знал. Его стихи тогда ещё не были переведены на европейские языки. «Я даже книг не захотел здесь издавать, – сообщал Есенин своему другу А.Сахарову, – не смотря на дешёвизну бумаги и переводов. Никому здесь это не нужно. Ну и е...л я их тоже с высокой лестницы... Конечно, кой-где нас знают, кой-где есть стихи переведённые, мои и Толькины, но на кой х... всё это, когда их никто не читает». ²⁹ В то же время Дункан была всегда весела и хороша, как говорится, в своей тарелке, но, одновременно, в её отношениях к Есенину уже появилось ощущение трагической алчности последнего чувства. Но чувства самодостаточного. Мэри Дести, компаньонка Дункан, отмечала, что Айседора «была не рабской породы, и в потасовках была его достойна». ³⁰

Однажды, после очередной ссоры, Есенин ушёл из отеля к поэту А.Кусикову (который, «как тень, всюду следовал за Есениным в Берлине». ³¹) Вдвоём они «спрятались» в одном пансионе в надежде, что их там никто не найдёт. Бисексуальность

мужа не являлась тайной для Дункан. «Айседора села в машину и объехала за три дня все пансионаты. На четвёртую ночь она ворвалась, как амазонка, с хлыстом в руке. Все спали. Только Есенин в пижаме, сидя за бутылкой пива в столовой, играл с Кусиковым в шашки... Увидя её, Есенин молча попятился и скрылся в тёмном коридоре. Кусиков побежал будить хозяйку, а в столовой начался погром. Айседора носилась по комнатам в красном хитоне, как демон разрушения. Распахнув буфет, она вывалила на пол всё, что было в нём. От ударов её хлыста летели вазочки, рушились полки с сервизами... Айседора бушевала до тех пор, пока бить стало нечего. Тогда, перешагнув через груды черепков и осколков, она прошла в коридор и за гардеробом нашла Есенина. «Покиньте немедленно этот бордель, – сказала она ему по-французски, – и следуйте за мной». Есенин надел цилиндр, накинул пальто поверх пижамы и молча пошёл за ней. Кусиков остался в залог и для подписания пансионного счёта». ³² Затем эти дни глубокого кризиса сменились, как всегда, совместными похождениями. В июне поэт и танцовщица прошлись по кабакам. У Дункан много денег, а значит и много друзей. Есенин втягивался в эти кутежи, а вскоре и сам их устраивал. «Любопытный штрих – Есенин, которого в Берлине всё не интересовало, попросил Николая Набокова повести его и его «Кобылу» или «Суку» в клуб педерастов. «Мейерхольд говорил мне, – обронил он, – что они занимаются содомией прямо на сцене». В полумраке клуба Набоков заметил грубораскрашенных педерастов в коротких рубашках и белых передничках, с розовыми лентами в своих париках... ходили с подносами, присаживались к столикам. Есенин, попивая шампанское с водкой, рассматривал педерастов изумлёнными глазами. Было видно, что Есенин пьян, он вёл себя всё более шумно и буйно. Когда граф Кесслер, сидевший за соседним столиком, стал его разглядывать, Есенин закричал: «Скажи ему, чтобы он перестал смотреть на меня влюблёнными глазами, а не то я ему врежу!»». ³³

21 июня Есенин писал И.Шнейдеру: «Берлинская атмосфера меня издёргала вконец. Сейчас от расшатанности нервов еле волочу ноги... Жизнь не здесь, а у нас... Никакой революции здесь быть не может. Всё зашло в тупик... Изадора вышла за меня замуж второй раз и теперь уже не Дункан-Есенина, а просто Есенина». ³⁴ Повторный брак был зарегистрирован с целью получения разрешения для выезда во Францию. Но в Германии это сделать не удалось, поэтому знаменитая пара 4 июля выехала в Бельгию, где им удалось к концу июля выхлопотать визы во Францию. 13 июля Есенин (из Брюсселя) написал в письме И.Шнейдеру: «Изадора в сильном беспокойстве о Вас. При всех возможностях послать Вам денег, как казалось из Москвы, – отсюда оказывается невозможно. В субботу 15 июля мы летим в Париж. Оттуда через «АРА» сделать это легче. В одном пакете, который был послан аэропланном сообщением через бюро Красина, были вложены Вам два чека по 10 фунтов. Один Ирме, другой моей сестре... Со школой, конечно, в Европе Вы произведёте фурор. С нетерпением ждём Вашего приезда. Особенно жду я, потому что Изадора ровно ни черта не понимает в практических делах, а мне очень больно смотреть на всю эту свору бандитов, которая её окружает». ³⁵ Неожиданно выяснилось, что на парижский банковский счёт Дункан кредиторы наложили арест, а Есенину отказали во французской визе, так как он являлся гражданином не признанной Францией страны. Дункан решила одним жестом решить все проблемы – она продала трёхметровый шлейф красного бархата с золотым шитьём и драгоценными камнями, тот, что был от парадного платья русской царицы. Затем, благодаря природной напористости и, естественно, связям, ей удалось-таки добиться французской визы для Есенина. 27 июля Есенин и Дункан приехали в Париж, и вскоре отправились в Венецию, где прожили

Публицистика

несколько дней в Фешенебельном отеле «Лидо». Один из интереснейших эпизодов жизни в этом отеле записала в своих мемуарах полька Лола Кинел (в то время ей было 23 года), которая говорила и по-русски, и по-английски. Когда Дункан сказала, что «большевики правы. Нет бога. Старо. Глупо». Есенин усмехнулся и сказал с иронией, как бы разговаривая с ребёнком, который старается казаться взрослым и умным: «Эх, Айседора! Ведь всё от Бога. Поэзия и даже твои танцы». «Нет, нет, – убеждённо ответила Айседора по-английски... – Откуда ты знаешь, что есть бог? Люди придумывают богов себе на радость. Других богов нет. Не существует ничего сверх того, что мы знаем, изобретаем или воображаем. Весь ад на земле. И весь рай». В это мгновение Айседора, прекрасная и яростная, была сама похожа на Кариатиду. И вдруг она простёрла руки и, указывая на кровать, сказала с огромной силой в голосе: «Вот бог!». Её руки медленно опустились. Она повернулась и вышла на балкон. Есенин сидел в своём кресле бледный, молчаливый, совершенно уничтоженный». Л.Кинель называла Дункан «величайшей куртизанкой нашего времени».

Затем супруги побывали в Риме, Неаполе, Флоренции. Счастливые влюблённые много дней проводили у моря. Но родина Данте Алигьери не вызвала поэтических ассоциаций в сознании Есенина – его мучила тоска по Родине. В это время Есенин старался как можно больше заключить договоров на печатание его стихов. Благодаря Дункан, он провёл переговоры с бельгийским поэтом Ф.Хеленсом и его русской женой о переводе своих стихов на французский язык и возможности их публикации за счёт средств Дункан в русском издательстве «Вольница», что работало в Париже. Это был сборник «Исповедь хулигана». Свои впечатления от встреч с Есениным и Дункан бельгийский поэт отразил в мемуарах: «Помню вечер, когда мне открылась драма этих двух существ и подлинный характер Есенина. Я приехал, когда они ещё сидели за столом, и нашёл их в состоянии странного и мрачного юмора. Они почти не разговаривали со мной. Они прижимались друг к другу, как два молодых любовника, и ничто не говорило о ссоре. Спустя несколько минут Изадора сказала мне, что их жизнь отравляет прислуга, что вчера вечером имела место непереносимая для неё сцена, чрезвычайно расстроившая её. Она, как его жена, нервничала больше обычного... Есенин вбил себе в голову, что её надо напоить. У него не было дурных намерений, совсем наоборот. Он себе именно так успокаивал нервы. Он вкрадчиво, мягко поднимал бокал к губам своей жены. Когда влияние алкоголя дало себя знать, я прочитал в чертах лица танцовщицы отчаяние, которое она обычно умела скрывать под личиной спокойствия и улыбки. В тот вечер я понял, что эти два человеческих существа, несмотря на все различия между ними, никогда не разойдутся без трагедии». ³⁶

В середине августа Есенин и Дункан вернулись в город поэтов – Париж. Здесь Есенин устроил скандал на спектакле в «Комеди Франсез», объявив на весь зал: «Если это – французский национальный театр, а эта женщина (Сесиль Сорель) – величайшая французская актриса, то принесите мне выпить!». ³⁷

В Париже они прожили месяц и одновременно готовились к переезду в США. Вновь возникла проблема с документами, но при помощи знакомств давнишней подруги Дункан Сесиль Сорель из «Комеди Франсез» консульские визы были раздобыты. 27 сентября Дункан и её муж отплыли на борту парохода «Париж» и прибыли в Нью-Йорк 1 октября. (Группу учениц, которых Дункан планировала показать в Америке, не удалось вызвать из России). Американские власти не сразу разрешили Есенину и Дункан сойти на берег. Дункан протестовала, доказывала, что она коренная американка, а Есенин – её муж. Протестовал и поэт.

Александр Раткевич

Взглянув на статую свободы, Есенин с насмешкой сказал: «Бедная старая девушка! Ты поставлена здесь ради курьёза!». И только после того, как Есенин и Дункан пообещали «не делать никому зла» и «ни в каких политических делах не принимать участия», они получили разрешение (лично от президента У.Гардинга) ступить на американскую землю. Капитан «Парижа» разрешил им провести ночь на корабле и даже пригласил поужинать вместе с ним, тем самым избавив изысканную пару от унижительной ночёвки в лагере на Эллис-Айленде, где американские власти держат иммигрантов до принятия решения, впустить их в страну или отправить обратно. Когда же утром Есенина и Дункан повезли на берег на катере, поэт демонстративно поклонился статуе Свободы. Супружескую пару поселили в нью-йоркской гостинице «Уолдорф Астория». Пресса им уделяла самое пристальное внимание. Нью-Йорские журналисты в своих репортажах, главным образом, отмечали, как одеты Есенин и Дункан. Она появилась «в полуварварском костюме русской танцовщицы, включая ярко раскрашенные сапожки из мягкой жёлтой кожи, волосы ярко-рыжие». Газета «Нью-Йорк уорлд», к примеру, писала: «Вошёл муж мадам Дункан. Он... выглядит мальчишкой, который был бы отличным полузащитником в любой футбольной команде, ростом он примерно 5 футов 10 дюймов, блондинистые хорошо постриженные волосы, широкие плечи, узкие бёдра и ноги, которые могут пробежать сотню ярдов за десять секунд». А газета «Нью-Йорк геральд» отмечала: «Изадора заявила, что считает своего мужа величайшим из живущих русских поэтов, который входит в группу имажинистов. Она показала журналистам томик его стихов, переведённых на французский язык... Её муж, гибкий, атлетически сложенный, с широкими плечами и тонкой талией, разговаривал с Изадорой главным образом через её секретаря. Есенин выглядит моложе своих 27 лет. В одежде он ничем не отличается от обычного американского бизнесмена, будучи в простом сером твидовом костюме. Хотя он не говорит по-английски, он склонился над своей супругой и с улыбкой одобрял всё, что она говорила репортёрам. Оба они выглядели искренне влюблёнными и не старались скрывать это... Молодой русский поражён панорамой небоскрёбов Манхэттена и сказал, что будет писать о них. Он говорит, что предпочитает сочинять стихи «о бродягах и попрошайках», но он не похож на них. Он сказал также, что его обожают бандиты и попрошайки, собаки, коровы и другие домашние животные. В прессе его называли меланхоличным, но он, похоже, самый весёлый большевик, который когда-либо пересекал Атлантику».³⁸

В США они пробыли четыре месяца. С октября по декабрь побывали в Чикаго, Бостоне, Филадельфии, Индианополе, Луисвилле, Канзас-Сити, Детройте, Мемфисе, Балтиморе, Кливленде и других городах, в которых Дункан давала гастролы. «Есенин объездил ряд городов в восточных и центральных штатах, сопровождая Айседору в её турне. Иногда она его выводила на сцену и произносила экспромтом коротенькую речь, в которой он упоминался как «второй Пушкин!» Если верить газетной заметке, на её первом выступлении (7-го октября в Карнеги Холл в Нью-Йорке) Есенин был в высоких сапогах, русской рубашке и шея его была обмотана длиннейшим шарфом. Но вряд ли роль «мужа своей жены» была по душе Есенину. К тому же во время поездки по Америке ему почти не с кем было обменяться словом. Как известно, с женой у него буквально не было общего языка. Это, может быть, тоже способствовало его злоупотреблению спиртными напитками».³⁹

Сама Дункан частенько говорила о Есенине, что это чёрт и ангел вместе. (В подтверждение этой мысли достаточно привести такой эпизод: «На Садовой в комнате Жоржа Якулова собрались гости: легко в те годы уже пьяневший Якулов,

Публицистика

Есенин с Айседорой, вернее, Айседора с Есениным. Она танцует. На полуноcte Сергей одёргивает пианиста и кричит Айседоре: «Брось задницей вертеть! Ведь старуха! Сядь! Лучше я буду стихи читать!». Лёгкое смущение. Айседора послушно садится. Сергей читает одно, другое, третье стихотворенье. И сразу: «Танцуй, Айседора! Пусть все знают, какая ты у меня!»⁴⁰

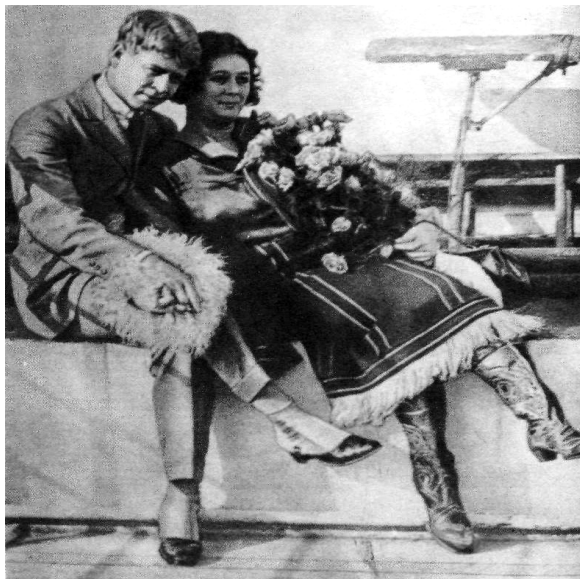
Америка Есенина сильно раздражала, особенно её сухой закон. А когда он, при случае, сообщал американцам, что пишет стихи и является национальным поэтом, его странно спрашивали: «А чем же вы зарабатываете себе на жизнь?». Однажды Есенин сказал Дункан: «Хорошо бы сделать небоскрёб Вульворта моим надгробным камнем – я спрыгну с его крыши с последним стихотворением, которое напишу».⁴¹

Затем Есенин побывал на знаменитой нью-йоркской бирже, которая произвела на него неприятное впечатление, интересовался достопримечательностями в городах, где он бывал. Но и в Америке Есенин не забывал об издании своих стихов. В первой половине ноября Есенин встретился с заведующим славянским отделом Публичной библиотеки в Нью-Йорке Авраамом Ярмолинским и предложил ему издать книгу «Стихи и поэмы» (восемь стихотворений в переводе на английский язык). Ранее (в 1921 году) Ярмолинский выпустил антологию русской поэзии «Modern Russian Poetri» в английском переводе, которая включала и стихи Есенина. Когда поэту прочитали и перевели (сам он не знал иностранных языков) его стихи, он был очень разочарован – не было национального колорита и подлинной есенинской изящности. 12 ноября поэт написал из Нью-Йорка письмо Мариенгофу: «Я уже начинаю учиться говорить себе: застегни, Есенин, свою душу, это также неприятно, как расстёгнутые брюки... Не желаю говорить на этом проклятом аглицком языке. Кроме русского, никакого другого не признаю, и держу себя так, что ежели кому-нибудь любопытно со мной говорить, то пусть учится по-русски... Здесь имеются переводы тебя и меня в издании «Modern Russian Poetri», но всё это убого очень. Знают больше по имени, и то не американцы, а приехавшие в Америку евреи. По видимому, евреи самые лучшие ценители искусства, потому ведь и в России, кроме еврейских девушек, никто нас не читал... Изадора прекраснейшая женщина, но врёт не хуже Ваньки. Все её банки и замки, о которых она пела нам в России, – вздор. Сидим без копейки, ждём, когда соберём на дорогу и обратно в Москву. Лучше всего, что я видел в этом мире, это всё-таки Москва».⁴²

В Америке Есенин изрядно пристрастился к «зелёному змию», посещая подпольные бары. Впрочем, и Дункан порой не отставала от него. В ночь на Рождество она выступала в музыкальной академии города Бруклина в явно пьяном виде и по этой причине столкнулась с роялем. Вскоре дебоши Есенина вынудили супругов переехать из отеля «Уолдорф» в «Бреворт» на 5-й авеню. Но это мало что изменило. Вот как пишет директор школы Дункан в Нью-Йорке М. Мерц (он застал Дункан, спасающуюся от побоев мужа): «Я поговорил с ней по душам и посоветовал не мириться со столь неподобающим обращением. Она ответила со свойственной ей кроткой улыбкой: «Знаешь, Есенин всего лишь русский мужик, а русскому мужику свойственно напиваться по субботам и поколачивать свою жену!»».⁴³

28 декабря Есенин вместе с Д. Бурлюком и А. Ветлугиным принял участие в вечере, который посвящался 250-летию русского театра «Ревизор» в Нью-Йорке. В январе 1923 года супружеская чета жила в Нью-Йорке в отеле The Great Northern Hotel на 56-й улице. Есенин также активно принимал участие в литературных вечерах. В конце января он и Дункан были приглашены в дом поэта Мани-Лейба

(М.Л. Брагинского), уроженца Черниговской губернии. Есенин прочёл первую сцену «Страны негодяев», Мани-Лейб познакомил присутствующих с переводами некоторых стихотворений поэта на идиш. Правда, и на этом литературном вечере не обошлось без скандала. После того, как Дункан по просьбе гостей (а тут были и представители печати) исполнила страстный танец, Есенин ударил её в лицо, кричав, что нечего выделываться перед всякими там евреями. И тут же порвал на своей жене платье... На следующий день многие газеты писали о скандальном поведении русского поэта, избивающего свою жену, знаменитую Дункан. Его представляли

*Сергей Есенин и Айседора Дункан.
По пути в Нью-Йорк.
1 октября 1923 г.*

«антисемитом и большевиком». А через день, в воскресенье, у Есенина произошёл эпилептический припадок – в том числе и от содержания газетных статей. Когда его состояние улучшилось, он воскликнул: «У меня дети от еврейки, а они обвиняют меня в антисемитизме».

Надо полагать, стихи Есенина натолкнулись на труднопреодолимый языковой барьер, что явилось для него разочарованием, более того, стрессом. Потому, не покорив Америку своей поэзией, Есенин стал привлекать к себе внимание резким поведением и скандалами. Ощущая себя не оценённым и непонятым заокеанскими жителями, поэт, скорее всего, внушил себе мысль, что Америка вообще не понимает и не воспринимает искусство. Но был и другой мотив. Возможно, более болезненный для Есенина. В этом смысле характерен ответ Есенина на вопрос Вс.Рожественского: что делал поэт за границей, что видел там и чему удивился? «Америки я так и не успел увидеть. Остановились в отеле. Выхожу на улицу. Темно, тесно, неба почти не видать. Народ спешит куда-то, и никому до тебя дела нет – даже обидно. Я дальше соседнего угла и не ходил. Думаю – заблудишься тут к дьяволу, и кто тебя потом найдёт? Один раз вижу – на углу газетчик, и на каждой газете моя физиономия. У меня даже сердце ёкнуло. Вот это слава! Через океан дошло. Купил я у него добрый десяток газет, мчусь домой, соображаю – надо тому, другому послать. И прошу кого-то перевести подпись под портретом. Мне и переводят: «Сергей Есенин, русский мужик, муж знаменитой, несравненной, очаровательной танцовщицы Айседоры Дункан, бессмертный талант которой...» и т.д. и т.д. Злость меня такая взяла, что я эту газету на мелкие клочки изодрал и долго потом успокоиться не мог. Вот тебе и слава! В тот вечер спустился я в ресторан и крепко, помнится, запил. Пью и плачу. Очень уж мне назад, домой, хочется».⁴⁴

В конце января Дункан давала прощальные концерты. «Изадора Дункан отложила свою поездку в Сов. Россию для того, чтобы в пятницу 2 февраля 1923 г. в Лексингтон-театре, 51-я ул. и Лексингтон авеню, дать специальное представление в пользу сирот. Исключительно русская программа. Русский симфонический оркестр под управлением Модеста Альтшулера. Знаменитый русский поэт

Публицистика

Сергей Есенин (муж Изадоры Дункан) будет говорить о своих впечатлениях в Соединённых Штатах». ⁴⁵

Однако, утомлённая ведущейся против неё кампанией в американской печати (на многих своих выступлениях Дункан, размахивая над головой красным шёлковым шарфом, кричала: «Он красный! Я тоже красная! Это цвет жизни и мужества. Вы когда-то были отважными. Не позволяйте приручить вас!»), волнуясь о физическом и психическом состоянии Есенина (в конце февраля 1923 года парижский доктор, осматривая поэта, поставил диагноз – эпилепсия), артистка решила, что пришло время покинуть Америку, тем более что Департамент труда пообещал лишить Дункан американского гражданства за то, что она вступила в брак с Есениным. Через месяц это было осуществлено. На одном из своих последних концертах Дункан, перед уходом со сцены, заявила зрителям: «Мой менеджер сказал мне, что, если я буду произносить речи, моё турне кончится. Очень хорошо, турне кончилось. Я вернусь в Москву, где есть водка, музыка, поэзия и танцы... Да, и Свобода!»

Эти гастролы позволили Дункан заработать немало денег, но большинство из них ушло на развлечения, дорогое жильё, подарки, шикарную одежду и т.д. Много потратил и Есенин. Достаточно сказать, что он без разрешения взял у Дункан 8 тысяч долларов. Присвоил, как это ни досадно, почти половину её гардероба (с целью передать присвоенное своим сёстрам). Прожив в США четыре месяца, Есенин и Дункан на пароходе «Джордж Вашингтон» отплыли в Европу. Во Францию они прибыли 11 февраля и поселились в парижском Hotel Crillon. Но отношения между ними явно ухудшились. Продолжались конфликты. «Совместная жизнь Есенина и Дункан сложилась неудачно для них обоих. Здесь сказались разница в культуре и жизненных навыках, противоречивость взглядов на искусство. По-видимому, имело немаловажное значение и то обстоятельство, что супруги объяснялись друг с другом, главным образом, мимически, жестами, так как Дункан почти не научилась говорить по-русски, а Есенин не мог и не хотел объясняться ни на каком другом языке, кроме русского. Кочевой образ жизни без своего угла, богемность, космополитичность Дункан, не имевшей родины, оторванность от родины Есенина, – всё это обострило их отношения. Есенин очень тосковал за границей, скучал по Москве, презирал уклад западной жизни, мало писал и много пил, как пила впрочем и Айседора Дункан, за много лет артистической жизни привыкшая начинать свой день с коньяка и заканчивать его на рассвете шампанским. Есенина пугало творческое, как ему казалось, бессилие, ему нужно было окружение родной стороны, его тянуло домой к друзьям. Дункан всё оттягивала возвращение в Москву, связанная многочисленными контрактами. Между ними учащались недоразумения, переходящие в ссоры, назревал острый конфликт». ⁴⁶

Два дня спустя Есенин, будучи пьян, устроил дебош и разгромил номер в отеле: зеркала и стёкла были разбиты, кровати сломаны, простыни разорваны. Дункан, чтобы не попасть под горячую руку мужа, уехала в Версаль. Потом журналисты писали с её слов: «Я никогда не верила в брак и теперь верю в него ещё меньше, чем когда-либо... Некоторые русские не могут быть пересажены с родной почвы... Все знают, что Есенин сумасшедший. В Москве он может крушить всё на свете, и никто не будет обращать на него внимания, потому что он – поэт». ⁴⁷

Есенин, видимо, затаил злобу и решил при удобном случае отомстить Дункан за это интервью. В середине февраля Есенин и Дункан были приглашены на корпоративную вечеринку к профессору Ключникову, где поэта попросили прочитать «Пугачёва». «Есенин лицом к стене, хрипло читает; лицо нарочито искажено.

Александр Раткевич

Спокойное самодовольство А.Дункан. Французские парламентарии. Подчёркнутое уважение к Дункан, Есенин же для них – нечто вроде юного дикаря, вывезенного прихотливой принцессой. У меня – вспышка ненависти к Дункан, к иностранцам, к корректным хозяевам. Я тяну Есенина за рукав. Мы выходим в другую комнату и садимся в углу. Он полупьян... Дункан мешает нам разговаривать. Я слышу невероятный на фоне парижских смокингов и украшенного цветами стола диалог. Он произносится вполголоса; парламентарии его не слышат. «Ты – сука», – говорит Есенин. «А ты – собака», – отвечает Дункан. Она ревнует ко всякому и ко всякой. Она не отпускает его от себя ни на шаг. Есенин прогоняет её – взглядом... Минуту спустя. Дункан ласково отвлекает его от меня. Он уже беззлобен. Тих и кроток – да, печально кроток». ⁴⁸

В конце февраля супруги перебрались в Берлин. И здесь Есенин по-своему отплатил Дункан. Корреспонденту одной из немецких газет он дал интервью под своеобразно-оригинальным заголовком «Лучше в Сибирь, чем в мужа к Айседоре», где любопытные могли прочитать: «Россия большая, в ней я всегда найду место, где эта жуткая женщина меня не достанет... Она никогда не желала признавать мою индивидуальность и всегда стремилась властвовать надо мною». В другом интервью Есенин обвинял Дункан в приверженности к алкоголю: «Я безумно люблю Изадору, но она так много пьёт, что я не мог больше терпеть этого». В Германии Есенин развернул большую активность: в марте подписал с берлинским издательством И.Благова контракт на печатание книги «Стихи скандалиста»; посетил Горького и прочитал ему новую поэму «Чёрный человек»; принял участие в концерте в зале германского аэроклуба (11 марта) – читал стихи из цикла «Москва кабацкая»; выступил перед российским студенчеством в Klindwort-Scharwenka-Saal. 10 апреля супружеская чета вернулась в Париж. Но устроиться ни в одном отеле им не удалось, так как администрация не хотела рисковать своим имуществом. В результате они поселились в доме Дункан на Рю де ла Помп. Чтобы иметь средства к существованию, пришлось распродавать свои ценные вещи. Но наилучшие заработки приносили выступления. 13 мая Есенин устроил вечер поэзии в парижском театре Раймонда Дункана, брата Айседоры. Давала концерты и Дункан. «После своего первого выступления в Париже в зале «Трокадеро» 27 мая 1923 года Айседора устроила приём для нескольких своих близких друзей – небольшой группы артистов и поэтов. Есенину это общество пришлось не по вкусу, и он удалился наверх в свою комнату. Позже, когда кто-то играл сонату Бетховена, он ворвался туда с дикими глазами и взъерошенными волосами и заорал по-русски: «Банда надутых рыб, грязные половики для саней, протухшие утробы, солдатское пойло – вы разбудили меня!» И, схватив канделябр, он швырнул им в зеркало, которое посыпалось на пол. Несколько мужчин постарались справиться с брыкающимся неистовым мужиком, а один из слуг позвонил в ближайший комиссариат. Вскоре прибыли на велосипедах четверо ажанов, и Есенина вынесли, тихо бормочущего на ломаном французском языке: «Хорош полиция... Идти с вами!» На следующее утро Айседора по совету своих друзей занялась хлопотами о перевозке своего мужа из полицейского участка в психиатрическую больницу... Поведение Айседоры, при всей сложности обстоятельств её отношений с Есениным, характеризовалось преданностью, терпимостью и великодушием в любви». ⁴⁹ В начале июля Есенин вновь столкнулся с полицейскими и его отправили в участок...

После полугодового пребывания во Франции и Германии Дункан решила, что ей следует сдать в аренду свой парижский дом на длительный срок и ехать в Россию с Есениным. После того, как поезд пересёк границу и остановился на

Публицистика

первой российской станции, Есенин вышел из вагона, упал на колени и поцеловал русскую землю. 3 августа 1923 года супруги прибыли в Москву (Всего за границей они пробыли около пятнадцати месяцев). Однако, перед выходом на перрон они, видимо, сверхмеры поссорились и Есенин, после пересечения границы пивший всю дорогу, прежде чем покинуть вагон, разбил в нём почти все окна. «Вот, я привезла этого ребёнка на его родину, сказала Дункан по-немецки, – но у меня нет более ничего общего с ним...»⁵⁰ А когда приехали в особняк на Пречистенку (туда же было отправлено большое количество чемоданов и сумок), поэт, даже не взяв с собой никаких вещей, ушёл от своей жены (Когда ранее поэт настойчиво говорил Дункан, что по возвращении домой он с нею расстанется, она не верила и считала, что Есенин не способен на такой шаг). Своим друзьям Есенин таким образом объяснял свои заграничные скандалы: «Да, я скандалил, мне это нужно было. Мне нужно было, чтобы они меня знали, чтобы они меня запомнили. Что, я им стихи читать буду? Американцам стихи? Я стал бы только смешон в их глазах. А вот скатерть со всей посудой стащить со стола, посвистеть в театре, нарушить порядок уличного движения – это им понятно. Если я это делаю, значит, я миллионер, мне, значит, можно. Вот и уважение готово, и слава и честь! О, меня они теперь лучше помнят, чем Дункан».⁵¹

Через три дня Есенин вернулся на Пречистинку, но только для того, чтобы взять кое-какую одежду. 14 августа Дункан отправлялась на гастроли в Кисловодск. Поэт каким-то образом узнал, что южный экспресс, на котором едет его жена, отходит с Казанского вокзала, и перед самым отправлением поезда появился на платформе. Дункан сияла от радости, и упрашивала мужа ехать с нею, объясняя, что ему нужно отдохнуть от всех скандалов, волнений, ссор... Есенин отказался, но пообещал появиться в Крыму позже. Они простились нежно и дружелюбно. Дункан долго махала Есенину своим шикарным шарфом из окна удаляющегося поезда. На юге, когда Дункан выступала в Кисловодске, вышла неприятность. Танцуя «Славянский марш», она использовала некоторые строки из царского гимна, поэтому ГПУ пригрозило ей арестом. К счастью, в эти же дни в Кисловодске отдыхал Л.Троцкий, который и спас танцовщицу.

16 августа Есенин перебрался на своё прежнее местожительство (Богословский пер., 3) к любезному другу Мариенгофу, перевезя все свои большие американские чемоданы. Это говорило об одном – ехать на юг Есенин не собирался. Через несколько дней Есенин сказал Мариенгофу: «Я устроил перевод твоих стихов... но это бессмысленно – поэзия там никому не нужна... Что же касается Изадоры – то адью!». Мариенгоф был очень рад встрече со старым другом, однако, отметил: «Вот только глаза... Я не мог понять их... странно, но это были не его глаза». Вечер они провели в одном из московских кабаков. Есенин расслабился, напился, по обыкновению перебил много посуды, поломал стулья, опрокинул несколько столов и даже рвал и разбрасывал червонцы. Домой его отвезли в бессознательном состоянии, изо рта шла пена. А утром, на свежую голову, поэт решил окончательно, что больше никогда не вернётся к Дункан. Однако у Дункан были иные планы – она изо всех сил пыталась удержать около себя молодого мужа. В начале октября 1923 года из Тифлиса она телеграфировала Есенину по поводу его Дня рождения: «Поздравляю тебя с этим самым счастливым днём. Хочу, чтобы этот день чаще повторялся. Люблю тебя. Изадора». «Дорогая Изадора! – Сообщал поэт супруге. – Я очень занят книжными делами, приехать не могу. Часто вспоминаю тебя со всей моей благодарностью тебе. С Пречистенки я съехал... Дела мои блестящи... мне дают сейчас большие средства на издательство. Желаю успеха и здоровья и поменьше пить. Привет Ирме и Илье Ильичу. Любящий С.Есенин».⁵²

Из Крыма Дункан также постоянно отправляла поэту-мужу телеграммы. Есенин 11 октября телеграфировал: «Я люблю другую женат и счастлив». (Первоначальный текст телеграммы был более резок: «Я говорил ещё в Париже, что в России я уйду. Ты меня очень озлобила. Люблю тебя, но жить с тобой не буду. Сейчас я женат и счастлив. Тебе желаю того же. Есенин»⁵³ И больше не откликнулся. Кавказское турне Дункан завершилось в Батуми, где она проживала в доме молодого грузинского поэта и где его друзья-поэты избрали её своей Музой. Возвратившись в Москву в середине октября, Дункан попыталась вернуть к себе Есенина. Но теперь это не удалось. Есенина не смогли найти ни на прежней квартире, ни в кафе, где он был завсегдатаем. «Через некоторое время, когда однажды днём Айседора сидела в своей комнате с несколькими гостями, Есенин явился – требовать свой бюст. Он громко требовал его сейчас же и, наконец, пьяным ворвался в комнату. Бюст, гениально вырезанный Коненковым из огромного куска дерева, стоял на высоком старинном шкафу в углу комнаты. Айседора просила Есенина прийти в другой раз, когда он будет более в состоянии нести его, но он приволок стул в угол и нетвёрдыми ногами взгромоздился на него. Однако когда он дотянулся до бюста трясущимися руками и схватил его, вес оказался слишком велик для него. Он зашатался и рухнул со стула, покотившись вверх тормашками на пол. Злобный и трясущийся, он поднялся на ноги и затем, пошатываясь, вышел из комнаты, крепко прижимая к груди свой деревянный образ. Это был последний раз, когда Айседора Дункан видела своего мужа и поэта, Сергея Александровича Есенина»⁵⁴ В последнем письме к Дункан Есенин исповедовался: «Часто вспоминаю тебя со всей моей благодарностью к тебе». Финальным жестом внимания Есенина к Дункан была дарственная надпись «За всё, за всё, за всё тебя благодарю я...» на книге «Пугачёв», которую он подарил Дункан во время их последней встречи в конце октября 1923 года. «На берега Невы приехал А.Я. Таиров с Камерным театром. – Сообщает об этом эпизоде писатель Н. Никитин. – Он позвонил мне из гостиницы «Англетер» и сказал, что ждёт меня к обеду, на котором будет и Айседора Дункан. Мне очень захотелось пойти. Я никогда в жизни её не видел. Но у меня сидел Есенин, и я сказал Таирову об этом. – Хочешь прийти с ним? Ради бога, не надо. Не зови его, будет скандалить. Изадора и он совсем порвали друг с другом... Есенин, сидевший рядом с телефоном, очевидно, слышал весь разговор с Таировым и стал меня упрашивать взять его с собой. Я протестовал. Но, в конце концов, всё вышло так, как он хотел. В номере Таирова Есенин не подошёл к Айседоре Дункан. Этому способствовало ещё то, что кроме Таирова, А.Г. Коонен и Дункан за обеденным столом сидели некоторые актёры и актрисы Камерного театра. Среди них и затерялся Есенин. Я смотрел на Дункан. Передо мной сидела пожилая женщина, как я понял впоследствии – образ осени. На Изадоре было тёмное, как будто вишнёвого цвета, тяжёлое бархатное платье. Лёгкий длинный шарф окутывал её шею. Никаких драгоценностей. И в то же время мне она представлялась похожей на королеву Гертруду из «Гамлета». Есенин рядом с ней выглядел мальчиком... Но вот что случилось. Не дождавшись конца обеда, Есенин таинственно и внезапно исчез. Слово привидение. Даже я вначале не заметил его отсутствия. Неужели он приезжал лишь затем, чтобы хоть полчаса подышать одним воздухом с Изадорой?..»⁵⁵ Галине Бениславской Есенин признавался: «Была страсть, и большая страсть. Целый год это продолжалось, а потом всё прошло и ничего не осталось, ничего нет. Когда страсть была, ничего не видел, а теперь...»⁵⁶ И наиглавнейшее: именно общение Есенина с Дункан явило миру самый пронзительный и невероятный стихотворный цикл «Москва кабацкая».

К сожалению, здоровье Есенина ухудшалось. В медицинской справке

Публицистика

Московской психиатрической клиники, в частности, отмечалось, что поэт «страдает серьёзным нервным и психическим заболеванием, выражающихся в серьёзных приступах психического расстройства, в навязчивых идеях и отклонениях». А Дункан продолжала гастролировать по советской стране. В первом квартале 1924 года она выступила в Киеве и Харькове. Затем последовало турне по Волге и Туркестану. Последнее её выступление состоялось 29 сентября в Большом театре, куда были приглашены 4 тысячи пионеров и школьников. Присутствовали даже вожди большевистской партии. А на следующий день Дункан уже была на борту самолёта, который вылетал в Кенигсберг. Все, кто её видели в те дни, высказывались примерно одинаково: «На сегодняшний день танцы Айседоры Дункан напоминают осенние листья...», «Она лежала, большая, с затуманенными глазами, не совсем трезвая, в дешёвом номере второклассного берлинского отеля, из которого она не может выехать, так как у неё нет денег, чтобы заплатить по счёту...», «Она больше не завораживает зрителей своими порывами. Её силы убывают...». Сама Дункан о себе была не лучшего мнения: «Я вижу на конце верёвки... Я готова продать любовные письма, адресованные мне, – это всё, что у меня осталось, – у меня их не меньше тысячи».

Весть о смерти Есенина Дункан получила в Париже. Она обратилась в парижские газеты с таким письмом: «Известие о трагической смерти Есенина причинило мне глубочайшую боль. У него была молодость, красота, гений. Неудовлетворённый всеми этими дарами, его дерзкий дух стремился к недостижимому, и он желал, чтобы филистимляне пали пред ним ниц. Он уничтожил своё юное и прекрасное тело, но дух его вечно будет жить в душе русского народа и в душе всех, кто любит поэтов. Я категорически протестую против легкомысленных и недостоверных высказываний, опубликованных американской прессой в Париже. Между Есениным и мной никогда не было никаких ссор, и мы никогда не были разведены. Я оплакиваю его смерть с болью и отчаянием. Айседора Дункан». Своей Ирме она сказала иначе: «Я рыдала о нём много долгих часов, сколько могла... Сейчас у меня полоса сплошных страданий и невзгод, поэтому меня часто посещает искушение последовать его примеру. Только я уйду в море».⁵⁷ Вскоре она в Ницце предприняла попытку самоубийства – зашла далеко в море. Но её спасли.

Дункан, как жене поэта, принадлежало право его наследства. А оно, благодаря огромным переизданиям его книг в последний год, достигло 300-400 тысяч франков. В ноябре 1926 года Дункан получила из Москвы извещение на получение денег. И хотя она сильно нуждалась, а её дом в Нью-Йорке из-за долгов был выставлен на продажу, она всё же отказалась от наследства в пользу родных поэта: матери и сестёр.

Прошло чуть более года, и Дункан взялась за воспоминания о своей жизни, о большевистской России, о Есенине. Но она успела написать только первую страницу... Однажды Дункан решила проехать в гоночном автомобиле. «Айседора вышла из отеля в Ницце 14 сентября 1927 года с повязанным вокруг шеи красным шарфом, села в спортивную машину «Бугатти», за рулём которой находился молодой водитель-итальянец, в которого Айседора была влюблена. Автомобиль тронулся, затем внезапно остановился, прохожие увидели, как голова танцовщицы резко дёрнулась и упала на край дверцы. Красный шарф попал на ось колеса и, затянувшись, задушил её. Прибывший врач констатировал мгновенную смерть. Для того чтобы освободить голову актрисы, шарф пришлось перерезать».⁵⁸

Поэт и танцовщица – навеки муж и жена.

- ¹ Грибанов Б.Т. Женщины, которые любили Есенина. М., Вече, 2006. С.103.
- ² Эвентов И.С. Сергей Есенин. М., Просвещение, 1987. С. 76.
- ³ Сидорина Н.К. Златоглавый. Тайны жизни и гибели Есенина. Классика плюс. М.1995, С.90, 88
- ⁴ Мой век, мои друзья и подруги. Воспоминания Мариенгофа, Шершеневича, Грузинова. М.1990. С.389-390.
- ⁵ Шнейдер И.И.. Встречи с Есениным. В кн.: С.А.Есенин в воспоминаниях современников. Художественная литература. М. 1985. Т.2. С.36.
- ⁶ Куняевы С.Ю. и С.С.. Жизнь Есенина. М. Центрполиграф. 2002. С.257.
- ⁷ Сидорина Н.К. Златоглавый. Тайны жизни и гибели Есенина. Классика плюс. М.1995, С.89.
- ⁸ Белоусов В.Г. Сергей Есенин. Литературная хроника. Часть 2. М. Советская Россия. 1970.С.28.
- ⁹ Чернявский В.С. Три эпохи встреч. В кн.: С.А.Есенин в воспоминаниях современников. Художественная литература. М. 1985. Т.1 С.223,228.
- ¹⁰ Соколов Б. Сергей Есенин. Красная нить судьбы. М. «Эксмо», «Яуза», 2005, с.209.
- ¹¹ Мой век, мои друзья и подруги. Воспоминания Мариенгофа, Шершеневича, Грузинова. М.1990. С.391.
- ¹² Городецкий С.М. О Сергее Есенине. В кн.: С.А.Есенин в воспоминаниях современников. Художественная литература. М. 1985. Т.1. С.182-183.
- ¹³ Старцев И.И. Мои встречи с Есениным. В кн.: Белоусов В.Г. Сергей Есенин. Литературная хроника. Советская Россия. М.1970. С.28.
- ¹⁴ Соколов Б. Сергей Есенин. Красная нить судьбы. М., «Эксмо», «Яуза», 2005, с.219.
- ¹⁵ Мой век, мои друзья и подруги. Воспоминания Мариенгофа, Шершеневича, Грузинова. М.1990. С.220.
- ¹⁶ Грибанов Б.Т. Женщины, которые любили Есенина. М., Вече, 2006. С.123-124.
- ¹⁷ Розанов И.Н. Воспоминания о Сергее Есенине. В кн.: С.А.Есенин в воспоминаниях современников. Художественная литература. М. 1985. Т.1. С. 441.
- ¹⁸ Мой век, мои друзья и подруги. Воспоминания Мариенгофа, Шершеневича, Грузинова. М.1990. С.395-396
- ¹⁹ Там же. С.580.
- ²⁰ И.Дункан, А.Р.Макдугалл. «Русские дни Айседоры Дункан и её последние годы во Франции». 1929.
- ²¹ Белоусов В.Г. Сергей Есенин. Литературная хроника. Часть 2. М. Советская Россия. 1970. С.253.
- ²² Шнейдер И.И.Встречи с Есениным. В кн.: С.А.Есенин в воспоминаниях современников. Художественная литература. М. 1985. Т.2. С.42.
- ²³ Сергей Есенин. ПСС в 7 тт. Т.7. М., 1999. С.346.
- ²⁴ Есенин С.А. Собрание сочинений в 6-ти томах. Художественная литература. М. 1980. Т.6. С.122.
- ²⁵ Сергей Есенин. ПСС в 7 тт. Т.7. М., 1999. С.552.
- ²⁶ Крандиевская-Толстая Н.В. Сергей Есенин и Айседора Дункан. В кн.: С.А.Есенин в воспоминаниях современников. Художественная литература. М. 1985. Т.2. С.14-15.
- ²⁷ М.Горький. Сергей Есенин. В кн.: С.А.Есенин в воспоминаниях современников. Художественная литература. М. 1985. Т.2. С.6-10.
- ²⁸ И.Дункан, А.Р.Макдугалл. «Русские дни Айседоры Дункан и её последние годы во Франции». 1929.
- ²⁹ Есенин С.А. ПСС в 7 тт. Т.6. М., 1998. С.123.
- ³⁰ Desti M. The Untold Story. The Life of Isadora Duncan, 1921-1927. N.Y. Liverigt, 1929.
- ³¹ Крандиевская-Толстая. Сергей Есенин и Айседора Дункан. В кн.: С.А.Есенин в воспоминаниях современников. Художественная литература. М. 1985. Т.2. С.15.
- ³² Там же. С.18-19.
- ³³ Грибанов Б.Т. Женщины, которые любили Есенина. М., Вече, 2006. С.139.

Публицистика

- ³⁴ Есенин С.А. Собрание сочинений в 6-ти томах. Художественная литература. М. 1980. Т.6. С.120-122.
- ³⁵ Там же. С.127.
- ³⁶ Грибанов Б.Т. Женщины, которые любили Есенина. М., Вече, 2006. С.158.
- ³⁷ Соколов Б. Сергей Есенин. Красная нить судьбы. М. «Эксмо», «Яуза», 2005. С.230.
- ³⁸ Грибанов Б.Т. Женщины, которые любили Есенина. М., Вече, 2006. С.161-162
- ³⁹ Ярмолинский А. Есенин в Нью-Йорке. В кн.: Белоусов В.Г. Сергей Есенин. Литературная хроника. Часть 2. М. Советская Россия. 1970. С.70.
- ⁴⁰ Мой век, мои друзья и подруги. Воспоминания Мариенгофа, Шершеневича, Грузинова. М.1990. С.582.
- ⁴¹ Соколов Б. Сергей Есенин. Красная нить судьбы. М. «Эксмо», «Яуза», 2005.С.232.
- ⁴² Есенин С.А. Собрание сочинений в 6-ти томах. Художественная литература. М. 1980. Т.6. С.133-135.
- ⁴³ Соколов Б. Сергей Есенин. Красная нить судьбы. М. «Эксмо», «Яуза», 2005. С.233.
- ⁴⁴ Вс.Рождественский. Сергей Есенин. В кн.: С.А.Есенин в воспоминаниях современников. Художественная литература. М. 1985. Т.2. С.114-115.
- ⁴⁵ Газ. «Русский голос». Нью-Йорк, 1923, №2063. В кн.: Белоусов В.Г. Сергей Есенин. Литературная хроника. Часть 2. М. Советская Россия. 1970. С.72.
- ⁴⁶ Вольпин В.И. Сергей Есенин и Айседора Дункан. В кн.: Белоусов В.Г. Сергей Есенин. Литературная хроника. Часть 2. М. Советская Россия. 1970. С. 75.
- ⁴⁷ Соколов Б. Сергей Есенин. Красная нить судьбы. М. «Эксмо», «Яуза», 2005. С.242.
- ⁴⁸ Лундберг Е. Записки писателя. 1920-1924. Т.II. 1930. В кн.: Белоусов В.Г. Сергей Есенин. Литературная хроника. Часть 2. М. Советская Россия. 1970. С.73.
- ⁴⁹ Desti M. The Untold Story. The Life of Isadora Duncan, 1921-1927. N.Y. Liverigt, 1929.
- ⁵⁰ Шнейдер И.И. Встречи с Есениным. В кн.: С.А.Есенин в воспоминаниях современников. Художественная литература. М. 1985. Т.2. С.35.
- ⁵¹ Соколов Б. Сергей Есенин. Красная нить судьбы. М. «Эксмо», «Яуза», 2005. С.247.
- ⁵² Есенин С.А. Собрание сочинений в 6-ти томах. Художественная литература. М. 1980. Т.6. С.138.
- ⁵³ Бениславская Г.А. Воспоминания о Есенине. В кн.: С.А.Есенин в воспоминаниях современников. Художественная литература. М. 1985. Т.2. С.59.
- ⁵⁴ И.Дункан, А.Р.Макдугалл. «Русские дни Айседоры Дункан и её последние годы во Франции». 1929.
- ⁵⁵ Никитин Н. Н. О Есенине. В кн.: С.А.Есенин в воспоминаниях современников. Художественная литература. М. 1985. Т.2. С.135-136.
- ⁵⁶ Бениславская Г.А. Воспоминания о Есенине. В кн.: С.А.Есенин в воспоминаниях современников. Художественная литература. М. 1985. Т.2. С.65.
- ⁵⁷ Соколов Б. Сергей Есенин. Красная нить судьбы. М. «Эксмо», «Яуза», 2005.С.261.
- ⁵⁸ Маслов А.В. «Загадочная петля. Кому выгодно «убить» поэта?». Ростов-на-Дону: Феникс, 2006. С.224 .

ОБРЕТЕНИЕ ПРИСТАНИЩА

(Продолжение. Начало в №№ 1(8) 2006 – 1(10) 2007)

Глава восьмая

Когда пути исповедимы...

...Я не впал в “духовное одичание метафоризма”.
Юрий КУЗНЕЦОВ.

ТЕПЕРЬ, когда мы усвоили принципы, по которым можно отличить, есть ли у человека стихотворный дар, не мешало бы определить, какие именно способы самовыражения присущи обладателям поэтического таланта.

Автор, процитированный в начале, хотел сказать, что ему повезло, что он волею судьбы не сделался “ненужным” поэтом, его произведения не остались лишними и не понятными для массового читателя. Что ж, востребованность Историей (в данном случае — современностью) — это, конечно, бесспорный критерий пригодности личности к творчеству. Но, думается, далеко не главный.

Мы же во главу угла поставили языковое чутье как информационно выраженный эквивалент интуиции, ведь то и другое передает дух Времени, его состояние. Смотря что разлито в воздухе — тревога ли, тоска или благодушие и всеобщее ликование.

В одной из предыдущих глав мы выяснили, что быть поэтом — вовсе не означает быть порядочным человеком. И наоборот. Очевидно, ни плохими, ни хорошими самих по себе художников называть нельзя в зависимости от их творческих методов, от системы исповедуемых ими эстетических ценностей. Как утверждал один из представителей франкфуртской школы, эстетика есть не просто философия искусства, но учение о действительности, об отношении к ней с точки зрения идеала собственно человеческой жизни, какой она должна быть. А идеал у каждого свой. И разные представления о том, какова должна быть жизнь, — у каждого из нас. Не хочется ничего насаждать. Но хочется разобраться с тем, чтобы всякий мог ориентироваться среди течений искусства и достаточно четко определить, у кого именно ему стоит учиться.

Думается, вся Поэзия — и не только современная — подразделяется на два крыла. Одни художники предпочитают придерживаться метода “многозначного символа”, другие — “дикой метафористики”. Начинаящий автор словно пребывает в точке прямой и выбирает, в какую из бесконечностей ему отправиться. Ибо, когда смотришь не со стороны, совершенно не важно, где “плюс”, а где “минус”. Над этим просто не задумываешься.

Публицистика

Не задаваясь целью разложить творческие методы по полочкам чисто механических признаков, все-таки выделим некоторые наиболее характерные черты у обоих названных направлений, попутно расшифровывая эти черты.

Итак, “многозначные символисты”.

Первое. Для них предметом поклонения является “штрих”, о есть усиление смысла стихотворения на его финале. Допустим, ведется обыкновенное созерцательное бытописание, и вдруг в последнем четверостишии — открытие, поражающий новизной афоризм. Ни чем особенным не примечательный текст вдруг завершается гениальным открытием.

Второе. “Многозначным” свойственно не слишком строгое следование Форме. Так, они всегда готовы отказаться от рифмы, ибо она их сдерживает. Якобы вообще мешает, не дает реализоваться содержательным возможностям темы. Или такой прием: например, вторая и последняя строки в четверостишии рифмуются, а первая и третья — нет. Значит, автору куда важнее изложить свою мысль как таковую, нежели облачать ее в изящные одежды — и пойти тем самым на риск, потерять нить повествования в складках роскошной мантии.

А крестный отец символистов Поль Верлен ратовал вовсе за “отмену” рифмы: мол, вполне хватает и ритмической и звуковой организации речи для передачи ее музыкальной структуры.

Наконец, *третье.* Из-за тяги к голой мелодике символисты стремятся к коротким, немногосложным строкам, причем часто каждая из них — самодостаточное предложение. Без подчинительной связи. Исключительно сочинительная. А нередко и каждая строка — произведение самостоятельное. И, случается, поменяв местами в четверостишии четную пару строк с нечетной, мы сохраняем в прежнем виде авторскую мысль. Как в алгебре при сложении...

Произведение символистов состоит как бы из “кирпичиков”. Если вынуть один из них — “здание”, пожалуй, может и рассыпаться, но вот эта взаимозаменяемость строк весьма удобна при чтении вслух (декламировании) и, к тому же, во многом облегчает задачу редактирования, доработки стихов.

Теперь о “диких духом”. Но — все равно богатых им.

Во-первых, “напряг” идет с начальной же строки, да и все произведения — как бы пулеметная очередь, настолько массивирован огонь слов, их заряд, — все то, что мы нарекли “сверхзадачей”. Произведение выдержано как бы на едином дыхании. “Штриховка” сплошная.

Во-вторых, не только ритм, но и рифма — неперенные атрибуты Формы, условия существования произведения как единого целого, которые, однако же, значительно определяют и логику сочинения, помимо воли автора влияют на содержание. Метафористы становятся почти заложниками собственных слов, ибо автор, который убежден, что ему непременно нужно подобрать рифму к уже записанной строке, впадает в определенную зависимость от лексического запаса, от словарного багажа данного Языка.

В-третьих, автор чувствует себя раздольно в длинных, многосложных строках, чаще — без точек в конце их. Строка перетекает с строку плавно, зато вся речь получается ступенчатой — в плане ее осмысления. Предложение начинается посреди одной строки, заканчивается посреди другой. В результате уже высказанная мысль вызывает следующую.

Метафористам, на поверхностный взгляд, важно лишь нанизать слова друг на друга. Нет, важно сделать это так изящно, чтобы речь словно совпала с дыханием, с пульсом, с биением сердца. В отличие от “кирпичной кладки” символистов, “дикие” любят простор монолитной конструкции. Насколько хватит дыхания... Тут коль пожелаешь какую-нибудь строчку заменить — как бы вся стройка не “полетела”.

Таковы, в самом общем виде, некоторые различия между двумя полюсами поэтического постижения мироздания.

*...Но скорость внутреннего прогресса
больше, чем скорость мира.
Иосиф БРОДСКИЙ.*

СТАЛО БЫТЬ, всякий волен (или не волен, но вынужден в силу внутреннего уклада) выбирать, под сенью какого крыла ему созидать. Поиск может происходить довольно болезненно при становлении начинающего поэта, при его созревании в Мастера. Но это, как говорится, уже “кухня” любого автора, вмешиваться тут нечего.

Гораздо интереснее для нас разобраться, — а тем самым и подсказать дорогу, облегчить выбор, — в чем не условная, а принципиальная разница между двумя обозначенными художественными методами. Сразу видим из школьных правил (относящихся, разумеется, к русскому Языку), в символизме отчетливее выступает **сочинительная** связь предложений; она-то и допускает взаимозаменяемость строк. В метафоризме эта связь сугубо **подчинительная**, потому и рушится все здание целиком, если попытаться выдернуть из него хотя бы единственную строку. Замена возможна только равноценная и по рифме, и по сути.

При подчинительной связи слов и их сочетаний, вероятнее всего, сам Язык, его законы и правила диктуют Содержание творящему, — если последний, конечно, придерживается принципов Формы. А ею, понятно, управляет **настроение** пишущего. Настроение изначально влияет на ритм произведения и понуждает соблюдать его неукоснительно.

Далее. Казалось бы, при сочинительной связи — еще больший простор для логики ассоциаций: в результате сложения вирша вообще вообще может получиться “каша” из набора разрозненных строк. Однако некоторое “пренебрежение” Формой в угоду Содержанию подтверждает, что именно Содержание здесь определяется все-таки **идеей** автора, но не настроением последнего.

Следовательно, на стоявший перед нами вопрос, чем ассоциирован Язык с образным рядом в Поэзии, мы отвечаем: либо нашей Идеей, которую

Публицистика

нам хочется провозгласить во всеуслышание, либо нашим Настроением, которым мы тоже не прочь поделиться с окружающими.

Что важнее?..

...и страх тавтологии — гарантия благополучья.

Иосиф БРОДСКИЙ.

ДО СИХ ПОР мы говорили лишь об аллегории и образном ряде Поэзии. Теперь возник новый термин — метафора, и нам необходимо условиться, какой именно смысл мы будем в него вкладывать.

А вот какой. Метафора по отношению к образу — это словно “перевернутое число”, число, ставшее дробью. Метафора — нечто, обратное образу (но не противоположное ему, как аллегория!), это сам образ, употребленный в переносном значении на основе подобия или аналогии. Признаки, присущие одному предмету, мы переносим на другой, тем самым дополняя второй предмет иными качествами. Например, “время ползет” — метафора, ибо само по себе время совершать каких бы то ни было действий не может, и “бежит” оно, и “лечит” только в нашем представлении, с нашего соизволения. Мы наделяем объект внимания вовсе не свойственными ему чертами — и в итоге рождается новое понятие, новое знание.

И поэтому мы вправе сказать, что метафора — образна.

Глава девятая

Поиски пристанища

Моя поэзия — вопрос грешника.

И за неё я отвечу не на земле.

Юрий КУЗНЕЦОВ.

ТЕПЕРЬ нужно выяснить, как соотносятся Символ (Образ), Метафора и Аллегория. Это три основные категории поэтического познания мира, средствами коих либо воссоздается, либо разрушается какое-то наше определенное представление о действительности, имеющей, кроме всего прочего, еще и эстетическое измерение. Анализ взаимопроникновения этих понятий и их влияния друг на друга позволит нам, в свете продолжения разговора о методологических направлениях в современной Поэзии, выяснить, какое же из них максимально соответствует духу эпохи.

Образ. В классическом понимании эта категория творчества распадается на два подвида — Тип и Символ. Но, в любом случае, Образ есть элемент или часть произведения, наделенная несомненной самостоятельностью существования и собственным значением; это способ существования произведения, взятого со стороны его выразительности, впечатляющей энергии и осмысленности.

Как подвид Образа, Тип характеризуется, скорее, количественным измерением, в литературе часто выстраивается на статистических выкладках,

на высветлении “типического” — поиска неких наиболее укоренившихся черт; пусть им занимается типология, ибо он — удел сугубо прозы.

Нас же интересует, собственно, второй подвид — Символ, именно через него Образ получает смежность со своей противоположностью — Аллегорией. Полюсы Символа — это его предметный образ и глубинный смысл; они немислимы друг без друга и в тоже, время, будучи разведенными, Символ и порождают.

У **Аллегии** мрачноватая внешность. Еще иезуиты полагали, что их проповеди выигрывают в убедительности, если произносятся на латыни. Коль мы понимаем Аллегию как условную форму высказывания, при которой наглядный образ означает совсем не то, чем изображен, — скажем, всем ясно, что лев в басне олицетворяет царя, шакал — сплетника и т.д., — то, переходя в Символ, Образ становится “прозрачным”, смысл просвечивает сквозь него, будучи дан именно как смысловая глубина, смысловая перспектива.

И если в Аллегии ее содержание остается внешним для нее, если оно однозначно закреплено за нею культурной традицией, — то смысл Символа нельзя “дешифровать” простым усилием рассудка, он не способен жить вне структуры Образа. То есть, смысловая ткань Символа весьма многослойна и рассчитана на активную внутреннюю работу воспринимающего. Аллегория же существует в виде рассудочной формулы, замкнута на самой себе, применение ее крайне узко; автор, ее использующий, ограничен в собственной свободе. Прямо скажем, пригодна она только для сочинения басен. Однако возникает вопрос: является ли басня поэтическим произведением, коль в ней исключен сам принцип многозначности?

Если выражаться философским языком, и Образ, и Символ базируются на единстве сущности и явления, где общее обнаруживается как внутренняя природа особенного.

Образ в изрядной мере, пусть и подспудно, “склонен обобщать”. Символ говорит про “икс”, но подразумевает “сомнения” или “измену”, а вовсе не “переменную величину”; это в алгебре “икс” был бы Аллегорией. Кстати, она — тоже иллюстрация общего посредством особенного, но она построена на противоречии сущности и явления. Например, эстетика авангарда утверждает: объект, адекватному изображению которого служит Аллегория, — мир, лежащий в руинах. С этой точки зрения, получается, Аллегория позволяет обнаружить за внешне прекрасным чувственным обликом действительности ее катастрофичность. И авангардисты делают вывод, что Аллегория выше Образа, и теория искусства должна ориентироваться на нее как на основу художественного творчества.

Тут и впрямь можно сослаться на художников барокко. Для них Аллегория оказалась предпочтительнее Образа постольку, поскольку способна была выразить изломанный, фрагментарный, обыденно-катастрофический мир. Ведь коллизии XVII века были не просто конфликтами между чувством и долгом, между богатством и бедностью; сталкивались вещи антагонистические: жизнь и смерть, время и вечность, война и мир...

Публицистика

Одна из величайших трагедий того периода — отсутствие положительно-го идеала, кроме веры в Бога. Потому без реального душевного пристанища и начинали “работать” категории взаимоисключающие, роковые.

Есть нечто такое, что выше поэзии, — совесть.

Лев ГИНЗБУРГ.

ИТАК, для ищущих свой голос во вселенной Поэзии назрела необходимость перемены той формы речи, на которой следовало бы изъясняться в наше “сгустившееся” Время.

До сих пор мы говорили о классической трактовке Символа и Аллегии. Для нас же, кто уже решил, что многозначность — фундамент образного ряда, ответ на вопрос, является ли басня Поэзией, звучит отрицанием басни как поэтического жанра. Басня не есть Поэзия еще и потому, что она не лирика, но сплошная назидательность.

Значит, и Символ становится связкой вовсе не между Аллегией и Образом. Тем более, когда-то мы убедились, что голый Образ также не есть Поэзии, он лишь основа подлинной художественности, полноценным его делает Аура (его собственная “тень”!), передающая сверхзадачу текста.

Отказ Аллегии в праве называться Поэзией обязывает нас если не к поиску замены ей, то хотя бы к нетрадиционному сопоставлению с Символом. Он, благодаря осененности Ауры, несет в себе некий свет — по сравнению с “мрачной” аллегоричностью.

Стихи мы читаем либо глазами — либо воспринимаем на слух из уст автора или артиста. В первом случае у нас есть возможность задержаться на понравившейся строке, посмаковать ее, отложить книгу, сделать перерыв, отвлечься; во втором — требуется сосредоточенность огромнейшая, но зато можно почувствовать такие интонации, так явно выделенные отдельные слова и паузы, до чего, вероятно, сами мы и не додумались бы. И тут — не то чтобы каждый читатель рассматривал текст сквозь призму собственного жизненного опыта, нет. Фраза, принадлежащая Бернарду Шоу: есть тысяча способов сказать “да”, и только один способ — написать это.

Мы видим, что на письме интонация обуславливается наличием знаков препинания. Но вдруг таковые отсутствуют? (А так, например, писали француз Поль Элюар и нидерландец Марк Брат). Здесь письмо выступает не символическим, но аллегорическим выражением речи.

Строго говоря, Аллегория характеризуется двумя чертами: уже установленным противоречием между изображением и смыслом; и “фрагментарностью”, отрывочной изобразительностью в отличие от целостности пластического Образа. Фрагментарность необходима Аллегии для передачи настроения хаоса и трагедии, “траурности”, ибо Аллегория, пытаясь приблизиться к Поэзии, старается уйти от дидактики, убивающей всякую образность. Подобную фрагментарность, уже отмеченную нами у художников барокко, хорошо иллюстрирует кино: предположим,

мы смотрим фильм, выстроенный не в логичный сюжет, но где все эпизоды перепутаны при монтаже. Вряд ли нам удастся сразу проникнуть в суть повествования; скорее, будем воспринимать действие на экране всего лишь как набор слайдов, случайных кадров, не более.

Получается, авангардистская Аллегория — вовсе не условность выражения смысла, но сама она вообще — выражение некоей условности. То есть, пышность (насыщенность эпитетами и метафоричность) изобразительных средств в их случайном, произвольном отношении к заключенному в аллегории смыслу отнюдь не случайна, а само это условное отношение есть специфическая для Аллегории изобразительная форма, представляющая всю действительность как случайную и условную.

Цель-то у авангардистов изначально была благородная: они стремились “новое содержание” (дисгармонию) надвигающегося времени, — все более насыщенного информационно, все менее предоставляющего человека самому себе, — выразить новой художественной формой — Аллегорией. Усмотрев в классическом искусстве “оптимистическое” отражение правды Времени, художники авангарда задались вопросом: а что же тогда является отражением “трагическим”? И дали свой ответ.

Тут мы вновь сталкиваемся с понятием Метафоры, или Эмблемы. Например, любой театральный реквизит представляет собой род эмблематической метафоры. Да и в анаграммах, звукоподражательных оборотах слова, слог и звуки освобождены от смысловой связи; звук и смысл, как речь и письмо, аллегорически противостоят друг другу.

Аллегория приближается к Поэзии тем, что уступает место Метафоре. И Символ служит связкой уже между Метафорой и Образом. Вот пара образчиков такой связки из Бродского.

“...Входит Пушкин в летном шлеме...” (“Представление”).

Спрашивается, с чего бы Пушкин в авиаторы подался? Расшифровываем: автор просто сократил имя-отчество поэта. Из “А.С.” изготовил шлем, ведь есть в авиации понятие “ас”. Иначе пришлось бы уточнять: “Входит Александр Сергеевич Пушкин...” — ни ритма, ни образности. Ну а что касается Поэзии, то в ней А.С. и вправду ас.

“...и мертвецы стоят в обнимку с особняками...” (“Рождественский романс”).

Здесь мы опять согласимся с автором: если допустить, что “мертвецы” — это памятники, то при определенном ракурсе в самом деле может померещиться, что протягивающий руку бронзовый идол словно хочет схватить в сумраке окружающие его дома...

Научившись понимать — и, естественно, создавать — сложные метафорические конструкции, мы легко будем угадывать смысл простых; мы станем грамотнее как читатели и будем получать от подлинной Поэзии истинное наслаждение, проникаясь ею целиком.

Впрочем, эта глава вывела нас на очередной круг проблем, связанных с соотношением Поэзии и других искусств. Какое или какие из искусств ближе всего современной Поэзии?

Из всех искусств...

Поэт — тот, кто отказывается пользоваться языком.

Жан-Поль САРТР.

СУЩЕСТВУЕТ немало классических трудов, где Поэзия сравнивается с Живописью, Музыкой, Архитектурой... Античные философы, например, были убеждены в близости Поэзии и ораторского ремесла. Потом Поэзию породнили с Историей. Затем — с самой Философией, осознав вдруг, что при помощи стихотворной речи в мир проводятся сложные проблемы бытия, общегуманитарные вопросы.

И поэтому излишне агитировать за сходство поэтического и научного мировоззрений, ибо данная тема чересчур громоздка, и к тому же — по ней есть великое множество специальной литературы. Скажем лишь, “Слово о полку Игореве” любопытно и с точки зрения историка, и с точки зрения языковеда, когда оно рассматривается не как собственно художественное произведение, но как документ эпохи.

Мы поступим иначе — попробуем доказать, что к современной Поэзии ближе всего стоит кинематограф. Конечно, здесь в какой-то мере подчеркнем совпадения у Поэзии и Живописи, ведь у последней достаточно общего с Фотографией, которая, в свою очередь, является сестрой Кино.

Возникнув столетие назад, — всего-то! — Кино могло остаться Фотографией — и не осталось ею: внутри кадра сразу восторжествовало движение.

Кино могло сделаться чем-то подобным телевидению — и не стало им: как ни странно, на рубеже веков изображение не соединилось с уже изобретенным фонографом.

Итак, проводя аналогии с Поэзией, мы будем говорить о Кино в его начальной, первородной ипостаси — о немом Кино, о черно-белом, чисто пластическом искусстве. Тем самым мы сознательно пока уйдем от темы Живописи и Музыки, как бы обеззвучив экран и приблизив изображение к черным буквам текста на белых листах бумаги...

Памятуя о том, что подлинной Поэзии присуще понятие “второго плана” — пространственное углубление Образа, — можно сказать, что перспектива пространства существует и на экране, так как часто мы видим многоплановость построения кадра, соответствующую многозначности Образа. В обоих случаях таким способом передается “сверхзадача” авторского замысла.

Возникает подозрение, что кино гораздо сильнее тяготеет к символизму, нежели к Метафоричности. Но эквивалент “штриха”, к коему питают склонность символисты, на экране воплощает Жест.

Жест в самом общем виде можно определить как внутрикадровое движение, символизирующее заданный скрытый смысл. Например, военное

Олег Бородач

приветствие есть строго определенный знак, хотя и не лишенный изобразительного начала, однако смысл его весьма условен. То есть Жест, по существу, имеет аллегорическую природу — и только оттого вправе называться “жестом”. Он — инструмент пластического выражения идеи, потому прижился именно на сцене и на экране. Этикет — в изрядной мере Жест в быту, ибо его вынуждены соблюдать приученные к нему вне зависимости от обстоятельств и настроения.

Жесты цитируемы. Поэтому актера стоит учить играть все лучше и лучше, отшлифовывать сценическое мастерство. Однако по этой же причине Жесты, которым свойственна нарабатываемость, нередко перерастают в “штампы”.

Ну чем тут не полное совпадение с литературой, с работой над словом!

*Был ли он животным,
если музыка так волновала его?*

Франц КАФКА.

КИНЕМАТОГРАФ благодаря своим техническим возможностям умеет сильно спрессовывать Время. И не только тем, что в полуторачасовую картину вмещается человеческая жизнь. Подобное практикуется и в литературе. Удивительнейшее средство Кино — монтаж. Он позволяет говорить о нескольких действиях, протекающих одновременно в разных местах. А ведь мы уже выяснили: и в Поэзии Время выступает в очень сконцентрированном виде. Вот еще обнаруженное совпадение. однако не оно — главное.

Важнейшей общей чертой “изящной словесности” и “волшебного фонаря”, несомненно, является **предметность** авторского мышления. Для создания Образа в поэтической строфе нам требуется “картинка”; и на экране Образ тоже зритель, на то оно и изображение, чтобы быть воспринимаемым воочию. Понятно, и здесь допускается некоторая условность, можно изобразить и абстракцию, можно просто включить проектор — и не зарядить пленку. Но, так или иначе, нам нужно **видеть**, дабы что-то уразуметь.

Впрочем, с Кино проще: бывает, что увидели, то и восприняли, не переваривая; а в Поэзии все опосредованно, тут необходимо подключать воображение, чтобы усвоить услышанное или прочитанное.

Подводя итог вышесказанному, возьмем на себя право утверждать, что в наше “сгустившееся” Время Кино зачастую служит заменителем поэтической информации. Жаль, влюбленные в кинематограф люди порой не отличают настоящие произведения “десятой музыки” от дешевых поделок, как не отличают подлинную Поэзию от банального рифмоплетства...

Это отнюдь не упрек Кино за “суррогатные” качества; напротив, за ним признаны великие миссии — и просветительская, и развлекательная, и эстетическая... Но, может быть, посредством кинематографа удастся обратить внимание современников на Поэзию?

*...Ибо время, столкнувшись с памятью,
узнаёт о своем бесправиш...*

Иосиф БРОДСКИЙ.

ЧУТЬ НИЖЕ мы поговорим о приеме “обыгрыша слов”, когда привычное словосочетание при нестандартной подаче его вдруг открывает нам совершенно неожиданное понятие.

А пока — о другом приеме нарабатывания поэтического мышления (т.е. предметного, осязаемого — и, в то же время, информационно емкого) — о “контрасте сюжета”. Суть данного приема в том, что, видя как бы одновременное повествование о двух разных темах в едином произведении, он позволяет нам “на контрасте”, на стыке этих тем увидеть новое понятие, ощутить “сверхзадачу” стихотворения.

Кстати, в Кино такой прием именуется “параллельным монтажом”. Вот пример из Бродского.

*Я всегда твердил, что судьба — игра.
Что зачем нам рыба, раз есть икра.
Что готический стиль победит как школа,
как способность торчать, избежав укола.
Я сажу у окна. За окном осина.
Я любил немногих. Однако сильно.*

Как явствует из самого построения строфы, первой теме (главной) принадлежат четыре строчки, второй (параллельной) — две. Если рассмотреть это стихотворение (“Я всегда твердил, что судьба — игра..”) целиком, можно убедиться, что практически получаются два самостоятельных произведения — если отдельно прочесть строчки, относящиеся к главной теме, отдельно — к параллельной.

Ну, и существовали бы эти темы сами по себе! И почему автор решил их совместить? Неужто, чтоб усложнить произведение? Вряд ли: после того, как мы прочли “контрастное” стихотворение, самостоятельности каждой из тем мы уже не допускаем; четверем первым строчкам недостает двух последних даже ритмически, да и связь между ними — не просто сочинительная.

Спрашивается, что именно меняется в нашем восприятии стихотворного текста при усложненной его подаче? Попробуем снова сравнить наш прием с опытом Кино.

Если обратиться к экрану, когда на нем — два параллельно идущих действия (эпизоды одного чередуются с эпизодами другого), мы легко отметим такую особенность построения “картинки”, как некоторые совпадения обеих тем не только во времени, но и — в пространстве. Точнее сказать, в общей направленности обоих действий. Не могут ведь в сцене погони преследуемый и преследователь двигаться в противоположных направлениях — навстречу ли друг другу или прочь друг от друга. Нет, они несутся непременно в одну сторону экрана.

Так грамотно выстроен кадр. В результате оба действия сливаются

в одно — рамки экрана словно раздвигаются, объединяя две темы общим пространственным решением.

А как в Поэзии? Рамок-то нет! Наше воображение будто проецирует главную и параллельную темы друг на друга, они дополняют одна другую, расширяя “экран” каждой строки. Параллельная тема помогает нам прочесть то, что мы упустили между строк в главной. И, пожалуй, наоборот. Если бы мы прочли два самостоятельных текста, то наверняка упустили бы “сверхзадачи” обоих.

Итак, “контраст сюжета” и создает “второй план” — основу пространственной глубины как в Кино, так и в Поэзии.

Но, в отличие от экрана, на страницах книги мы замечаем следующую особенность: оба действия, описываемые двумя темами, во времени не совпадают. Так, в нашем случае главная тема несколько ретроспективна, повествует о давнишних размышлениях автора, а параллельная принадлежит настоящему. В ней-то мы и видим, сколь глубоко суждения автора изменились, во что они развились. Именно благодаря этому мы понимаем, что параллельная тема является в произведении ведущей. Она, будучи “ситуацией настоящего”, и вызывает в памяти автора те или иные ассоциации.

И вот теперь, когда мы выяснили, что главная тема — не такая уж и главная, понятно, что иначе и быть не могло. Не получилось бы здесь двух отдельных стихотворений! Меж собой они так прочно увязаны логикой ассоциации, что сразу и родились как единое целое.

Глава одиннадцатая

Формула содержимого

Чем люди являются среди прочих творений земли, тем являются художники о отношении к людям. Благодаря художникам человечество возникает как цельная индивидуальность.

Фридрих ШЛЕГЕЛЬ.

ПРЕДПОЛАГАЯ неизбежность отношений автора и читателя, а также учитывая при оценке стихотворного произведения как таковой принцип **наличия Поэзии** в комбинациях слов — строчках, мы приходим к неожиданному, на первый взгляд, выводу: для Поэзии нет ничего хуже простоты. И всякие апеллирования со стороны читателя к непритязательности формы, к однозначно толкуемому содержанию, к внешней “доступности” текста, — все это констатация читательского же бессилия и требование от поэта... и глухоты, и немоты.

Начинающему, лично я убежден, изначально надобно учитывать такие нюансы по отношению к своим текстам. Но нужно четко понимать, что подобные “критерии” не могут осложнять процесс творчества, не должны обременять совесть пишущего. Ибо читательская жажда простоты

Публицистика

суть показатель самоуверенности — качество, которое в человеке, занятом со-творчеством, заслуживает самой жесткой отповеди.

Конечно, читатель вправе требовать от сочинителя внятности повествования; что вовсе не подразумевает, будто автор обязан заботиться о том, правильно ли его поймет тот или иной читатель, без усилий ли он “проглотит” произведение. Исходить следует из того, что природа всякого творчества, и поэтического в частности, несколько иррациональна, в основе лирики — некая чудесная осененность. Не вывих сознания, но нестандартный подход к явлению или предмету. Иное дело — реализуется ли это в Откровение или нет, позволяет ли носитель данной осененности проявиться в себе смещенной “системе координат”, помогает ли он этому проявлению. То есть, захочет ли, сумеет ли как-то сориентироваться в мире творческого наследия предшественников. Необходимы начитанность молодого автора, его эрудиция, его желание обращаться к литературным источникам — сознательное желание.

То же можно сказать и о читателе. Это тем более справедливо, что практически не совпадает ни языковой, ни литературный, ни жизненный опыт писателя и читателя. Полного и скорого взаимопонимания желать здесь не стоит, скорее приходится надеяться на отдаленную востребованность текстов. Ибо тому, кто решился идти по не самому простому пути в литературе, негоже рассчитывать на немедленные аплодисменты. Литературный труд, может быть, в чем-то и сродни подвижничеству — по тем мукам, что претерпевает автор; но ведь они вполне компенсируются наслаждением от Слова, которое творящий испытывает. При все при том логика образного Языка выводит мысль на такой уровень, когда открытие, новое знание о предмете или явлении предстоит уяснять не только “производителю” этого знания, но и его потребителю. А процесс усвоения не всегда проходит безболезненно.

И все же — это одна из наиболее характерных сторон поэтического творчества: двигаться самому и двигать Язык. Метафористика уже самими техническими приемами сложнее символизма, и потому излишне ожидать, что этот метод восприниматься будет на “ура”.

Автор, работающий в отрыве от культурного пласта, на коем сам должен бы взрасти; автор, игнорирующий и наследие классиков, и создаваемое современниками; наконец, автор, топчущийся на месте и не создающий ничего нового, а лишь репродуцирующий, работающий **на количество**, — такой автор, в свою очередь, вряд ли создаст нечто достойное почитания, не говоря уж — подражания. Ибо замкнутая на себе структура, ничего не поглощающая, соответственно ничего **качественно нового** не может и произвести. Бетховен оглох — и написал “Элизе”; он гений, однако он не глухим родился!.. И правда, как оценить качество произведения, когда сравнить-то не с чем, когда критерий единственный: “сочинено — стало быть, хорошо”. А сочинено доходчиво до примитивности — еще лучше?! Убогий, косный критерий. Мысль, заикленная на себе, не оставляет шансов объективности. Наверное, это естественно, когда

пишущему его стихи кажутся лучше всех. Но, согласитесь, варка в собственном соку почему-то крайне редко является основанием для обнаружения стихов лишь в узком кругу.

Да простит начинающий за столь обильное лирическое отступление, но агитация за метафористику — путь весьма рискованный для автора этих строк, во всяком случае — не всегда благодарный. Это подтверждено уже и творческой практикой, и, скажем так, пропагандистской. Так что прежде чем перейти к систематизации “крыльев” Поэзии, я счел уместным кого-то и предостеречь от их выбора...

*Критиковать поэзию можно
только посредством поэзии.*

Фридрих ШЛЕГЕЛЬ.

МЫ ПОЭЗИЮ не критикуем — мы пытаемся сориентировать себя на нее. Ибо всякая формула состоит из нескольких формулировок. А мы дали их уже предостаточно, чтобы теперь составить “таблицу”.

Но сперва — еще раз о ранее обозначенных “китах”, на коих нам необходимо ориентироваться, занимаясь творчеством.

Первый принцип заключается в нашей доверии Языку для выработки в себе Языкового чутья, в доверии его логике, желании ей подчиниться. Ведь это — единственный шанс найти “общий язык” с самим Языком и уж тогда подчинить его своей воле — воле художника, умеющего размягчать любую глину.

Принцип второй: литературная учеба через переводы (переложения) — лучший способ избежать наивности (дидактической тенденции) в Поэзии.

Третий принцип: стоит не лениться почаще обращаться к орфографическим и толковым словарям. Преимущественно, разумеется, к орфографическим. Ибо начинающие авторы, даже не занимающиеся переводами, и родным-то языком не всегда толком владеют, грешат кальками, как, например, “оброня”... Ясно, если деепричастную форму употребить в правильном ее виде — “обронив”, — то рухнет рифма строфы, а следовательно, порой рассыпается и содержание всего стихотворения. То же самое, в частности, можно сказать и про употребление слова “чернила” в единственном числе косвенного падежа: “чернилом” — то ли ироничное, то ли двусмысленное понятие...

Итак, какова же она, наша “сводная таблица” — не формальной, но служащей Форме логики Поэзии?

Первое. Поэзия — это выражение духа Времени; для выявления одного необходим пространственный анализ строчки (как в кино — пространственное построение кадра, где есть границы экрана, но подразумевается и “второй план” изображения). при этом Образ, обозначенный через “икс” дает нам: Метафора по отношению к Образу обратна (“единица, деленная на этот “икс”), Аллегория же — противоположна Метафоре

Публицистика

(“минус единица, деленная на “икс”). “Минус “икс” — тоже Образ, но не Символ, а Тип, статистическая категория... Да простится это оперирование вычитаниями и дробями, но математическая модель есть математическая модель. Кстати, литературная учеба через переводы или переложения — также “обратная” методика по отношению к собственному творчеству, в то время как подражание авторитетам — методика “противоположная”.

Второе. Языковое чутье — показатель, определяющий наличие у автора поэтического таланта. Это ядро, которое и удерживает вокруг себя “электронное облако” — Ауру (“тень” творческой Индивидуальности, аллегорическое ее выражение).

Третье. О зрелости художника говорит Исторический срез его творчества — способность мыслить исторически, подразумевая творческое наследие предшественников, обыгрывая их строки, пусть даже чуть ли не напрямую цитируя в своих произведениях. Аура при Историческом срезе позволяет прийти к откровению (прогнозу, предвидению поэтом Судьбы), ибо в этом случае Язык, связанный с собственным *прошлым*, выступает в Поэзии в качестве своего *будущего*. Кроме того, будущее Языка зависит от подчиненности ему, Языку, поэта.

Четвертое. Присутствие в стихе четкого размера и строгой рифмы — два условия подчиненности поэта Языку, а стало быть, и вероятности откровения, создания подлинного шедевра. Язык должен руководить автором, а не наоборот. Таковая “несвобода” и подразумевает наличие Ауры в стихе, тогда как “освобождение” стиха (выраженное, например, в “обелении” его), строго говоря, есть свобода от Поэзии.

Пятое. Подлежащая поэтической интерпретации тема (Содержание) плюс передаваемое ею и переживаемое в данный момент поэтом Настроение (Суть) обуславливают выбор стихотворного размера (Формы).

Шестое. Языковое чутье определяет лексику стихотворения (словарный состав — Содержание) и упорядоченность слов (логику) в стихе, т.е. Форму. На подбор слов также влияет и Настроение. Значит, лексика и логика зависят и от размера, и от подбираемой рифмы.

Седьмое. Рифма — категория и Содержания, и Формы, так как она оказывает решающее — после выбора размера — влияние на Интонацию произведения. К тому же, Интонацию воссоздает стихотворный размер и логика стиха. Достаточно изменить порядок слов в одной строке — возникает новая Интонация.

Таким образом, Интонация по зависимости от своих составляющих является “Формой в квадрате”, ибо она обнажает перед нами искренность либо неискренность речи автора; лишь при Интонации, соответствующей искренности, становится возможным поэтическое пророчество.

Восьмое. Поскольку в Поэзии в весьма сжатый объем содержания укладывается громадное и многоплановое количество информации, то на лексику Языка, на его логику и на выбор стихотворного размера

влияние оказывает Лаконичность, выступающая и как двусмысленность, игра словами, и как полутень, намек. Языковое чутье и употребляемая степень Лаконичности определяют творческую ориентацию автора:

- либо он тяготеет к многозначному Символу;
- либо — к “дикой” Метафоре.

Девятое и последнее. При становлении художественного дара одно из двух “крыльев” творческого кредо плюс Интонация позволяют нам судить об Индивидуальности поэта.

Остается добавить, заостряя внимание авторов опять-таки на Языковом чутье: важна правильность употребления каждой буковки, каждой запятой. Чтобы “минус” в нашей формуле внезапно не превратился в “плюс”, а всхлип — в хохот.

Глава двенадцатая

Пополняя “багаж”

*Никто не знает того, чем станет мысль.
Мартин ХАЙДЕГГЕР.*

В ОСНОВЕ Поэзии, как и в основе самой Жизни, лежит все-таки Чудо. Жизнь и Поэзия — пожалуй, эти две субстанции материи и духа идут неразрывно, рука об руку. Но количественно поэтов-в-душе почему-то гораздо больше, чем поэтов, реализовавших свой дар.

Объяснение тому видится довольно нехитрым. Ощущение, чувство могут быть даже нелогичными (а чаще таковыми и являются, равно как и непредсказуемыми). Речам же требуется элементарная логика — хотя бы затем, чтобы речь, в т.ч. и стихотворная, была понятной внешнему ей. Ведь мы выносим наши стихи на чей-либо суд, подразумевая, — осознанно или подсознательно, — что их поймут. Иначе — чего ради? Но упорядочить чувство, оформить его в мысль, особенно — в образную и ритмизованную, — согласитесь, создать столь сложную “конструкцию” не всякому по силам. Кому-то не хватает времени, кому-то — усидчивости, а иному... словарного багажа. Вероятно, оттого поэты-в-душе обычно способны прослезиться от избытка чувств, а не выплеснуть их в словосочетаниях, отвечающих канонам изящной словесности, пусть бы и формалистическим.

Нельзя, однако, путать художественную окрашенность речи с ее последовательностью. Скорее всего, Поэзия как раз и не есть стройность мысли; напротив, Поэзия — некое нарушение стереотипной логики, лукавый обыгрыш отдельной лексической единицы, когда привычная комбинация звуков вдруг открывает нам совершенно неожиданное, новое понятие. Например, к сочетанию “надо мною...” так и просится добавить “...небо” или “...горит”. Но некто выдвигает версию “...гордиться”, и слово “надо” перестает быть предлогом. Вернее, оно перестает быть просто частью речи, оно как бы обретает осязаемость, предметность... Да что там “как бы”, так и происходит!

Публицистика

Именно предметность, иначе говоря — “картинность”, и предстает перед нами главной чертой поэтического мышления, в отличие от способа, именуемого “абстрагированием”, который более присущ философскому складу ума.

Само собой, мы не выясняем, какой из способов “хуже” — “лучше”. Для нас важно нащупать сам механизм воссоздания “картинки” — образа в Поэзии. И далее эта глава посвящена сугубо уже **названному приему** — обыгрышу слова, неожиданным комбинациям слов, умышленным нарушениям устойчивых, привычных их сочетаний.

Философия и поэзия стоят на противоположных вершинах, но говорят одно и то же.

Мартин ХАЙДЕГГЕР.

МЫ БЕГЛО рассмотрим ряд конкретных примеров, следуя тому принципу, когда образ, придуманный одним автором, внезапно обнаруживается у автора другого, — иной эпохи или современника — не суть, как не важно и то, “перекочевавший” образ вновь придуман самостоятельно либо он нарочно процитирован. Не украден, но специально встроены в “конструкцию” произведения.

Мы приемлем оба варианта, ибо и в случае с прямым цитированием, и в случае “непрямого заимствования” существенным оказывается лишь то, что многие поэтические идеи обладают свойством физической волны: они измеримы во времени и в пространстве, западая в головы совершенно разных людей... Косвенным подтверждением “протяженности” поэтической идеи выступает и вероятность того, что она может быть высказана на нескольких языках. Впрочем, для доказательства надобно владеть этими языками...

Пока же побеседуем о русской словесности. Об авторах идей и их “наследниках”. Поищем общего у классиков и современников!

Припомним: у Бродского мы прочли “...Оцепеневший дуб кивает лукоморью...” — и тут же представили пушкинскую “златую цепь на дубе том”.

Продолжим аналогию меж этими авторами. В “Двадцати сонетах к Марии Стюарт” Бродского читаем: “Я вас любил. Любовь еще (возможно, / что просто боль) сверлит мои мозги...”.

Знакомые все строчки! И далее: “Я вас любил так сильно, безнадежно, / как дай вам Бог другими — но не даст!..”; “Где встретил вас. И в силу этой встречи, / и так как “все бывшее ожило / в отжившем сердце”...”.

Что ж, даже откровенные цитирования, вроде этих, должны бы стать предметом кропотливой работы литературоведов; мы же поищем сейчас настроенность “на одну волну” и у иных авторов.

“Волну” наблюдаем у Набокова и Бродского. У первого в “Расстреле” — “в глаза, как пристальное дуло, глядит горящий циферблат”; у второго — “И будильник так тикает в тишине, точно дом через десять минут взорвется”. И здесь и там мы чувствуем угрозу...

...Живое отношение к родному слову, вдохновенное подчинение его “приказу подлинника” и есть поэзия перевода!...

Лев ГИНЗБУРГ.

ТЕПЕРЬ, когда мы условились, что надлежит понимать под **обыгрываем слова**, позволим себе вернуться к некоторой академичности стиля и поделиться интересным предположением. А именно: овладение подобным приемом (обыгрываем) не только и не столько приблизит нас к умению мыслить образно, — сколь способно помочь вплотную и всерьез заняться переводческой деятельностью.

И впрямь, там, где требуется **переосмысление** художественного материала на другом языке, где нужна **передача** не просто “картинки”, но и фонетического состава (“фона”), и самой идеи, — там наш прием может дать великолепные результаты, даже если “поиграть” с фразеологическими оборотами.

К примеру, русскому “крыса на сыр” (т.е. идиома, передающая жадный, голодный взгляд) на белорусском соответствует — фонетически — “пацук на цукар”.

Во-первых, мы сохраняем целостным образ, “картинку”; во-вторых, “фон” тут есть, иной, правда, но есть: вместо “р” и “с” — звуки “к” и “ц” прослушиваются. А в-главных, нам удастся сберечь саму идею оригинала, хотя мы можем и не быть вполне уверены, будто крысы любят сахар. Но ведь “картинка” при развертывании в Символ выглядит так: “сахар” — это вообще **сладкое**.

Итак, мы убеждаемся, что и в переводах, благодаря обыгрыву слов, возможны некие отступления от оригинала — без ущерба для последнего, как ни удивительно, и по содержанию, и по форме. Все, что требуется от нас — это эрудиция, владение языком и, конечно же, умение подмечать “двойное дно”, “второй план” каждого предмета.

Глава тринадцатая

Двойное дно голоса

...Читать должно только тогда, когда иссякает источник собственных мыслей.

Артур ШОПЕНГАУЭР.

В ОДНОЙ из предыдущих глав мы говорили о том, что два “крыла” Поэзии определяются нашей жаждой во всеуслышание провозгласить какую-то Идею — или желанием поделиться с окружающими нашим Настроением. Соответственно автор выбирает в качестве творческого метода либо символизм, либо метафористику.

Вспомним, в чем разница между этими приемами построения образного ряда. Возьмем, к примеру, куплет известной песни Б.Окуджавы.
Неистов и упрям,

Публицистика

*Гори, огонь, гори!
На смену декаблям
Приходят январь.*

Так дело обстоит с точки зрения Символа, где имеет место некое “прямое”, однозначно выраженное обновление внутреннего состояния пишущего через обновление Природы. “Второй план” здесь — естественно, ожидание перемен к лучшему с наступлением Нового года. Вполне знакомое каждому из нас чувство...

Мы же попробуем сейчас, не истолковывая строчек барда столь примитивно, как бы изменить их последовательность и поискать в них уже некое “обратное” обновление. Итак, по Метафоре, получаем:

*Неистов и упрям,
гори, огонь, гори!
Навстречу январям
выходят декабри...*

Как видим, путем “обратного” хода Времени (да не сочтется оный за насилие над Природой!) мы не только сохранили смысл высказанной в первоначальном варианте авторской идеи, но и добились большего. В частности, слово **выходят** получилось у нас двойственным: декабри, кроме того, что **идут навстречу**, они еще и “сгорают”.

“Второй план” стал гораздо глубже, раздвинулись рамки восприятия текста. Собственно, данным примером лишь подтверждена та догадка, что Метафора обратна по отношению к Символу.

Чем оправдан используемый нами способ “надругательства” над чужим произведением? Только тем, что исключительно в творчестве мы вольны обратить Время вспять и проникнуть в Пространство, не покидая ринга письменного стола... Не память нашу заставить работать, но воображением подчинить себе неумолимый ход Истории.

Что касается оправдания “физико-математической” модели Поэзии, так еще в прошлом веке санкт-петербургский гений утверждал, что математике доверять нужно больше, чем мистике.

Конечно, мы отнюдь не ищем формулу счастья; но пока ведь нет опровержения и той гипотезе, будто поэтическое откровение тоже описывается законами чисел, вполне укладываясь в космически бесконечную и прекрасную систему мироздания...

Теория, основанная на формальной логике, покажется кому-то мертворожденной; да, лучшее доказательство истинности любой “системы координат” — практические результаты ее применения. Что ж, здесь мною использовались — может быть, не столь щедро, как следовало бы — и примеры из собственного творчества. Они не сочинялись специально, но, по крайней мере, к этой главе были подобраны в качестве иллюстративного материала. То, что в эпиграфы выносились цитаты из классиков, означает лишь одно — мне постоянно хочется повторять: поэтами не становятся, а в фундаменте нашей теории, как и в основе поэтического наития, — не формальность, но Чудо.

*...При чтении позволяешь постороннему
вести на помочах свои мысли.*

Артур ШОПЕНГАУЭР.

ОСОБО хотелось бы остановиться на значении Интонации в стихе. Разумеется, если ваше творческое кредо — Метафора, то роль Интонации при чтении невероятно огромна, ведь именно ее посредством мы передаем читателю наше Настроение.

Однако возникает вопрос: каков для уяснения текста должен быть сам процесс чтения, т.е. процесс восприятия произведения? Читать ли книгу глазами, “про себя” — либо слушать то, как стихотворение звучит в устах декламатора, воспринимать все на слух?

Возможна и такая хитрость: мы читаем вслух, но — сами читаем, непосредственно из книги.

И если в первом случае мы слышим собственный внутренний голос, и все оттенки Интонации совпадают с ритмом стиха и знаками препинания в нем, его орфографией: если в последнем случае Интонация внутреннего монолога практически материализуется, становясь реально звучащей — kloкочущей ли, тихой ли, — то при восприятии текста “на слух”, не имея возможности немедленно вернуться к какому-либо сочетанию слов, нами не совсем уясненному, мы упускаем из виду и знаки препинания, и орфографию оригинала: произведение ведь не у нас в руках, мы вынуждены целиком полагаться на голос декламатора, на его личное восприятие.

И что же в подобной ситуации может случиться? Вот строчки.

*...И продлятся сроки, как беглым твоим корешам,
подписных и других, но не менее пьяных компаний...*

Пожалуй, слушающему текст не ясно, речь идет о “компаниях” или же о “кампаниях”. Но задумываться над этим некогда, ибо надо дальше вслушиваться в стихотворение. Как успели — так и поняли.

У читающего глазами может возникнуть недоумение: если “подписная”, тогда — “кампания”; а если “компания”, то при чем тут подписка?! И здесь расшифровка смысла столь же субъективна, а сам смысл — так же двойствен, как у “выхода” декабррей.

Все дело, разумеется, в “продлении сроков”, в обыгрыше категорий Пространства — Времени. Это основа образного ряда; будучи метафорически выраженной, она и гарантирует нам богатство красок и ассоциаций при восприятии поэтических строк.

Юрий ПАЛЕВИЧ

ЕСТЬ АППАРАТ

ЗАПАСНОЙ АЭРОДРОМ

Пилот домой вернулся пьяный,
Кричит жене своей, Татьяне:
- Быстрее дверь мне открывай,
Горячий ужин подавай!..
Жена за дверью отвечает:
- В квартиру пьяных не впускаю...
Пилот:
- Не открываешь дом -
Я на другой аэродром
Лечу сегодня ночевать. -
А сам к любовнице в кровать.
...Наутро снова в дверь звонит.
- Кто там? - жена в ответ кричит.
Пилот жене в ответ загадкой:
- «ТУ-104»! Дай посадку!..
Жена в ответ:
- Ишь, захотел,
Еще «ИЛ-40» не взлетел!..

НЕ МОЖЕТ БЫТЬ!..

Встречаются два мужика у дома.
- Ты слышал? -
говорит один другому, -
Уже Василий наш не будет пить...
- Ты шутишь? Как такое может быть?
Такое услышать - помилуй Бог...
- На, прочитай в газете некролог...

ПЕРВЫЙ ПРЫЖОК

Летит под облаками самолет,
Он новобранцев для прыжка несет.
Тех, кто недавно в армию
призвался
И в ВДВ случайно оказался.
Пилоту говорит инструктор вдруг:
- Волнуются... Зайди на лишний
круг.
Тот оглянулся:
- Вроде бы спокойно.
На лицах нет испуга. Все достойно.
Инструктор:
- Не хочу я сказки слушать.
Достаточно мне воздух лишь
понюхать...

РЫБАКИ

Перед тем, как на рыбалку ехать,
Мужики всерьез, не для потехи,
Собрались и стали обсуждать
Сколько водки им с собою взять.
Молвят:
- В прошлый раз по литру взяли -
Удочки с приманкой потеряли.
Было же когда по полтора -
Помните, до самого утра
Нам пришлось автобус свой искать.

Так по сколько этот раз нам взять?
Вдруг поднялся тот, что был постарше:
- Предлагаю на удачу нашу
По два литра на нос водки брать,
Ну, а ничего чтоб не терять,
Удочки с приманкою забыть
И из транспорта не выходить...

ПРОЩАНИЕ С ТЕЛОМ

Собрался ехать муж в командировку.
Он подошел к соседу:

- Слушай, Вовка!

Как друга я хотел бы попросить
За женошкой моею проследить.
Ее повадки знаю наперед:
Уеду, - мужиков водить начнет.
А ты мне сразу вышлешь

телеграмму:

Мол, умерла жена. Скрывать не стану,
Поможет это мне назад сорваться
И раньше срока дома оказаться.
...Уехал. Через день пришла депеша:
Домой, мол, надлежит

явиться спешно.

В квартиру вашу ворвалась беда...
В ответ муж пишет:

«Сообщи когда?..»

«Да только ты уехал - прямо сразу
В постель слегла, прости, твоя зараза.
И как сосед твой, Вовка,

ни старается,

Но доступ к телу все

не прекращается...»

НАЛИВАЮТ!.. ОТПУСКАЮТ...

На рыбалку раз мужик приехал.
Час сидит, другой... Ну, не клюет.
Вот решил он выпить для успеха
И бутылку водки достает.
Пробку аккуратно открывает,
Граммов сто в стаканчик наливает,
Только пить - вдруг смотрит, поплавок
Задрожал, как на ветру листок.
Он стакан поставил, подсекает -
Из воды рыбешку извлекает.

Та, сорвавшись, падает в стакан.
- Это надо же, такая пьянь, -
От досады наш мужик вздыхает,
В речку с рыбкой водку выливая.
...Пять минут прошло. Опять клюет,
А потом еще одна поклевка.
Каждых семь минут мужик кладет
Рыбку, подсекая очень ловко.
Вдруг одна другой и говорит:
- Ну, карась! Как ловко он хитрит.
Что хитрит - да просто заливаает:
Наливают, мол, и отпускают...

РОДСТВЕННИКИ

В автомобиле едут муж с женою
И сорятся. Явление такое
Мы с вами наблюдали.

И не раз.

Деревню проезжали тут как раз,
А там свиной у дома кто-то пас.
Жена бурчит:

- Смотри, на этом месте
Твоя родня пасется...
- Теща с тестем?..

ПРОБЛЕМНЫЙ ДЕЛИКАТЕС

Несет домой парнишку людоед.
И по пути он повстречал другого.
- Что тащишь?

- Да студента на обед
Поймал себе...

- Ты что? Побойся Бога!

Вот помню, что в былые времена
Варил и я студентов понемножку, -
Пока вскипала на огне вода,
Они в котле съедали всю
картошку!..

ТРУСЛИВЫЙ ОХОТНИК

Как-то в выходные от тоски
На охоту мчались мужики,
Дома чтобы им не унывать
И к обеду зайцев пострелять.
Вдруг один из мужиков завыл:

С юмором и без

- Братцы, дома я ружье забыл.
Возвращайтесь быстренько назад...
А ему в ответ:

- Не бойся, брат!

Вместе будем мы в лесу держаться, -
Так что зайцев нечего бояться!..

РУЧНОЙ МЕДВЕДЬ

Поручик Ржевский офицерам сообщил:
- Все, господа! Женюсь я на Ростовой.

Они в ответ:

-Ты этим удивил, -

Она за Пьера замуж выскочить готова.

Он у нее живет который год...

Поручик удивленно восклицает:

- А я не знал... А оказалось вот

Кто за стеною по ночам икает.

Спасибо, осторожным буду впредь.

Она врала мне, что ручной медведь...

ТЕХНИЧЕСКАЯ НЕПОЛАДКА

Приходит к психиатру раз жена:

- Открыть вам тайну

страшную должна, -

Мой муж считает, что он самолет

И по утрам готовится в полет.

А вечером вчера он позвонил

И как бы между прочим сообщил,

Что не придет сегодня ночевать,

И я его напрасно буду ждать.

Из-за погоды муж, минуя дом,

Летит на запасной аэродром.

- Да он, наверно, просто пошутил, -

С улыбкой психиатр предположил.

- Не знаю... Но потом и стюардесса

Звонила. Мне она из интереса

Вдруг задала страшнейшую загадку, -

Какая-то у мужа неполадка:

Четвертый раз бензином заправляется,

А все равно шасси не поднимается.

ЕСТЬ АППАРАТ

Приходит к мужику однажды мент.

Протягивая важный документ:

Он говорит:

- Приказ арестовать,

Чтоб самогон не смели продавать.

Мужик в смятенье:

- Я не продавал,

Кто вам такую чепуху сказал?

Мент отвечает:

- К нам пришло письмо,

Что аппарат имеете давно.

- Тогда уже, - мужик кричит, - давайте

За изнасилованье привлекайте.

- Так вы насильник? - мент ужасно рад.

- Да нет пока, но есть же аппарат...

АВТОРЫ НОМЕРА

Лев Михеев.

Родился в 1974 г. в Минске. В 1991 г. окончил столичную среднюю школу № 42. В дальнейшем занимался самообразованием. С 1990 г. пишет стихи и экспериментальную прозу. В своем творчестве стремится затронуть и развить глубокие переживания человеческой души, осмыслить их эстетически и философски в аутентичной передаче образов. Живет в г. Заславле, работает в сфере аудио-видео-технологий.

Александр Коляда.

Родился в 1947 году в д. Солтанов Речицкого района. В 1968 году закончил филфак Мозырского пединститута. Работал завучем и директором 8-летней и средней школ. С февраля 2006 года работает в РТУП «Белорусское речное пароходство». Литературный дебют состоялся в 1968 году в Хойникской районной газете. Является одним из авторов двух коллективных сборников. Подготовлена к печати книга стихов «Времена суток». С 1999 года в Белорусском литературном союзе «Полоцкая ветвь». Является членом Союза писателей Беларуси с 2006 года.

Татьяна Шиленок.

Родилась в 1954 году в семье военнослужащего. Закончила Белорусский институт инженеров железнодорожного транспорта. Печаталась в газетной периодике Республики Беларусь и Российских СМИ. Живёт и работает в Речице Гомельской области.

Тамара Кейта-Станкевич.

Родилась в городе Пинске в 1962 году. По образованию юрист. Закончила аспирантуру по специальности гражданское право Белорусского института правоведения. Занималась научной деятельностью семь лет. В настоящее время индивидуальный предприниматель. Литературный дебют состоялся в 1989г. в «Полесской правде». Печаталась в журналах «Гомон» и «Неман».

Владимир Мантуш.

Родился в 21 марта 1967 года в городе Новогрудке, откуда вскоре с родителями переехал на Полотчину. В 1996 году закончил Минский техникум советской торговли по специальности правоведение. Сейчас трудиться сторожем в СШ №10 г.Полоцка. С ноября 1994 — в Белорусском литературном союзе «Полоцкая ветвь». Авторские книги стихов — «Сквозь» и «Чужое зло».

Нина Резник.

Родилась в Москве. Закончила Московский государственный педагогический университет. По образованию филолог. Имеет электронные публикации. Пишет музыку на свои стихи. Солистка фолк-группы «WestDorn».

Игорь Томаш.

Родился в 1958 году в городе Борисов. Выпускник журфака БГУ. Автор двух романов и серии комик-детектива, частично опубликованной в журнале «Искатель». Номинант Букеровской премии 2000 года (Роман «Алдаевский тракт»). Член Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь» с 2005 года. Живёт в Минске.

Анатолий Трофимов.

Родился в 1947 году в Бресте. Закончил Витебский станко-инструментальный техникум (1966), Новополоцкий политехнический институт им. ЛКСМБ (1977). Живёт в Новополоцке. В области истории имеются публикации в сборниках МГУ, в журналах «Гербовед» Русской геральдической коллегии, «Полоцкий летописец» и др., а также в газетах «Полоцкие епархиальные ведомости», «Вестник культуры».

Юрий Палевич.

Родился в 1968 году в деревне Павловичи Кировского района Могилевской области. Член Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь». Дипломант конкурсов поэзии: «Люби все возрасты покорны», приуроченного к 200-летию со дня рождения А.С.Пушкина и «Мой друг, Отчизне посвятим души прекрасные порывы». Автор поэтических сборников: «Грущу и размышляю» (1998), «Поют осенние дожди» (2001), «Океан Жизнь» (2002), «Миф и реальность» (2003), «Отелло и Дездемона» (2004), «Свет в конце тоннеля» (2004), «Песочные часы» (2006).

Алексей Слесарев.

Родился в 1977 году, окончил филфак Московского педуниверситета им. Шолохова, аспирантуру Института мировой литературы РАН, защитил кандидатскую работу по мифологии баллады. Автор научных статей по истории и теории литературы, мифологии и фольклору. Работает преподавателем немецкого языка в Московском университете. Пишет рассказы, новеллы, прозаические миниатюры. Изданы рассказы «Про синицу», «Песня песней», повесть «Карьялама».